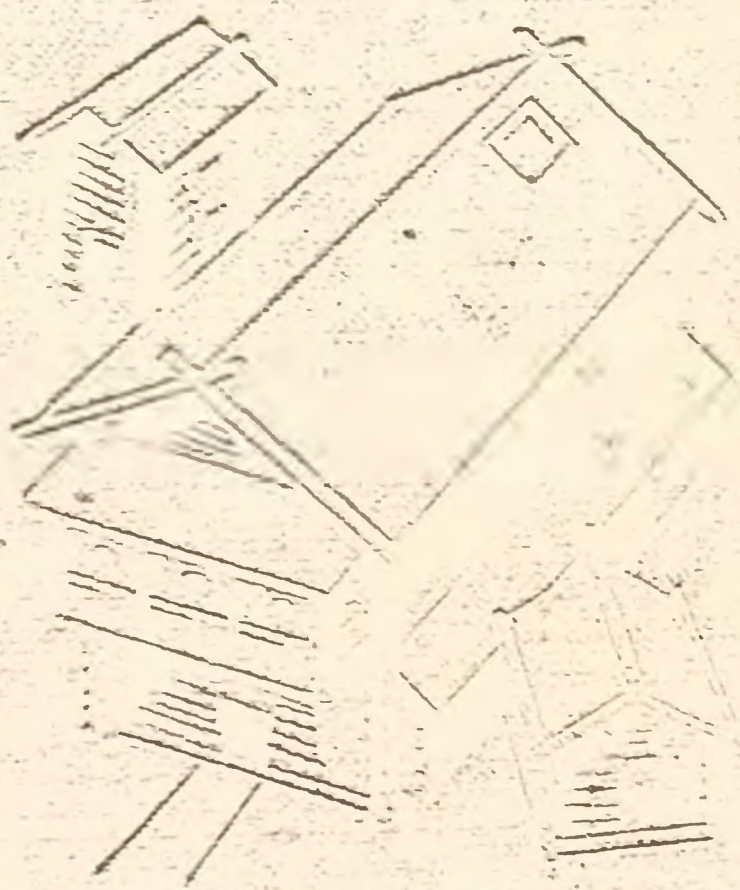

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ГОД. СЕЛЕТЕЛСКОЕ

ЖИЛИЩЕ СЕВЕРО- ЗАПАДНОЙ РУСИ IX-XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю. П. СПЕГАЛЬСКИЙ

ЖИЛИЩЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

IX ~ XIII вв

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1972

Ответственный редактор
П. А. РАППОРТ

ОТ РЕДАКТОРА

Книга Ю. П. Спегальского «Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.» — произведение яркое и необычное. В ней нет впервые публикуемого материала, нет никаких новых археологических данных. Работа в основном построена на уже известном, опубликованном материале. Более того, даже опубликованные сведения о древнерусских жилищах Ю. П. Спегальский использовал далеко не полностью; среди всех пунктов, где на территории Северо-Западной Руси были обнаружены остатки жилищ IX—XIII вв., он выбрал лишь 3 города, в которых эти жилища были найдены в наилучшей сохранности и в наибольшем количестве, — Ладога, Торопец и особенно Новгород. А из материала раскопок в этих городах Ю. П. Спегальский выделил и использовал только ту часть, которая давала наибольшие возможности для построения выводов. Таким образом, Ю. П. Спегальский ограничил себя кругом наиболее доброкачественного материала, сознательно отказавшись от использования всех фрагментарных остатков жилищ, не дающих возможности реконструировать их первоначальную схему построения.

Приняв за основу этот избранный материал, Ю. П. Спегальский попытался осмыслить его с точки зрения логики развития домостроительства. Он искал функциональное и конструктивное объяснение всем элементам здания, чтобы дать хотя и схематичные, но достаточно полные объемно-пространственные реконструкции жилищ. При этом он исходил в основном из данных, которые можно было извлечь из фактического материала, привлекая этнографические аналогии лишь в самых необходимых случаях. В его интерпретации жилые комплексы древних новгородцев, ладожан и торопчан приобрели совершенно неожиданный характер городской застройки, имея мало общего с теми привычными нам реконструкциями, которые основываются на широком использовании этнографических параллелей, — деревенских изб XIX—XX вв. В то же время Ю. П. Спегальский рассматривал древне-

русские жилища дифференцированно, четко отделяя жилища массовые, жилища богатых посадских людей и боярские.

Воссоздавая функциональный смысл, объемную композицию и даже архитектурно-художественную сторону древнерусских жилищ, Ю. П. Спегальский пытался выявить внутреннюю логику их развития, общие закономерности этого процесса. Он хотел в дальнейшем найти возможность обрисовать картину развития жилищ Северо-Западной Руси от IX—X и вплоть до XVII в., т. е. сомкнуть настоящую работу со своей более ранней монографией о псковских жилых домах XVII в.¹ К сожалению, осуществить этот замысел ему не удалось; раздел, посвященный жилищам XIV—XVI вв., так и остался ненаписанным — в январе 1969 г. Юрий Павлович Спегальский скоропостижно скончался.²

Выводы Ю. П. Спегальского несомненно очень интересны. Попытки осмыслить всю картину развития жилищ, понять смысл и назначение как отдельных помещений, так и целых комплексов, привели в ряде случаев к таким неожиданным, но убедительным выводам, отбросить которые нельзя. Концепция Ю. П. Спегальского будит мысль, заставляет новыми глазами смотреть на многие известные факты. Даже если некоторые его соображения окажутся ошибочными и будут в дальнейшем опровергнуты другими исследователями, эта работа все равно принесет пользу науке, поскольку приведет к решению таких проблем, которые без работы Ю. П. Спегальского, может быть, еще долгие годы не были бы поставлены и, следовательно, не были бы решены.

¹ Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII в. М.—Л., 1963.

² Основные биографические данные о Ю. П. Спегальском можно найти в некрологе (СА, 1969, № 4).

ОТ АВТОРА

Жилище — один из важнейших и наиболее ярких показателей культуры. Это своего рода зеркало, отражающее жизнь народа, которому оно принадлежит. На жилище, его устройстве, компоновке, оборудовании и убранстве сказываются не только природная среда, развитие производительных сил и общественный строй, не только характер и уровень цивилизации народа, но и его этнические или национальные черты, его духовные свойства, его верования, его таланты и склонности, отражаются социальная структура, особенности жизни различных слоев народа, их нравы, привычки, вкусы и понятия. Глубоко и правильно судить о состоянии какого-либо народа на той или иной ступени его истории невозможно, не представляя достаточно отчетливо жилищ, принадлежавших в то время его основным слоям, не имея исчерпывающих данных о характерных чертах этих жилищ, начиная от их общей компоновки и кончая деталями внутреннего и наружного устройства и вида. Без этого немыслимо и сколько-нибудь точное суждение о внешней стороне жизни — об облике городов и сельских поселений, о характере повседневной и праздничной домашней обстановки.

Понятно, что с появлением и развитием интереса к Древней Руси возникла настоятельная потребность во вполне определенном представлении о древнерусском жилище. Стремление удовлетворить эту потребность, интерес к остаткам древнерусских жилых построек и к сведениям о них, которые можно было почерпнуть из письменных источников, уже к середине XIX в. нашли весомое отражение в серьезных научных трудах. Зачинатель глубокого изучения древнерусского быта, один из талантливейших исследователей культуры Древней Руси, И. Е. Забелин собрал и обработал огромный материал, относящийся к древнерусскому жилью, и построил на нем широкие обобщения. И. Е. Забелин не только заложил фундамент изучения указанной отрасли древнерусского зодчества, но и в значительной мере возвел само здание этого

дела, определив на многие десятилетия основные взгляды на данный предмет.

Однако весьма существенное обстоятельство наложило отпечаток на труды И. Е. Забелина о жилище, как и вообще на состояние наших знаний по данному вопросу. Оно заключалось в том, что источники, позволявшие судить о древнерусском жилище, относились почти исключительно к XIV—XVII вв. Не было известно почти никаких остатков жилых построек, принадлежавших продолжительной предшествовавшей эпохе Древней Руси. Даже от богатейших комплексов княжеских дворов этой поры, в состав которых входили не только деревянные, но и каменные здания, до XIX в. дошли только лестничная башня Боголюбова и приемное парадное помещение княжеского двора в Угличе. Эти фрагменты былых сложных и обширных ансамблей, искаженные и тогда почти совсем еще не исследованные, могли порождать скорее превратные, чем правильные представления, тем более что в XVIII и долгое время в XIX в. их принимали за дворцы, сохранившиеся чуть ли не совершенно нетронутыми в их полном составе. Остатков массовых жилых построек той же эпохи не было известно совсем. Это положение усугублялось тем, что письменные первоисточники содержали лишь в высшей степени скудные и неясные сведения о них.

Следует отметить, что при сравнительно большом количестве памятников XVII в. почти все они представляли собой остатки жилищ лишь наиболее богатых людей, причем остатки весьма неполные, за редчайшими исключениями в сохранившейся части переделанные до неузнаваемости и неисследованные. Яркость принадлежащих И. Е. Забелину описаний и характеристик богатого жилища XVII в. является главным образом следствием блестящего использования обширного письменного материала и в гораздо меньшей мере следствием знакомства с памятниками. О рядовом жилище XVII в. — крестьянском и обычном массовом, посадском, — И. Е. Забелин мог судить в сущности почти исключительно по письменным данным.

Такое положение не могло не привести к тому, что в суждениях ученых о древнерусском жилище, особенно домопогольском, чрезвычайно важное место заняли утверждения, основанные на домыслах и умозаключениях. Сущность их определялась характерными для XIX в. взглядами на жизнь Древней Руси. Одну из главнейших особенностей этих взглядов составляло глубоко укоренившееся убеждение о якобы крайней медленности развития древнерусской культуры, чуть ли не полной ее неподвижности в течение долгого ряда веков, о необычайной приверженности древнерусских людей ко всему, что было установлено их предками в далекой древности, об особенной косности тех форм, в которых протекала на Руси частная жизнь. Когда явилась необходимость составить представление о древнерусском жи-

лице, этому убеждению было суждено сыграть определяющую роль.

И. Е. Забелин совершенно отчетливо понимал, что русское жилище, в том его виде, какой оно имело к XVII в., представляло собой результат продолжительной и глубокой эволюции. Немногие, но вполне определенные строки, принадлежащие его перу, ясно говорят об этом. «Рассматривая состав древних хором по отрывочным неполным свидетельствам первых веков и по указаниям, более полным и подробным, позднего времени, мы можем с достоверностью заключить, что это сложное целое образовалось, так же как и самый народный быт, с большою постепенностью, начавши с самых простых однородных форм», — писал И. Е. Забелин.¹ «Начальной формой» жилища на Руси, по его мнению, был четырехугольный сруб — клеть, которая, получив печь, стала называться избой, а поставленная на другую клеть — горницей. Затем И. Е. Забелин говорит о двойнях, тройнях, потом о прирубках, придельцах, задцах, вышках, переходит к современному ему крестьянскому дому, а от него к великокняжеским и царским хоромам.²

Мы здесь не будем давать оценку тому представлению о развитии древнерусского жилища, которое намечалось И. Е. Забелиным. Для нас сейчас важен лишь факт уверенности И. Е. Забелина в том, что оно как-то развивалось, т. е. изменялось с течением времени. И все же это убеждение не только не могло определить основное направление концепции, изложенной в его трудах, но в сущности оказалось в коренном противоречии с ней. Строки, в которых выражено его убеждение, составляют по сути дела дополнение, не имеющее органической связи с самой концепцией. Не вдаваясь в разбор всех причин такого противоречия, отметим только, что недостаточность сведений о древнерусском жилище совершенно не позволяла представить его эволюцию сколько-нибудь конкретно. Мысль о том, что оно не могло появиться сразу же в его поздних формах, при всей ее очевидной справедливости оставалась только чисто теоретическим положением, выраженным в общей форме и не имеющим ни подтверждения, ни иллюстрации.

Между тем интересы разгоревшейся в середине XIX в. борьбы против скептического отношения к культуре русского народа, в первом ряду участников которой находился И. Е. Забелин, настоятельно требовали очень определенных, твердых и ясных доказательств высокой ценности и оригинальности того, что было создано русским народом в допетровские времена. Они требовали такого описания древнерусского жилища, которое убедительно по-

¹ Забелин И. Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, с. 36.

² Там же, с. 44—45; Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. Т. I. М., 1872, с. 21.

казало бы его самобытные черты, его своеобразное удобство и красоту, которое производило бы сильное впечатление своей яркостью и наглядностью и представлялось бы вполне точным и достоверным. Неуверенные и неопределенные теоретические гадания о возможных путях его развития несколько не могли помочь делу. Признанное в те времена мнение о косности жизни древнерусских людей открывало вполне реальный путь для живого и конкретного изображения древнерусского жилища, так как давало возможность проецировать на древнейший период всю сумму сведений историков разного времени, насаждая их одно на другое.

Существенно, что точно такое же положение сложилось и с изучением древнерусской деревянной церковной архитектуры. Тот же путь оказался единственно приемлемым для создания вполне определенного взгляда и на эту отрасль древнерусского зодчества. Прием переноса в глубь веков данных позднего времени позволил И. Е. Забелину привести доказательства самостоятельности и высокой художественности древнерусского деревянного зодчества, прозвучавшие вполне убедительно. Он дал, в частности, возможность, чрезвычайно просто доказать, что «московское диво» — храм Василия Блаженного — не произведение иностранного зодчего и не порождение влияний на Русь далеких стран, а переложение в камень архитектурных форм, созданных русскими плотниками еще у порога истории Руси.³ В ходе происшедшего тогда спора это имело очень важное значение. Задача показать самобытность древнерусского «строительного искусства» была выполнена И. Е. Забелиным блестяще, хотя вопрос о первоначальных формах и эволюции деревянной архитектуры Руси остался по сути дела нерешенным.⁴

³ Хотя эти доказательства были построены на основе, совершенно ошибочной в ее принципах.

⁴ И. Е. Забелин признавал, что эволюция должна была иметь место как в гражданском, так и в церковном деревянном зодчестве. Однако, не располагая сведениями о древнейших архитектурных формах, он искал их в памятниках XVII—XVIII вв., находя наиболее простые из них древнейшими, а более сложные — появившимися позднее. Мысль о том, что в действительности в древности могли существовать совершенно иные приемы и формы, которые к XVII—XVIII вв. исчезли бесследно, И. Е. Забелин обходил. Но даже такое представление о развитии осталось в его работах лишь декларацией, фактически не повлиявшей на построение общей концепции. Русская деревянная церковная архитектура, по И. Е. Забелину, в сущности появляется сразу в том виде, какой она получила в XVII в. Когда могла происходить эволюция, о которой он говорил, — остается загадкой, ибо в то же время, но уже в полном соответствии со всей своей теорией он утверждал, что формы храмов XVI в., как и жилищ, переходили, «по преданию, от поколения к поколению с незапамятных времен, по крайней мере с первых дней распространения по всей (русской, — Ю. С.) земле христовой веры». Фактически И. Е. Забелин оставлял задачу раскрытия эволюции древнерусского деревянного зодчества будущим исследователям (Забелин И. Е. Черты самобытности..., с. 99—110).

Говоря о жилище и отметив, что «ни один летописец не оставил нам подробного описания древнего русского жилища», И. Е. Забелин переходит далее к рассуждениям, суть которых сводится к обоснованию права дополнять указания летописцев о древнерусском жилище «пзвестиями позднейшего времени».⁵ Однако в действительности речь идет не о дополнении, а о том, чтобы строить представление о жилище древнейших периодов целиком на поздних материалах.

«Вкусы и потребности жизни в допетровской Руси в течение целых столетий были одни. Основной мыслью было жить так, как жили отцы и деды, по старине и по пошлине», — писал И. Е. Забелин. «И если прадедовский кафтан, переходя к праправнуку, нисколько не менял своего покроя, то в отношении жилищ, в их порядке и устройстве, еще неизменнее сохранялись старые привычки, порядки и предания».⁶ «Все согласятся, мы думаем, что теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставлся, может быть, за триста, четыреста и даже за тысячу лет».⁷ «Способ постройки деревянных изб, клетей и всяких хоромин, вообще плотницкое дело с незапамятных времен и до настоящих дней едва ли претерпело какие изменения».⁸

Обращаясь иногда к необходимому в такого рода работах толкованию письменных источников древнейшего периода, И. Е. Забелин изложил свой рассказ о деревянном гражданском строительстве от времен князя Игоря до Петра Первого, на деле целиком опираясь на материал XVII в. Говоря об архитектуре IX в., он подкрепляет свои рассуждения ссылкой на Петрея (XVII в.). Стремясь к яркости изображения домонгольской гражданской архитектуры Руси, он строит его в основном на описании приемов, примененных в Коломенском дворце, как якобы обычных для древнерусского деревянного зодчества во все времена его существования, использует рисунки хором XVII в., выводит из материала XVII в. заключение о повалушах-башнях, будто бы издревле украшавших русские хоромы. Он рассказывает о вышках, чердаках, увенчивавших жилые постройки, об окнах с затейливыми и высокими фронтонами над ними, о причудливых бочечных и шатровых крышах, относя все это в равной мере ко всем этапам развития, которое происходило на протяжении почти целого тысячелетия.

Такой метод суждения о древнейшем прошлом русской деревянной архитектуры определял ход мыслей И. Е. Забелина и при использовании им свидетельств домонгольских письменных источников. В качестве примера можно привести его вывод из сообщения летописи о теремном дворе. Указав, что «летописец

⁵ Забелин И. Е. Домашний быт..., с. 26.

⁶ Там же, с. 42.

⁷ Там же, с. 27.

⁸ Забелин И. Е. Черты самобытности..., с. 35.

упоминает о дворе теремном первого князя Игоря, даже о каменном тереме, который находился на дворе», И. Е. Забелин продолжает: «Этот теремной двор дает нам полное основание заключить, что хорошие постройки еще в первой половине X в. состояли из всех тех частей, какие существовали в полном их составе в XVI в XVII столетиях, ибо терем всегда служил увенчанием строения и, так сказать, красивым его убором».⁹ В действительности сообщение летописи о теремном дворе и каменном тереме не дает ни малейшего повода для такого заключения, построенного только лишь на вере в незыблемость древнерусского быта.

Существенную роль в концепции И. Е. Забелина играло также широко распространенное в XIX в. мнение о единстве культуры всех слоев населения Древней Руси. Оно позволило вывести заключение, что «домоустройство всех сословий отличалось (в Древней Руси, — Ю. С.) повсеместным однообразием» и что даже жилища феодалов отличались от крестьянских лишь большим числом изб и клетей да богатством их отделки. По словам И. Е. Забелина, «изба крестьянская, срубленная во дворце для государева жителя, убранная богатыми тканями, раззолоченная, расписанная, все-таки оставалась избой в своем устройстве, с теми же лавками, коником, передним углом, с тою же мерою с полтретия сажени, сохраняя даже общенародное имя избы».¹⁰ Такой взгляд в какой-то мере позволял объединять данные, относящиеся не только к разным эпохам, но и к совершенно разным видам древнерусского жилища, что еще более увеличивало возможность вводить яркие краски в его изображение, наслаивая эти данные друг на друга. Разумеется, общая картина, полученная от такого смещения сведений и произвольного перемещения их, во многом была фантастической, но она вместе с тем оказывалась интересной и при господствовавших в XIX—начале XX в. взглядах представлялась вполне правдоподобной.

В течение многих десятилетий русские исследователи продолжали собирание материалов по допетровскому русскому жилищу и крестьянскому русскому жилищу более позднего времени, но это не приводило к пересмотру концепции, изложенной И. Е. Забелиным. Важнейшая причина ее устойчивости заключалась в том, что новый материал, письменный и изобразительный, относился ко времени не ранее XVI в., а памятники — не ранее XVII в. При этом даже в сравнительно очень позднем материале нередко отмечались черты, явно ведущие свое происхождение из глубокой древности (например, курные избы XIX в.), что, естественно, рассматривали как подтверждение основных положений теории И. Е. Забелина о русском жилище.

⁹ Там же, с. 35.

¹⁰ Забелин И. Е. Домашний быт... с. 5.

По XX в. принес чрезвычайно важный, ранее совершенно неизвестный источник для изучения древнерусского жилища — остатки самих жилых построек, открываемые археологическими раскопками. Киевские раскопки начала века показали, что древнейшие гражданские каменные здания, принадлежавшие князьям, исчезли с лица земли отнюдь не бесследно, а раскопки Н. И. Решникова в Старой Ладоге убедили исследователей Древней Руси в том, что и от деревянных зданий в глубинах культурных отложений остается еще очень многое: основания, нередко в виде нескольких венцов рубленых стен, остатки полов, печей, следы внутреннего устройства, упавшие части верхов построек, следы и остатки столбов.

Большие успехи в раскрытии и изучении остатков древнерусских деревянных построек достигнуты после Великой Октябрьской социалистической революции. Исследования древних поселений, раскопки в старинных русских городах дали за это время обширнейший материал для суждения о древнерусском жилище. Особенно эффективными оказались многолетние раскопки на больших площадях, образцом которых могут быть работы Новгородской археологической экспедиции.

Появление такого нового источника знаний не произвело, однако, быстрого переворота в воззрениях исследователей. Это вполне понятно. Интерпретация открываемых археологами остатков деревянных строений — дело сложное. По археологическим остаткам далеко не всегда можно разрешить даже важнейшие из вопросов, касающихся общей компоновки древнего строения, его внутреннего и наружного устройства и вида. Первоначальный вид даже таких сооружений, как полуземляночные жилища, по археологическим их следам в большей части случаев не удастся установить с полной уверенностью, а для наземных строений, особенно имевших более одного этажа, эта задача еще более трудная. Между тем, чтобы делать действительно обоснованные выводы о жилище и его развитии, необходимо располагать вполне определенными и доказанными представлениями о первоначальном виде памятников. Отсюда вполне ясно, что от раскрытия первых археологических остатков древнерусских жилищ до их научной интерпретации путь не близкий.

Так как археологические раскопки дают нам только случайные данные, для реконструкции архитектурно-археологических памятников требуется привлечение широкого круга источников — письменных, изобразительных, этнографических. При этом сам археологический материал должен быть суммирован и взаимно сопоставлен. Для суждения о первоначальном виде какой-либо одной постройки необходимо привлекать сведения и даже предположения и догадки, полученные от изучения других построек, близких по времени, типу и характеру. Вполне очевидно, что все эти разнообразные сведения и предположения могут быть в должной

мере связаны и осмыслены только в ходе их всесторонней взаимной проверки и сопоставления, т. е. в процессе разработки широкой концепции истории древнерусского жилища, а вернее — истории древнерусской деревянной гражданской архитектуры. Концепция эта будет затрагивать проблемы, касающиеся развития зодчества Древней Руси в целом — и деревянного, и каменного, и гражданского, и церковного, что еще более усложнит работу над нею. В то же время нужно с особенной силой подчеркнуть, что подлинность археологических остатков, достоверность последних обязывают исследователя закладывать в основу их истолкования прежде всего возможно более глубокий и лишенный какой-либо предвзятости анализ самих памятников, т. е. практически прежде всего требуют сделать все возможное для их реконструкции по их собственным следам. На пути выполнения этой задачи лежат еще поиски соответствующей методики. Приемы исследования памятников должны, очевидно, способствовать не только привлечению обширного круга данных, но и наибольшей достоверности реконструкции, ее полному соответствию всем этим данным, и прежде всего археологическим остаткам. Последнее чрезвычайно важно. Неточность, поверхностность реконструкции создают возможность для разных истолкований одного и того же памятника и, следовательно, для приспособления его интерпретации к почти любой теории. Склонность подгонять интерпретацию памятников к какой-либо уже известной системе взглядов весьма велика и в настоящее время особенно ощутим в отношении теории И. Е. Забелина, сильной своей ясностью и простотой.

Попытки подвергнуть сомнению положения теории И. Е. Забелина имели место, но они не вызвали серьезных последствий именно потому, что не основывались на исследовании, включающем в себя детальное изучение архитектурно-археологического материала. В частности, большую самостоятельность в своих мнениях о древнерусском жилище проявил А. И. Некрасов. В его работах можно встретить заслуживающие внимания замечания по отдельным вопросам истории русского жилища. Так, он совершенно справедливо указывал на то, что нет оснований видеть в современных северных крестьянских домах «ремнищенщины дохристианской русской архитектуры»,¹¹ и убедительно, хотя только в общих чертах и полунамеках (причем со многими ошибочными утверждениями), показал некоторые поздние источники приемов этой архитектуры.¹² Но отдельные замечания, построенные только на теоретической основе, не могли положить начало новой концепции истории русского жилища.

В тех случаях, когда советские археологи сталкивались с необходимостью интерпретировать открытые ими остатки древнерус-

¹¹ Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936, с. 18.

¹² Некрасов А. И. Русское народное искусство. М., 1924, с. 18—19.

ских жилых построек, они фактически всегда обращались к концепции И. Е. Забелина. Нельзя не заметить, что при этом им приходилось прибегать к таким приемам, искусственность которых вполне очевидна. Так, В. И. Равдоникас доказывал однотипность изб X и XVII вв., опираясь на сходство способов рубки их стен и аналогию размеров оснований, т. е. на особенности, никак не характеризующие внутреннего устройства и, следовательно, типа постройки.¹³ Следуя мысли о неизменности русского народного жилища и основывая реконструкцию ладожской избы X в. на этнографических материалах, В. И. Равдоникас принимает лежащие в беспорядке над полом доски за остатки потолка, не учитывая данных о том, что древнерусские избы не имели потолков и что накаты потолков жилых помещений в Древней Руси даже в значительно более поздние времена не делались дощатыми. Наружные дополнительные венцы вокруг ладожских изб X в. В. И. Равдоникас в соответствии с принятой им концепцией считает остатками завалинок, вопреки совершенно ясным признакам, исключая таким положение. Можно было бы привести много примеров, когда выводы, основанные на взглядах И. Е. Забелина, оказываются в коренном противоречии с археологическим материалом, но все же принимаются археологами, причем весьма ощутимо связывают их, не позволяя получить от изучения памятников все то, что они могли бы дать.

Обыкновение основывать реконструкцию древних русских жилищ на весьма поздних образцах, представляемых этнографией, получило в наше время широкое распространение. Этот соблазнительный своей легкостью метод властно сковывает мысль исследователя. Уподобляя древние строения крестьянским постройкам XIX—XX вв., археологи отвлекаются от глубокого анализа памятников и всестороннего сопоставления первоисточников, которые становятся в этом случае лишь помехой для исследователя, наперед уже знающего, какие он сделает выводы. Отсюда проистекают, разумеется, весьма заметные натяжки и как следствие коренные ошибки.¹⁴

Даже в тех случаях, когда авторы работ по древнерусскому жилищу говорят о своем критическом отношении к теории И. Е. Забелина, на деле они все же следуют ее положениям. Так, П. И. Засурцев и его соавторы по реконструкции застройки древнего Неревского конца Новгорода, пытаясь воссоздать былой вид новгородских жилых комплексов X—XIV вв., в конечном счете приходят либо к сближению, а то и почти отождествлению древних построек с сельскими избами нашего времени, либо к необоснованному и ничем не оправданному использованию архитектурных

¹³ Равдоникас В. И. Старая Ладога [I]. СА, XI, 1949, с. 27.

¹⁴ Мы не приводим здесь примеров, подтверждающих данное положение, так как их будет достаточно на последующих страницах этой книги.

форм XVII в., приданию жилищам X—XIV вв. бочечных кровель, палатных крыш с полницами, выступающих крылец с рундуками, крытыми шатрами.¹⁵ Исполненная ими реконструкция застройки части Неревского конца свелась к тому, что на документально установленную схему плана древних новгородских строений оказались насаженными произвольно взятые авторами объемные формы, навеянные Коломенским дворцом, с которых авторы реконструкции лишь сняли сложные по обработке детали, чтобы создать впечатление архаичности, или, по их собственному определению, «аскетической простоты и суровости».¹⁶ К этому они добавили повалуши в виде многоэтажных башен, поставив эти сооружения на места клетей, имевших в древности снизу бревенчатые накаты, предохранявшие клетки от подкопов.¹⁷ Ссылка в качестве примера на башни Сванетии и Италии — повторение сделанного Н. Е. Забелиным уподобления воображаемой домонгольской русской повалуши-башни башням Сванетии и кулам Герцеговины.¹⁸

Мы поставили своей задачей прежде всего избежать тисков или шор каких-либо заранее принятых теорий и концепций, тем более таких, которые не подтверждаются материалом археологических остатков, а вступают с ним хотя бы в малейшее противоречие. Нашей целью было обратить все свои усилия на непредвзятое рассмотрение открытых археологических памятников, применяя к ним при возможности метод архитектурно-археологической реконструкции.

Эта установка определила весь характер работы. Отдавая себе отчет в трудности поставленной задачи, мы считали нужным по возможности ограничить свое исследование и избрали жилища лишь северо-западной части Руси, причем только за период до XIV в. Не рассчитывая на то, что имеющийся материал раскопок позволит исчерпывающим образом осветить все стороны взятой темы, мы не стремились завершить свое исследование широкими окончательными выводами. В соответствии с этим воздержались от сводки и критической оценки всего сделанного до нас в данной области науки. Ход развития советской археологии позволяет на-

¹⁵ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963; Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII века. Новгородский исторический сборник, в. 10, 1961; Борисевич Г. В., В. П. Тюрин, Г. П. Чистяков. Опыт реконструкции деревянной жилой застройки древнего Новгорода. В кн.: Архитектурное наследие, в. 15. М., 1963.

¹⁶ Борисевич Г. В., В. П. Тюрин, Г. П. Чистяков. Опыт реконструкции..., с. 34.

¹⁷ Эти накаты П. И. Засурцев, а за ним авторы реконструкции рассматривали как фундаментные площадки, устройство которых якобы вымывалось очень большой высотой повалуш.

¹⁸ Забелин Н. Е. Черты самобытности..., с. 50—51.

деяться, что в недалеком будущем археологический материал по древнерусской деревянной архитектуре расширится во много раз и пополнится весьма важными данными. Это вместе с совершенствованием методов интерпретации памятников, которое, надеемся, произойдет с течением времени, принесет будущим исследователям возможность представить древнерусское жилище с несравненно большей полнотой и отчетливостью, чем нам. Мы избегали критики взглядов и суждений своих предшественников, позволяя себе обращаться к ней только в тех случаях, когда это было совершенно обязательно по ходу рассмотрения того или иного конкретного вопроса. На наш взгляд, нет надобности спешить с подведением итогов, окончательными выводами, широкими обобщениями и критикой в то время, когда изучение археологического материала по древнерусскому жилищу по сути дела еще только начинается. Срочным на данном этапе является другое: поиски и пробы таких методов анализа и истолкования памятников, которые не сковывали бы исследователя и не уводили бы его в сторону от изучения археологических остатков, а открывали бы все возможности для наиболее эффективного и глубокого использования этого нового источника познаний о жилищах Древней Руси, источника, еще мало освоенного, но имеющего неограниченное значение и большое будущее. Мы считали нужным отдать больше внимания именно этому источнику.

Наиболее выразительным результатом изучения архитектурно-археологического памятника является графическая реконструкция, показывающая в той или иной степени подробности, первоначальное устройство и вид строения не в словесных описаниях, а в чертежах и рисунках. Появление такого результата обычно свойственно определенной, очень важной ступени исследования. Более или менее ясное представление о древней постройке не только воплощается в изображениях ее первоначального вида, но и складывается в значительной мере именно в серьезной работе над ними.

Однако далеко не всегда можно по открытым раскопкам и следам выполнить реконструкцию постройки. Даже при наличии отчетливых и выразительных остатков представление о ее первоначальном виде всегда остается неполным, не во всем определенным и очень часто может быть передано лишь в описаниях, заключающих в себе значительные элементы предположений, умалчивающих о существенных подробностях и могущих вызывать у разных людей совершенно несходные образные представления. Мы стремились к использованию в работе таких памятников, которые позволяют сделать наиболее твердые однозначные выводы. Мы избегали, насколько это разрешал имеющийся материал, попыток реконструкции строений и комплексов, о первоначальном виде которых нельзя было составить определенного заключения. Неясные памятники мы старались выводить в своего

рода запасной фонд, помня о них и в случае надобности обращаясь к тем их особенностям или деталям, которые установлены с достаточной твердостью, для обоснования каких-либо частных дополнительных выводов.

В данном исследовании было бы бесполезным и даже вредным пытаться охватить реконструкцией как можно большее число памятников. Чтобы представить характерные черты древних жилых построек, от которых сохранились не совсем отчетливые и понятные следы, нужны еще многие годы. Мы считаем, что пропуски в исследовании, вызванные неясностью материала, следует предпочесть обманчивой видимости полноты, при которой в работу будут внесены недостоверные выводы.

Нужно признать, наконец, что археологические данные для реконструкции даже таких построек, от которых сохранились вполне отчетливые остатки, никогда не бывают настолько исчерпывающими, насколько это требуется для создания детальных, во всем совершенно определенных и подробных чертежей первоначального вида этих построек. Изображения их все же неизбежно получают в большей или меньшей мере схематический характер и при этом во многом остаются гипотетичными. Предположения и допущения в такой работе неизбежны — они предопределяются неполнотой тех остатков и следов, которые дают нам раскопки. Попытка обойтись без гипотез привела бы не к объективности, а, наоборот, к явному искажению фактов. Было бы неверным отказываться, например, от изображения верхнего этажа постройки, имевшей такой этаж, на том основании, что до нас дошли остатки только лишь низа. Значение гипотезы нельзя не только отрицать, но и не в меру ограничивать — она должна получать место и в решении широких вопросов, и при реконструкции отдельных зданий. Вместе с тем мы стремились так излагать материал, чтобы было ясно, что в данных нами реконструкциях можно считать твердо установленным, а что предположительным.

Памятники рассматриваются таким образом, чтобы читатель мог уяснить не только детали отдельных зданий, но и увидеть общее направление развития приемов устройства жилищ на данной территории.

Исследуя жилища, мы не брали на себя задачу выяснения истоков происхождения разных типов их, считая, что такая задача будет соответствовать работе более широкого масштаба.

Избранная тема освещена нами неравномерно. Это произошло прежде всего вследствие неполноты археологического материала, послужившего фундаментом исследования. Постройки древнерусских сельских поселений археологами изучались крайне мало. Более обилён материал по жилищу, полученный в городах, но старинные русские города исследуются должным образом далеко не все. Из городов северо-запада Руси наибольшее количество архитектурно-археологических материалов по жилищу дали пока

что Ладога и Новгород. Изучение остатков жилищ древнего Торопца еще только начато. Раскопки в Пскове, на посаде, показавшие наличие мощных культурных напластований, насыщенных остатками деревянных построек X—XVI вв., и хорошую сохранность этих остатков, велись, если не считать совсем незначительных эпизодических работ, лишь в 1954—1956 гг. на случайных участках, малыми площадями. После 1956 г. раскопки в Пскове не выходят из пределов частей города, которые в древности почти не имели жилых построек. Еще менее использованы возможности археологического исследования древних жилищ Старой Руссы. Наиболее обильный и ценный материал принесли работы Новгородской экспедиции, позволяющие с большой степенью полноты судить о городском посадском жилище. В то же время нужно отметить, что добытый уже археологический материал нами использован далеко не исчерпывающим образом. Дальнейшее, более внимательное, широкое и углубленное изучение его может дать еще много новых выводов.

Большая часть глав данной книги была предварительно сообщена в докладах на заседаниях группы славяно-русской археологии ЛОИА. Автор считает своим приятным долгом выразить здесь глубокую благодарность членам группы и ее руководителю М. К. Каргеру за полученные от них замечания и советы. Сама мысль поручить автору разработку данной темы принадлежит М. К. Каргеру, проявившему большую настойчивость в ее осуществлении.

МАССОВОЕ ЖИЛИЩЕ IX—XIII вв.

(по данным раскопок на территории
северо-запада Руси)

Жилища Ладоги VIII—IX вв.

Ознакомление с жилищами Ладоги нам придется начать с построек VIII в. Их остатки были открыты В. И. Равдоникасом, а в небольшой части еще раньше — Н. И. Репниковым, в нижнем пласте культурного слоя Ладожского земляного городища (по обозначению В. И. Равдоникаса — в горизонте Е₃).

Ладожские горизонты разными археологами датируются неодинаково. Если говорить о двух нижних толщах (Д и Е), то наиболее бесспорна датировка горизонта Д, относимого к X в. (по Г. Ф. Корзухиной — X—начало XI в.). Расхождения в датировке верхнего горизонта толщи Е — горизонта Е₁ — не очень велики. В. И. Равдоникас считает его относящимся к IX в., Г. Ф. Корзухина, основываясь на материале монетных кладов, датирует его более узко — только второй половиной этого же века. Лежащий ниже горизонт Е₂ В. И. Равдоникас относит к VIII в., в то время как Г. Ф. Корзухина на основании данных кладов с дирхемами датирует его первой половиной IX в. Для горизонта Е₃ расхождения в датировках более значительны — его археологи относят к VI—VIII вв. Если учитывать соотношение строительных остатков, залегающих во всех этих трех горизонтах, то едва ли можно горизонт Е₃ относить ко времени ранее VIII в. В толще Е раскопки открыли остатки трех больших построек, сменявших одна другую сразу же после разрушения предыдущей (вторая постройка погибла от пожара). Каждая из этих построек соответствовала одному из трех горизонтов толщи Е. Датируя горизонт Е₁ IX в. (а тем более в соответствии с данными Г. Ф. Корзухиной — второй половиной его),¹ а горизонт Е₃ VII в., мы

¹ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. СА, 1961, № 3.

должны были бы признать, что постройки горизонтов Е₃ и Е₂, т. е. два здания, сменивших друг друга, прослужили на протяжении почти 200 лет. Нельзя считать возможным столь продолжительный срок службы для такого рода сооружений, плохо защищенных от воздействия влаги, с конструкцией, основу которой составляли столбы из бревен хвойной породы, вкопанные в сырую землю. Подобная постройка едва ли могла прослужить более 50 лет, т. е. предельный срок существования их обеих в сумме вряд ли превышал столетие. Следует признать наиболее вероятной датировку Г. Ф. Корзухиной, относящей нижний горизонт Ладожского земляного городища к VIII в.

В этом горизонте непосредственно на материке раскопками 1947 г. были открыты остатки большой деревянной постройки с венчатыми стенами, срубленными в обло. От сруба сохранилось лишь основание (рис. 1). Длина бревен сруба около 7.5 и 6.6 м — сруб был почти квадратным. С западной стороны сруба раскопки раскрыли уложенные на землю бревна, как бы продолжавшие его боковые стены. В. И. Равдоникас вначале считал их основанием преддверия или сеней жилища. Позднее в ходе раскопок выяснилось, что это была пристройка хозяйственного назначения, а жилище полностью заключалось в срубе, открытом раскопками 1947 г.

Внутри сруба находились остатки столбов, располагавшихся в четыре ряда, по пяти в каждом ряду. Нужно отметить, что если нижние концы столбов двух средних рядов сохранились полностью на своих местах, то часть столбов крайних рядов была при разрушении постройки извлечена из земли и следы этих столбов оказались утерянными. Эти недостающие столбы в южном ряду показаны на ранних чертежах В. И. Равдоникаса пунктиром, предположительно. В северном ряду, где в земле остались концы только двух столбов, В. И. Равдоникас остальные столбы совсем не показал. Впоследствии В. И. Равдоникас в своих публикациях по Ладоге не стал принимать во внимание остатки северного и южного рядов столбов этой постройки, как бы считая, что их не было. По всей вероятности, ему показалось странным расположение их у стен. В описании обнаруженных при раскопках следов здания он уже не упоминает об этих рядах столбов. «Внутри постройки идут в продольном направлении два параллельных ряда столбов, расположенных строго друг против друга, по пяти столбов в каждом ряду. Столбы делят жилую площадь почти точно на три равные части», — писал он.²

Без сомнения, больше следует доверять чертежам, на которых зафиксировано то, что было обнаружено на месте раскопок, чем соображениям археолога, которые появились у него позднее,

² Равдоникас В. И. Старая Ладога (на итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Ч. II. СА, XII, 1950, с. 24.

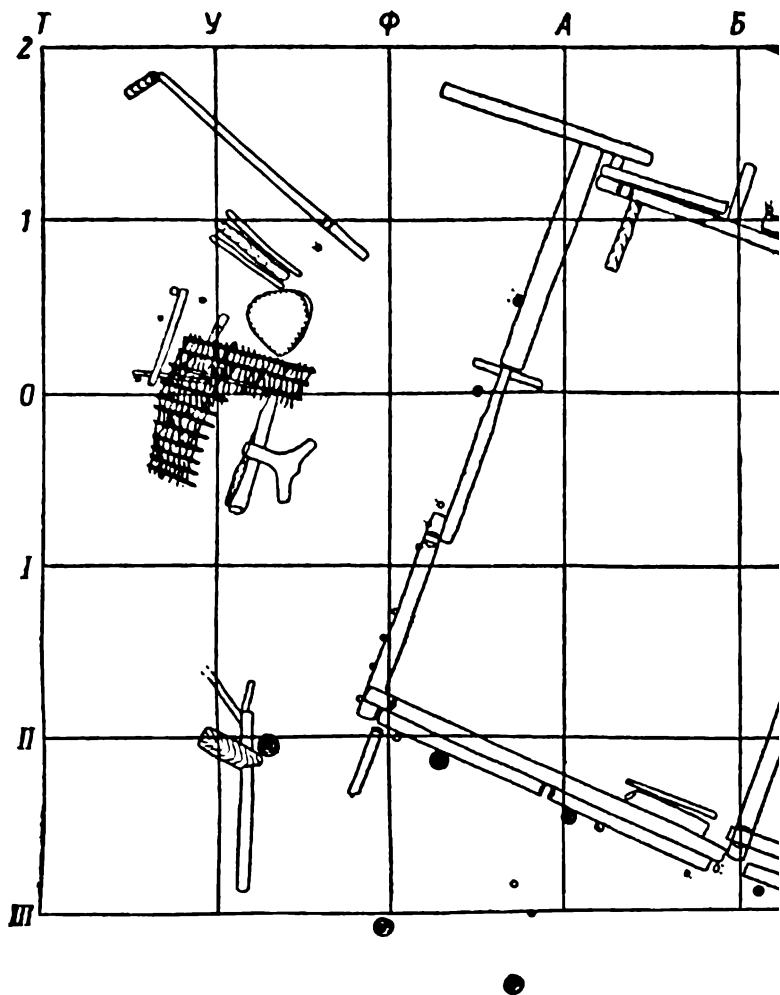
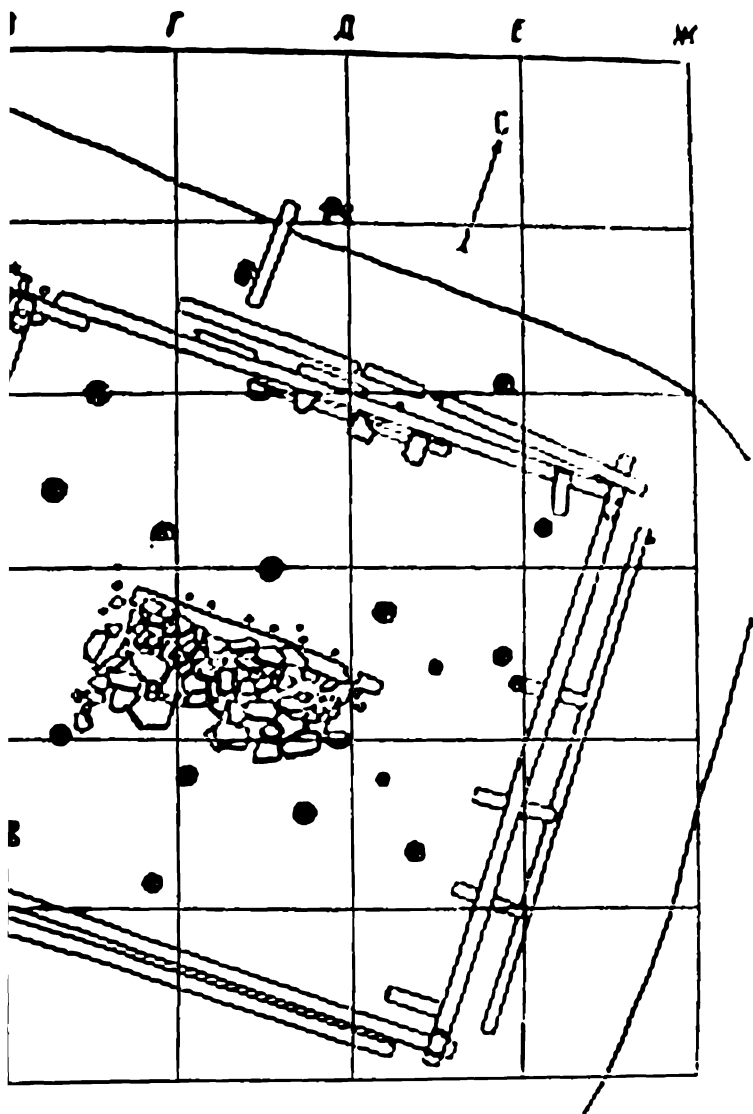

Рис. 1. Ладога, горизонт E_3

а жилого сооружения. План.

в связи с его интерпретацией следов, часть которых он признал случайными и отбросил.³ Именно то, что эти следы, оставшиеся для исследователя непонятными, были все же в свое время нанесены им на чертежи, убеждает в их реальности.

Г. П. Гроздилов предполагал, что столбы являлись опорной частью скамей и пар, располагавшихся вдоль длинных стен постройки.⁴ Мы не сомневаемся, что в ладожских жилых постройках VIII в. у боковых стен устраивалось возвышение в виде нар, служившее для сна, а днем — для сидения на его краю (при этом, разумеется, уже не было ни места для лавок, ни надобности в них). Однако при устройстве опор под нары совершенно не требовалось располагать столбы в таком строгом порядке — с очень точным соблюдением интервалов, по совершенно прямой линии в каждом из всех четырех рядов, как это сделано в данном случае. Это одно уже говорит, что столбы являлись частью основного скелета сооружения. Но нужно еще отметить, что в ладожских жилых постройках такого же типа, но несколько более поздних, датируемых IX в., столбы исчезли, причем это совпадало с изменением толщины бревен сруба, т. е. с увеличением прочности стен, что свидетельствует о коренном изменении основной конструкции. В то же время такая необходимая часть внутреннего оборудования, как нары, несомненно продолжала устраиваться и в IX в.

Г. П. Гроздилов пришел к высказанному им выводу, вероятно, потому, что крайние ряды столбов находились очень близко (на расстоянии 50—55 см) от стен, которые сами, казалось бы, могли служить опорой для перекрытий, и поэтому как часть конструкции перекрытия эти ряды столбов представлялись ему совершенно ненужными. Однако такая особенность устройства перекрытия древнейших ладожских домов может быть объяснена и даже в какой-то степени признана оправданной. Очевидно, что расположение опорных столбов крыши вблизи стен было необходимо в тех случаях, когда стены не обладали прочностью, достаточной для того, чтобы нести тяжесть перекрытия, например, если они были плетневыми, жердевыми или глинобитными. Таким образом, эту особенность конструкции следует признать естественным последствием применения плетневых, жердевых или глинобитных стен при больших размерах жилища и значительном весе крыши.⁵

³ Мотивируя это тем, что якобы «закономерности в их расположении не улавливается» (Равдоникас В. И., К. Д. Лаушкин. Об открытии в Старой Ладогѣ рунической надписи на дереве в 1950 году. Скандинавский сборник, IV, Таллин, 1959, с. 38).

⁴ Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в Старой Ладогѣ в 1948 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. 83, 1948, л. 29.

⁵ Сходна, на первый взгляд, с данной расстановкой столбов во многих из большесемейных домов Дании и Скандинавского полуострова IV—VI вв. Однако там близость крайних рядов столбов к стенам объясняется обстоятельством, не имеющим аналогий в постройках Ладогѣ. Стены этих домов были сложены из камня, вполне могли служить и служили опорой для

При стенах, рубленных из бревен, применение такой конструкции можно объяснить прежде всего традицией, выработавшейся в течение многолетней, может быть многовековой, привычки строить обширные жилища с тяжелыми крышами и сравнительно непрочными стенами. Не пытаясь решать вопрос о происхождении этой традиции, отметим, однако, что следы именно таких жилищ, относившихся к I—VI вв. н. э., были открыты Я. В. Станкевич на раскопанных ею древних поселениях Верхнего Подвинья и бассейна Ловати. По заключению Я. В. Станкевич, эти жилища принадлежали одной из северных групп племен дьяковской культуры.⁶

Оказалась ли такая схема конструкции для ладожского большого дома VIII в. пережитком, полностью потерявшим всякий смысл? Этого нельзя сказать. Во-первых, нужно отметить, что стены рассматриваемого дома были срублены из сравнительно нетолстых бревен: судя по чертежам, не более 25 см толщиной. Хотя такой сруб, если он был проложен мхом и обмазан глиной, мог с успехом служить для изоляции жилища от холода, в то же время при большой свободной длине стен его сопротивляемость воздействиям значительных нагрузок была не очень велика.⁷ Нужно признать, что ладожские строители VIII в., хотя, быть может, и не имели еще опыта использования рубленых стен в качестве опор для перекрытия, проявили безошибочное конструктивное чутье, не доверяя прочности таких стен. Из дальнейшего мы увидим, что внося коренные изменения в конструкцию перекрытия, т. е. убрав столбы и нагрузив стены, они при этом резко

крыши, но при очень большой их толщине и в связи с тем, что крыша опиралась на их наружный край, боковые ряды столбов нередко оказывались очень близко от внутренней поверхности стен (чертежи см.: Гуревич А. Я. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тыс. н. э. в свете данных археологии и топонимики. СА, 1960, № 4).

⁶ Это были постройки с перекрытиями, покоявшимися целиком на вкопанных в землю столбах. Стены их по конструкции напоминали деревянные жердевые ограды нашего времени. По свидетельству Я. В. Станкевич, они состояли из горизонтальных плах, «скрепленных вертикальными жердями, проходившими на расстоянии около 1 м одна от другой». В другом месте Я. В. Станкевич пишет о следах подобной постройки: «Вдоль стен обнаружены ямки от небольших жердей в сочетании с частями глинобитных конструкций или упоров для укрепления жердей. Подобные же глинобитные крепления прослеживались и в некоторых других жилищах. Очевидно вбитые в землю жерди укреплялись путем обмазывания их у основания глиной». Разумеется, стены такой конструкции не могли бы выдерживать вес засыпанного слоем земли перекрытия (Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, № 76, 1960, с. 79, 83). Впрочем, отметим здесь, что подобные конструкции жилищ встречались и в более отдаленных краях.

⁷ Нужно учитывать, что постройка не имела ни стропильных затяжек, ни балок, которые могли бы связывать ее стены.

увеличили толщину и, следовательно, прочность рубленых стен построек.

Все сказанное дает нам основание не сомневаться в том, что столбы, стоявшие внутри сруба, служили для несения крыши. Нет сомнения и в том, что ладожский большой дом VIII в., кроме крыши, не имел никаких перекрытий и поэтому крыша его была утеплена толстым слоем земли и дерна. Из-за обширности этой постройки ее земляная крыша была чрезвычайно тяжелой и требовала солидных опор.

Ладожский дом не имел столбов по продольной оси. Делать из этого вывод, что под коньком его крыши не было князевой слеги, мы не станем; очевидно, что она все же была, так как расстояние между средними рядами столбов слишком велико (около 3.5 м). Поставить столбы под князевую слегу оказалось невозможным из-за того, что половину протяжения средней трети жилища занимал очаг. Однако слега могла опираться на поперечные перекладины, как это показано на чертеже (рис. 2). Мы даем лишь схематическую реконструкцию наружного вида этого ладожского дома, не пытаясь даже гипотетически изобразить его детали (рис. 3).

Открытые раскопками следы земляного возвышения, на котором была поставлена постройка, находились в остатках бревенчатой обноски этого возвышения. Бревна обноски, расположенные снаружи дома, В. И. Равдоникас признал основанием сруба, служившего для ограничения земляной засыпки завалинки. Они не сохранили своих концов, и потому нельзя видеть, каким образом они скреплялись в углах. Но, однако, об этом можно вполне определенно судить по постройке, открытой выше (в горизонте Е₂), имевшей такую же бревенчатую обноску. Они не врубались друг в друга в углах, а лишь укреплялись кольями, забитыми в грунт, и тяжелыми камнями, положенными у углов, и, следовательно, не составляли венца, который можно было бы наращивать другими венцами, парубленными сверху. Таким образом, невозможно говорить в данном случае, как это делает В. И. Равдоникас, о внешнем срубе, составлявшем якобы наружную стенку завалинки.⁸ Дело обстояло иначе — ладожские большие дома имели не завалинки, а сплошные подсыпки в виде платформы или своего рода стилобата, сделанные на площади, несколько превышающей их собственную площадь. Подсыпка ограждалась снаружи не срубом, а только одним рядом очень толстых бревен, положенных на землю. Укрепление бревен ограждения кольями, вбитыми с наружной стороны, показывает, что за бревнами была насыпана значительная масса земли, расползание которой могло вызвать их смещение. Каково же было назначение этого земляного возвышения?

⁸ Равдоникас В. И. Старая Ладога, ч. II, с. 14.

Жилище располагалось на сырой заболоченной местности. Канава, выкопанная вокруг площадки, на которой стояли рассматриваемые нами жилище и примыкавшая к нему хозяйственная

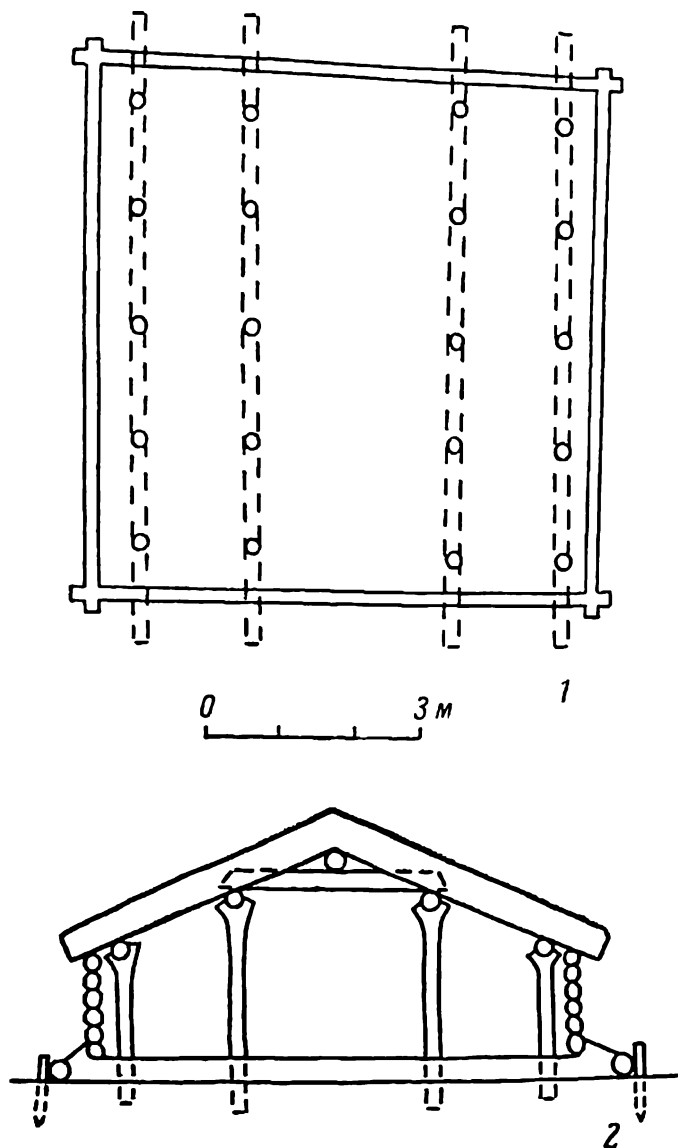

Рис. 2. Ладога, горизонт E_3 . Жилое сооружение. Схема предполагаемой конструкции.

1 — план, ограждение подсыпки не показано (пунктиром показано предполагаемое расположение основных слег перекрытия); 2 — разрез.

постройка, свидетельствует о том, что строители принимали меры для осушения этой площадки. Но ясно, что одной канавы для этой цели было недостаточно. Потребовалось еще поднять на месте постройки уровень почвы. Об этом говорит, в частности, и слой глины, насыпанный по всей средней трети жилища и образовавший там глиобитный пол. Сруб дома устанавливался уже на

подсыпку (об этом свидетельствует взаимное положение нижнего венца дома и бревен обноски).

Можно допустить, что у стен сруба снаружи делалась дополнительная присыпка для утепления основания дома, которая представляла собой некое подобие завалинки. При отступе земляной платформы (вместе с бревенчатой обноской) от стен сруба, достигавшем почти 1 м, и при уклоне верхней поверхности земли от сруба к краю площадки такая дополнительная подсыпка могла прикрыть два или даже два с половиной бревна сруба.

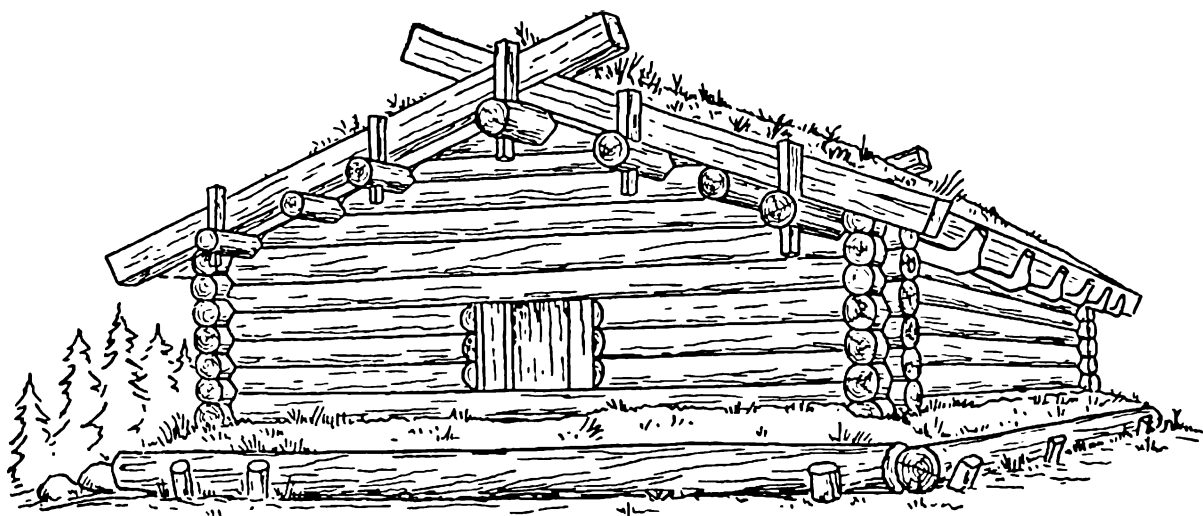

Рис. 3. Ладога, горизонт E_3 . Жилое сооружение. Схематическая реконструкция. Внешний вид.

О внутреннем оборудовании рассматриваемого жилища раскопки дали мало материала. В центре его на большом протяжении сохранился развал камней и глины, который В. И. Равдоникас, а за ним и Г. П. Гроздилов признали остатком печи. Однако нет никакой уверенности в том, что это была печь. Н. И. Репников не менее определенно называл такие же развалы остатками очагов-каменок.

В центральной части жилища, в промежутке между средними рядами столбов, пол был глинобитным. В. И. Равдоникас, предполагая, что средние ряды столбов служили опорой перегородок, разделявших жилище вдоль на три части, видел в неодинаковом устройстве пола средней трети жилища и боковых его третей подтверждение этой своей мысли. Однако наличие в средней части жилища глинобитного пола отнюдь не может служить подтверждением такого предположения. То, что около очага пол был устроен песгораемым, — вполне естественный результат желания предохранить жилище от пожара. В то же время, как мы уже заметили выше, есть основание предполагать, что вдоль боковых третей жилой постройки тянулись возвышения, служившие ме-

стом для сна и сидения на краю, обращенном к очагу (примерно то, что в русской деревне называют «мостом»)⁹. Возвышения эти, разумеется, делались деревянными. Ладожские раскопки не только в горизонте Е₃, но и во всей толще Е не дали материала для суждения об этой весьма важной части внутреннего оборудования. Однако в одном можно быть уверенным: эти помосты не были отрезаны перегородками от очага, служившего источником света и тепла. Предполагаемые В. И. Равдоникасом перегородки превратили бы жилище в комплекс трех коридоров: среднего высокого, освещенного и обогретого очагом, но чуть ли не наполовину им занятого и лишенного мест, где даже немногие из обитателей жилища, которые могли бы в этом коридоре поместиться, имели бы возможность присесть, и боковых низких — более вместительных, но холодных и темных, для которых очаг давал бы главным образом дым и очень мало тепла. Не приходится всерьез говорить о возможности такого устройства жилища.

Можно допустить предположение, что одна из боковых третей ладожского жилища служила «женской половиной», а другая — «мужской». Признаков такого раздельного использования жилища не было обнаружено в Ладогe, но они оказались в жилых постройках Березняковского городища и принадлежащего муроме Тумовского селища IX—X вв. Однако различия в назначении отдельных частей площади жилища, как мы знаем, не обязательно сопровождаются устройством перегородок не только в жилищах столь архаического типа, как ладожский дом VIII в., но даже в таких сравнительно усовершенствованных и усложненных, как русская крестьянская изба XIX в.

Остатки построек древней Ладог, которые можно относить к IX в., были раскрыты в горизонтах Е₂ и Е₁. Характерными для горизонта Е₂ являлись остатки жилища, хотя в общем и сходного с вышеописанным, но имевшего значительные отличия и, в частности, с совершенно иной конструкцией перекрытия. Это был почти квадратный жилой дом размерами 8×7 м, со стенами из горизонтальных бревенчатых венцов, рубленых в обло, с очагом или печью посередине, с полом, в большей части помещения деревянным, а вокруг печи — глинобитным (рис. 4).¹⁰ Доски пола были настланы по продольной оси жилища, т. е. по направлению ко входу. У одной из боковых стен сохранилась часть настила из досок, расположенных перпендикулярно доскам пола. Весьма

⁹ Такие мосты (или, как чаще их называют в литературе, нары) были, в частности, неизменной принадлежностью древних скандинавских жилищ (близких по типу к описываемому ладожскому). Упоминания и некоторые данные о них содержатся в скандинавских и исландских сагах.

¹⁰ Равдоникас В. И. Старая Ладога, ч. II, с. 13—16. Вполне возможно, что сокращение размеров поверхности глинобитного пола и расширение дощатого пола почти на всю площадь жилища было связано с тем, что здесь уже очаг сменился печью, которая представляла меньшую опасность в пожарном отношении.

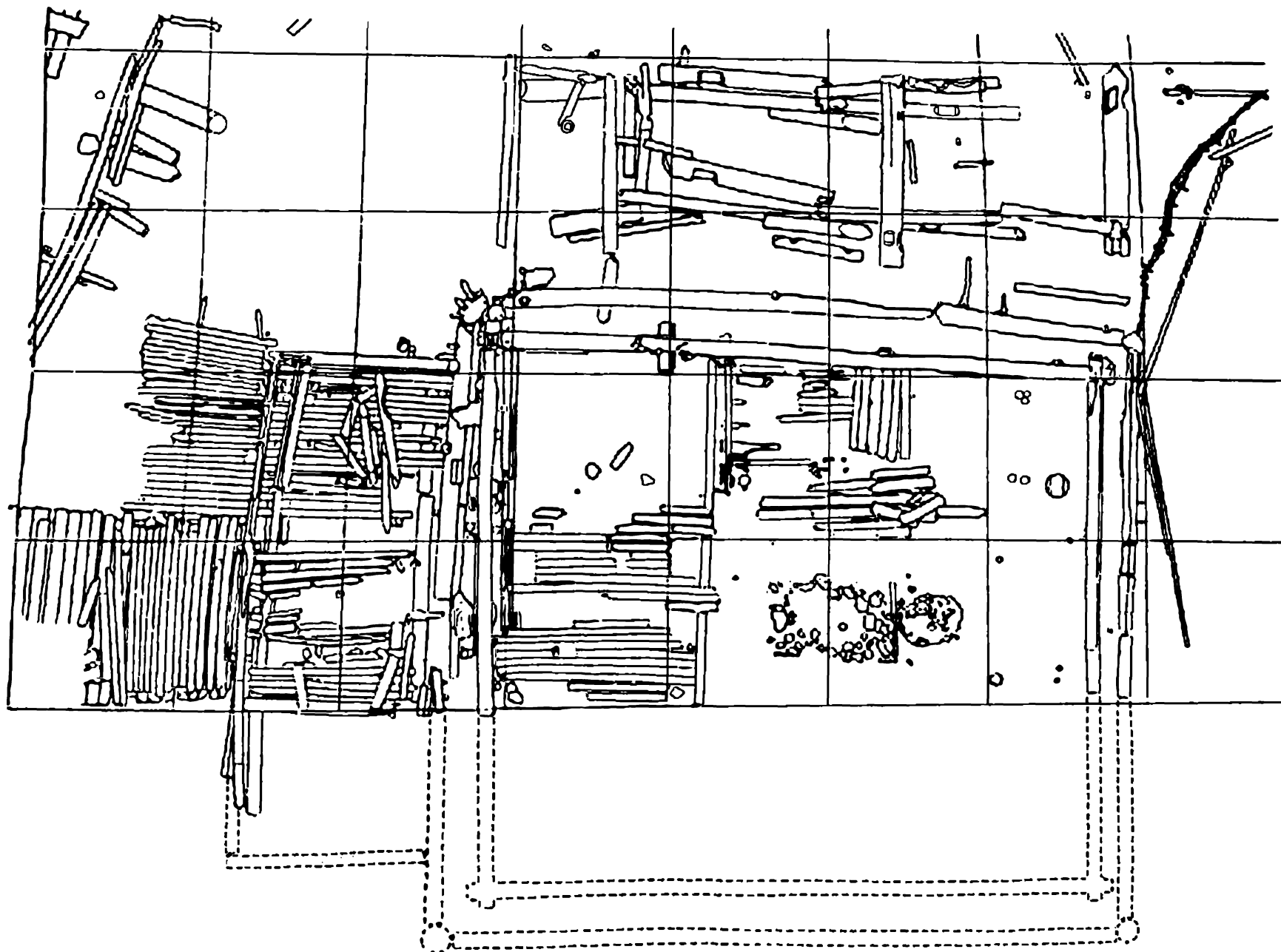

Рис. 4. Полоса горизонт Е₂. Остатки жилого сооружения. План.

вероятно, что это были остатки помоста. Доски пола, находившиеся между остатками предполагаемого помоста и печью, по-видимому, мало потревоженные, лежавшие на своих местах, показывали, что ширина помоста не превышала 2 м. Помост, возможно, шел не только вдоль боковых стен, но и вдоль торцевой, где в ряде мест оказались следы кольев, вбитых в землю, которые, быть может, имели отношение к конструкции помоста. Снаружи вокруг сруба со всех четырех сторон было такое же, как и в доме VIII в., ограждение земляной платформы, сделанное из одного ряда толстых бревен, укрепленных кольями и камнями.¹¹

Перед входом в жилище сохранились остатки обширного прямоугольного жердевого настила по лагам из нетолстых бревнышек. Настил был поднят над уровнем почвы, окружавшей постройку. В. И. Равдоникас считал этот настил полом сеней, весьма основательно построенных, имевших, по его мнению, даже потолок, сделанный из бревен и плах. Однако он не смог привести в подтверждение своего мнения каких-либо убедительных доказательств, так как по следам видно, что это была очень легкая по конструкции часть постройки. Г. П. Гроздилов повторил мнение В. И. Равдоникаса о сенях этого жилища как уже доказанное, не входя в оценку доказательств.¹² Между тем, несмотря на сравнительно хорошую сохранность настила, никаких остатков столбов или бревенчатых стенок вокруг него не было. То, что В. И. Равдоникас называл столбами сеней, служившими будто бы опорой тяжелого бревенчатого перекрытия и основой стен, было в действительности в большей части небольшими колышками, которыми с двух сторон укреплялись круглые лаги настила. Диаметр немногих обнаруженных концов кольев, наиболее солидных, не превышал 10 см, а большая часть колышков была не толще 5—6 см. Лежавшие поверх настила куски бревен и плах, которые В. И. Равдоникас принял за остатки рухнувшего потолка сеней, скорее всего представляли собой части выступавших за стены дома свесов крыши, упавших во время пожара, который разрушил это сооружение; кроме того, они могли попасть сюда случайно при расчистке (перед постройкой нового жилища) завала, образовавшегося на пожарище.

Часть упоминавшихся выше колышков, сохранившихся в земле, можно принять за концы жердей, составлявших стойки ограждения настила. Расположение стоек попарно, с промежутком между жердями каждой пары, не превышающим их собственную весьма небольшую толщину, говорит о том, что стенки эти имели очень легкую конструкцию, были жердевыми или плетневыми. Перекрытие их при отсутствии столбов могло быть тоже очень легким,

¹¹ Равдоникас В. И. Старая Ладога, ч. II, с. 11—16.

¹² Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА. XIV. 1950, с. 155—161.

например из коры или луба по основе из жердей. Таким образом, следы этой части дома, открытые раскопками, свидетельствуют о том, что здесь существовал легкий навес с полом из жердей и ограждением из жердей или плетня. Такой навес мог предназначаться для того, чтобы дать возможность перед входом в дом очиститься от снега и грязи, позволить выходить из жилища наружу, не попадая сразу же в грязь, под дождь или снег, и, быть может, для того, чтобы встречать перед входом приходящих в дом. Если эту наружную пристройку и можно (при желании) называть сенями, то не в том понимании этого слова, в каком оно представлялось В. И. Равдоникасу, основывавшемуся в данном случае на примерах поздних данных русской этнографии.

Вход в эти сени, судя по расположению парных жердей, составлявших опору их стенок, находился на продольной оси постройки напротив входа в само жилище. Снаружи перед входом были найдены остатки почти квадратного деревянного примостья, к которому с трех сторон — по оси жилища и сбоку (справа и слева) — подходили вымощенные жердями пандусы, служившие для подъема на него. Видимо, как примостье, так и полы навеса и самого жилища приподнимались над уровнем окружающей сооружение земли не менее чем на 0.5 м, так как длина наилучше сохранившегося пандуса превышала 2 м. Никаких следов, которые могли бы показать, что примостье и пандусы имели покрытие или ограждение, не оказалось. По-видимому, они были открытыми.

Весьма существенно эта постройка отличалась от предшествовавших ей ладожских жилищ конструкцией перекрытия. В остатках ее не оказалось следов столбов, поддерживавших крышу. Крышу несли только стены. В. И. Равдоникас предполагал здесь стропильную конструкцию, т. е., точнее говоря, висячие стропила, так как для наслонных стропил тоже необходимы опоры под коньком крыши. Однако нет ни малейшей возможности предполагать для этих арханческих сооружений такие сложные приемы, как стропильные фермы, характерные для высоких ступеней развития стропильной техники. Правда, на довольно ранних этапах развития народной деревянной архитектуры северо-европейских стран, по всей вероятности, существовал вариант устройства наслонных стропил, при котором не требовалось столбов, — с укладкой верхних концов стропил на продольную князевую слегу, укрепленную в щипцовых рубленых стенах. Но на такой постройке, как рассматриваемая, эта конструкция практически была невозможна ввиду весьма значительного размера сруба и как следствие большого пролета князевой слегой при огромном весе крыши.

Говорить здесь о стропильных конструкциях нет никаких оснований еще и потому, что данные этнографии дают нам в изобилии материал, свидетельствующий о том, что в странах Северной

Европы, как и на Руси, распространенным способом устройства основы крыши являлось перекрытие на продольных (параллельных коньку) слегах, врубленных в самцы, составляющие щечковые стенки (порубы). Такие перекрытия известны нам по русским избам, особенно северным. В Норвегии до нашего времени сохранилось довольно много обширных жилых построек с земляными крышами на такой основе. Горизонтальные слеги, врубавшиеся в стенки торцовых щипцов, связывали щипцы (порубы) между собой. Концы слег, заходившие за порубы, образовывали передний и задний свесы крыши. Боковые свесы поддерживались «курицами», укладывавшимися по слегам или «подкуретникам». Через

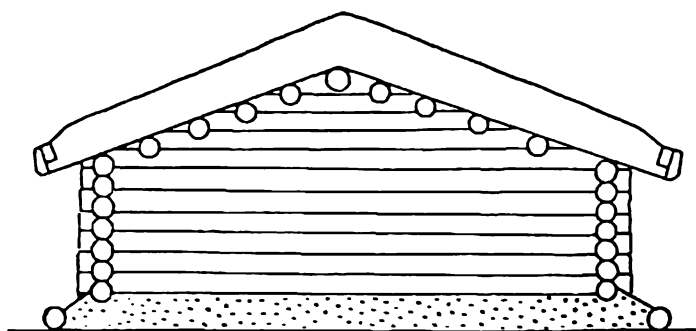

Рис. 5. Ладога, горизонт Е₂. Жилое сооружение.
Схема реконструкции.

слеги почти весь вес крыши передавался на торцовые стенки сруба, и лишь сравнительно небольшая часть — на продольные его стены. По-видимому, именно поэтому порубы располагали над более короткими стенами, менее подверженными выпучиванию. Слеги же, особенно князевую, при значительном пролете приходилось делать из наиболее толстых и крепких бревен (рис. 5).

Остатки жилой постройки, аналогичной по устройству ее основной части только что описанному жилищу, но отличавшейся меньшей обширностью (размеры сруба примерно 6×6 м), были открыты Н. И. Репниковым во время раскопок 1911—1913 гг. в слое, соответствующем горизонту Е₂ (по Н. И. Репникову — II ярус). Следов обноски земляной платформы и иных внешних частей не оказалось. Это, по всей вероятности, объясняется их полным уничтожением при разборке постройки, так как трудно допустить, чтобы здание было поставлено просто на землю, без подсыпки.

В горизонте Е₁ были обнаружены остатки еще одной большой постройки, несколько вытянутой в плане. Здесь оказались только части обноски земляного возвышения, сделанные из бревен толщиной 50—60 см, укрепленных по периметру кольями, вбитыми

в землю, и части небольших мостков, видимо служивших для входа на возвышение.

Уже в конце IX в. наряду с большими домами в Ладоге появились жилища совершенно иного типа, впоследствии вытеснившие большие дома. Это показали раскопки 1957—1958 гг., открывшие в горизонте Е₁ остатки двух небольших изб, тесно приставленных одна к другой. В большей из них печь стояла в углу, в меньшей — в центре сруба (рис. 6). К. Д. Лаушкин рассматривает избу с печью посередине как жилище типа, переходного «между большими домами нижнего горизонта Ладоги и маленькими избами верхних культурных напластований».¹³ Однако искусственность такого предположения очевидна. Два этих столь тесно сдвинутых сруба, разумеется, не представляли собой двух самостоятельных жилых построек. Насколько можно судить по сохранившимся остаткам, к сожалению, неполным и не везде отчетливым, оба сруба не просто примыкали друг к другу, а были связаны общей галерейкой и, по всей вероятности, покрыты общей крышей, т. е. представляли собой комплекс, по его компоновке не имеющий никакого сходства с ладожскими большими домами VIII—IX вв. Характер этого комплекса в целом настолько существенно отличен от характера вышеописанных ладожских построек, что судить о его первоначальном виде мы сможем лишь ознакомившись с рядом подобных жилищ X в. Собственно жилым помещением в этом комплексе являлась лишь одна из изб — та, в которой печь занимала место в углу. Избу же с печью в середине есть все основания считать помещением производственного назначения, мастерской ремесленника.

Раскопки древнего поселения на месте псковского Крома в нижних слоях открыли остатки жилищ, похожих, по свидетельству С. А. Таракановой, на ладожские жилые дома VIII—IX вв. Однако опубликованные С. А. Таракановой данные об этих жилищах неопределенны и не позволяют сделать каких-либо ясных и твердых выводов, не говоря уже о реконструкциях построек. Отдельные замечания С. А. Таракановой дают почву думать, что ею были открыты жилища, хотя и близкие по времени к ладожским большим домам, но существенно отличавшиеся от них. Так, она сообщает о большом рубленом доме с подвалом. Однако сведения об этой постройке разноречивы: по одной из публикаций, ее размеры 7×6 м, а датировка VIII—IX вв.;¹⁴ по другой — размеры 8×10 м, а дата VIII—X вв.¹⁵

¹³ Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге. КСИА, в. 81, 1960, с. 72—76.

¹⁴ Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, в. XXVII, 1949, с. 106.

¹⁵ Тараканова С. А. О происхождении и времени возникновения Пскова. КСИИМК, в. XXXV, 1950, с. 25—27.

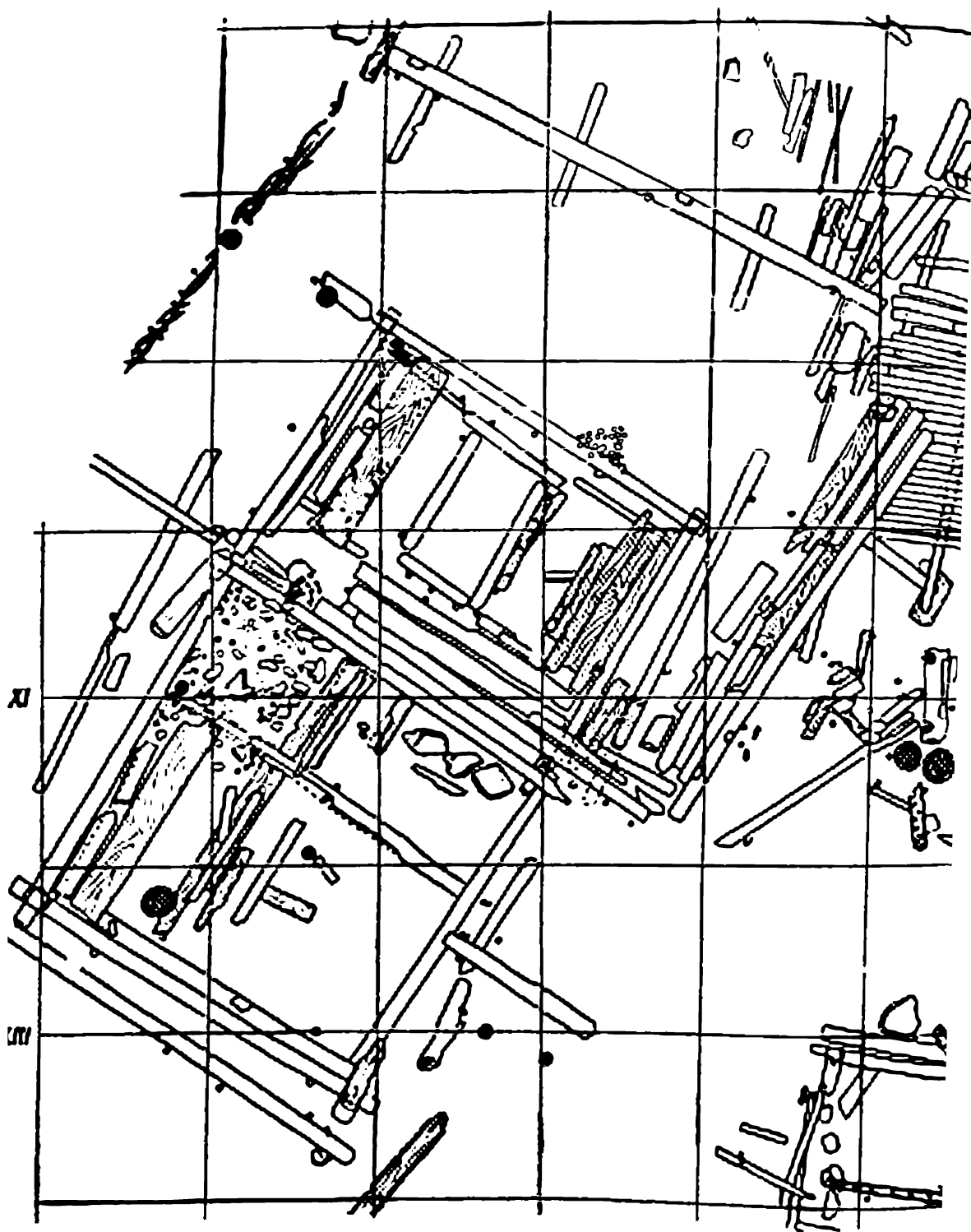

Рис. 6. Ладога, горизонт E_1 . Остатки жилища. План.

В культурных напластованиях Ладоги, датируемых X в., были обнаружены остатки жилых построек только лишь одного вида — однокамерных изб (размеры от 3.7×3.9 м. до 5.5×6 м) с печью в углу.¹⁶ Характерной особенностью остатков этих жилищ являлось то, что венцы сруба были, как писал В. И. Равдоникас, «окружены дополнительными бревнами».¹⁷

Основываясь на аналогиях с современными крестьянскими избами, В. И. Равдоникас рассматривал эти дополнительные бревна в зависимости от того, на каком расстоянии от сруба они были уложены, то как остатки бревенчатых ограждений земляных завалин, то как основания стен сеней. Ни первое, ни второе из этих предположений не является правдоподобным. Уже одно то, что эти дополнительные бревна обходили избу во многих случаях не с четырех, а только с трех или даже с двух сторон, говорит, что их нельзя рассматривать как остатки завалинок.¹⁸ Об этом же с большой убедительностью свидетельствует ряд других наблюдений. В промежутках между срубом и дополнительными бревнами почти всегда археологи находили плахи или доски, представлявшие собой остатки настилов, существовавших до разрушения постройки между срубом и дополнительными бревнами. Сами дополнительные бревна нередко оказывались сдвинутыми со своих мест в сторону сруба. Совершенно ясно, что никто никогда не стал бы делать под земляную засыпку завалины настилы из досок или плах. Если даже допустить, что это было сделано, то опять-таки никак не могли доски или плахи такого настила, если бы они были засыпаны землей, сдвинуться потом со своих мест, сохраниться лишь частично, а частью потеряться. Не могли они под земляной засыпкой и обгореть во время пожара. Точно так же не могли бревна, ограждавшие земляную завалину, сдвигаться во время разрушения постройки внутрь завалины. Между тем в открытых раскопках остатках именно все эти явления очень часто подмечались археологами.

Почти во всех случаях дополнительные бревна в ладожских избах X в. были очень прочно соединены с основным срубом избы. По наилучше сохранившимся основаниям построек можно проследить, что в расположении этих бревен и соединении их со срубом соблюдался определенный прием. При укладке двух нижних бревен окладного венца (боковых) с наружной стороны постройки добавляли на требуемом расстоянии еще по два бревна, параллельных первым (рис. 7). Размеры всех четырех бревен

¹⁶ Равдоникас В. И. Старая Ладога [I]. СА, XI, 1919, с. 15—31.

¹⁷ Там же, с. 16—17.

¹⁸ В. И. Равдоникас писал: «По задним фасадам такие бревна обычно не наблюдались» (Старая Ладога [I], с. 17).

превышали размер будущего сруба. Следующие два бревна окладного венца (переднее и заднее) врубались не только в нижние бревна самого сруба, но и в оба боковых бревна. В то же время в дополнение к верхним бревнам окладного венца клали, как и в первом ряду, но теперь уже поперек, два наружных дополнительных бревна и врубали их тоже в концы всех четырех продольных бревен (т. е. бревен окладного венца сруба и боковых). Получался двойной венец, основательно связавший.¹⁹ Как выше

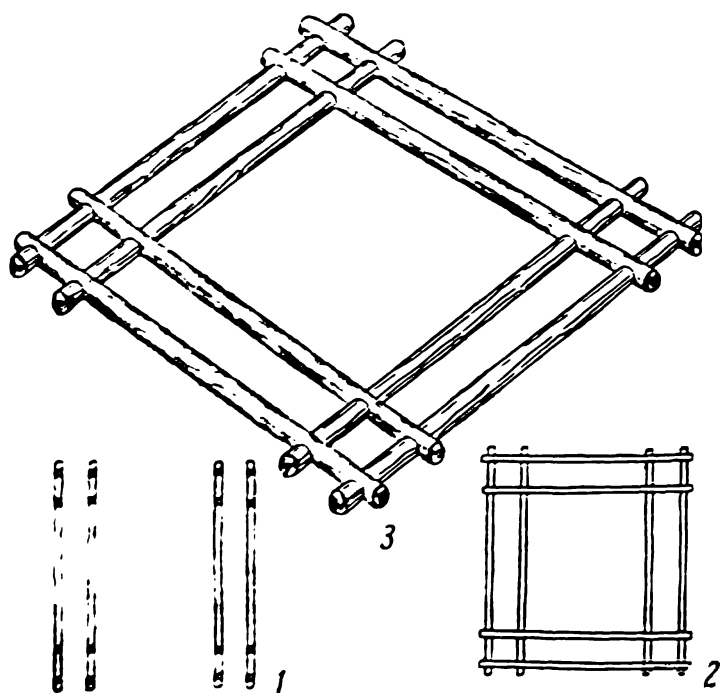

Рис. 7. Ладога, горизонт Д. Типичный прием устройства основания избы.

1 — первый ряд (план); 2 — второй ряд (план); 3 — общий вид (реконструкция).

было отмечено, не всегда при этом дополнительные бревна укладывались по всем четырем сторонам, но и в таких случаях принцип сопряжения их со срубом оставался тем же.

Сам способ соединения дополнительных бревен с основным срубом постройки говорит о том, что эти бревна отнюдь не являлись основанием ограждения завалилки. Ограждение завалилки было бы совершенно бессмысленно рубить одновременно со

¹⁹ Это видно по чертежам построек из раскопа 1938—1940 гг.: горизонт Д, кв. Е₁₀—З₁₀—Е₁—З₁ (Равдоникас В. И. Старая Ладога [1], рис. 5, 6, 17), кв. А₁₂—А₁₀—В₁₁—В₉ (там же, рис. 5, 6, 9, 10), кв. Г₄—Г₆—Ж₃—Е₂ (там же, рис. 5, 6); по постройкам из раскопа 1957 г. и кв. М_х—О_х—Н_х и Р_х—С_х—Т_х (Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге, с. 73); в раскопе 1948 г. — постройки У₇—Ф₇—Б₇—В₁₁.

стенами избы и столь прочно связывать со срубом, далеко выпущая для этого наружные концы окладного венца. Отметим заодно, что также излишне было бы на это ограждение употреблять бревна, не уступающие толщиной бревнам самого окладного венца.

Такое основательное соединение дополнительных бревен со срубом было выработано не сразу. В некоторых ладожских постройках, близких к рубежу IX и X вв., дополнительные бревна не связаны со срубом. Однако и их невозможно рассматривать как остатки завалинок, не греша против элементарной логики и здравого смысла. Г. П. Гроздилов, называя остатками завалинки венец, лежавший вокруг сруба избы в кв. $P_2-P_0-U_0-T_1$ раскопа 1948 г., был вынужден часть этого венца признавать в то же время основанием сеней.²⁰ С точки зрения строительного искусства любой эпохи и любого народа это совершенно нелогично. Вместе с тем именно под те бревна, в которых Г. П. Гроздилов видел основание ограждения завалинки, были подложены прочные толстые и длинные подкладки — по три-четыре под каждое бревно. Это убедительно говорит о том, что на венец дополнительных бревен приходилась большая нагрузка, и это особенно ясно выражено потому, что под самим срубом избы никаких подкладок, даже небольших, не было. Понятно, что подводить такие подкладки под сруб, ограничивавший завалинку, не было надобности и никакой строитель этого бы не сделал. Ни в одном из обнаруженных оснований жилых построек дополнительные бревна нельзя признать относящимися к завалинке.

В тех случаях, когда дополнительные бревна находились на сравнительно большом расстоянии от основного сруба, т. е. на расстоянии 1.5—2 м, В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов считали их основаниями сеней. Надо отметить, что в наше время в жилых постройках сельского типа действительно принято сени связывать с основным срубом при помощи выпуска концов бревен нижнего и верхнего венцов сруба и врубки в эти концы поперечных бревен, служащих для укрепления в них стоек, т. е. посредством технического приема, очень сходного с приемом соединения со срубом дополнительных бревен в ладожских постройках X в. Может быть, именно это сходство конструктивного приема послужило поводом для того, чтобы считать в некоторых случаях дополнительные бревна ладожских построек основанием сеней. Однако можно ли называть сенями часть постройки, которая обходит сруб с трех или четырех сторон, причем с задней и боковых сторон представляет собой проход шириной, не превышающей 1 м, а то и близкой к 50 см? Даже из описаний, которые дает В. И. Равдоникас некоторым из этих проходов (конечно, тем, которые по размерам наиболее подходят к понятию «сени»), порой совершенно ясно, что это были не сени, а галереи. Так, одни из

²⁰ Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладоте в 1948 г., с. 146.

сеней он характеризует как «располагавшийся углом под коридора шириной около 1.6—1.8 м».²¹

Особенностью ладожских галерей является то, что они различны, а порой резко неодинаковы по ширине и находятся, что наиболее характерно, даже на разных сторонах одной и той же постройки (рис. 8,9). Ладожские галереи в передней своей части (у входа в избу) достигали иногда 2 м в ширину, действительно по размерам напоминая этим наши современные деревенские сени, в то же время в боковых ответвлениях и на задней стороне избы (в тех случаях, когда они и туда заходили) они чаще всего имели ширину, достаточную только для того, чтобы два человека могли разминуться, причем нередко лишь повернувшись при этом боком. Ясно, что такие галереи не могли служить местом хранения громоздких орудий труда или запасов. Сомнительным кажется и то, чтобы передняя часть галерей даже тогда, когда она была широкой, играла бы существенную роль в хозяйственном отношении, хотя в ней можно было поместить мешки, кадки, поставить какие-либо орудия труда (вроде грабель, кос, топоров), положить или повесить принадлежности упряжи и подобные, не слишком громоздкие вещи. Если представить себе, что через эту часть галерей проходили в избу и через нее же входили в боковые ответвления галерей, то можно сделать заключение о том, что даже при сравнительно большой ширине — 1.5—2 м — она все же являлась проходной.

Видимо, и не существовало надобности в том, чтобы использовать эти галереи для хозяйственных нужд, т. е. как место хранения хозяйственного инвентаря, запасов или каких-либо материалов. Это следует из назначения построек, входивших в состав комплексов дворов вместе с жилищами. При каждой избе (в тесной близости к ней) имелась клеть, выходившая обычно на чистую, парадную ее сторону. В то же время ладожские раскопки показали, что недалеко от жилищ, на отдельных, особо для этого предназначенных местах находились амбары для запасов, загон для скота, хлева.

В старинных жилищах Норвегии, сохранивших весьма архаическое устройство, паружная галерея, подобная ладожским, служила удобным, защищенным от непогоды проходом к отхожему месту, устраивавшемуся у задней стены дома, обычно в торце той же галереи, а в некоторых случаях — проходом к другой избе или клетю. Есть все основания думать, что ладожские галереи имели такое же назначение. Это прежде всего можно подтвердить примерами жилых построек древнего Новгорода. В какой-то мере это подтверждается также долгим существованием такого приема и его пережитков на Руси в более поздние времена, иногда с не-

²¹ Равдоникас В. И. Старая Ладога [1], с. 24. Надо отметить, что такую значительную ширину имела лишь передняя часть «коридора».

которыми изменениями в соответствии с переменами в общей компоновке жилых зданий, иногда же с сохранением первоначального принципа в полной неприкосновенности. В XVI—XVII вв. в тех случаях, когда в городских жилых постройках роль галерей перешла к сеням, отхожее место стало помещаться в задней части сеней или же в особом задце, устраивавшемся за сенями. В тех же зданиях, которые по-прежнему имели наружные галереи, даже в самом конце XIX в. все еще было обычным расположение отхожего места в торце галереи (у заднего угла дома) или за углом.

Материалы ладожских раскопок позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся конструкции галерей, а вместе с тем устройства крыш жилых построек и высоты их основного сруба. Отмеченная выше солидность основания для столбов галереи, конечно, не случайна. Она может быть объяснена только тем, что эти столбы предназначались для несения большой нагрузки. Откуда же могла появиться здесь такая нагрузка? Разумеется, только лишь от крыши. Это позволяет определенно сказать, что избы перекрывались очень тяжелой крышей, т. е. крышей с толстой земляной засыпкой. Отсюда следует, что ладожские жилые избы X в. не имели потолков. Такой вывод подтверждают найденные в горизонте Д «курицы». Выступавшие вверх отростки «куриц», которые поддерживали край стрехи, очень длинны, что прямо указывает на весьма большую толщину покрытия, намного превышавшую толщину самой солидной тесовой кровли, но вполне соответствовавшую кровле с земляной засыпкой. По-видимому, даже у бокового края постройки крыша имела толстый земляной слой, хотя над галереей этот слой мог быть тоньше, чем над самой избой. Тяжелая земляная крыша, очевидно, через верхнюю обвязку галереи опиралась на ее столбы. Из этого мы имеем возможность сделать очень существенный для нас вывод — галереи с боковых сторон постройки (со стороны скатов крыши) не были выделены снаружи отдельными покрытиями, а подходили под одну кровлю с избой. Это дает опору для еще одного вывода — основной сруб ладожской избы X в. не был высоким. Высота галереи несомненно не была очень большой, по всей вероятности, она была близка к 2 м, следовательно, внутренняя высота избы под князевой слесгой при обычно довольно небольших размерах сруба вряд ли была намного больше 3 или 3.5 м (рис. 10). Галереи большей частью были довольно узкими, и, следовательно, если бы крыша не имела больших свесов, то на столбы галереи не приходилось бы большой нагрузки даже при тяжелой крыше. В то же время, как мы уже убедились, столбы галерей были сильно нагружены. Это позволяет сделать вывод о том, что свесы крыши имели довольно значительную величину.

Полы ладожских галерей X в., как это можно видеть по зафиксированным археологами остаткам настилов и лаг галерей.

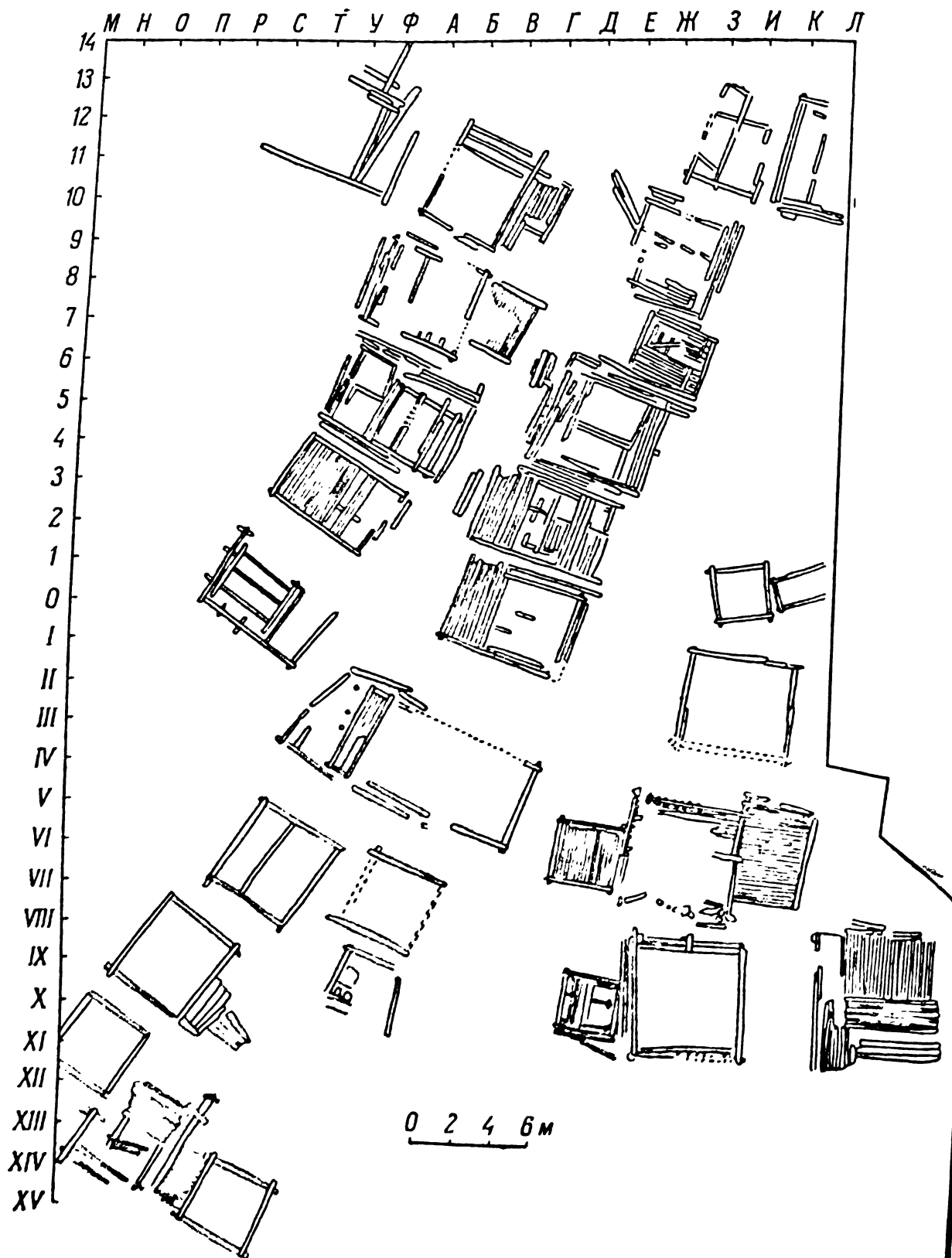

Рис. 8. Ладога, горизонт Д. Сводный схематический план синхронных построек на участках раскопа 1911—1913 и 1938—1948 гг.

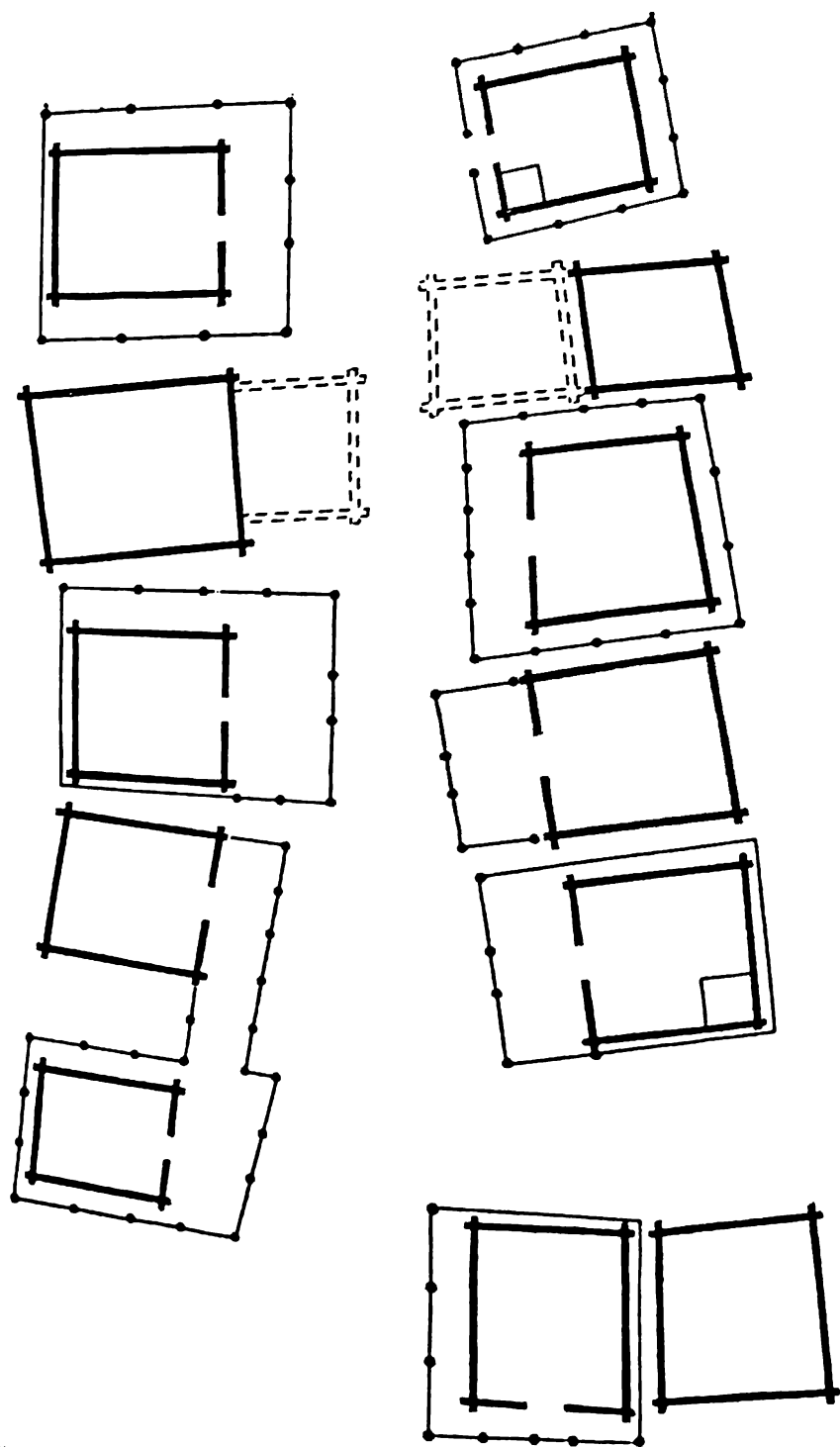

Рис. 9. Ладота, горизонт Д. Схема планировки построек на участках раскопа 1911—1913 и 1938—1948 гг. Реконструкция.

были деревянными. По следам, открытым раскопками, можно догадываться о применявшейся конструкции лаг (рис. 11, 12).

Как можно видеть по материалам раскопок, описанная солидная конструкция галерей была характерной почти для всех по-

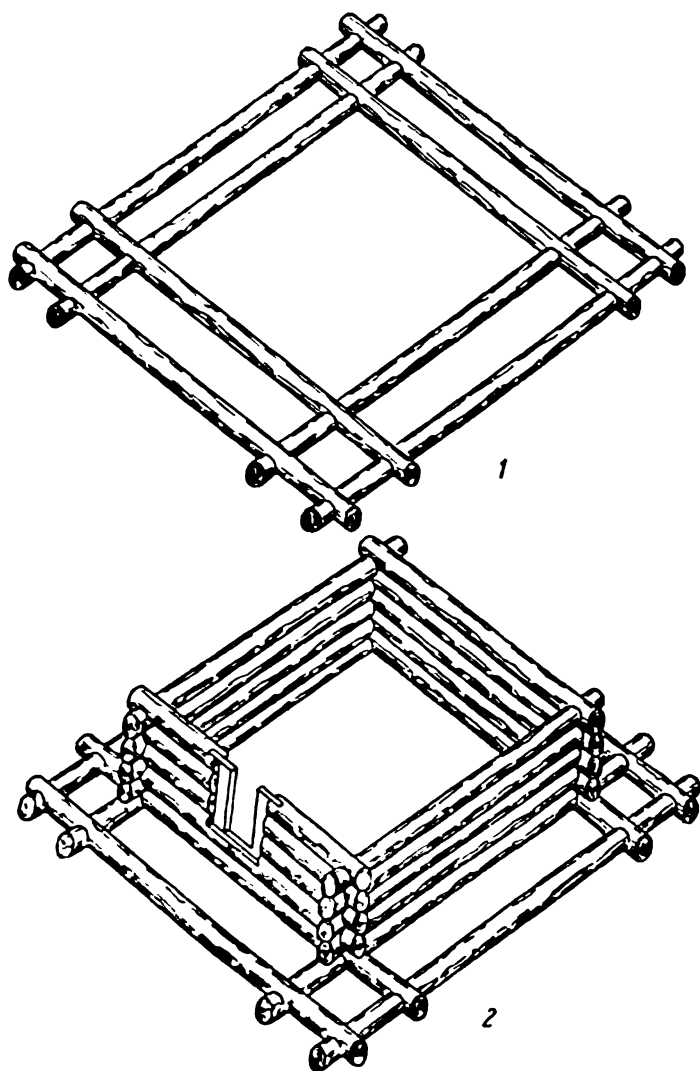

Рис. 10. Ладога, горизонт Д. Схема предполагаемой типичной конструкции основного скелета жилой избы.

1 — основание; 2 — основание и стены.

строек X в. Однако в самых нижних слоях горизонта Д, как и в самом верхнем уровне горизонта Е, были обнаружены постройки с галереями, устроенными более примитивно. В верхнем слое горизонта Е, т. е. в слое, относившемся либо к самому концу IX, либо к самому началу X в., во время раскопок 1958 г. археологи

обнаружили основание избы с остатками галереи, поставленной на лежаках, не связанных с основным срубом избы (рис. 6).²²

Остатки галереи, имевшей подобное же устройство, были открыты в самом нижнем слое горизонта Д при раскопках 1948 г.

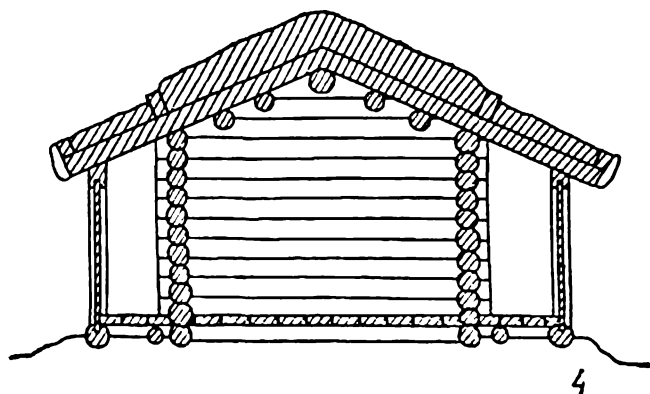
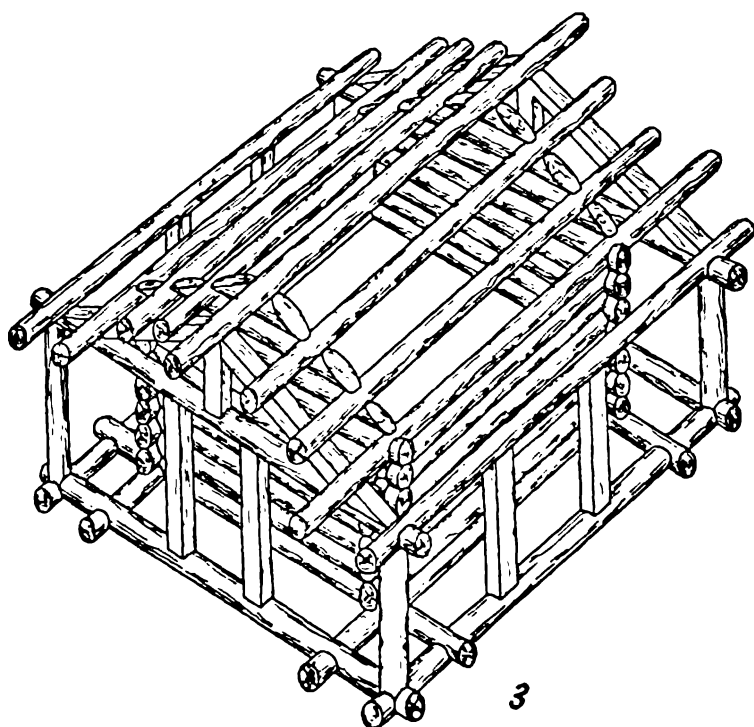

Рис. 10 (продолжение).

3 — основание, стены, стойки галереи и основные несущие слегы перекрытия (аксонометрия); 4 — разрез.

(рис. 13). В последнем случае под венец дополнительных бревен были подложены подкладки из довольно длинных обрубков. Это показывает, что внешний венец должен был здесь выдерживать значительную нагрузку, т. е., что он был нагружен весом значительной части земляной крыши.

²² Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладге, рис. 36, а.

Во всей остальной толще горизонта Д остатков галерей такого устройства найдено не было, и это дает основание считать, что прием постройки галерей на вепцо, не связанном со срубом избы, при неплотности ладожского грунта не оправдал себя и применялся лишь вначале, а потом был вытеснен более надежным при данных условиях устройством, описанным выше.

Рис. 11. Ладога, горизонт Д. Следы устройства основания под настил пола галереи (постройка № 4, экспедиция 1958 г.).

Для реконструкции конкретных ладожских построек X в. мы избрали остатки двух изб, входивших в комплекс, открытый раскопками 1938—1940 гг., и избы с клетью, открытой раскопками 1948 г. Для работы над реконструкцией мы использовали подробные чертежи, опубликованные В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым.

Остатки избы, обнаруженные раскопками 1938—1940 гг. в кв. А₁₂—А₁₀—В₁₁—В₉, сохранили нижний венец сруба с копцами, выпущенными за пределы сруба на значительное расстояние, и часть дополнительных бревен (рис. 14). Внутри избы обнаружены остатки печи-каменки в виде развала камней, покрыва-

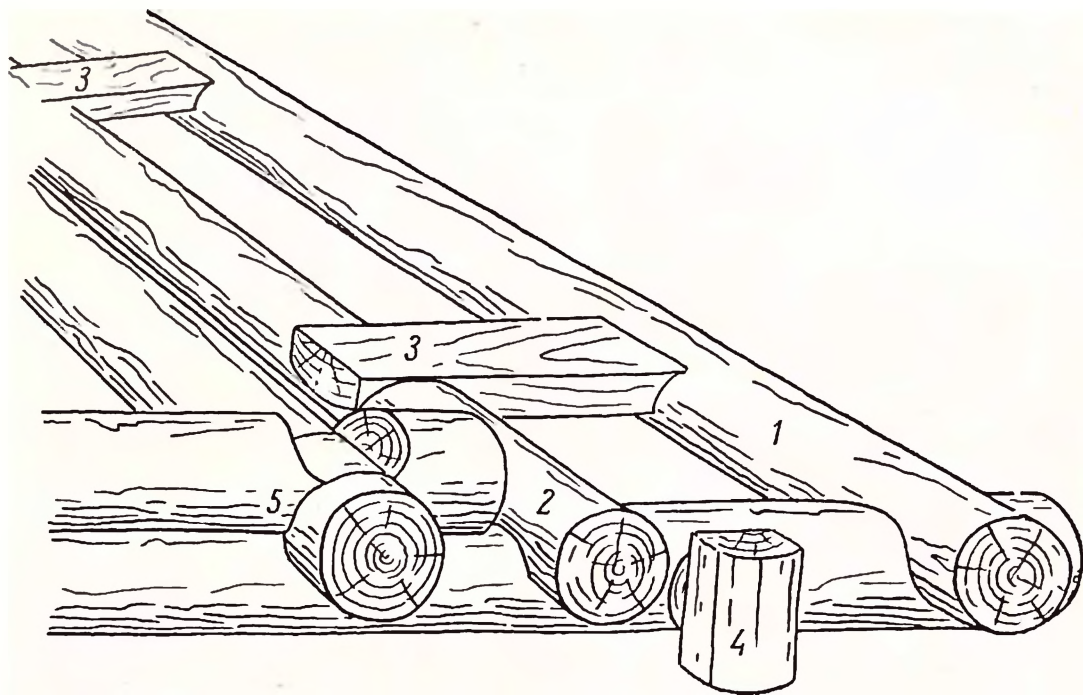

Рис. 12. Ладога, горизонт Д. Устройство основания под настил пола галереи. Реконструкция.

1 — опорное бревно галереи; 2 — дополнительная слега; 3 — подкладки под настил пола; 4 — упор; 5 — угол сруба избы.

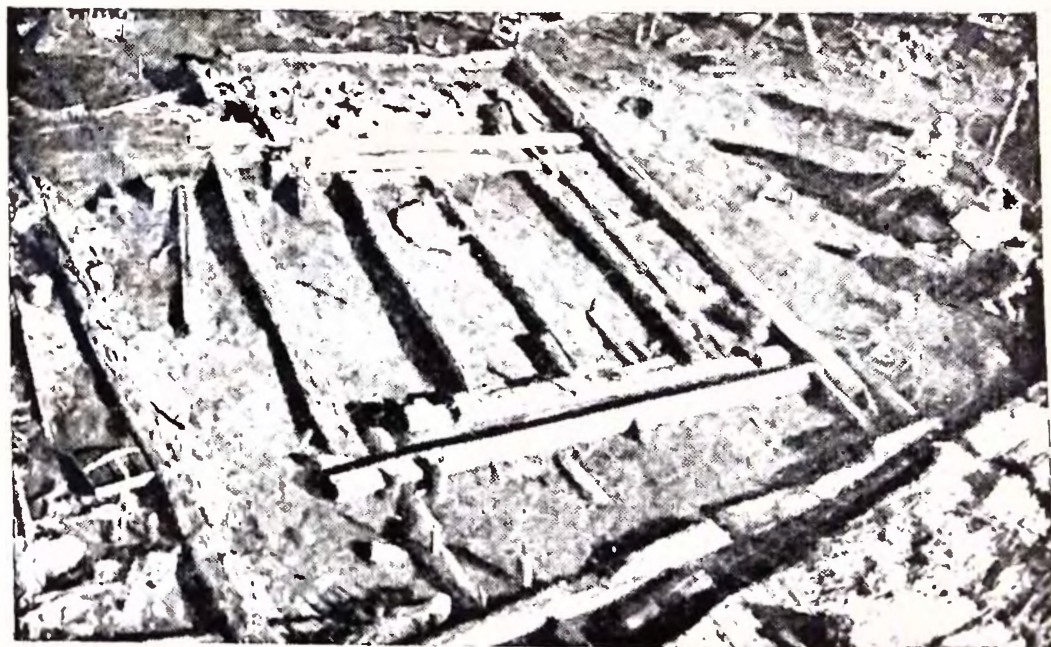

Рис. 13. Ладога, горизонт Д, пняный слой. Остатки основания жилища.

шего всю северную половину избы.²³ Печь была расположена в правом заднем углу от входа; размеры ее (по В. И. Равдоникасу) 1.20—1.60 м. Под развалом печи сохранились остатки пола. Нижний венец постройки был раскрыт не полностью; один из углов его уходил в стенку раскопа, вследствие чего остались неисследованными половина основания северной и треть основания западной стороны постройки. Хотя выпуски концов окладного венца и врубленные в них дополнительные бревна сохранились

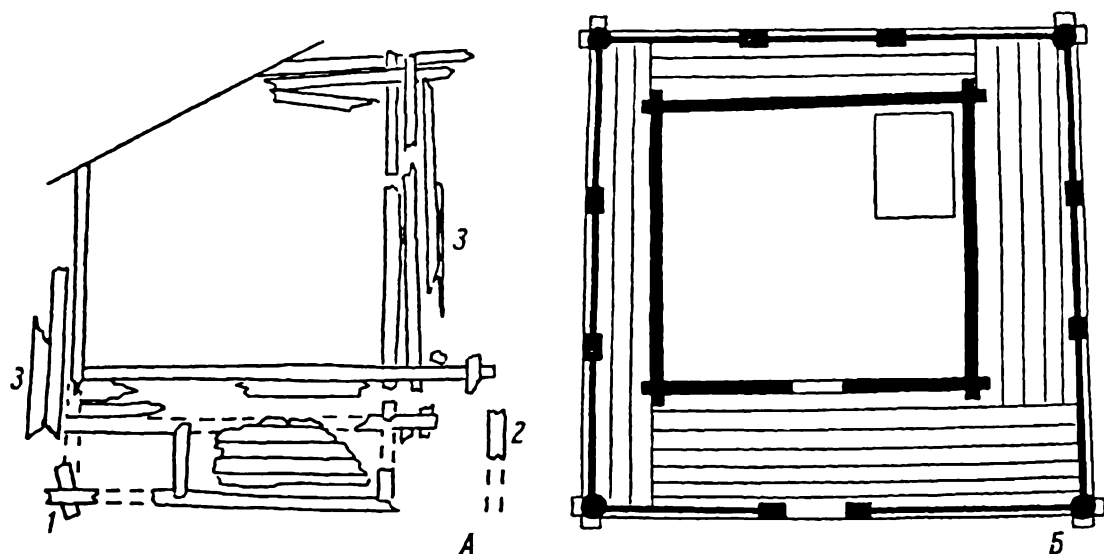

Рис. 14. Ладога, горизонт Д. Изба из раскопа 1938—1940 гг. в кв. А₁₂—А₁₀—В₁₁—В₉. План.

А — сохранившиеся остатки; Б — схематическая реконструкция; 1 — пересечение бревна сруба и бревна дополнительного венца; 2 — фрагмент бревна дополнительного венца; 3 — плахи настила галереи.

в сильно поврежденном виде, все же по их остаткам можно видеть, что они служили основанием для галереи, окружавшей сруб с четырех сторон. Передняя часть галереи была значительно шире остальных — ширина ее доходила почти до 2 м, в то время как ширина галереи на правой от входа (т. е. восточной) стороне была немногим больше 1 м. Ширину других ответвлений галереи установить невозможно из-за отсутствия в этих местах ограничивавших ее бревен. В этих частях от галереи остались лишь обломки плах настила пола и остатки перекладин, поддерживавших этот настил. Устройство ограждения галереи, высота постройки, покрытие ее изображены на рисунке (рис. 15) в соответствии с теми общими данными, которые изложены выше. Но нужно отметить, что все эти данные позволяют установить только общую схему, не давая представления о деталях и о декоративной обработке. Между тем ладожские избы X в. не были лишены такой

²³ Равдоникас В. И. Старая Ладога [I], с. 21.

обработки. Ниже мы особо разберем этот вопрос, а пока будем считать приведенные здесь реконструкции, как и две предыдущие, только предварительными и схематическими.

О другой избе из того же раскопа — в кв. Е₁₀—Е₈—З₁₀—З₈ — можно судить по оставшимся от нее нижнему венцу основного сруба и значительной части основания галереи. Внутри избы были открыты остатки печи, сложенной из камней на деревянном опечье, и остатки лаг пола (рис. 16). На месте восточной и южной

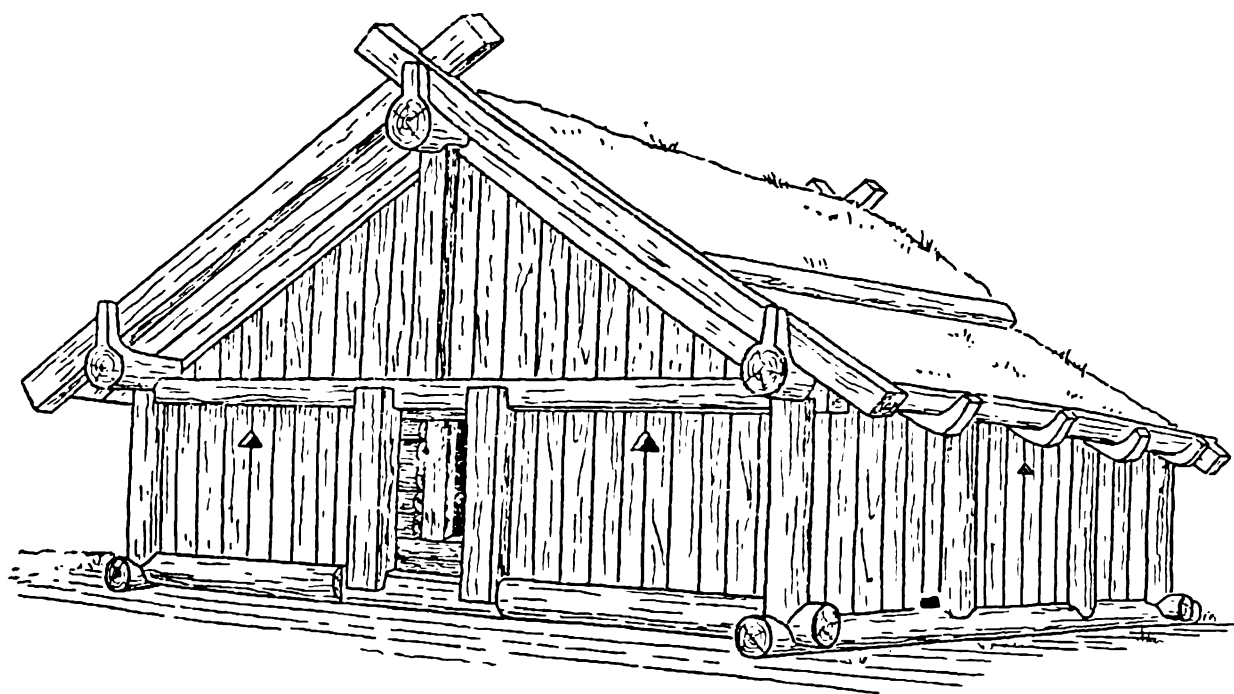

Рис. 15. Ладога, горизонт Д. Изба из раскопа 1938—1940 гг. в кв. А₁₂—А₁₀—В₁₁—В₉. Схематическая реконструкция. Внешний вид.

ветвей галереи сохранились остатки настилов, а с западной стороны, кроме того, бревна внешнего, дополнительного венца, служившего основанием для столбов галереи. Северная сторона сохранила лишь остатки дополнительных бревен и подкладок под настил пола галереи. По всей вероятности, вход в избу находился с северной стороны — об этом говорит общая планировка построек. В то же время, как можно судить по пересечению дополнительных бревен, ширина северной части галереи была небольшой. Если это так, то в данной постройке можно видеть пример избы с галереей, не расширенной во входном ее отделении, как в предыдущем случае. В остальном же обе избы, по-видимому, были очень похожи. Так как у нас нет точных конкретных данных о деталях устройства верхних частей этих двух построек и тем более о их декоративной обработке, то внешний вид обеих изб мы вынуждены представлять себе совершенно одинаковым. Поэтому к ре-

конструкции второй избы дан только чертеж плана без изображения общего внешнего вида.

Остатки жилой постройки, открытые в нижнем слое горизонта Д раскопками 1948 г. в кв. С₄—Ф₂—С_н—П_о, интересны тем, что

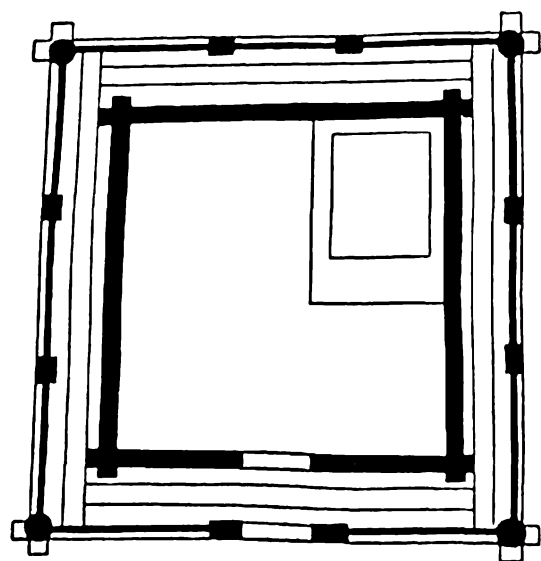

Рис. 16. Ладога, горизонт Д. Изба из раскопок 1938—1940 гг. в кв. Е₁₀—Е_н—З₁₀—З_н. План. (Подлинный чертеж остатков см.: Равадоникас В. И. Старая Ладога [1], рис. 17).

они могут дать представление об особенностях жилого строительства в самом начале X в., тогда как рассмотренные выше две избы относятся уже к несколько более позднему времени. Изба начала X в. отличалась от изб последующего времени устройством галереи. Венец, служивший основанием для столбов галереи, здесь не был связан со срубом. Передней части галереи свойственна просторность, однако сзади избы галереи вовсе не было, она обходила избу лишь с трех сторон (рис. 17). При сравнительно небольшой величине сруба избы ширина передней части галереи превышала 2 м. В то же время в боковых ответвлениях бревна нижней обвязки галереи были положены на расстоянии

около 40 см от сруба, следовательно, внутренняя ширина проходов, если измерить ее от бревен сруба до досок предполагаемой пола-

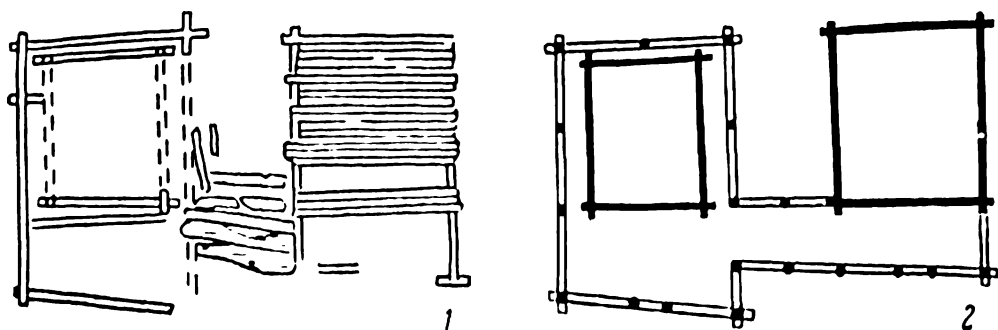

Рис. 17. Ладога, горизонт Д, нижний слой. Изба с клетью в кв. С₄—Ф₂—С_н—П_о (раскопки 1948 г.). План.

1 — остатки; 2 — схематическая реконструкция.

той заборки стенок галереи, составляла около 50 см или немного более. У задней стенки сруба избы бревно нижней обвязки галереи было положено вплотную к выступающим концам бревен,

связанных в обло с остатком сруба. Значит, это бревно служило лишь для того, чтобы стягивать нижнюю обвязку, не давать боковым сторонам галереи разойтись под влиянием распора крыши или других вредных нагрузок. Кроме того, это бревно могло воспринимать и вертикальную нагрузку от крыши, благодаря тому, что лежки боковых сторон обвязки, на которые передавался вес крыши через столбы, были положены на это бревно сверху.

Сбоку от избы на расстоянии немного более 2 м паходились остатки клетки, имевшие вид основательного помоста из сплоченных бревен. Г. П. Гроздилов принимал этот помост за пол хозяйственной постройки неизвестного назначения с плетневыми стенками. Однако он исходил из совершенно ошибочного толкования следов, открытых раскопками. Он писал: «Бревна настила тщательно подгонялись друг к другу вплоть до подтесывания боковин некоторых бревен по продольной оси, а на концах каждого бревна оказались вырубленными небольшие чашеобразные выемки, как снизу — для лучшей связи с нижележащими лагами, так и сверху — для закрепления поперечного бревна, лежавшего в вырубках сверху настила. Такой способ закрепления настила свидетельствует об отсутствии сруба или бревенчатых стен, ограничивавших эту постройку. Настил, вероятно, был выгорожен плетнем, а крыша покоилась на вертикальных столбах, вкопанных по углам».²⁴ Между тем вырубки, сделанные близ концов бревен, свидетельствуют как раз об обратном — о том, что помост предназначался именно для установки на нем сруба, для укладки двух первых бревен окладного венца которого и делались эти чашеобразные выемки. В то же время именно такой помост и был необходим под клетью, так как двор тогда не был замощен, а были устроены лишь узкие переходы между постройками и вокруг клетки оставалась ничем не прикрытая земля. Прочный бревенчатый настил не позволял пробраться в клеть снизу, посредством подкопа. Вспомним здесь, как древнерусский судейник разрешал убить пса, который «проказы деет, подрыв клеть».²⁵ Г. П. Гроздилов не определял точно назначения этой предполагаемой им плетневой постройки, но как бы намекал на то, что это мог быть хлев, упоминая о «вкраплениях стойлового павоза» в слое, перекрывавшем помост. Однако присутствие в этом слое, образовавшемся уже позднее в результате перекопов и перекидок земли, комков павоза не может служить основанием для вывода о том, что эта постройка служила хлевом, а паличие бревенчатого

²⁴ Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г., с. 146.

²⁵ «Пес аще проказы деет, подрыв клеть или продрав строп влезет, да убийт я» (X—XI вв.; строп — скат крыши, отсюда стропила). Судейник царя Константина в русском переводе, вошедший в Кормчие книги и некоторые летописи. Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. I. Изд. П. Строева. М., 1820, с. 130 и сл.

помоста говорит о том, что это была клеть. Мост клетки был уложен по двум длинным лагам, под которые в свою очередь были подложены короткие подкладки-чурки. Остатки настила были обнаружены не на всей площади постройки — в передней ее части на протяжении около 1.5 м лаги оказались свободными. Может быть, это не случайно, а объясняется тем, что перед входом в клеть была галерейка, имевшая не такой основательный настил, как помост клетки, и поэтому не сохранившая его. Такие «предмостья» перед входом в клетки и амбары существовали, да и теперь еще существуют и в русских, и в латышских, и в литовских деревнях.

Между этим «предмостьем» и передней частью галереи избы сохранились остатки перехода. О них Г. П. Гроздилов писал: «При посредстве трех настиленных широких досок жилая часть этого сооружения через сени соединялась с хозяйственной постройкой».²⁶ В свете новых данных об устройстве жилья, которые мы здесь разбираем, кажется сомнительным, чтобы переход между жилой постройкой и клетью мог представлять собой просто настил из досок. При существовании закрытой галереи и крытого навеса перед клетью оставить переход между ними без покрытия и ограждения было бы неразумно. Надо думать, что и «предмостье» клетки было тоже не только покрыто, но и защищено дощатыми стенками.

Клеть и переходы — постройки холодные. Казалось бы, что их должны покрывать тесовыми крышами. Однако устройство земляного слоя над деревянными настилами крыш построек диктовалось не только желанием утеплить постройку, но несомненно во многих случаях также необходимостью предохранить кровлю от искр, которые могли вылететь из дымовых отверстий, расположенных поблизости от жилищ. Это дает нам основание предполагать, что и клеть была покрыта земляной крышей, и представить комплекс этих двух построек в таком виде, как он изображен на реконструкции (рис. 18). Само собой разумеется, что и эту реконструкцию можно считать только схематической.

Сохранившиеся остатки рассмотренных здесь построек не содержали материала, который позволял бы судить о художественной обработке их. В то же время мы не можем отрицать того, что в постройках городского посада на Руси X в. декоративная обработка деревянных зданий не только имела место, но и играла большую роль. Археологические раскопки на территории городов Северо-Западной Руси доказали это с достаточной очевидностью, хотя и не дали возможности восстановить обработку какого-либо конкретного здания.

Украшенные резьбой остатки резных столбов и другие фрагменты деревянных строений и их внутреннего убранства, относя-

²⁶ Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладозе в 1948 г., с. 146.

щиеся к XI—XIII вв., найденные археологами в раскопках Ярославова дворища и Неревского конца в Новгороде, свидетельствуют об очень высоком уровне развития приемов украшения деревянных строений и предметов их оборудования.²⁷ Нельзя не согласиться также и с мнением А. В. Арциховского, который считал, что новгородская резьба в свое время бывала еще и раскрашенной.²⁸

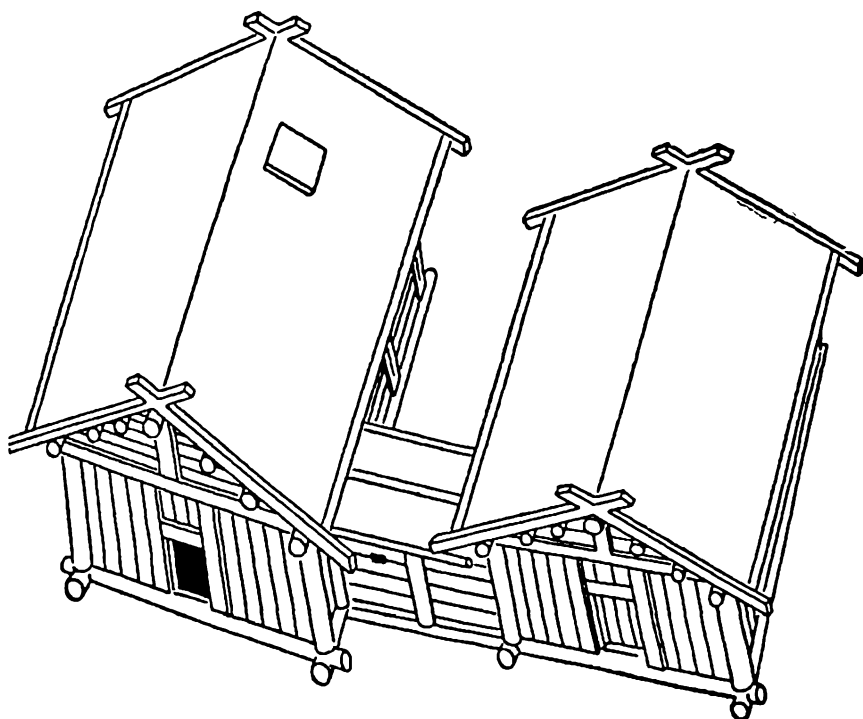

Рис. 18. Ладога, горизонт Д. Изба с клетью. Схематическая реконструкция.

Конечно, Новгород был одним из наиболее богатых городов Северо-Западной Руси, но нет все же оснований думать, что по характеру декоративной обработки и убранству его массовых построек он очень резко отличался от других городов этой территории. Нельзя также думать, что такое высокое художественное и техническое совершенство обработки дерева, какое мы видим в Новгороде XI в., не имело корней в предшествовавшем столетии. Материалы ладожских раскопок показывают, что в Ладоге X в. художественная обработка деревянных изделий получила значительное развитие. Найденные в толщах Е и Д деревянные резные обломки доказывают мастерство ладожан IX—X вв. в исполь-

²⁷ Арциховский А. В. 1) Новгородская экспедиция. КСИИМК, в. XXVII, 1949, с. 115—116; 2) Археологическое изучение Новгорода. Тр. Новгородск. археол. эксп., т. I. МИА, № 55. 1956, с. 32.

²⁸ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода, с. 34.

довании декоративной обработки этого материала (рис. 19). В то же время одно из открытий, сделанных археологами в Ладоге, определенно свидетельствует о том, что искусство резьбы находило применение и в украшении деревянных построек. Раскопками 1950 г. были обнаружены нижние части столбов большого амбара. Вблизи оставшихся невыкопанными оснований столбов сохранились два обломанных верха тех же столбов, вероятно, попавшие при сломке этой постройки в какие-то ямы в земле или скорее в канаву, которая могла быть выкопана около

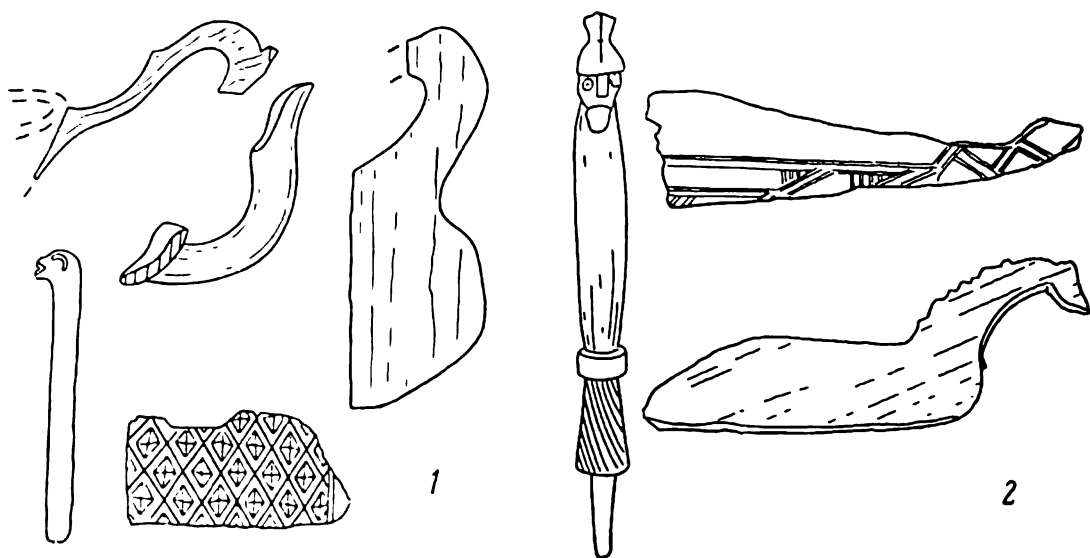

Рис. 19. Ладога. Фрагменты резных деревянных изделий.

1 — из горизонта Е; 2 — из горизонта Д

амбара. В. И. Равдоникас считал этот амбар относящимся к постройкам горизонта E_2 , однако есть основания сомневаться в точности этого определения; может быть, в действительности амбар относился к несколько более позднему времени, т. е. к горизонту E_1 .²⁹ Но относится ли этот амбар к тому или иному горизонту толщи Е, для интересующих сейчас нас выводов это существенного значения не имеет.

²⁹ При расчистке столбов до уровня горизонта E_2 во время раскопок колья и камни, которыми были укреплены столбы, оказались спаружу, т. е. тоже были расчищены. Между тем при постройке они без всякого сомнения забивались под землю в промежутки между столбами и стенками ямы, может быть, даже глубоко. Во всяком случае после засыпки ямы их не было видно. Кроме того, кажется маловероятным, чтобы могли сохраниться упавшие верхушки столбов, если бы они упали не в углубление, а на поверхность земли. Все это позволяет думать, что дневная поверхность времени постройки амбара была значительно выше, чем предполагал В. И. Равдоникас. Однако определить точно соотношение этой поверхности с горизонтами E_1 и E_2 мы не имеем возможности, так как не располагаем необходимыми для этого стратиграфическими данными.

Столбы сверху затесаны в виде удлиненного усеченного конуса с завершающим его широким цилиндром и образуют фигуру, напоминающую в общем гриб с плоской шляпкой (рис. 20, 21). Такая затеска не представляет собой чего-либо необыкновенного — она характерна для столбов амбаров и применялась во все времена, вплоть до наших дней. Ее назначение чисто утилитарное — не позволять грызунам забираться по столбам в амбар. Однако на оставшихся невыкопанными нижних частях столбов

Рис. 20. Ладога, горизонт Е₂. Остатки основания амбара.

тоже сохранились остатки затески, которая уже имела только декоративное назначение. На некоторой высоте на каждом из столбов имеется глубокая подрезка, выше которой начинается часть столба, расширяющаяся кверху по дуге. На трех-четырех столбах сохранился фрагмент такого перехвата; по нему видно, что над подрезкой столб был обработан в виде бусины (рис. 22).

Если мы ознакомимся с русскими амбарами, относящимися к XVIII—XIX вв., то увидим, что некоторые из этих построек имели довольно затейливую декоративную обработку свесов крыш, коньков, столбов и перил галерей, но не найдем примеров такой сложной обработки опорных столбов, какая обнаружена в Ладоге. Из этого, как нам кажется, совершенно естественно вытекает вывод, что ладожские амбары IX—X вв. были украшены не

Рис. 21. Ладога, горизонт Е. Остатки основания амбара. Фрагмент стойки с сохранившейся частью ее верха.

менее богато, чем известные нам значительно более поздние русские амбары.

Невозможно, чтобы при таком внимании к украшению опор древнеладожского амбара верхние части его были бы оставлены без декоративной обработки. Без особых доказательств и примеров ясно, что если такая малозаметная часть, как стулья, получила столь сложную форму, то такие значительно более привлекающие к себе внимание и видные издали части древних ладожских амбаров, как стойки и обвязки их галерей,³⁰ обрамление проемов и детали крыш, получали довольно богатую художественную отделку, т. е. скорее всего декоративную резьбу. В то же время нет никаких причин думать, что ладожане X в. считали необходимым придавать наиболее богатую внешность именно амбарам, резко выделяя их этим среди прочих построек. Желание в первую очередь украсить жилище, а хозяйственным постройкам отвести по насыщенности декорации второстепенное место — явление, свойственное всем народам и всем временам, и Ладога X в., разумеется, не составляла в этом отношении какого-то особого исключения.

К данным, которые могут нам что-то сказать относительно декоративной обработки ладожских построек IX—X вв., следует отнести кроме остатков стульев амбара деревянную поделку, най-

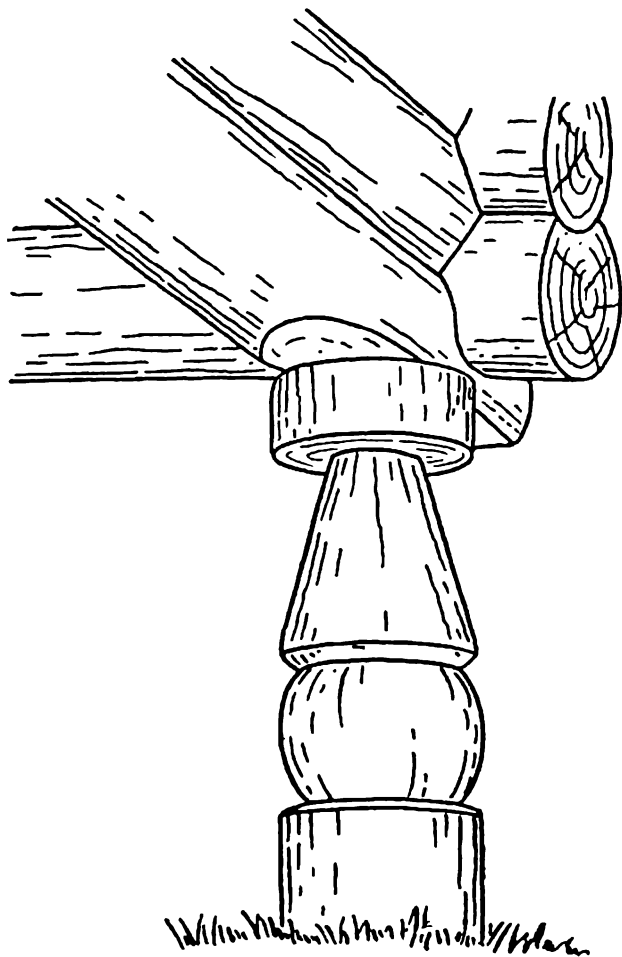

Рис. 22. Ладога, горизонт Е. Опорный столб амбара. Реконструкция.

³⁰ Мы имеем достаточное основание утверждать, что эти амбары были двухэтажными. Заключается оно в найденных при раскопках амбарных лестницах — «шглах» (бревна с вырубленными в них ступенями). Одно такое «шгло» было найдено целым; длина его соответствовала амбару с двумя этажами, поднятыми над землей на стульях. Из этого следует, что при амбарах были галереи, так как сообщение между этажами осуществлялось, как мы знаем из этнографического материала, через галереи, имевшие характер висячих балконов.

денную в горизонте Д (рис. 23).³¹ Поделка эта повторяет в небольшом масштабе мотив обработки столба постройки, а вернее сказать — воспроизводит такой столб. Судя по сохранившемуся с одного конца шипу, это часть какого-то сложного деревянного предмета, по нашему мнению, модели дома. Поделка украшена двумя бусинами, отделенными друг от друга витыми валиками, причем каждая из бусин имеет на наиболее выпуклой части

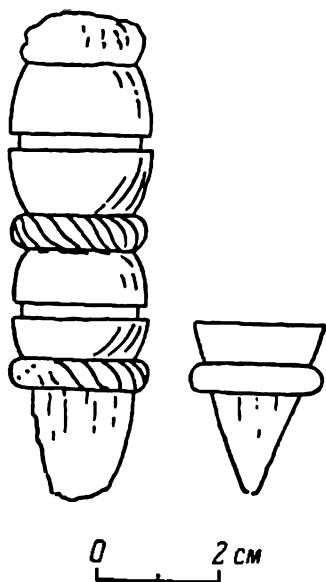

Рис. 23. Ладога, горизонт Д. Деревянная резная поделка.

опояску в виде желобка. Эта поделка — наглядное свидетельство того, что ладожанам X в. были знакомы не только наиболее простые из приемов украшения деревянных столбов, но и весьма развитые, довольно сложные.

Если обратиться к примерам, которые дает нам этнография Европы, то наиболее близкими к описанным здесь деталям, найденным в Ладоге, окажутся части старинных построек Норвегии, сохранившей примеры чрезвычайно древних приемов компоновки, конструирования и обработки жилых и хозяйственных зданий. Художественно обработанные круглые столбы галерей были не единственным украшением древних норвежских амбаров и жилищ. Не меньшую роль в их декорации играла резьба, располагавшаяся на конструктивных частях, имевших плоские грани. Такими украшенными резьбой частями были прямоугольные столбы,

особенно те, которые располагались у центральной оси постройки или по сторонам входа в жилище, а также верхние горизонтальные брусья обвязки галереи и вертикальные брусья в щипцах галерей, подпиравшие свесы крыши над щипцами. Обычный рисунок резьбы на этих частях — сочетание плетенки с пальметками — своей глубокой архаичностью свидетельствует об очень большой древности этого приема декорации порвежских деревянных строений.

По наличию среди находок из горизонта Д бруса со шпунтом мы знаем, что в ладожских постройках X в. брусья находили себе применение, причем, по-видимому, в обвязках галерей, т. е. именно в тех же частях построек, что и в Норвегии. Это позволяет предполагать, что и этот прием украшения — резьба, покрывающая лентой плоские стойки галерей и брусья их верхней обвязки, применялся в Ладоге в X в., хотя прямых остатков такой резьбы

³¹ «Деревянная резная орнаментированная поделка с клинышком в нижней части». Найдена 24 VI 1958 г., кв. V, слой щепы с павозом. Шифр ЛД-341.

пока там не найдено. Кусок бруса со шпунтом, найденный в Ладого, не имеет никаких следов орнаментации. Но это отнюдь не означает, что такие брусья в Ладого X в. не украшались резьбой. Очень возможно, что брус принадлежал не щипцу, т. е. не лицевой стороне постройки, а боковой. В таком случае он и не должен был иметь украшения, так как его почти не было видно под свесом крыши. Похоже, кроме того, что этот брус был использован вторично, так что на нем если бы и были какие-то украшения, то они оказались стесанными.

Столбы, ограничивавшие входной проем галереи, надо полагать, и в Ладого отесывали плоскими гранями, так как изнутри к этим столбам прислонялся дверной щит. Наружные лицевые грани столбов было наиболее естественным в первую очередь украсить резным орнаментом.

Приведенные наблюдения говорят о том, что, по-видимому, в основных принципах компоновки и приемах декорации гражданских деревянных зданий Древней Руси и Норвегии существовало сходство в той мере, в какой это обуславливалось сходством климатических условий и природных ресурсов, а также географической близостью. Причем приемы, давно исчезнувшие на Руси, сохранялись в Норвегии, что и дает возможность в наше время строить некоторые догадки о далеком прошлом древнерусской народной архитектуры по норвежскому материалу. Однако мы считаем возможным делать шаги в этом направлении лишь в той мере, в какой нам дает на это право археологический материал, относящийся к Древней Руси. Описанные выше остатки амбарных ступьев и поделка в виде столба могут служить достаточным основанием для того, чтобы довольно конкретно представить себе круглые столбы галерей ладожских жилых домов, но относительно резьбы, украшавшей плоские части этих же галерей, мы ничего не можем сказать. Способы ее применения и ее размещение могли значительно отличаться от того, что дают примеры норвежских старинных построек. Художественный же характер древнерусской резьбы без сомнения имел своеобразные черты, о которых мы не можем судить по норвежскому материалу. Поэтому мы показываем резьбу на нашей реконструкции наружного вида обычной ладожской избы X в. только условно, в виде намека на то, что здесь могло быть. Также гипотетичны и детали крыши с их обработкой (рис. 24). Мы лишь позволили себе придать им более сложные формы. Изображаются эти детали только с той целью, чтобы дать по возможности более близкое к истине представление об общем характере облика такой постройки. Если она имела резные украшения, то совершенно лишив ее их на рисунке, т. е. никак не обозначив их, мы не могли бы создать рисунками сколько-нибудь верного представления о том впечатлении, которое постройка производила. В то же время мы не могли ставить задачу показать сами детали, так как о них не имеем ясного пред-

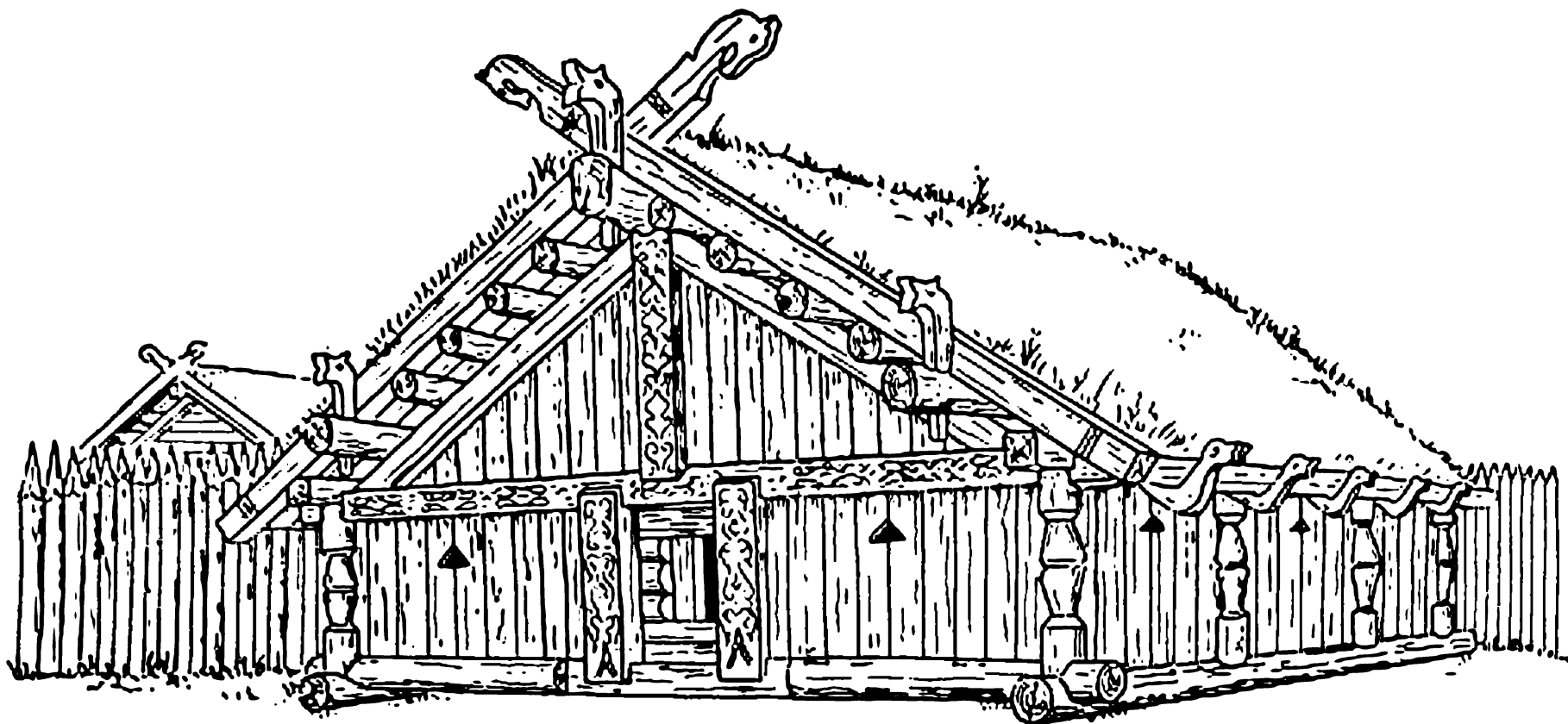

Рис. 24. Ладога, горизонт Д. Гипотетическая реконструкция внешнего вида избы.

ставления. Показывая на рисунке реконструированный внешний вид ладожской избы X в., мы отказались от попытки изобразить какую-либо определенную реально существовавшую постройку, а дали обобщенный образец, в котором отражены характерные черты преобладающей части жилых построек Ладоги того времени.

Материал ладожских раскопок убеждает между тем в том, что нельзя представлять себе все жилые избы Ладоги X в. совершенно однотипными. Открытые раскопками 1938—1948 гг. в горизонте Д остатки жилых построек показывают, что галереи располагались не только по трем или четырем сторонам избы, но в некоторых случаях только по двум (избы в кв. А_{II}—Б_{III}—У_{III}—Т_V и А_{II}—Б_I—Д₀—Г₀). Кажется, что при этом нижняя обвязка галереи все же замыкалась, т. е. проходила по всем четырем сторонам, причем там, где галереи не было, бревно обвязки укладывалось вплотную к срубу. По всей вероятности, верхняя обвязка также не прерывалась, подобно нижней. Представить себе такого рода постройки не трудно, исходя из аналогии с постройками, реконструированными выше.

Пример необычного устройства жилья дает постройка, остатки которой были раскрыты раскопками 1958 г. в кв. П_{IX}—Н_{XII}—С_X—П_{XIV} (рис. 25). Постройка эта находилась в самом верхнем слое горизонта Е₁ и поэтому должна быть отнесена либо к концу IX, либо к самому началу X в. Ее основу составляли не один, а два сруба, поставленных вплотную друг к другу. Один из них, более обширный, по размерам и по расположению в нем печи ничем не отличался от прочих ладожских жилых изб X в. Второй сруб, очень небольшой, был к тому же затеснен и разделен на две части печью, поставленной поперек в центре его. Такая компоновка помещения говорит о том, что оно не являлось жилищем. Однако К. Д. Лаушкин признал второй сруб тоже жилой избой, будто бы принадлежавшей какой-то семье, очень тесно связанной общими хозяйственными делами и родственными отношениями с семьей, жившей в обычной избе.³² Такая интерпретация вместе с утверждением, что внутренняя компоновка этой избы будто бы происходит от приемов устройства ладожских больших домов VIII—IX вв., потребовалась ее автору, чтобы найти «доказательство» того, что на рубеже IX и X вв. в Ладоге не произошло смены населения, что население Ладожского посада X в. представляло собой потомков ладожан VIII—IX вв. К. Д. Лаушкин пишет: «Эта постройка, соединяющая древние и более новые черты, может рассматриваться как переходный тип между большими жилыми домами нижнего горизонта Ладоги и маленькими избами верхних культурных напластований».³³ Искус-

³² Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге, с. 74.

³³ Там же.

ственность этой интерпретации сказывается во всем ее построении и всех ее аспектах. Материал ладожских раскопок достаточно отчетливо свидетельствует о том, что семьи ладожан, в том числе, очевидно, и те, которые объединялись родственными и хозяйственными связями, хотя и размещали свои жилища очень близко друг к другу, но все же обладали каждая своей отдельной избой. В то же время при любой из изб была клеть. По-видимому, клеть являлась неременной принадлежностью семейного хозяйства, без нее невозможно было обойтись. Это вполне понятно — избы

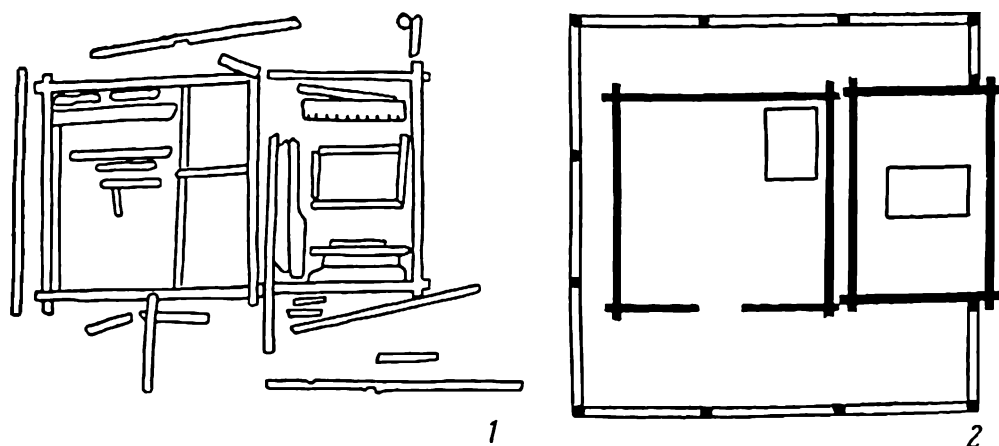

Рис. 25. Ладога, горизонт Е₁. Жилая постройка.

1 — план остатков; 2 — гипотетическая реконструкция.

не были такими обширными и приспособленными для хранения запасов, чтобы в них можно было бы сохранять все то, что составляло материальную основу существования семьи. Изба и клеть составляли единый комплекс, нередко объединенный общей галереей, так как каждое жилище в сущности было двухчастным, как это мы видим и в рассматриваемом комплексе. Необычность этого комплекса вовсе не в том, что он состоит из двух срубов, а в том, что при избе на месте холодной клетки оказалось помещение с печью, и в очень уж тесной связи этого помещения с избой — оно вплотную примыкало к избе, стена в стену, и, по всей вероятности, соединялось с жилищем закрытой галереей. В этом следует видеть скорее всего отражение следующего обстоятельства — в этой пристройке, как и в клетке, помещалось наиболее ценное из того, чем владела семья, и, видимо, даже имевшее значительно большую ценность, чем обычное содержимое ладожской клетки, то, чем особенно дорожили.

Из того, что в этом помещении была печь, следует, что оно не служило просто кладовой. Материалы Новгородской археологической экспедиции свидетельствуют, что среднее положение печи в таком небольшом срубе указывает на производственный

назначение данного помещения.³⁴ Это дает основание считать, что мы имеем дело с жилищем ремесленника и его мастерской.

Видеть в этой мастерской жилище переходного типа между большими жилыми домами нижнего горизонта Ладоги и маленькими избами X в. невозможно хотя бы потому, что в действительности она отнюдь не является чем-то средним между теми и другими постройками прежде всего по своей величине — она еще меньше, чем маленькие избы X в. Печь здесь поставлена совсем по-иному, чем в ладожских жилищах VIII—IX вв., — не вдоль, а поперек помещения и делит его на две почти совсем разобщенные части.

Открытые раскопками остатки рассматриваемого комплекса, к сожалению, недостаточны для того, чтобы дать точную реконструкцию его вида. Существующее размещение двух срубов свидетельствует, что они могли быть покрыты общей крышей с коньком, расположенным по длинной оси прямоугольника, образованного обоими срубами в плане. Другое покрытие здесь трудно предполагать. В то же время вход в избу, судя по положению печи, был, очевидно, не с торца прямоугольника, где возвышался щипец крыши, а с его боковой стороны. При таком расположении входа в избу вход в галерею мог быть тоже с боковой стороны, т. е. со стороны ската крыши, либо со стороны щипца крыши, но не в центре этой стороны, а у самого угла. И в том и в другом случае это придавало постройке снаружи несколько необычный вид.

О внутреннем устройстве ладожских изб X в. раскопки принесли очень немного материала. Он не дает возможности реконструировать интерьер избы. Мы можем утверждать лишь, что печь ставилась в углу, как представляется по весьма неполным данным, чаще в заднем и реже в переднем, у входа. Никаких материалов, которые позволили бы судить о наличии и устройстве полов, обнаружено не было, и лишь из более поздних примеров устройства русских изб и отчасти по новгородскому материалу мы можем предполагать, что и в Ладоге X в. в избах существовали полы, причем их расположение варьировало в зависимости от расположения печи.

Печи клались на опечьях, которые ограничивались деревянными столбами с бревенчатой забиркой между ними. По В. И. Равдоникасу, забирка в некоторых случаях устраивалась из больших известняковых плит, поставленных вертикально и запущенных в пазы в столбах.³⁵ Возможно, однако, что это утверждение В. И. Равдоникаса явилось результатом неточного прочтения им открытых раскопками остатков и в действительности плиты ограничивали опечья не с боков, а сверху.

³⁴ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, с. 27—28 и 31.

³⁵ Равдоникас В. И. Старая Ладога III, с. 20—21.

Печи было принято складывать из валунов или из известняковых плит на глине. Перекрывались они сводом.³⁶ Надо полагать, что снаружи кладка печи обмазывалась сплошным слоем глины. Впереди топочного отверстия устраивался шесток, составлявший продолжение пода.³⁷ Полы, по В. И. Равдоникасу, были земляными, глинобитными и чаще всего деревянными. При том обилии леса, какое было в Ладогe X в., кажется странным устройство в жилых помещениях земляных или глинобитных полов. Очень возможно, что в тех случаях, когда лаги под настил пола не врубались в стены, а укладывались независимо от стен (а это был обычный для Ладоги X в. прием, причем укладывались лаги не на почву, а на сделанную внутри подсыпку), они при разборке постройки легко могли быть вытянуты вместе с настилом, в то время как нижние венцы сруба оставались в земле. Этим вполне можно объяснить полное исчезновение в ряде случаев пола вместе с его лагами. Глиняный слой под полом, плотно утрамбованный, мог служить лишь средством изоляции жилища от почвенной влаги, а это являлось предметом постоянной заботы строителей древнеладожских жилищ.

Интересно наблюдение археологов относительно промазки пазов рубленых стен жилых изб глиной. Было бы чрезвычайно существенным установить, насколько часто это делалось, и если это было лишь исключением, то в каких именно постройках промазка наблюдалась. Дело в том, что этот способ утепления стен при тех приемах постройки, какие были приняты в Ладогe X в., не мог не повлечь за собой последствий, относящихся уже к области не технической, а скорее эстетической.

Бревенчатые стены ладожских построек того времени не обшивались, и, следовательно, промазка пазов не могла не повлиять на наружный и внутренний облик построек. Промазать пазы бревенчатой стены, не измарав при этом глиной части бревен между пазами, было бы весьма затруднительно. Едва ли ладожане стремились к тому, чтобы бревна между пазами оставались незапятнанными глиной, — это не имело смысла ни с точки зрения практической, ни с точки зрения эстетики. Таким образом, если стены снаружи или изнутри промазывались глиной по пазам, то они покрывались сплошным слоем глины, как бы глиняной окраской, которая в случае необходимости могла обновляться посредством напесения нового тонкого слоя жидкой глины. При этом могла применяться глина разных цветов. Однако материал раскопок не дает конкретных примеров использования глины для отделки изб и всякие суждения по этому поводу неизбежно будут оставаться пока что (до новых открытий археологов) в области предположений и догадок. В таком же положении находятся вопросы об устрой-

³⁶ Там же, с. 21.

³⁷ Там же, с. 21—22.

стве отверстия для выхода дыма и о наличии или отсутствии, кроме того, еще и особых световых отверстий, т. е. окошек. Мы можем лишь высказать свое собственное предварительное мнение, не подтвержденное археологическим материалом, а основанное на общем взгляде на развитие жилища, что дымоволок помещался, очевидно, либо в крыше, либо под самой крышей в верхней части одного из порубов и что, кроме него и двери, в избах массового типа едва ли имелись еще какие-либо отверстия. Изба, по всей вероятности, освещалась тогда через отверстие для выхода дыма или же через открытую дверь.

Массовые посадские жилища Новгорода XI—XIII вв. (по материалам Неревского раскопа)

Избы массового типа в открытой раскопками части древнего Неревского конца встречались и как основные жилые постройки дворов, принадлежавших небогатым людям, и как второстепенные сооружения дворов богатых посадских людей. На последних они были, по всей вероятности, жилищами слуг, обитавших на хозяйских дворах со своими семьями, и, быть может, в некоторых случаях принадлежали родственникам хозяев. Но как бы то ни было, они тоже представляли собой вполне законченные и полноценные жилища отдельных семейств с необходимыми подсобными частями. Неоднократно около остатков такой избы, в ближайшем соседстве с ними, археологи находили остатки или следы клетки, а иногда производственной мастерской, точно так же как в Ладоге. Это дает полное основание рассматривать и данные избы в качестве образцов обычных массовых посадских жилищ, имевших широкое распространение.

Массовые жилые постройки Новгорода того времени, как, видимо, и других населенных пунктов северо-запада Руси, были не однотипны. Исследователю следует уделить весьма серьезное внимание разделению их на типы. Правильная, отражающая былую реальную действительность разбивка жилых построек на типы в значительной мере способствует успеху их изучения. По нашему убеждению, этому условию отвечает классификация жилых массовых построек по признаку их внутреннего устройства.³⁸

³⁸ П. И. Засурцев, посвятивший ряд работ древнему новгородскому жилищу, разделяет новгородские избы по наличию или отсутствию пристроек к избе и тому или иному расположению этих пристроек. Изба с сенями относится им к типу II, изба без сеней — к типу III, изба, связанная крытым переходом с клетью, — к типу IV. Так как во всех этих случаях внутреннее устройство избы может быть разным, П. И. Засурцев вынужден эти типы разбивать на подтипы в зависимости от положения печи — IIA, IIB, IIV и т. д. Отметим здесь, что П. И. Засурцев жилые постройки не делит на массовые и богатые. Основной тип богатого посад-

В открываемых археологами остатках массовых изб различия в их внутреннем устройстве отражаются прежде всего во взаимном положении печи и входа, что в свое время было связано с тем или иным расположением полатей, лавок и столов. Места, где стояли печи, почти во всех постройках, открытых раскопками Неревского конца, точно установлены и указаны на чертежах, опубликованных в трудах Новгородской экспедиции. Более сложным, однако, оказывается вопрос об установлении входа в избу, так как порог двери был открыт раскопками всего только один раз,³⁹ а в остальных случаях о месте двери можно было только догадываться. П. И. Засурцев определял место входа по расположению половиц, основываясь на том, что «половицы всегда настилаются в направлении от двери к передней стене»,⁴⁰ а также, если у избы были сени, по положению этих сеней.⁴¹ Но сени имелись не всегда, и тогда по половицам (если считать этот признак абсолютно надежным) зачастую можно предполагать дверь в двух противоположных стенах. Кроме того, есть основания считать, что крытые холодные пристройки, которые П. И. Засурцев называет сенями, служили не только как преддверие и как переход, связывавший избу с клетью или производственной мастерской, но в некоторых случаях, хотя, может быть, и не часто, имели самостоятельное хозяйственное назначение. В силу этого обстоятельства они могли располагаться вовсе не перед входом в избу, а за ним, в глубине. Наиболее определенное подтверждение этому можно видеть в планировке комплекса построек Д9У и Д9Ф, относящегося уже к XIV в. (рис. 26). По расположению двора, ворот, порога двери (который был обнаружен именно в этой постройке) нетрудно убедиться в том, что в данном случае холодная столбовая пристройка к избе почти вся была непроходной и находилась не на подходе к избе и клетю, а сзади, за ними. Это ясно свидетельствует о ее особом, самостоятельном назначении. Пример этот наиболее убедителен, но не единичен.

Существенным дополнением к данным, позволяющим догадываться о месте входа в избу, может служить анализ общей планировки застройки двора. Взаимное положение избы и двора, улицы, оград, ворот и строений в некоторых случаях может прямо указывать, где примерно находился вход в избу (рис. 27).

Перечисленные данные, по которым мы можем судить о расположении входа в избу, не всегда дают возможность сделать

ского жилища — двухкамерная изба — рассматривается им наряду с планами массового строительства как тип I (см.: Засурцев П. И. Усадьбы и постройки...).

³⁹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 40—41. Порог обнаружен в постройке Д9У, относящейся к XIV в.

⁴⁰ Там же, с. 23.

⁴¹ Там же.

точные выводы, а в некоторых случаях допускают различные толкования.

Все массовые жилые избы (т. е. практически все однокамерные избы не очень большого размера) мы разделяем на три типа. Тип I — изба с печью в одном из ближайших ко входу углов, правом или левом; тип II — изба с печью в одном из углов у стены, противоположной входу; тип III — изба с печью, поставленной посередине.

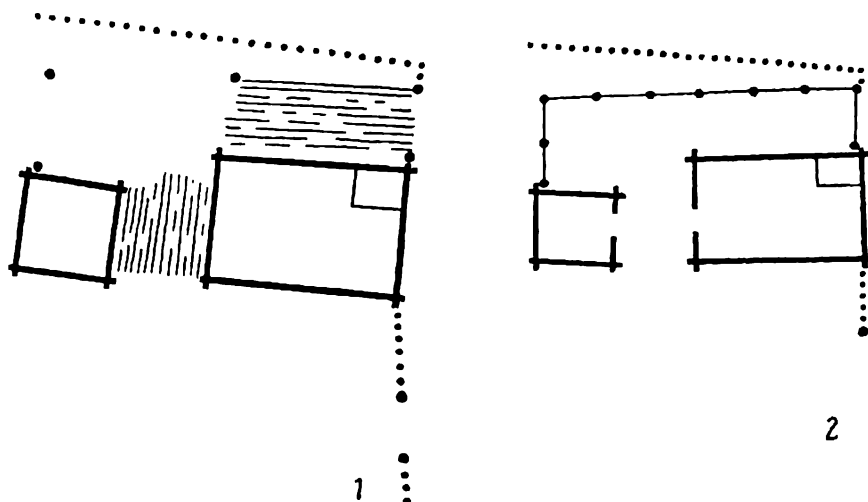

Рис. 26. Новгород. Комплекс построек Д9У и Д9Ф.

1 — сохранившиеся остатки (схема); 2 — схематическая реконструкция.

П. И. Засурцев считает наиболее распространенной в Новгороде избу I типа.⁴² По приведенным им подсчетам, это преобладание было весьма значительным.⁴³ Действительно, по чертежам, изданным в трудах Новгородской экспедиции, среди изб массовых типов построек можно насчитать около 15 примеров типа I, причем случаев расположения печи справа от входа приблизительно столько же, сколько случаев расположения слева от него.⁴⁴

⁴² Необходимо отметить, что П. И. Засурцев в соответствии с терминологией, принятой у этнографов, называет передней стеной не ближайшую ко входу, а противоположную ей. Таким образом, названия передняя и задняя стены в нашей работе и в работах П. И. Засурцева употребляются в противоположном смысле.

⁴³ Нужно принять во внимание, что П. И. Засурцев, не разделяя жилища на массовые и богатые, рассматривает их вместе, в то время как мы в данной главе касаемся лишь жилищ наиболее простых типов, однокамерных, принадлежавших небогатому посадскому люду.

⁴⁴ О смысле правого и левого расположения печи см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М. 1956, «Изба»; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ, нов. сер., т. XXXI, 1956, с. 213.

По-видимому, несколько менее распространенным типом жилой избы была изба с печью в углу у задней стены (правом или левом) (тип II). По чертежам, изданным Новгородской экспедицией, в слоях старше XIII в. можно отметить с уверенностью около 11 таких построек.

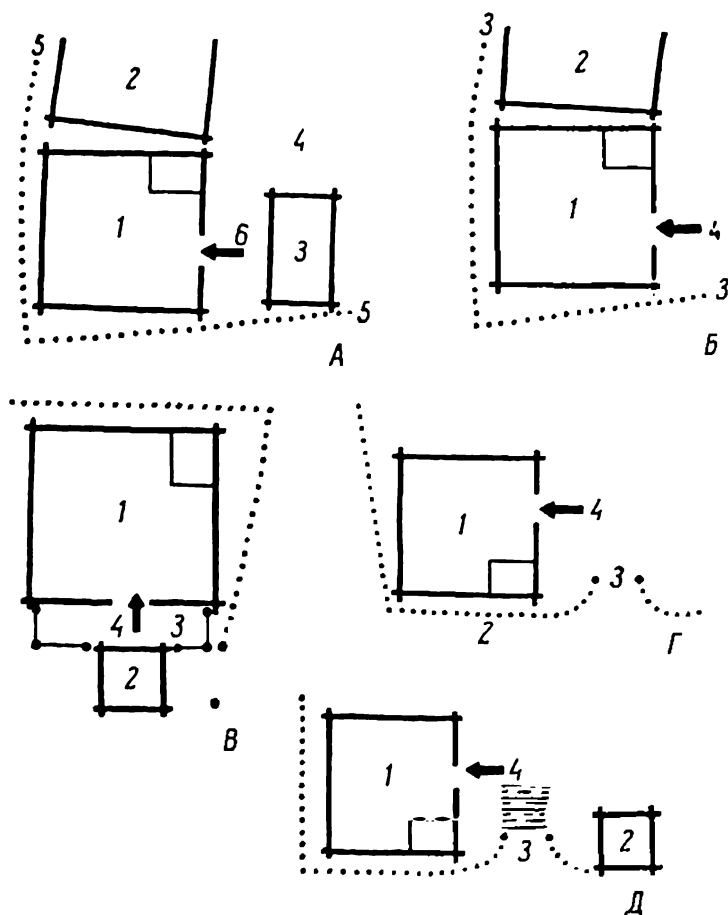

Рис. 27. Новгород. Определение места входа в избу по общей планировке жилого комплекса.

А — жилище Б20Л: 1 — изба; 2 — постройка Б20М (пекарня?); 3 — хозяйственная постройка; 4 — двор; 5 — тын; 6 — вероятное место входа. Б — жилище Б19М: 1 — изба; 2 — постройка Б19Л (пекарня?); 3 — тын; 4 — вероятное место входа. В — жилище В19Р: 1 — изба; 2 — клеть; 3 — галерея; 4 — вероятное место входа. Г — жилище В17Т: 1 — изба; 2 — тын; 3 — ворота; 4 — вероятное место входа. Д — жилище А10А: 1 — изба; 2 — постройка А10Б; 3 — ворота; 4 — вероятное место входа.

Типом массовой избы, исчезающим, по данным П. И. Засурцева, уже к XII в., является изба с печью, поставленной посередине. Постройки с печью посередине встречаются и в значительно более поздних слоях, однако П. И. Засурцев считает, что все они, за исключением богатых жилищ с такой планировкой, являлись

производственными мастерскими, пекарнями и поварнями.⁴⁵ Такое заключение основывалось им в значительной мере на археологическом материале, вскрытом в указанных постройках, и нет оснований подвергать это его наблюдение сомнению.

Ряд массовых жилых построек, обнаруженных раскопками, нельзя отнести к тому или иному типу из-за отсутствия в их остатках достаточных материалов. В отношении некоторых построек это хотя и можно сделать, но все же без полной уверенности. Таким образом, мы не располагаем материалом, который позволил бы дать точную статистику распространения типов массовых жилых изб на открытой раскопками части Неревского конца. Но и предварительные данные позволяют уже говорить о преобладании типа I и о том, что массовые избы типа III вышли из практики строительства к XII в., а избы типа II строились параллельно с избами типа I до конца изучаемого времени (см. таблицу).

Распределение по ярусам однокамерных жилых изб разных типов

Тип избы	Ярусы														
	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11
I	1	—	—	—	—	1	1	—	2	1	2	—	4	1	2
II	—	—	—	—	1	1	1	—	1	1	—	1	4	1	—
III	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не определен	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	2	1	4	1	—

Из этнографии мы знаем, что изба с печью в углу при входе являлась преобладающим видом жилой избы для значительной части северо-западных и центральных областей России до XX в. Но избы с таким положением печи в XIX—XX вв. принадлежали двум разновидностям внутренней планировки жилища — северо-великорусской и западнорусской. Для первой характерно расположение полатей у стены с входной дверью, причем печь обращалась устьем в сторону задней от входа стены.⁴⁶ В западнорус-

⁴⁵ Засурцов П. И. 1) Усадьбы и постройки..., с. 27—28 и 31; 2) Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, с. 289; Засурцов П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в. Новгородский исторический сборник, в. 10, 1961, с. 214.

⁴⁶ «Планировка с печью у входа, обращенной устьем к окнам передней стены, и с красным углом в дальнем углу против входа в прошлом типична для великорусских жилищ на огромной территории: весь Европейский Север (за исключением нескольких небольших районов, о которых сказано особо), вся среднерусская полоса (за исключением западных областей, соседних с Белоруссией, Латвией и Эстонией) и Поволжье, вся лесная зона Сибири» (Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 219).

ской избе полати примыкали к боковой стене (если смотреть от входа), устье обращалось ко входу, к стене, противоположной полатам.⁴⁷

Граница распространения этих двух приемов планировки крестьянских изб в начале XX в. проходила примерно между Псковской и Новгородской областями и дальше направлялась на юг и юго-восток. К какому же из этих вариантов (или же к иному, нам неизвестному) принадлежали избы Неревского конца древнего Новгорода? На этот вопрос можно попытаться ответить, лишь определив, куда были направлены устья печей древних новгородских изб. Сами печи из Неревского раскопа не сохранились, и судить о их ориентировке можно только по опечьям. Так как перед устьем домашней печи устраивался шесток, основание печи, казалось, должно было получать несколько вытянутую форму. К сожалению, однако, по некоторым причинам это не всегда сказывалось на пропорциях опечья. Открытые в раскопках Неревского конца опечья чаще всего имеют квадратный план.⁴⁸ Но все же среди них есть и прямоугольные, которые позволяют определять направление продольной оси печи. Благодаря этому по ряду изб с установленным местом расположения входной двери удалось определить и ориентацию печей (рис. 28). Оказалось, что во всех рассмотренных избах типа I печное устье было всегда направлено к стене, противоположной входу, т. е. по планировке эти избы были подобны поздним избам северовеликорусского типа. Как мы знаем по этнографическим данным, при такой планировке полати размещались всегда над входом.

Установить ориентацию печей оказалось возможным также и по трем избам типа II. Во всех случаях печное устье оказалось обращенным в сторону входа. Такое расположение дошло до нашего времени в восточном варианте южнорусской планировки избы.⁴⁹ При этой планировке полати устраивались у стены, противоположной входу. И действительно, в одной из построек именно данного типа в Неревском раскопе у задней стены в соседстве с печью были найдены остатки обгорелых досок пастила полатей.⁵⁰ Полати — принадлежность русской избы, очень древняя, характерная для русского массового жилья всего средневекового периода. Несмотря на то что конструкция и расположение полатей

⁴⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки. . . с. 233—239.

⁴⁸ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . , с. 29.

⁴⁹ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки. . . , с. 227.

⁵⁰ «В постройке [Д]9У, относящейся к началу XIV в., на полу, около задней стены, приблизительно против двери, были беспорядочно набросаны в том же направлении, что и половицы, более тонкие доски — толщиной 3—3,5 см и шириной 30—32 см. Концы досок обгорели. Максимальная длина их в таком виде составляла 1,65 м. В досках были круглые дыры 3 см, забитые пробками. Эти доски можно связывать с полатами» (Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода, с. 277).

на значительной высоте совсем не способствовали сохранению их археологических остатков, все же были случаи, когда археологам такие остатки попадались.⁵¹ Полати имелись не только в постройках тех типов, которые известны нам по этнографическим данным, относящимся к позднему времени, но и тех, которые не дошли до нашего времени в практике строительства. Свидетельством этого

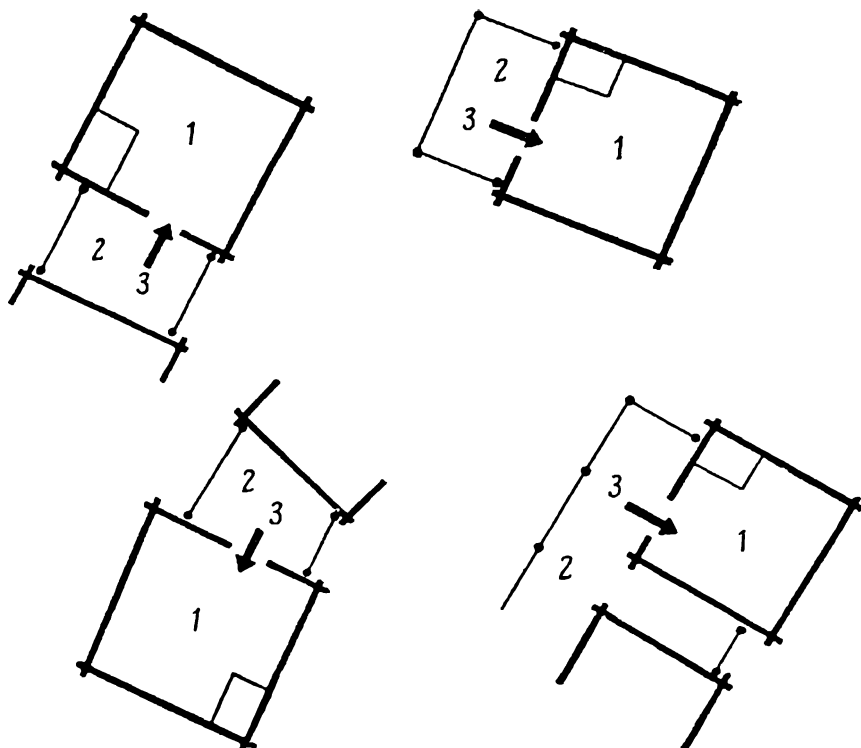

Рис. 28. Определение места входа по планировке избы и подсобных помещений.

1 — изба; 2 — сени, клетки, галереи; 3 — вероятное место входа.

может служить очень интересная находка, сделанная археологами в 1946 г. при раскопках Великих Болгар. Там было обнаружено основание русской избы начала XVI в., сохранившее остатки стен и печи, значительную часть пола и лежень, располагавшийся поперек избы, в середине которого находилась прекрасно сохранившаяся врубка (рис. 29).⁵² Устройство этой врубки не оставляет места для сомнений в ее назначении — она могла служить только для установки на лежне столба. Выдвигавшееся археологами предположение, что это гнездо для ободверины, исключено. Ободверина (или косяк), как мы знаем не только по примерам построек более позднего времени, но и по археологическим остат-

⁵¹ Милонов Н. П. Дмитровское городище (кремль города Дмитрова). СА, IV, 1937, с. 147.

⁵² Ефимова А. М., О. С. Хованская, Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнова. Раскопки Великих Болгар в 1946 году. КСИМК, в. XXI, 1947, с. 102—111.

кам, укреплялась в бревно порога при помощи врубки иного типа, соответствовавшей назначению этого соединения. В пороге при этом вынималась четверть, служившая для притвора дверного полотна (здесь же нет ни четверти, ни самого порога, бревно на всем протяжении остается круглым). Наконец, врубки для ободверий делаются по обеим сторонам дверного проема; их может быть только две, но никак не одна, как мы видим в данном случае.

Из всего этого можно сделать лишь один вывод — бревно с вырубленным в нем гнездом не входило в состав стены (стена

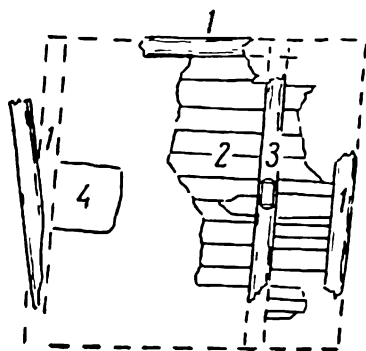

Рис. 29. Остатки русской избы начала XIV в., раскопанные в Великих Болгарах.

1 — остатки бревен стен; 2 — доски пола; 3 — перекладина с врубкой; 4 — остатки печи.

была там, где кончается пол), оно лежало открытым, отделяя неширокую часть избы у входа, а посередине на нем был установлен столб, очевидно необходимый для поддержки какой-то расположенной над ним части внутреннего оборудования избы. Без сомнения, на этот столб сверху опиралась поперечная перекладина (или брус) полатей, которая несла их настил. При этом можно вполне уверенно утверждать, что перекладина была обоими концами врублена в стены избы. При том сопряжении стойки с лежнем, которое здесь было применено, стойка могла сохранять устойчивость только при условии жесткого и неподвижного закрепления ее верхнего конца; достигнуть же

этого можно было лишь врубкой обоих концов верхней перекладины в стены. Разумеется, в данной избе столб потребовался для поддержки конструкции полатей из-за необычно большой ширины избы. При менее значительных размерах сруба полатная балка могла выдерживать нагрузку полатей без дополнительной опоры. Вероятно, это был наиболее распространенный случай. У стены настил полатей мог укрепляться в пазу, вырубленном в бревнах стены, либо опираться на вторую перекладину, врубленную, так же как и первая, концами в стены.

Мы не сомневаемся в том, что полаты в жилых избах массовых типов в древнем Новгороде составляли неременную принадлежность внутреннего устройства. В те времена для массового жилища они являлись чрезвычайно существенной и необходимой частью, отвечающей определенным потребностям быта, присущим в одинаковой степени любому семейству.⁵³ Даже в том случае, если бы их остатки были бы обнаружены в Новгороде археологами

⁵³ О назначении полатей см.: Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... с. 241.

только в одном из жилищ массового типа, это уже позволило бы утверждать, что полати имелись и во всех других таких же жилищах. А между тем остатки полатей были находимы в Неревском раскопе неоднократно, хотя и не всегда они истолковывались должным образом. По свидетельству П. И. Засурцева, «во многих домах найдены обгорелые доски, лежавшие поверх половиц». Далее П. И. Засурцев пишет: «Вероятно, это были потолочины». По его мнению, «не только в богатых боярских домах, но и в жилищах рядовых горожан потолки были обязательным элементом».⁵⁴ Ниже, когда мы обратимся к рассмотрению материала раскопок в Торопце, то сможем с полной очевидностью убедиться в том, что в рассматриваемое время рядовая торопецкая изба, как и следовало ожидать, не имела потолка. Мнение П. И. Засурцева об обязательности потолка в каждом древнем новгородском доме лишено объективного основания. Доски же, которые П. И. Засурцев считал потолочинами, по всей вероятности, во многих случаях являлись остатками настилов полатей.

Для того чтобы представить себе полати древней новгородской избы, недостаточно знать только место их расположения, нужно иметь какие-то данные о их устройстве. Конечно, и в этом случае нужно обратиться к этнографии. Однако при реконструкции построек древности, по нашему мнению, следует крайне осторожно и осмотрительно пользоваться данными этнографии, относящимися к XIX—XX вв. Детали устройства изб сравнительно недавнего времени, такие как припечной столб, воронцы, голбец (или «карзина»), припечной коник и лавка, нельзя переносить на постройки XI—XIII вв., не имея на то вполне определенных твердых оснований. Внутреннее оборудование русских изб XIX—XX и даже XVIII в. — результат очень длительного развития. В устройстве довольно многочисленных вариантов этих изб, как мы знаем, соединяются черты, происходящие из глубокой старины, с напластованиями более поздних времен. Вносить в реконструкцию изб X—XIII вв. какие-либо детали, известные по более поздним примерам, мы имеем право только в том случае, если к этому приуждает или хотя бы наталкивает на это подлинный материал, найденный в остатках изб.

В русских избах XIX—XX вв. опорой полатей всегда служил припечной столб, в который врубались воронцы, соединявшие его со стенами. При этом столб врубался в одно из бревен верхнего венца опечья, а последний делался рубленым из горизонтальных бревен. В древних же новгородских избах опечья были столбовыми и вряд ли завершались сверху венцом, в который можно было бы врубить припечной столб. Следовательно, столб мог либо вкапываться в землю независимо от опечья, рядом с ним, либо

⁵⁴ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода, с. 276.

представлять собой продолжение углового столба опечья.⁵⁵ Однако ни в одном случае в остатках древних новгородских изб массового типа археологи не нашли каких-либо признаков существования припечного столба, который был бы вкопан в землю отдельно от опечья. Остается предположение, что припечной столб был одновременно в нижней своей части и угловым столбом опечья.⁵⁶ Но никакого подтверждения этому новгородский археологический материал также не дает. Мы знаем по примерам сравнительно позднего времени, что печной столб отличался массивностью, и нет оснований думать, что в более далекие времена он устраивался менее солидным. Между тем все стойки новгородских опечьев одинаковы, ни одна из них не отличается особенной толщиной. Нагрузка на печной столб должна была значительно превышать нагрузки, приходящиеся на другие столбы опечья, не несущие полатей, и это должно бы, казалось, заставить строителей вкапывать его глубоко в землю, но, по свидетельству П. И. Засурцева, все стойки опечья вкапывались очень неглубоко — на 20—30 см.⁵⁷ В то же время обстоятельством, в какой-то мере подтверждающим предположение о том, что припечным столбом являлась угловая стойка опечья, могут служить квадратные пропорции плава опечьев, которые, по-видимому, не соответствовали пропорциям самой печи, да еще с шестком перед ее топочным отверстием, а были вызваны какими-то особыми соображениями. К этим соображениям могло относиться и желание удалить полати подальше от печного устья для предохранения их от возгорания. Таким образом, как видно из всего изложенного, в массовых древненовгородских избах припечного столба либо вовсе не было, либо он являлся в то же время угловой стойкой опечья. В последнем, однако, мы далеко не уверены.

Допуская, что столба, поддерживавшего полати, быть может, не было, мы имеем в виду ту конструкцию полатей, признаки существования которой были открыты в Великих Болгарах. Такое устройство полатей нельзя не признать наиболее простым и вполне соответствующим общему характеру приемов древнего народного строительного искусства. Единственное, но вместе с тем и чрезвычайно важное обстоятельство, которое необходимо учитывать, обращаясь к такому способу, чтобы перекладина, на которую опирались полати, находилась бы в достаточном отдалении от устья печи, ибо из последнего могли вырываться длинные языки пламени. Этого можно было достигнуть, либо выдвинув печь вле-

⁵⁵ В жилище XII в. в Дмитрове печь располагалась на столбовом опечье с четырьмя столбами, а полати (или «мост») были поставлены на отдельных столбах.

⁵⁶ Именно таким показан припечной столб на реконструкции внутреннего вида древней мянской избы, выполненной по данным Э. М. Загорюльского (Загорюльский Э. М. Древний Минск. 1963, с. 37).

⁵⁷ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 29.

ред (такое положение печи в Неревском раскопе было встречено в очень редких случаях), либо, наоборот, отодвинув ее в самый угол (что имело место в новгородских избах почти всегда), а перекладину полатей расположив как можно дальше от угла, т. е. придав полатам ширину, превышающую размер печи не менее чем на 60—70 см.

Если размеры опечья в рядовой избе не превышали 2 м,⁵⁸ то при ширине шестка около 50 см для печи оставалось не более 1.5 м и, следовательно, при разрыве по горизонтальному направлению от чела печи до перекладки полатей, равном 75 см, ширина полатей вместе с их ограждением (о котором речь будет впереди) должна была бы составлять примерно около 2.25 м. Такая ширина не представляется нам излишней, полати могли быть и шире, от этого они стали бы только удобнее.

Можно ли считать, что конструкция полатей, признаки которой были установлены в Болгарах, могла быть принятой и в Новгороде? Уже один тот факт, что врубка болгарской стойки в лежень, выполненная в начале XIV в., нисколько не отличается от сопряжения стойки с лежнем, применявшегося в Ладоге X в., может быть ярким свидетельством того, что в Древней Руси существовали чрезвычайно устойчивые строительные приемы, распространенные на обширнейшей территории. Нет ничего невероятного, что к числу таких приемов относился и указанный способ устройства полатей.

Массовые жилища Новгорода X—XIII вв. не имели используемого подполья и, очевидно, голбцов (или «карзин»), служивших в XIX—XX вв. для связи избы с подпольем. По мнению П. И. Засурцева, в опечьях (под печью) оставалась незаполненная пустота, которая использовалась для хранения кухонной утвари.⁵⁹ В ряде случаев это подтверждается наличием внутри опечьев настила из досок. Высота опечьев была небольшой: по П. И. Засурцеву, стойки их возвышались над землей на 40—60 см, а над полом, следовательно, еще меньше.⁶⁰ При столь низких опечьях верх печи, по всей вероятности, не поднимался выше человеческого роста. Настилы полатей, под которыми в избах типа I входили в дом, очевидно, должны были находиться на высоте около 2 м. Возможно ли, однако, что при такой высоте над ними оставалось еще место, позволявшее не только лежать, но и распрямляться? Ответ на это дает рассмотрение вопроса о высоте древней новгородской избы. Прямые и бесспорные данные о высоте избы в Новгороде домонгольской эпохи мы можем получить

⁵⁸ По П. И. Засурцеву, в больших домах, т. е. в богатых посадских избах, «обычные размеры печей составляли 2×2 м» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 31). Однако это в сущности размеры не печей, а опечий.

⁵⁹ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода, с. 272.

⁶⁰ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 29.

из анализа общей композиции форм комплексов, в которых соединяются избы с дополнительными помещениями и с пристройками, или же из графической реконструкции таких комплексов.

Удобную возможность судить о высоте избы дает, например, постройка И12А, связанная с клетью широким крытым переходом. Это изба типа I (рис. 30). При ширине галереи 2.5 м подъем ее крыши даже при умеренном уклоне должен был составлять около 1.5 м. Если считать, что стены галереи возвышались над землей на 2 м, то общая высота галерей с крышей в месте, где

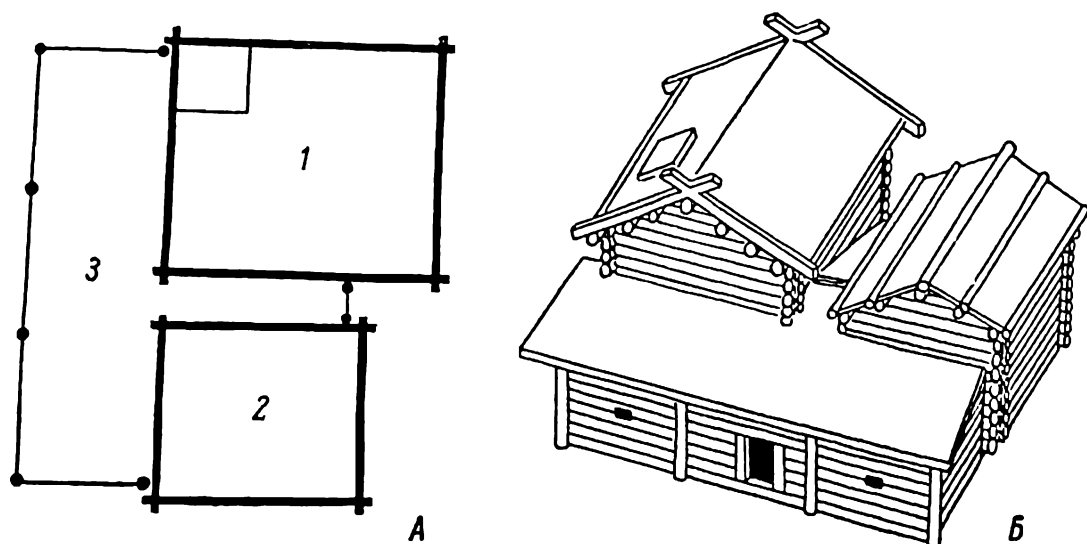

Рис. 30. Комплекс построек И12А и И12Б.

А — план: 1 — изба, размеры 4×4.5 м; 2 — клеть, размеры 3×3.5 м; 3 — галерея, ширина 2.5 м. Б — внешний вид (схематическая реконструкция)

крыша галерей заходила под свес крыши избы, была не менее 3.5 м. Подстраивать крышу галерей вплотную к свесу крыши избы, так, чтобы между ними не оставалось совсем никакого зазора, практически было бы не только неудобно, но даже невозможно, и, по всей вероятности, высота боковых стен избы И12А приближалась уже к 4 м. Следует ли думать, что эта изба была каким-то исключением? Разумеется, нет. Есть основания (они будут изложены позднее) считать, что такая высота была обычной для рядовых жилищ того времени.

Из этого подсчета видно, что при расположении полатей на высоте 2 м от пола, при подъеме пола на 20—60 см от земли⁶¹ и при сумме толщины настила полатей и полатного бруса около 30 см от настила полатей до верха боковых стен избы должно было оставаться еще от 1 до 1.5 м. Однако, как мы уже говорили и еще раз убедимся несколько позднее, избы в это время не имели потолков. Их перекрытием являлась деревянная утепленная зем-

⁶¹ Там же, с. 24.

лей крыша, уложенная па слеги или сволоки, врубленные в порубы, собранные из самцов. При таком перекрытии высота над полатями посредине могла доходить до 3 м. а при таком подъеме средней части сравнительно небольшая высота в боковых частях полатей несколько не препятствовала свободному передвижению по полатям и удобству пользования ими. Значительная высота этих изб не должна нас удивлять. Она явилась естественным следствием того, что они отапливались по-черному. Очевидец, описывавший виденную им в середине XIX в. бедную курную избу с низким потолком, сообщал, что «едкий дым наполнял всю хату чуть не до полу».⁶² В это же время, по свидетельству Е. Э. Бломквист, при черной топке в избе с высоким потолком дым поднимался под потолок, что давало возможность обитателям избы дышать vizу сравнительно мало задымленным воздухом.⁶³ Как отмечено той же Е. Э. Бломквист, «полки, опоясывающие избу над окнами (полавошники), служили в черной избе для оседания на них сажи (сапухи или сыпухи) и являлись границей между закопченным верхом и белым чистым низом».⁶⁴ Большая высота изб древнего Новгорода свидетельствует о том, что проблема дыма внутри избы при черной топке и вопрос сохранения чистоты жилища были тогда настолько острыми, что для какого-то их решения, даже не коренного, а только лишь частичного, самые небогатые люди все же шли на увеличение высоты жилой постройки, хотя последнее усложняло и удорожало ее возведение. Это дает основание считать, что уже тогда устраивались полавочники, защищавшие низ стен избы и лавки от сажи.

Чтобы закончить рассмотрение общих данных о полатях, заметим, что они при довольно большой высоте расположения над полом, надо полагать, состояли не только из настила, но имели и ограждение с той стороны, где открывались в основное пространство избы. Это подтверждают и данные этнографии. Конечно, мы не думаем, чтобы ограждение полатей делалось в древности в виде перил с балясинами, как в избах XIX в. Вероятно, оно представляло собой сплошную забирку.

Насколько можно выяснить по перечисленным данным, которые допустимо в какой-то мере осмысливать и даже пополнять, пользуясь сведениями, представленными нам этнографией, внутренняя организация древней новгородской избы типа I была весьма продуманной и разумной. Низкая часть избы под полатями представляла собой подобие нашей передней, где можно было снять верхнюю одежду, вытереть ноги, умыться у рукомойника, сложить одежду и инструменты и т. д. Здесь могли обождавать те, кто не проходил в переднюю часть избы. Вследствие того, что

⁶² Маленин И. М. Мои воспоминания. Тверь, 1910, с. 74.

⁶³ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки. . . , с. 255.

⁶⁴ Там же.

сюда прежде всего входили со двора, пол этой части был сравнительно грязным; она постоянно пересекалась входящими и выходящими, т. е. была беспокойной, и в нее в зимнее время часто поступал холодный воздух из открываемых дверей. Полати в какой-то степени прикрывали и затеняли эту тесную и непарадную часть жилища. В самой же избе, просторной, высокой и чистой, имелся красный угол со столом, лавками и скамьями. В это же высокое пространство входили шесток и чело печи, вблизи которого совсем недалеко от стола и в отдалении от входной двери происходило приготовление пищи.⁶⁵ Днем во время топки печи, когда дым заполнял верхнюю половицу избы, а под полатами ходили, впуская при этом холод с улицы, на полатах никого не было, вечером же, после того как дым выходил, а входная дверь запиралась, полати становились наиболее теплым, удобным и теперь уже спокойным местом для ночлега (рис. 31).

В избах типа II, соответствующих по планировке современному нам восточному варианту южновеликорусского плана, при том же взаиморасположении печи и полатей входная дверь была на противоположной стороне, и вследствие этого входящий в избу вступал из двери прямо в красный угол, т. е. сразу же попадал, так сказать, в парадную часть избы. Печь и полати оказывались в глубине, за чистой половиной избы. Такая планировка при ее вполне очевидных недостатках все же получила довольно значительное распространение в XII—XIII вв. в Новгороде (рис. 32).

До сих пор еще не было найдено каких-либо данных, которые могли бы раскрыть происхождение существовавших в древнем Новгороде типов изб — I и II. Можно предполагать, что избы типа II были занесены выходцами из более южных областей Руси, но, однако, это предположение в сущности поддается наблюдениям этнографов над распространением типов крестьянских жилищ XIX—XX вв., а подтверждения его материалами археологии мы не имеем.⁶⁶ Но каково бы ни было происхождение этих двух типов жилищ, есть основания считать, что в древнем Новгороде изба типа II, если не сразу, то во всяком случае через некоторое время после ее появления в этом городе, привилась в определенном социальном слое — в среде наиболее бедных горожан. Именно самая крупная (хотя и не очень большая по сравнению с избами типа I) постройка этого типа — наиболее древняя. Более поздние постройки типа II — еще скромнее. И ни одна из

⁶⁵ Е. Э. Бломквист отмечала желательность отдаления угла для стряпухи от двери (Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки..., с. 234).

⁶⁶ Избы типа II, судя по материалу раскопок Неревского конца, начали появляться в Новгороде с конца XI в. (их остатки попадались начиная с 21-го яруса и выше). Первоначальное происхождение такой компоновки внутреннего устройства возможно объяснить тем, что в более южных, чем на севере, жилищах юга — полуземлянках — расположить полати над входной дверью было невозможно и поэтому они, а вернее сказать — нары, помещались либо у одной из боковых стен, либо у задней.

них далеко не достигает таких внушительных размеров, какие получали древнеовгородские избы северного типа.

Для сравнительно бедных семей, строивших тесные в плане избы, имела значение возможность сократить высоту избы,

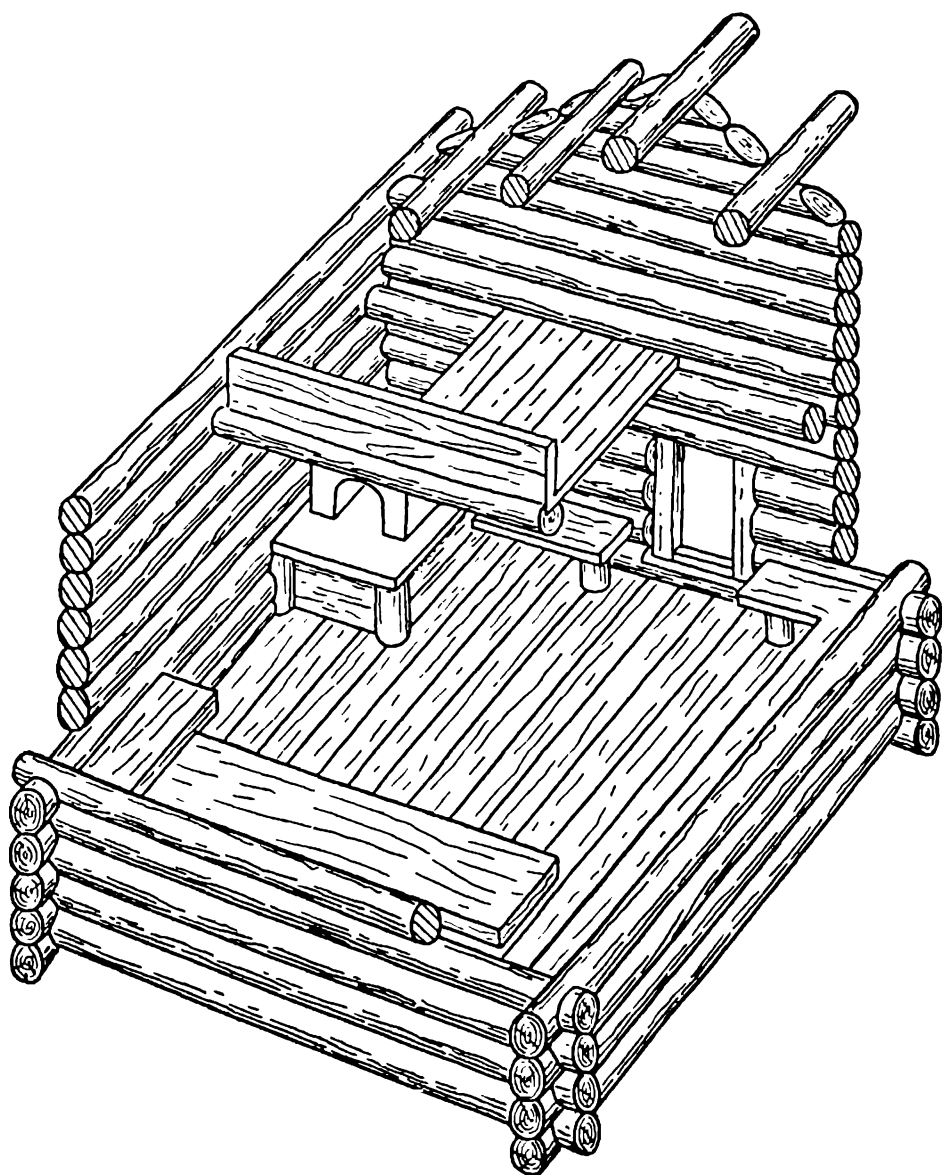

Рис. 31. Схема предполагаемого расположения основных частей внутреннего оборудования древней повгородской избы типа I (крыша, часть стен и поладей, полавочники и «сыпухи» удалены).

а именно эту возможность давала планировка избы типа II, при которой не нужно было проходить под полатями, и потому полати можно было опустить значительно ниже человеческого роста. При небольших размерах избы и многочисленности ее обитателей планировка избы типа II давала для такой семьи еще одно преимущество. Она позволяла устраивать под полатями еще и «мост»

(или пары) и тем удвоить вместимость приспособлений для поч-
лега, не увеличивая самой постройки.

Во всем внутреннем устройстве древней повгородской избы
типа II выражено, что преобладающим назначением ее было слу-
жить убежищем для ночного сна, остальные же функции жилища

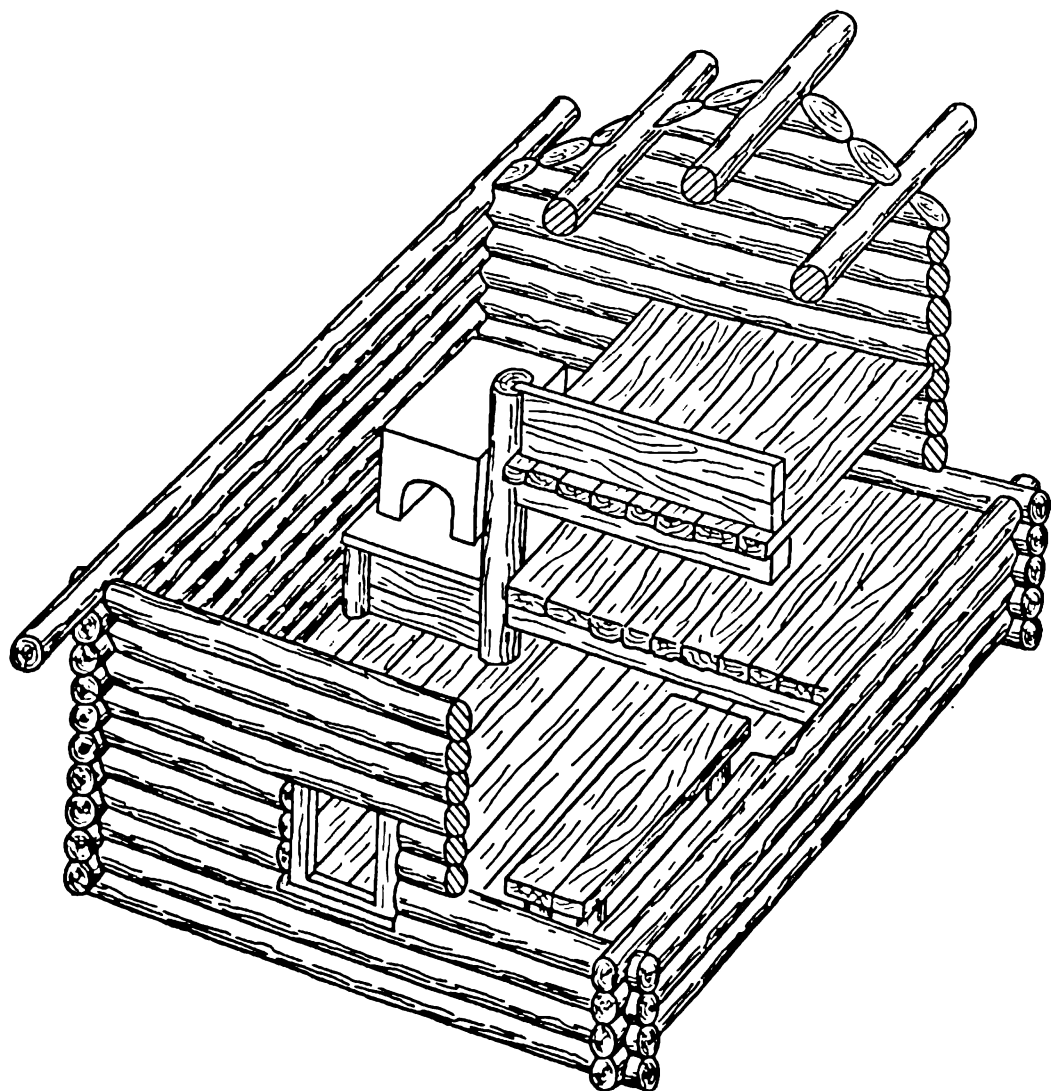

Рис. 32. Схема предполагаемого расположения основных частей внутрен-
него оборудования древней повгородской избы типа II (крыша, часть стен
и полатей, полавочники и «сыпухи» удалены).

здесь отступили на второй план. Даже просто поддерживать
чистоту и порядок в избах типа II было гораздо труднее, чем в из-
бах типа I, и это, без сомнения, в свое время весьма определенно
сказывалось на их внутреннем состоянии.

Неоднородностью племенного состава населения древнего Нов-
города можно объяснить появление там изб типа III. На первый
взгляд, из-за немногочисленности открытых в Неревском раскопе

массовых изб этого типа может показаться, что их строительство было лишь незначительным случайным эпизодом в истории повгородской деревянной архитектуры. Однако такой вывод был бы ошибочным. При малой распространенности в массовом строительстве изба с печью посредине заняла достаточно заметное место в жилом строительстве богатых новгородских посадских людей.

Если в отношении планировки избы типа II были основания предполагать, что в Новгороде она стала достоянием беднейших горожан, то с избой типа III происходило, по-видимому, совсем иное явление. Занесенная в Новгород планировка жилища такого типа не долго удерживалась в массовом строительстве, причем компоновка этих жилищ довольно быстро усложнялась и трансформировалась вследствие внесения в нее некоторых приемов, взятых из избы типа I. Затем, уже в весьма развитом виде, она стала характерной для значительной части жилищ новгородских посадских богачей.

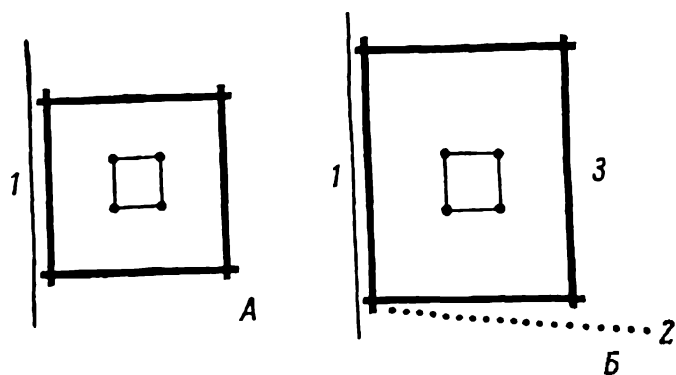

Рис. 33. Остатки новгородских изб с печью в центре.

А — постройка Б23Е; Б — постройка Г22Ф;
1 — улица, 2 — тын; 3 — двор.

Памятников массового жилища такого типа в Неревском раскопе пока открыто всего два, но, и судя по ним, можно уже сделать некоторые выводы и предположения. Наиболее древняя новгородская постройка типа III — изба Б23Е — еще очень небольшого размера, почти квадратная в плане — 4.5×4 м. Печь — в самом центре, размер опечья 1×1 м. Пристенные лавки, предназначенные не только для сидения, но и для сна, должны были иметь ширину по крайней мере 0.5 м, а то и больше. На проход между печью и лавками остается менее 1 м. Поставить стол было уже негде (рис. 33, А).

Вторая, более поздняя по времени постройка — изба Г22Ф — имела уже значительно большую площадь и вытянутые пропорции плана — 6×4 м (рис. 33, Б). Это изменение можно было бы связывать с намерением разместить в жилище стол, но небогатой семье, построившей эту избу, гораздо важнее было решить более существенную для нее проблему — проблему создания удобного и обширного места для ночного отдыха. Существовавшие в Новгороде избы давали примеры наиболее рационального для тех условий решения этой проблемы, а вместе с тем и примеры способов уменьшения «горечи дымные» и сокращения количества

сажи, осыпающейся со степ на сидящих на лавках. Всего этого можно было достигнуть увеличением высоты избы, устройством полатей и полавочников. Надо полагать, что именно в этом направлении и шло изменение избы типа III.

Какой же из известных тогда в Новгороде двух варпантов расположения полатей привлек строителей изб типа III? Об этом можно судить по постройке Г22Ф. Она стояла в углу двора и примыкала одним из торцов вплотную к тыну. Можно думать, что вход в нее был с противоположного торца. В то же время у этого торца расстояние между печью и стеной избы расширено. Расширять его имело смысл именно в том случае, если здесь, у стены с входной дверью, располагались полати, так как их нужно было отвести от устья печи, которое было обращено ко входу (рис. 34). Подтверждением высказанного предположения может служить направление дальнейшей эволюции данного приема компоновки внутреннего устройства избы, но эта эволюция относится уже к процессу сложения форм богатого посадского жилища, и здесь мы ее не будем рассматривать.

Несколько страниц следует отдать деталям древних новгородских изб массовых типов. Так как этому было уделено большое внимание в работах П. И. Засурцева, не будем повторять уже известное, ограничившись лишь наиболее необходимыми краткими замечаниями.

Вопрос о полах очень подробно изложен П. И. Засурцевым, и мы не будем его касаться.⁶⁷ Так же детально рассмотрены им печи. Материала о печах новгородские раскопки дали крайне мало, и нам нечего добавить к тому, что сказал о них П. И. Засурцев. Заметим лишь, что мнение П. И. Засурцева о подобии древних новгородских печей украинским «кабінцам» не подкреплено какими-либо соображениями и является в сущности произвольным.⁶⁸ О потолках в избах массовых типов мы уже говорили. В этих постройках потолков не было; они перекрывались теплыми земляными крышами. В то же время над холодными помещениями — галереями и, быть может, клетями — кровли, по-видимому, бывали тесовыми или драничными. Таким образом, то, что говорится в работах П. И. Засурцева о тесовых и драничных кровлях, можно применить к холодным пристройкам, но к самому жилью это отношения не имеет. Есть основания думать, что уже в довольно ранние времена, во всяком случае уже к XII в., для холодных построек уже применялись характерные русские технические приемы деревянных покрытий, в том числе и тесового с желобами, охлупнями и гнетами.

Подробно изложил П. И. Засурцевым материал о дверных щитах, но в то же время очень неясно его мнение об ободверинах.

⁶⁷ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки... с. 23—25.

⁶⁸ Там же, с. 36.

или, как он их называет, косяках. Косяки — боковые брусья обрамления дверного проема с концами, обработанными для сопряжения их в ус, т. е. косо, под углом около 45° . Такие косые сопряжения делались для соединения косяков с двумя горизонтальными

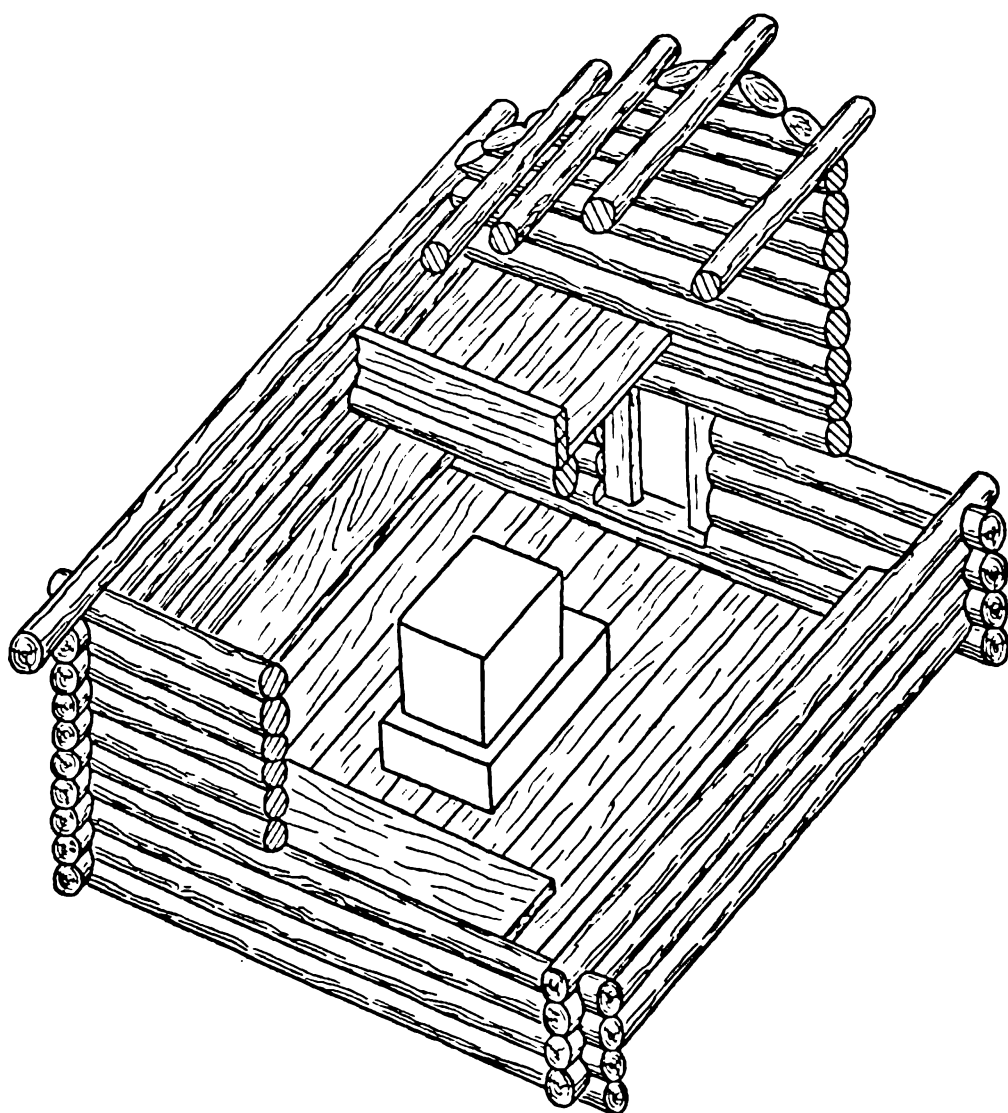

Рис. 34. Схема предполагаемого расположения основных частей внутреннего оборудования древней новгородской избы типа III (поздний этап; крыша, часть стен, поладей и полавочники удалены).

частями обрамления проема — подушкой и вершником, причем такой способ применялся в значительно более позднее время, чем интересующее нас. Судя по археологическому материалу, русскому и польскому, и скандинавским данным, в XI—XIII вв. (как, вероятно, и в IX—X вв.) применялся совсем иной способ обработки дверных проемов и укрепления стены, прорезанной проемом. При этом способе порог образовывался тем бревном

венчатой стены, выше которого начинался проем, вершник тоже отсутствовал, его заменяло бревно венца, перекрывающего проем (при этом в нижнем и верхнем бревнах вырубалась четверть для притвора двери). Разъединенные отверстием бревна стены соединялись ободверпнами, для чего в торцах бревен вынимался шпунт, в который заходила ободверпна или гребень, сделанный на ней. Концы ободверпны прочно врубались в верхнее и нижнее бревно, причем, разумеется, не было никакой причины делать их косыми, а следовательно, и называть косяками (рис. 35).⁶⁹ Отметим по-

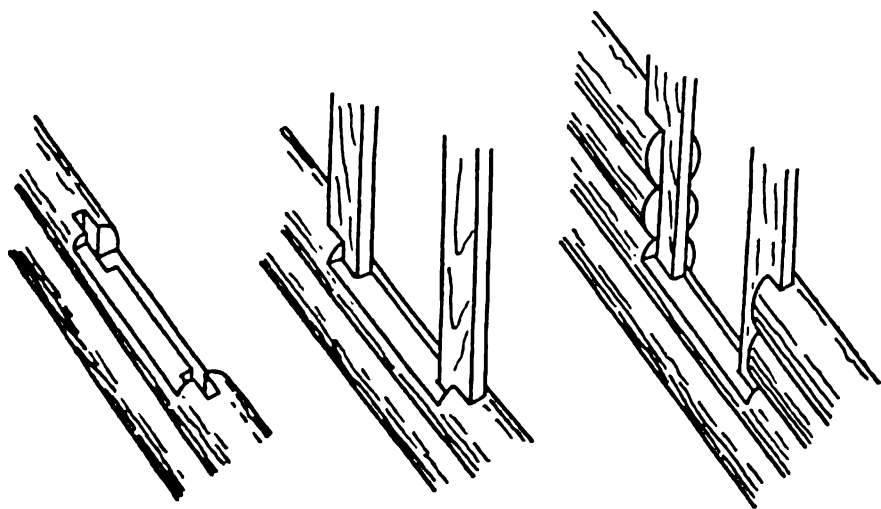

Рис. 35. Обработка дверных проемов (по материалам раскопок в Минске).

путно, что при этом подушка не только не являлась необходимым элементом, но была ненужной и даже вредной для прочности крепления ободверпн, и даже при обработке проема косяками с отдельным вершником, которая применялась в XVII в., подушка все еще продолжала отсутствовать.

По свидетельству П. И. Засурцева, в Неревском раскопе постоянно начиная со слоев XI в. встречались кусочки слюды. Кроме того, П. И. Засурцев писал, что были найдены «оконные жалюзи» и «резные деревянные планки, которые можно принять за внутренние паличники окон».⁷⁰ П. И. Засурцев, излагая все

⁶⁹ Ободверпны в XI в. назывались «подбои» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II. СПб., 1902, с. 1051).

⁷⁰ «Около сгоревших построек начиная с XI в. постоянно встречается слюда в виде небольших кусочков. Слюдяные окна были, по-видимому, в большинстве новгородских домов. Наряду со слюдой могли применять и более дешевый материал (рыбий пузырь и пр.)» (Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода, с. 276). Заметим, что слюда могла оставаться не только от окон, но и от различных предметов быта (декоративных прокладок, фонарей). Упоминаемые П. И. Засурцевым резные деревянные планки (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 43) нет

данные о деталях, не уточнял, к какому роду жилья они относятся и была ли найдена слюда у жилищ массового типа. Богатые жилища, конечно, имели окошки со слюдяными и, возможно, даже стеклянными окончинами, но это не значит, что так было в домах рядового населения. Весьма уместно упоминание П. И. Засурцева об окончинах XII в. из Спаса-Нередицы (можно было бы упомянуть и об окончине того же века из церкви Георгия в Ладоге). Оно заставляет вспомнить о том, насколько скудно были оснащены стеклом окна того времени даже в таких богатейших сооружениях, как храмы, как мало света они пропускали, о том, что новгородцы того времени довольствовались очень слабым освещением. Об этом же свидетельствуют некоторые особенности расположения массовых жилых построек. Так, например, постройки Б20Л, Б19М с двух сторон вплотную примыкали к тыну, ограждавшему двор, третья сторона у них соприкасалась с соседней постройкой, а с четвертой — была входная дверь и полати над ней. Тын в то время, как об этом можно судить по данным, относящимся к XVII в., был весьма высоким, и оконца, следовательно, могли быть только на еще большей высоте. Очевидно, что они могли дать очень мало света. У построек В19Р и В17Т окошки могли быть лишь в одной стене. Судя по этим избам, вопрос об освещении естественным светом через окна мало занимал строителей массовых жилищ.⁷¹

Раскопки Неревского конца не дали никакой возможности судить о такой детали внутреннего устройства избы, как дымоход. Мы, конечно, могли бы по примеру многих предшествовавших исследователей представлять себе отверстия для выхода дыма в древних новгородских жилищах в виде волокового оконца или просто прорубленной в бревнах дыры, затыкаемой тряпкой, по аналогии с наиболее примитивными черными избами XIX в., известными нам из этнографии. Однако такой путь использования этнографического материала в данном случае являлся бы совершенно ошибочным. Суждение о детали, имевшей весьма существенное значение для древнего городского жилища, которое было по-своему благоустроенным, на компоновке которого ясно отразилось желание сделать его по возможности удобным, чистым и теплым, не следует основывать на использовании примеров, даваемых беднейшими деревенскими постройками XIX в., соорудившимися без мысли о каком-либо комфорте и красоте. В XIX в. и

оснований принимать за части жалюзи и наличника. Жалюзи никогда не применялись на Руси, а прищипные наличники появились лишь в XVII в., да и то только на постройках, отличавшихся своей особо пышной декорацией, таких как Коломенский дворец.

⁷¹ Сопоставим это с некоторыми данными о естественном освещении эстонских изб. В 80-х годах XVIII в. Хупель писал: «В Эстонии изба темная, у нее нет ни одного окна, кроме дверей, которые всегда полуоткрыты» (Тихазе К. И. Народное зодчество Эстонии. Л., 1964, с. 92).

долго до него всякий, кто помышлял о комфорте, ставил печь с дымовой трубой, а не пытался усовершенствовать дымоход и все связанное с ним. Тот же, кто по крайней бедности вынужден был тогда строить черную избенку, уже не притязал на какие-либо удобства, и для него было естественно довольствоваться для выпуска дыма наиболее примитивным средством — дырой в стене, затыкаемой тряпкой. Вследствие такого положения, продолжавшегося долгое время, наиболее совершенные из бывших устройств дымоходов должны были забываться.

В жилищах древнего Новгорода отверстие для выхода дыма располагалось, без сомнения, не в стене, а в крыше, в самом верху, вблизи коньковой слеги, так как это способствовало быстрому и полному удалению дыма после топки.

Отражение этого обычая можно видеть в обыкновении, имевшем в России XIX в. широкое распространение, — делать дымоход в потолке. Отверстие в потолке закрывалось при этом специальной крышкой.

В высоких северных избах в XIX в. эта крышка подпиралась снизу специальной палкой.⁷² Мы не сомневаемся, что в древних новгородских избах существовало более усовершенствованное приспособление, при помощи которого можно было открывать, закрывать и удерживать в любом промежуточном положении крышку дымохода, — какой-то рычаг или простейшая система рычагов, укрепленная, как постоянное оборудование, в установленном для этого месте. Однако остатков, которые позволяли бы судить о таком механизме, пока что в раскопках не было найдено, точно так же, как не было отмечено находок частей лавок или полавочников — принадлежностей внутреннего оборудования избы, очень важных и заметных. Будем надеяться, что их фрагменты археологи когда-нибудь все же найдут.

Чтобы более ясно представить интерьер избы рядового новгородца, нужно учитывать наблюдения, сделанные археологами на Неревском раскопе; они показали, что ни внутри, ни снаружи стены изб не обмазывались глиной.⁷³ Мнение, высказанное П. И. Засурцевым, что стены внутри жилища никогда не обтесывались,⁷⁴ нельзя считать доказанным, потому что обнаруженные в раскопках круглые бревна, даже находившиеся выше уровня пола, были все же ниже уровня лавок, и если под лавками стены не тесали, то это отнюдь не значит, что они не были отесанными выше лавок.

⁷² «Трубник — отверстие в потолке черной избы для выхода дыма. После того как печь истоплена, в него закладывается доска и подпирается палкой, нижний конец которой упирается в воронец. Палка зовется тоже трубником» (Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, с. 121).

⁷³ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . ., с. 18—19.

⁷⁴ Там же, с. 22.

От внутреннего устройства изб перейдем к вопросу о галереях и переходах, соединявших избы со срубами подсобных построек в единые комплексы. Выше уже было рассказано о конструкции галерей при жилых избах Ладоги X в. Мы видели, что там в первых избах X в. галереи основывались на бревенчатом венце, положенном отдельно от сруба, ничем не связанном с ним; впоследствии же ладожские плотники перешли к устройству галерей на венцах, прочно связанных с основным срубом постройки. Впечатление такое, что первый, более ранний способ постройки крытых переходов чем-то себя не оправдал. Есть все основания думать, что ладожские галереи такой конструкции, нагруженные, как мы знаем, тяжелой земляной крышей, слишком сильно проседали в грунт, что приводило к деформации крыши, общей для галереи и избы, и это было причиной изменения конструкций галерей в сторону значительного усиления прочности их основания.

Развитие галерей и холодных переходов при массовых избах Новгорода XI—XIII вв. сложилось иначе. В ярусах 25 и 24 Неревского раскопа при остатках таких изб еще встречались основания галерей в виде знакомого нам уже по Ладоге начала X в. дополнительного венца, расположенного независимо от сруба избы.⁷⁵ Выше 24-го яруса при избах массового типа уже не оказывалось следов галерей, основанных на бревенчатом венце, хотя в остатках богатых жилищ нижние обвязки галерей такой конструкции или их остатки встречались до 19-го яруса включительно.⁷⁶ Место их заняли галереи и переходы, конструктивным скелетом которых служили столбы, вкопанные в землю. Остатки столбов таких пристроек были найдены в большом количестве.

Облегчение конструкции галерей в Новгороде XI—XIII вв. было связано не с разницей в прочности новгородского и ладожского грунтов, которая была не столь уж значительной, а с тем обстоятельством, что, по-видимому, крыша избы в Новгороде в то время была отделена от крыши галереи. Весьма возможно, что это было связано с некоторым увеличением высоты обычной избы, происшедшим в XI в. Освобожденная от нагрузки тяжелой земляной крыши, покрытая теперь своей отдельной легкой кровлей галерея не нуждалась уже в сильном основании. Осадки галерей можно было не опасаться; разница в осадке галереи и сруба избы не могла влиять на состояние конструкции избы. Вероятно, именно это и позволило новгородцам уже с самого начала строительства города, т. е. со второй половины X в., применить галереи, основанные на обвязке, не скрепленной со срубом избы. Однако и

⁷⁵ Постройки И25Б, И24Г. В последнем случае от основного сруба избы не осталось ни одного бревна. Вот что пишет об этом П. И. Засурцев: «Сохранился лишь венец, служивший ограждением либо завалины, либо фундаментной площадки ... размер его 9×6 м ... следовательно, размер дома примерно 8×5 м» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 104).

⁷⁶ Постройки А24А, Б22А, Б22Б, Б19Ы.

от такой обвязки новгородцы в массовом строительстве вскоре отказались, перейдя к вкапыванию столбов в грунт. Одна из причин этого изменения, быть может главная, станет ясной, если присмотреться к тому, в каком направлении шло развитие планов галерей и переходов.

В постройке И25Б мы видим прием решения плана галерей, с которым уже встречались в памятниках X в., — здесь с трех сторон избы галерея представляла обход шириной около 1 м, а в передней части, у входа в избу, она расширялась до 3 м. Основание галерей постройки И24Г имеет пропорции, которые свидетельствуют о совершенно аналогичном плане галерей. Однако в дальнейшем такой прием становится для массовой избы чрезвычайно редким. В постройках более высоких горизонтов мы встречаемся с заметным разнообразием расположения галерей и переходов (рис. 36). В постройке В19Р галерея идет вдоль одной из стен избы и вдоль двух стен клетки. В ряде случаев галерея тянется вдоль стен избы и клетки, поставленных близко друг к другу, и отросток ее заходит в промежуток между этими двумя постройками (постройки Б17Е, И12А). В некоторых случаях можно предполагать, что галерея примыкала углом к двум стенам избы (постройка И13С). В более высоких ярусах очень часто можно заметить, что переход соединял избу с клетью, располагаясь только между ними, т. е. лишь с одной стороны избы (постройки И13Е, И13Н). Нередко при этом из-за непараллельного положения срубов он получал косой план.

Данные о пристройках, основу которых составляли столбы, вкопанные в землю, неполны вследствие того, что в Новгороде столбовые ямы в тех случаях, когда столбы из них были при разрушении постройки извлечены, очень часто становились совершенно неразличимыми для археологов. По этой причине мы не в состоянии здесь наметить все варианты решения формы плана галерей и переходов. Но и перечисленных уже достаточно, чтобы убедиться в разнообразии этих вариантов. В условиях тесной городской застройки, особенно в сравнительно бедных дворах, при необходимости сочетать на одном дворе ряд построек, рубившихся не в одно время, а в разное, пристраивавшихся друг к другу, а потом сносившихся или переделывавшихся, применять древний способ окружения каждой постройки стандартно решенной галереей, обходящей сруб с четырех сторон, было бы не только нерационально, но нередко и невозможно. Мы видели в Ладоге, что уже в X в. галереи стали устраиваться то с четырех, то с трех, а то и только с двух сторон избы, хотя они и имели тогда все же довольно стандартную ширину.

В XI в. в Новгороде обнаружилось стремление к такому способу сооружения галерей и переходов, который позволил бы приспособить эту часть постройки ко всем случайностям планировки комплексов, дал бы возможность гибкого варьирования

плана пристроек. Способ устройства галерей на вкопанных в землю столбах не только облегчал и упрощал сооружение таких пристроек, но и позволял приспособить их план к любым усло-

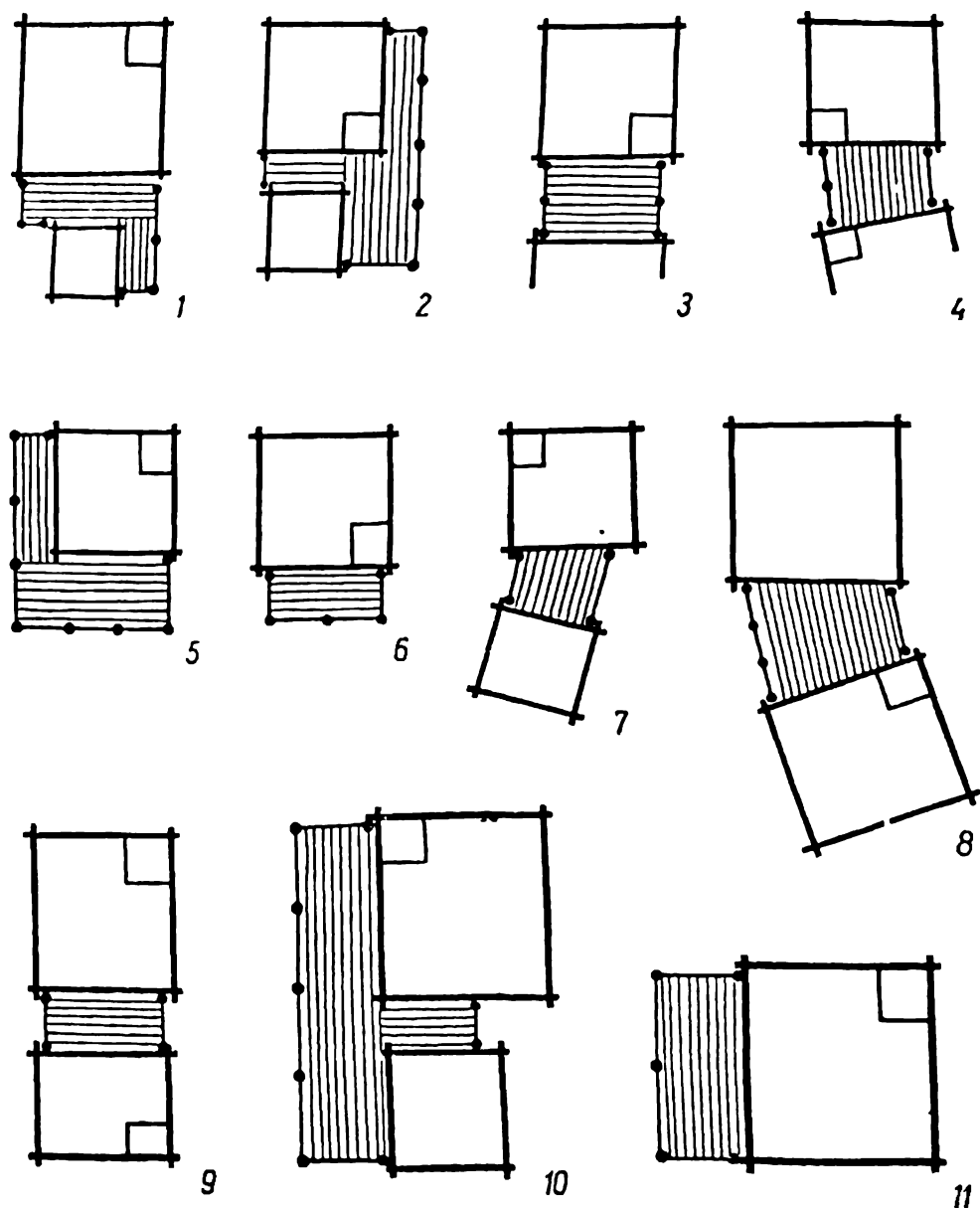

Рис. 36. Расположение холодных пристроек у жилых изб (1—11).

виям, позволял одну часть галереи или перехода расширить, другую сузить, скосить их стены и т. д.⁷⁷ При перестройках или достройках легко можно было внести изменения в план пристройки, выкопав часть столбов и вкопав их на новом месте. Сам процесс возведения галерей упростился — столбы не надо было укреплять па лежнях нижней обвязки и потом придерживать их, насыщая

⁷⁷ Расширять галереи стало возможно также и потому, что сами избы стали более высокими.

верхнюю обвязку; после того как они были засыпаны, они крепко стояли без чьей-либо помощи. Все эти обстоятельства, по-видимому, и послужили причиной широкого распространения приема устройства галерей и пристроек на столбах, вкопанных в землю.

В то же время нельзя утверждать, что этот способ сооружения пристроек вытеснил полностью устройство галерей на лежнях. В ряде случаев, видимо, применялись и лежни. Такой прием сохранился в Новгороде еще в XVII в., свидетельством этого может служить хотя бы изображение стрелецкой съезжей избы на плане

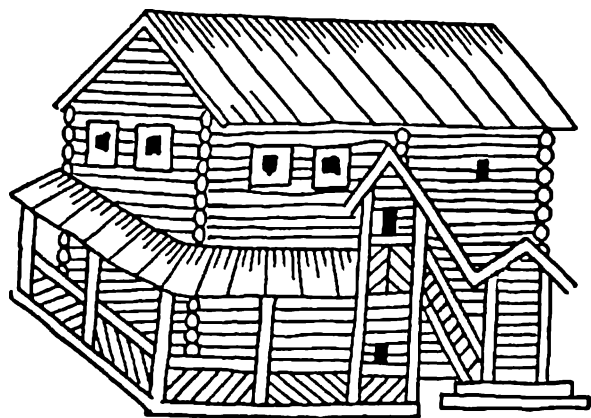

Рис. 37. Стрелецкая съезжая изба в Новгороде по рисунку 1695 г.

части Новгорода, датированном 1695 г. (рис. 37).

Нетрудно представить себе также, что, когда галерея оказалась в полном смысле слова пристройкой, весьма мало связанной конструктивно с избой, когда она стала возводиться уже по крайней мере после окончания сруба избы, а то, может быть, и намного позднее, должны были появиться и такие случаи, когда эта пристройка вообще не осу-

ществлялась. Это могло происходить вследствие тесноты двора, каких-либо изменений в его застройке и просто вследствие того, что оказывалось возможным обойтись без нее. Вполне естественно, например, отказаться от галерей и переходов при жилище осадного двора, который обычно бывал очень тесным, использовался как место повседневного жительства только изредка, большей частью во время близких военных действий. Отсюда можно ожидать, что при избах массовых типов иногда могло вовсе не быть галерей и переходов. Это подтверждается и результатами раскопа Неревского конца — на чертежах Новгородской экспедиции многие избы не имеют следов галерей. Но, однако, нужно учитывать плохую сохранность следов столбовых ям в Новгороде (мы уже говорили об этом). Без сомнения, в действительности число изб без галерей было несравненно меньшим, чем можно думать, судя по этим чертежам.

В ряде случаев раскопками были обнаружены в остатках изб массовых типов следы отхожих мест — выгребные ямы. Положение ям показывало, что отхожие места устраивались в торце галереи, за задней стеной дома или за клетью, подальше от входа (рис. 38).⁷⁸ В отличие от колодцев выгребные ямы обычно обли-

⁷⁸ Исследователи древнерусского жилища всегда обходили вопрос об отхожих местах при обычных жилых постройках, как будто бы в Древ-

цовывались не венчатым срубом, а досками или пластинами, забранными в столбы или укрепленными вверху одним венцом. Дно выстилалось досками или плахами (рис. 39).

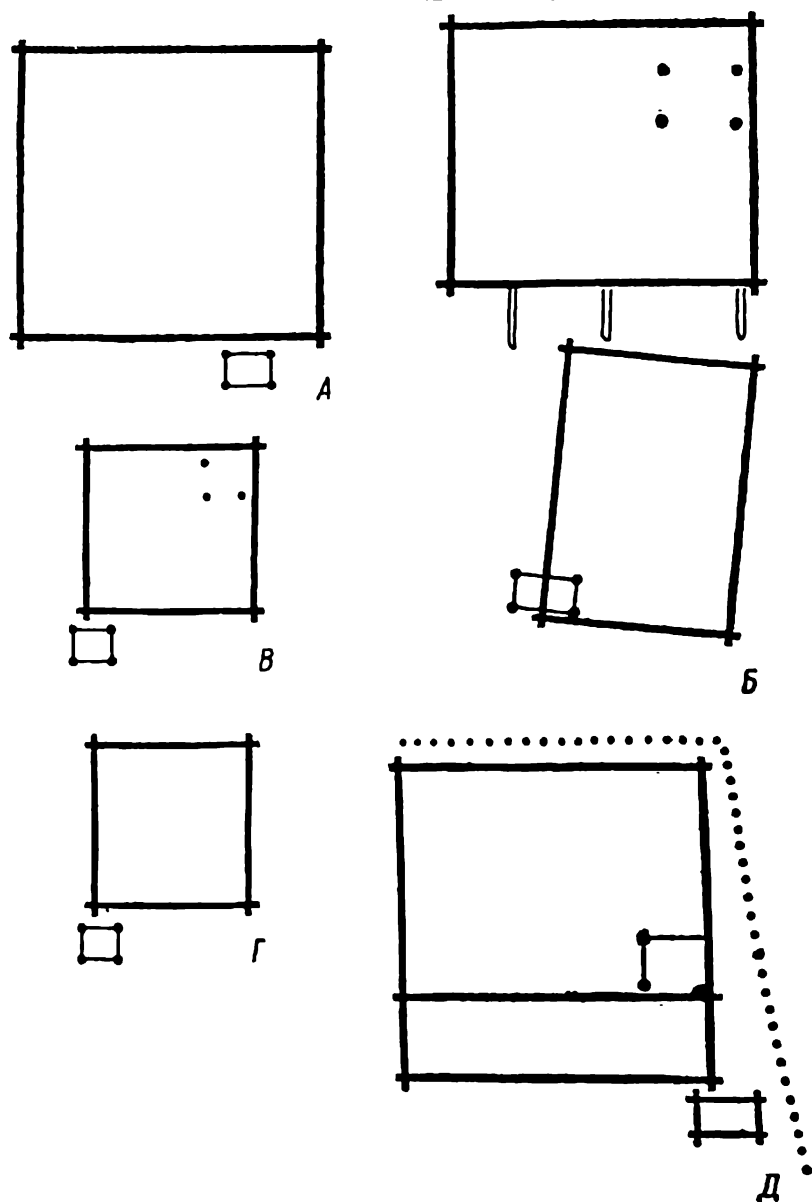

Рис. 38. Выгребные ямы при остатках жилых изб (по раскопкам Неревского конца).

А — сруб № 44, раскопки 1956 г., раскоп Н-ХVIII, ярус 11; Б — сруб в кв. 1198, раскопки 1956 г., ярусы 26 и 28; В — сруб № 14, раскопки 1954 г., раскоп II—III, ярус 8; Г — сруб в раскопе Н-ХIII, раскопки 1954 г., пласт 10; Д — срубы №№ 2 и 3, раскопки 1959 г., раскоп XXIX, ярусы 5 и 6.

Некоторое место здесь придется уделить вопросу терминологии и разъяснить, почему мы называем холодные пристройки при из-

пей Руси их и не было. В соответствии с этим при раскопках выгребные ямы археологами определяются всегда (или почти всегда) как погреб или колодец.

бах XI—XIII вв. не сениями, как это делали предшествующие исследователи, а галереями и переходами.

Придавая большое значение точности терминов, мы считаем, что неверная или хотя бы приблизительная терминология может приводить к ошибкам и заблуждениям не только читателя, но и исследователя, направить его на неверный путь и повредить исследованию. Говоря о древнерусских постройках, мы можем прибегать и к подлинным древнерусским терминам, и к современным

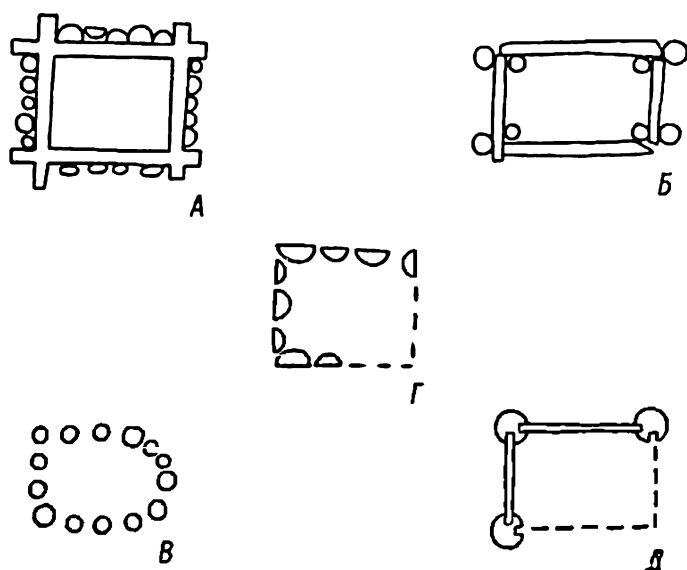

Рис. 39. Обычные конструкции выгребных ям.

А — раскопки 1956 г., раскоп П-XVII, ярус 28, кв. 1197—1198; Б — раскопки 1954 г., раскоп П-XIII, ярус 8, сруб № 14; В — раскопки 1954 г., раскоп Н-VIII, глубина 200—300 см; Г — раскопки 1960 г., пласт 15; Д — раскопки 1960 г., пласт 13.

нам. Первые кажутся предпочтительными — введение в изложение истории древнерусской архитектуры архитектурно-строительных терминов нашего времени подчас специалисту «режет ухо», а неискушенного человека может приводить к заблуждениям. Однако все же пользование современными терминами не только допустимо, но порой и неизбежно, так как мы не владеем в достаточной мере древнерусским архитектурным словарем. Наконец, для работы исследователя существенна не столько стилистика, сколько точность выражений. Пользуется ли он древнерусскими названиями частей зданий или современными, важно, чтобы они имели вполне определенное значение и чтобы это значение соответствовало тому, о чем идет речь. Некоторые из древнерусских архитектурных терминов существовали много веков и меняли свое значение. Применяя их, необходимо ясно сознавать и указывать к сведению других, какое из этих значений в данном

случае прилимается. Это, в частности, относится и к слову «сени». Особо опасно употребление древних слов, которые дошли до наших дней, применяются в повседневной жизни, но их значение уже далеко не соответствует древнерусскому. К такого рода словам опять-таки можно отнести термин «сени».

По нашему мнению, название «сени» не подходит галереям и переходам при избах X—XIII вв. ни в том случае, если использовать это слово как подлинный термин, т. е. в значении, какое оно имело в X—XIII вв., ни в том случае, если его применять в нашем современном понятии.

Слово «сени» в X—XIII вв. не употреблялось по отношению к какой-либо части жилища рядовых или богатых горожан. С ним можно встретиться лишь при описании событий, происходивших на дворах, принадлежавших феодальной знати, или в правительственных учреждениях. Мы будем разбирать этот вопрос подробно позднее, а пока укажем лишь на то, что сени того времени — это очень большое, вмещавшее в себя множество людей здание, строившееся совершенно самостоятельно. Говоря о жилых постройках посадских людей, первоисточники X—XVI вв. упоминают избы, клетки, клетки и одрины, вышницы, всходницы и вежи, а кроме того, приклеты, стреты покровные и сень. Выражение «стрет покровный» означало, вероятно, холодную крытую галерею, в передней части которой встречали проходящих в дом. Такую галерею или крытый переход могли называть и «сенью»,⁷⁹ хотя это слово, как кажется, имело лишь общий смысл и могло означать любой навес, любую защиту от дождя.

Однако все это лишь предположения, а точное значение слов «стрет» и «сень» как терминов, относимых к жилищу, нам неизвестно. Поэтому в данном случае приходится прибегать к современному словарю. Но и в нашем современном понимании слово «сени» не соответствует холодным пристройкам и переходам при избах X—XIII вв. Уже в XVI—XVII вв. сени, хотя и были холодными переходами между отапливаемыми помещениями, входили в общий объем здания, которому принадлежали, были его внутренней составной частью. Отметим здесь, что наряду с сенями тогда продолжали существовать (в богатых зданиях) галереи и переходы.

В XVIII—XIX вв. сени в городских русских жилищах стали отапливаться, и нередко они по устройству совсем не имели коренных отличий от других жилых помещений. Галереи и переходы изб X—XIII вв. не имеют ничего общего с сенями городских жилищ XVII—XX вв. Невозможно их отождествлять и с деревенскими сенями XVII—XX вв., хотя и в конструкции, и в том,

⁷⁹ «Единого же дому пуста допдоста и седже в сени, под степою» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912, с. 897).

что как те, так и другие были холодными и внешними по отношению к жилищу частями, есть нечто общее. Слишком различен принцип решения плана галерей и переходов X—XIII вв. и современных деревянных сеней, которые не могут ни окружать постройку с трех или четырех сторон, ни тянуться в виде длинного и узкого коридора, соединяющего две, а то и три постройки, ни давать узкие отростки, такие как переходы и галереи древнерусских изб.

Необходимо учитывать, что недостаточно обоснованные аналогии с современными деревянными постройками могут быть причиной ошибок. Называя галереи и переходы жилых построек X—XIV вв. сенями, исследователи тем самым затрудняли себе возможность понять происхождение, назначение и историю развития этих подсобных частей жилого комплекса.

Некоторые данные о жилищах Торопца XII—XIII вв.

Объем раскопок Малого Торопецкого городища, проводившихся в 1960 и 1961 гг., был невелик. Эти раскопки открыли полностью остатки лишь одного жилого комплекса, состоявшего из 3—4 построек, возобновлявшегося неизменно на том же месте в течение XII—XIV вв., и только лишь отдельные части соседних комплексов. Однако совершенная методика раскопок и тщательность фиксации привели к тому, что, пользуясь чертежами и отчетными данными Торопецкой экспедиции 1960—1961 гг., можно сделать существенные выводы и даже выполнить приблизительную реконструкцию комплекса жилой и двух подсобных построек, принадлежавших концу XII— началу XIII в.⁸⁰

В Торопце были открыты остатки жилых изб двух типов, известных нам уже по Новгороду: типа I и II. К типу I можно отнести постройку № 6, относящуюся ко второй половине XIII в. Печь стояла не в самом углу, а на 80 см отступя, образуя запечье, совершенно такое же, как в новгородской избе И13Г. Все остальные жилые избы относились к типу II, преобладающему здесь в отличие от Новгорода. При этом все они по сравнению с новгородскими очень небольшие, площадью примерно от 6 до 15 м². Это подтверждает высказанное выше предположение о том, что изба типа II являлась жилищем наиболее бедного люда и что постройки этого типа, вероятно, были сравнительно невысокими. Под жилыми избами иногда встречались изолирующие от почвенной влаги слои глины, а в некоторых избах оказались следы двойных полов. Иногда от печей оставались столбовые опечья, в других случаях столбовые опечья отсутствовали — печи

⁸⁰ Основные результаты раскопок см.: Маловская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище в 1961 г. КСИА, в. 110, 1967, с. 54—112.

складывались прямо на полу. Развалы печей состояли из камней и глины. Из этого можно заключить, что складывались они из камней на глине. Печи, очевидно, обмазывались глиной и, надо полагать, белились.

Счастливым открытием было обнаружение в одной из жилых изб остатков крыши, провалившейся при пожаре (в постройке № 12, датируемой второй половиной XIII в.). Как можно видеть из чертежа (рис. 40), эти остатки состояли из трех обгорелых слег и частей обгоревшего и местами утраченного настила, лежавшего на слегах.

Недогоревшие части пола и остатки печи находились ниже покрывшего их развала крыши и слоя ее глино-земляной засыпки. Характерно расположение слег — одна из них, наиболее толстая, находилась по оси постройки, две другие лежали таким образом, что расстояние от каждой из них до средней слеги было примерно в два раза больше, чем расстояние до стены сруба. Такое расположение для балок потолка было бы совершенно нелогичным и неразумным и едва ли пришлось бы в голову строителю. Но оно не только рационально, но и единственно возможно для «сволоков» (или слег), врубавшихся в самцы порубов и служивших опорой крыши. О том же свидетельствует и характер развала настила. Особенность его в том, что

если почти везде бревна настила сохраняли свое расположение и даже плотно прилегали друг к другу, то у средней слеги оказались куски бревен настила, лежавшие в беспорядке. При обрушении потолка, засыпанного землей и падающего, когда стены уже начали разваливаться, настил потолка обваливается впиз так, что меньше всего шансов к нарушению порядка расположения наката именно в средней части потолка. Зато если представить себе разрушение земляной крыши при пожаре, то станет ясно, что при падении крыши должен нарушаться порядок расположения настила как раз у конька крыши, где бревна настила либо находили друг на друга, либо упирались торцами одно в другое. При падении крыши упирающиеся концы, если они к тому же успели сильно обгореть, должны были ломаться, а обломки их принимать случайное положение. Именно это мы и видим на изображениях развала.

По количеству и положению слег найденного в Торопце развала крыши можно с довольно большой точностью начертить поруб избы, т. е. определить уклон крыши и вид щипца избы

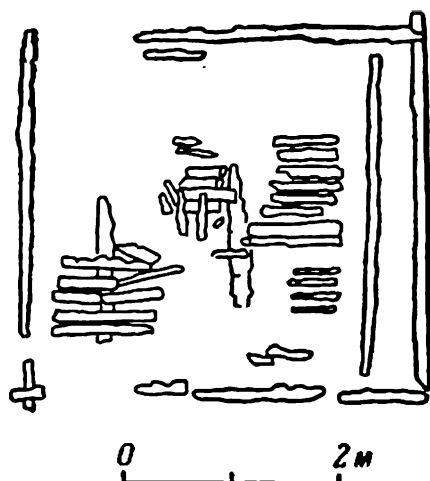

Рис. 40. Торопец. Раскопки 1961 г. Горизонт 2. Остатки постройки № 12 с развалом перекрытия. План.

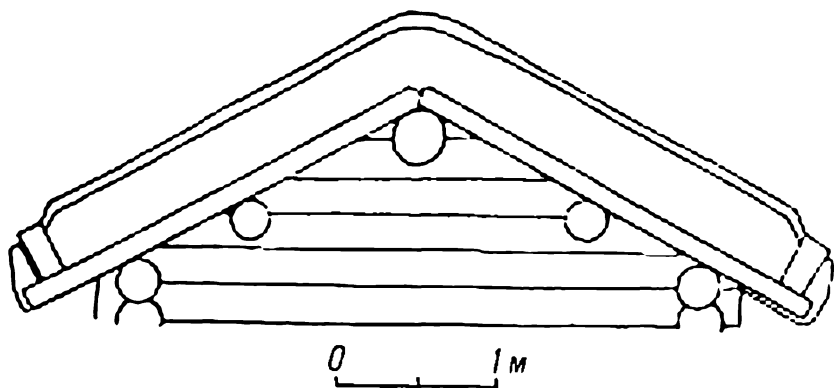

Рис. 41. Торонец. Перекрытие постройки № 12. Реконструкция.

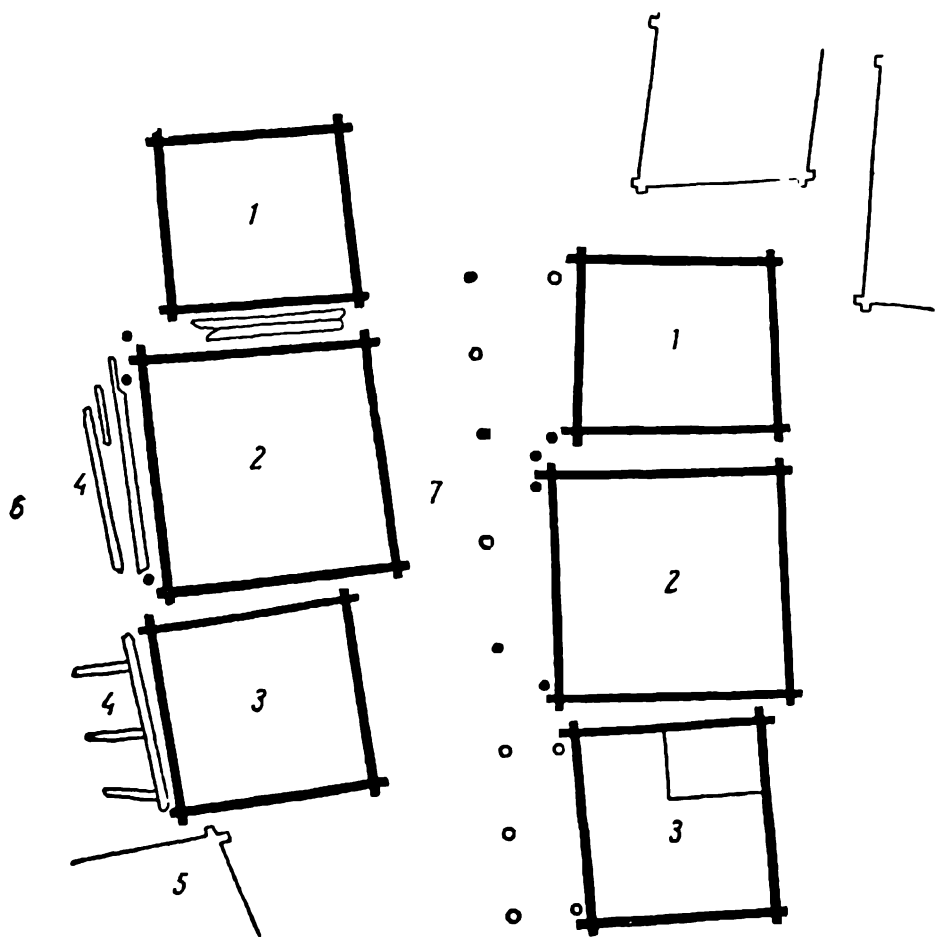

Рис. 42. Торонец. Раскопки 1961 г. Горизонт 5. XII в. План остатков построек.

1 — сруб № 27 (постройка неизвестного назначения); 2 — сруб № 28 (постройка хозяйственного назначения); 3 — сруб № 29 (жилая изба); 4 — остатки настила галерей; 5 — сруб № 28 (сосед?); 6 — двор; 7 — улица.

Рис. 43. Торонец. Раскопки 1961 г. Горизонт 4. Конец XII — начало XIII в. План остатков построек.

1 — сруб № 19 (хозяйственная постройка); 2 — сруб № 20 (хозяйственная постройка — мастерская или клеть); 3 — сруб № 21 (жилая изба). Кружки, не залитые тушью, — столбы предполагаемые.

(рис. 41). Это имеет большое значение для реконструкции не только данной избы, но и других жилых теплых построек того времени, имевших земляные крыши, в том числе и новгородских.

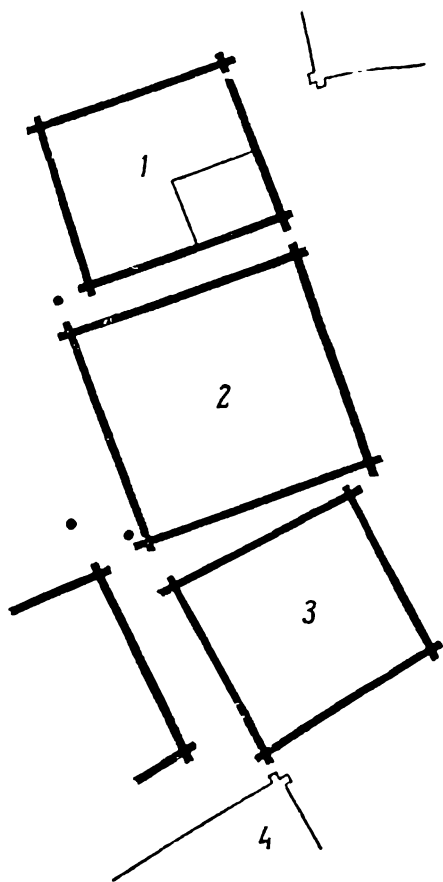

Рис. 44. Торопец. Раскопки 1961 г. Горизонт 3. Первая половина XIII в. План остатков построек.

1 — сруб № 14 (мастерская по обработке металла); 2 — сруб № 16 (предполагаемая жилая изба); 3 — сруб № 16а (хозяйственная постройка, по всей вероятности клеть); 4 — сруб № 11 (сосед).

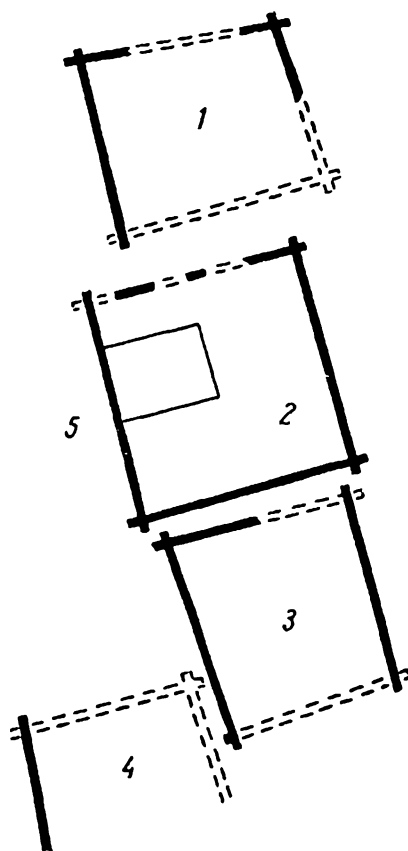

Рис. 45. Торопец. Раскопки 1960 г. Горизонт 2. Вторая половина XIII в. План остатков построек.

1 — сруб № 14 (мастерская); 2 — сруб № 6 (жилая изба); 3 — сруб № 6а (хозяйственная постройка, вероятно клеть); 4 — сруб № 4 (сосед); 5 — настил.

В Торопце рядом с основаниями построек были отмечены сохранившиеся части узких настилов и концы вертикальных стоек.⁸¹ Видимо, они происходили от примыкавших к избам галерей и переходов, сооружавшихся таким же способом, как

⁸¹ Постройка № 22 — настил шириной 1 м; № 20 — настил шириной 0.8 м, длиной 5 м и 5 столбов; № 14 — узкий настил; № 15 — настил; № 11 — настил.

в Новгороде, т. е. на столбах, вкопанных в землю. Там, где торопечные постройки рубились на обширной вымостке, шедшей у вала, галерей, вероятно, основывались на лежнях.

Рассматривая тот комплекс, который оказался полностью раскрытым раскопками,⁸² мы видим, что остатки настилов и концы столбов идут вдоль всей длинной западной стороны группы из трех срубов, тесно приставленных один к другому. Видимо, с западной стороны к группе построек, существовавшей здесь в XII и XIII вв., примыкала длинная галерея, связывавшая все три постройки или хотя бы две из них (рис. 42—45).

Сохранились основания далеко не всех столбов предполагаемой галереи, но это вполне понятно. Следует обратить внимание на то, что один из столбов галереи был вкопан на расстоянии около 1 м от стен построек, а другие столбы прилегли вплотную к срубам. Это, разумеется, не случайно. По-видимому, первые столбы несли верхнюю обвязку галереи, а вторые — внутреннюю, т. е. галерея конструктивно совершенно не была связана со срубами, перекрытие ее опиралось на наружные и внутренние столбы.

В XII в., судя по остаткам печи, жилой постройкой была крайняя южная, две другие, очевидно, являлись хозяйственными, но точное их назначение не было определено.⁸³ В горизонтах 3 и 4 место данной постройки неясно. Во второй половине XIII в. жилище располагается посередине комплекса, между мастерской и клетью, размеры его увеличиваются, внутреннее устройство меняется — если раньше здесь стояла изба типа II, то теперь это изба типа I.

⁸² В горизонте 5 он состоит из построек №№ 27—29; в горизонте 4 — из построек №№ 19—21; в горизонте 3 — из построек №№ 14, 16, 16а, в это время, возможно, к ним была присоединена и постройка № 13; в горизонте 2 он состоит из построек №№ 6, 6а и 14.

⁸³ В постройке № 28 были найдены следы навоза, что может служить основанием для предположения, что эта постройка была хлевом. Нам, однако, это представляется маловероятным. В горизонте 3 удалось определить, что в комплекс кроме жилой избы и клетки входила производственная мастерская. Возможно, что таким же был состав построек и в горизонте 5. Навоз же мог попасть случайно, после разрушения постройки № 28.

БОГАТОЕ ПОСАДСКОЕ ЖИЛИЩЕ X—XIII вв. (по материалам раскопок Неревского конца древнего Новгорода)

В ходе проводившегося нами изучения материала, по которому можно судить о жилищах состоятельных посадских людей, выяснилось с очевидностью, что эти жилища были гораздо более сложными и разнообразными, чем избы наименее обеспеченной части городского населения, а кроме того, что в ходе развития жилища происходили существенные изменения его.

Стало ясным, что раскрыть особенности рассматриваемого жилища, а тем более его различные варианты и эволюцию невозможно на основе реконструкции только лишь некоторых, немногих памятников. Задача исследования богатого посадского жилища по материалам тех городов, археологические исследования которых не дали достаточно обильного материала, оказалась неразрешимой. Только в одном из городов северо-запада Руси — Новгороде остатки богатых посадских домов открыты археологами в таком количестве, которое дает необходимую опору для их исследования. Именно поэтому настоящий раздел, за исключением небольшой его части, посвященной степной декоративной росписи в одном из богатых домов древнего Новогрудка, построен на материале раскопок Неревского конца. Однако отсюда не следует заключать, что выводы, сделанные в нем, относятся только лишь к Новгороду. Можно сказать уверенно, что если не все, то во всяком случае многие черты богатого древнерусского посадского жилища, причем черты наиболее существенные, являлись общерусскими. Уже имеющиеся результаты археологических исследований позволяют говорить об этом. Мы не сомневаемся в том, что дальнейшие раскопки дадут новые подтверждения этому выводу.

Остатки жилищ богатых посадских людей, открытые в котловане раскопок Неревского конца, если говорить о них в общих чертах, не вдаваясь в подробности, представляют собой нижние венцы больших пятистенных срубов. Основание внутренних стен всегда делит площадь такой постройки на две резко неравные части: большую, близкую в плане к квадрату, и малую, шириной всего 2—2,5 м, изредка — при очень больших размерах сруба — до 3 м, прилегающую узкой полосой к площади главного помещения. Остатки или следы печи находят при этом во всех случаях только в большом отделении сруба. Дома, оставившие такие следы, служили жилищами зажиточной части посадского населения в продолжение почти всего рассматриваемого времени — с самого основания Неревского конца и до середины XIII в., когда от этих построек произошли другие типы богатых посадских жилищ.

О том, что именно эти дома-пятистенки служили жилищами богатых людей, убедительно, а иногда и очень красноречиво свидетельствуют относящиеся к ним комплексы находок, нередко обильные по количеству предметов и достаточно выразительные по их составу. Об этом же говорит обширность и солидность срубов этих построек и такие отличающие их особенности, отмеченные археологами, как особая тщательность рубки, необычная добротность полов.¹

Археологи, исследовавшие остатки этих зданий, единодушно признали их богатыми жилыми домами. Мы здесь вполне можем ограничиться тем, что присоединимся к их мнению, не приводя каких-либо своих доказательств его правильности. В то же время никак нельзя согласиться с тем представлением о былом виде и устройстве этих домов, которое нашло наиболее полное выражение в работах П. И. Засурцева и успело уже укрепиться среди археологов. Интерпретируя остатки жилых построек X—XIII вв., обнаруженные Новгородской экспедицией, П. И. Засурцев применил метод, ставший в последнее время традиционным для археологов, изучающих древнерусское жилище. Характерная черта этого метода — излишне широкое и свободное использование этнографических данных.

¹ П. И. Засурцев, по классификации которого эти «двухчастные цельнорубленные» постройки отнесены к жилищам типа I, отмечает, что они имели большие размеры и что «по качеству материала и тщательности отделки это были наиболее совершенные дома» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, с. 57). К жилым постройкам относит их и Б. А. Колчин (Колчин Б. А. Дендрохронология построек Неревского раскопа. Там же, с. 166—220).

Осповываясь на сходстве плана окладного венца пятистенного дома X—XIII вв. и современной нам деревенской пятистенной избы с рублеными сенями, П. И. Засурцев принял узкое отделение сруба богатого новгородского жилища за сени, рубленые заодно с жилым помещением. Несостоятельность этого вывода выясняется уже тогда, когда мы, только еще бросая общий взгляд на вопрос о сенях, обращаемся к материалу, позволяющему представить в основных чертах историю русских сеней, их происхождение и развитие. Правда, исчерпывающими данными по этому вопросу, относящимися ко всем отрезкам времени от X по XIX в., мы не располагаем. Письменные и иконографические материалы по древнерусским сеням, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся главным образом к периоду от XVI в. и до нашего времени. Материалы эти несовершенны, отрывочны и неполны. Но тем не менее они в совокупности с археологическими материалами дают достаточно солидное основание для того, чтобы ясно представить путь, по которому шло зарождение и развитие русских сеней: от холодных легких галерей IX—X вв., с которыми мы уже в какой-то степени успели познакомиться в предыдущем разделе, к столь же холодным и таким же легким по конструкции переходам и промежуточным соединительным частям строений, связывавшим отдельные срубы комплексов хором и защищавшим входы в жилище от дождя, снега и ветра, а потом, уже в XVII—XVIII вв., к теплым сеням, получившим стены такой же конструкции, как и прочие части жилого строения.

Судя по сведениям, которые можно почерпнуть из письменных источников, и дошедшим до нас достоверным изображениям сеней, эта часть русских жилых построек, не только бедных, но и богатых и даже самых богатейших, еще в XVI—XVII вв. оставалась холодной, не отапливающейся, а стены ее имели облегченную каркасно-стоечную конструкцию с забиркой между столбами, обычно дощатой. Как холодная и имеющая столбовой каркас часть здания сени могли получать и в богатых постройках получали много часто расположенных оконных проемов, и проемы эти имели относительно большую величину.

Некоторые из старинных изображений хором дают нам вполне отчетливое представление о внешнем виде древнерусских сеней и даже в какой-то мере о их конструкции. Наиболее старые из достаточно подробных и вполне достоверных изображений такого рода — изображение хором (в том числе хором царицы) на двух иконах с видом Троице-Сергиева монастыря в том его состоянии, в каком он находился еще до 40-х годов XVII в. (рис. 46). По этим изображениям видно, что сени хором имели легкую каркасную конструкцию, что окна их были гораздо большей величины, чем окна жилых срубов, и шли по фасаду сеней сплошным поясом, разделяемые только лишь стойками каркаса. Харак-

терна форма окон с ломанным под углом (или с килевидным) верхом, показывающая, что стены над окнами (как, очевидно, и под ними) были забраны досками.

Постройка, относящаяся, по-видимому, к первой половине XVII в., изображена и на «чертеже городьбы» 1666 г., приведенном А. А. Тицем в одной из его работ² (рис. 47). Сепл этой

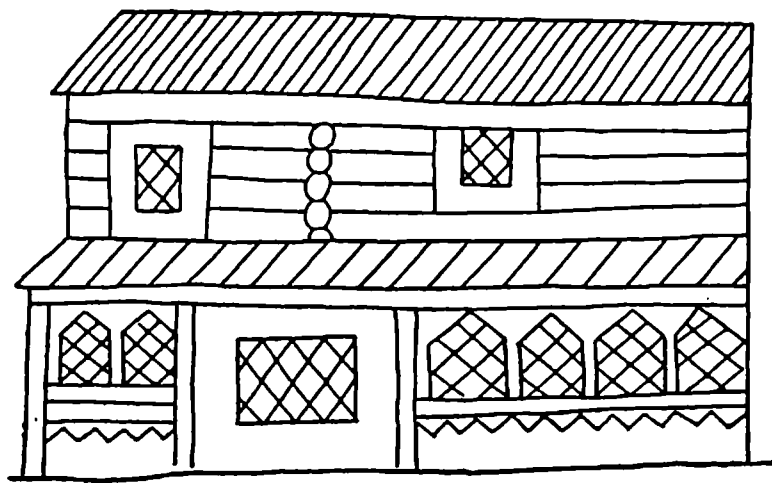
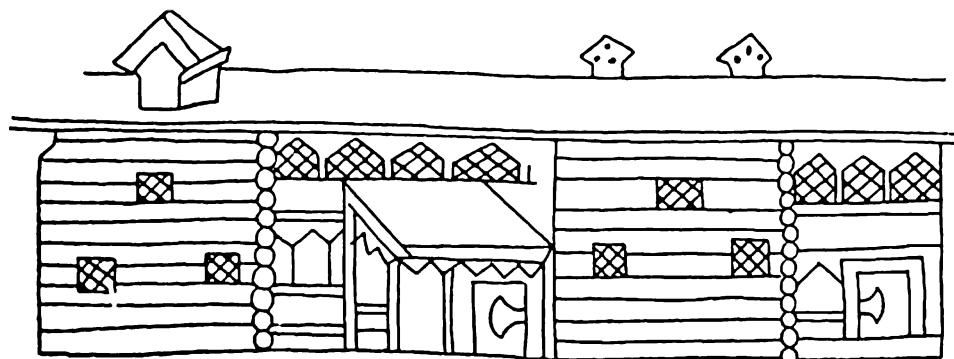

Рис. 46. Деревянные хоромы на древнем изображении Троице-Сергиева монастыря (первая половина XVII в.).

1 — хоромы царицы; 2 — оружейная палата (?).

постройки (видимо, жилой избы) легкой стоечной конструкции, забранной досками, окна их аналогичны окнам сеней построек Троице-Сергиева монастыря. По такой форме окон можно догадаться, что сепл каркасной конструкции с забиркой стен досками были и при хоромаш, рисунок которых опубликован в сборнике В. Ламанского,³ а затем использован И. Е. Забелиным, А. А. По-

² Т и ц А. А. Два древнерусских проектных чертежа XVII века. Ежегодник Института истории искусств, 1960. М., 1961, с. 8.

³ Л а м а н с к и й В. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. М., 1861, табл. IV.

таповым и М. В. Красовским (рис. 48). По этому же весьма ясно выраженному и надежному признаку, особенно если он соединится еще с большой величиной и частым расположением окон, мы можем установить, что такое же устройство имели если не все, то по крайней мере многие сени такой выдающейся по богатству постройки, как знаменитый Коломенский дворец (так же как и его чердаки),⁴ и сени другой, хотя и не столь знаменитой, но весьма богатой жилой постройки, обычно датируемой 1565 г., — хором Строгановых в Сольвычегодске.⁵ Мы можем судить о последних отчасти по рисунку конца XVIII в., довольно фантастическому, сделанному уже тогда, когда хоромы успели сильно измениться, а кроме того, несомненно потом еще сильно переправленному,⁶ а в значительно большей мере — по несравненно более достоверному рисунку, изображающему общий вид Сольвычегодска 1793 г.⁷ На рисунке 1793 г. видна лишь часть сеней этих хором, причем со стороны, обратной той, которая показана на первом рисунке. Ломаная форма перекрытий окон сеней выражена на рисунке 1793 г. не везде отчетливо — в одном месте перекрытие окна ломаное, в другом — кажется полукруглым. Но это объясняется лишь некоторой небрежностью манеры исполнения очень большого рисунка (на нем изображен весь Сольвычегодск). Совершенно ясно показаны брусья основного каркаса, частое расположение окон и их большая величина.

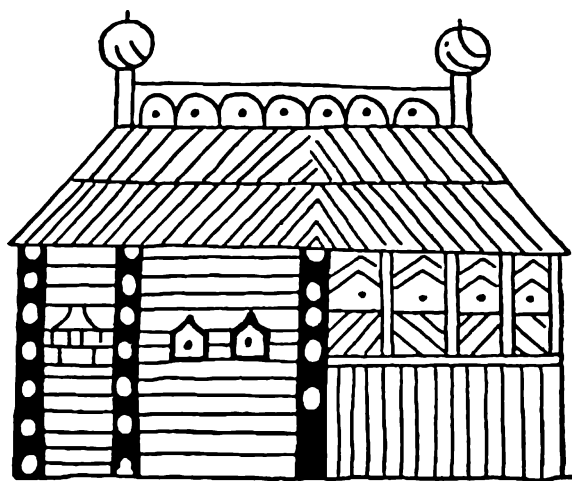

Рис. 47. Изображение деревянной постройки на «чертеже городьбы» 1966 г. (по А. А. Тицу).

Сени каркасной конструкции, с легкой забиркой, принадлежащие сравнительно бедной постройке и, очевидно, именно потому имеющие вместо сплошной полосы оконных проемов лишь одно

⁴ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XV—XVII столетии. Т. I. М., 1872, табл. III—VIII.

⁵ Уверенно датировать названное здание нельзя, хотя и известно, что на этом месте хоромы были построены в 1565 г. Они могли быть заново перестроены в XVII в.

⁶ Рисунок приведен И. Е. Забелиным (Домашний быт..., табл. IX). По всей вероятности, он выполнен не с натуры, а по очень небрежному наброску.

⁷ Рисунок находится в Сольвычегодском музее. Воспроизведение его см.: Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962, с. 240—241.

небольшое окошко, мы можем видеть на плане Тихвинского монастыря 1679 г. (рис. 49). По этому рисунку мы можем представить себе сени жилищ массового типа.

Старинные изображения русских жилых построек с рублеными сенями относятся только в очень незначительной части

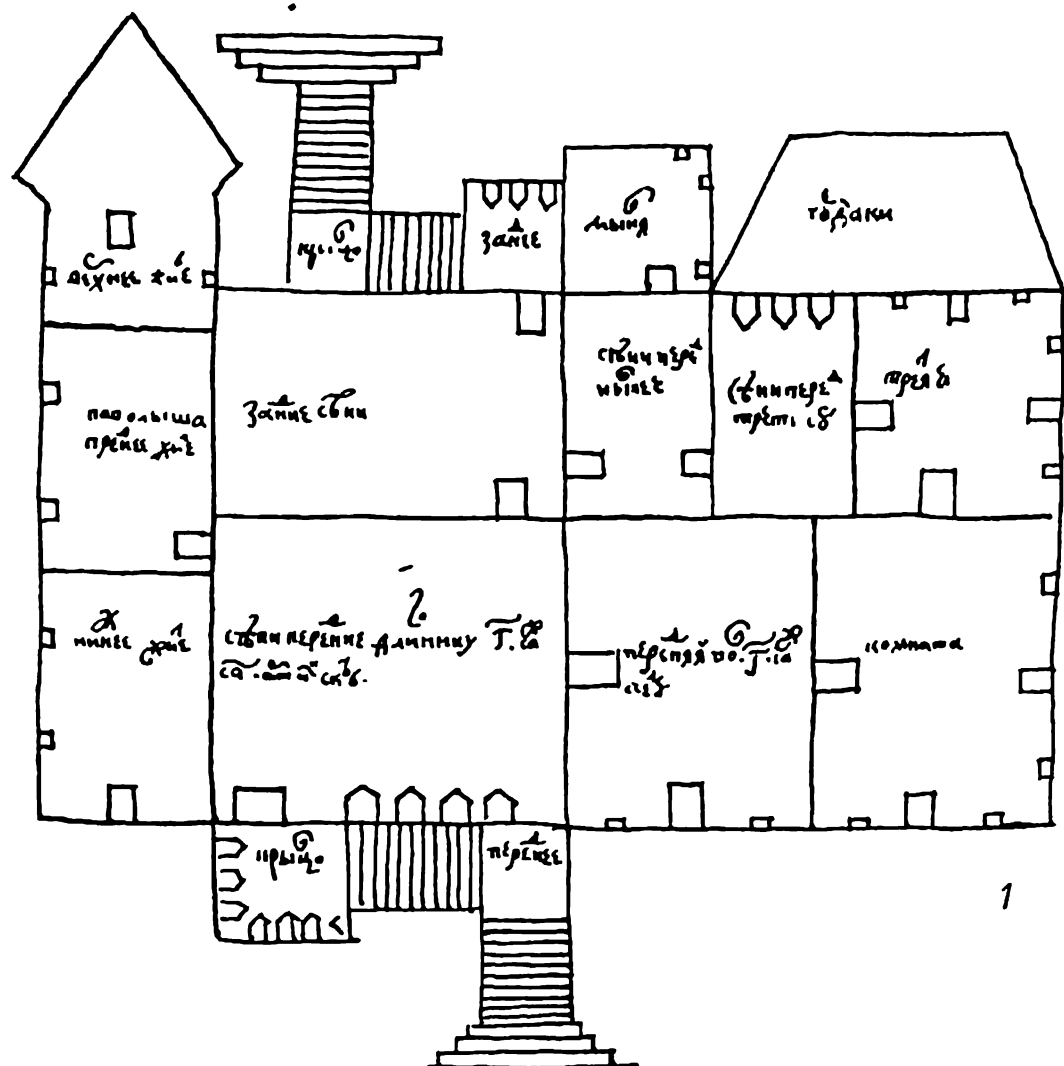

Рис. 48. Хоромы XVII в.

1 — чертеж (из сборника В. Ламанского).

к самому концу XVII в., а в основном к XVIII в. К такого рода рисункам можно отнести изображения некоторых изб на чертеже части Новгорода 1695 г.⁸ Сени на этих изображениях почти во всех случаях заслоняются крыльцом, что затрудняло передачу в рисунке характера стен сепей и вызвало просто условную заштриховку их горизонтальными линиями. Поэтому с достаточной уверенностью судить о конструкции сеней изб, показанных на

⁸ Греков Б. Д. План части Новгорода конца XVII века. Л., 1928.

этом чертеже, трудно.⁹ С полным основанием можно утверждать, что рубленые сени были в больших деревянных жилых домах, которые очень отчетливо изображены на перспективном виде Сольвычегодска 1793 г.¹⁰ Рубленые сени имел деревянный жилой дом в Сольвычегодске, построенный, видимо, в XVIII в. и сохра-

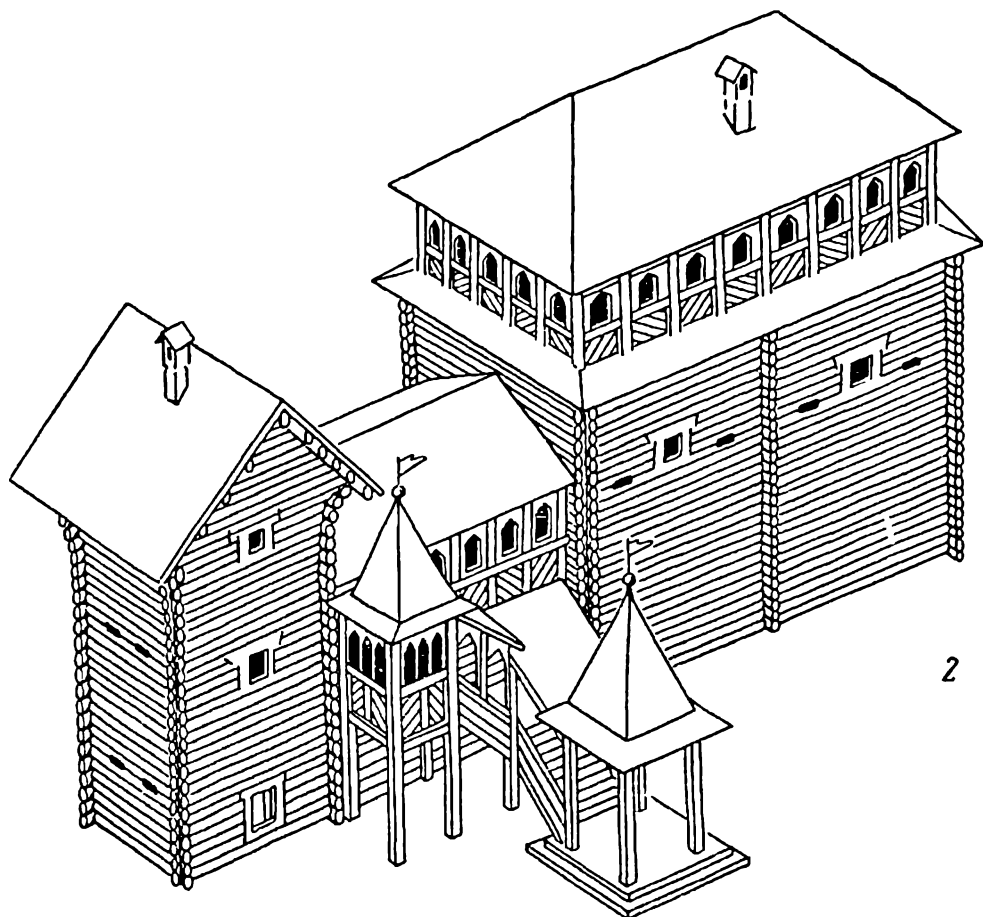

Рис. 48 (продолжение).
2 — общий вид (реконструкция).

нившийся еще в XX в.¹¹ Деревянные дома с рублеными сенями можно видеть на перспективном плане Петербурга работы Сент-Илера.¹²

⁹ С наибольшими основаниями можно считать, что рублеными были сени хором подъячего Саввы Михайлова. На рисунке видна задняя стена этих сеней, почти ничем не заслоненная. Она показана как рубленая. В описании этих хором сказано, что сени у них с перерубом, и это может служить подтверждением того, что сени были рублеными. Значительная часть сеней видна у хором Скобелыцына, и показаны они тоже как рубленые.

¹⁰ Введенский А. А. Дом Строгановых...

¹¹ Известия Археологической комиссии. В. 61. Пгр., 1916, с. 12—13, рис. 10—12.

¹² Аксонометрический план Петербурга работы Сент-Илера, Гориховстова и Соколова (1765—1775). ЦГВИА (Ленинградский филиал).

Таким образом, на наиболее старых рисунках русских жилищ, с которыми нам удалось ознакомиться, мы видим сени только легкой каркасной конструкции, а сени рубленые, тем более рубленые заодно со срубом основного объема жилища из горизонтальных бревенчатых венцов, находим только на рисунках самого конца XVII в. и еще более близких к нашему времени. На рисунках XVIII в. мы уже не встретили изображений сеней с легкими холодными стенами, налицо изображение только лишь рубленых сеней.¹³

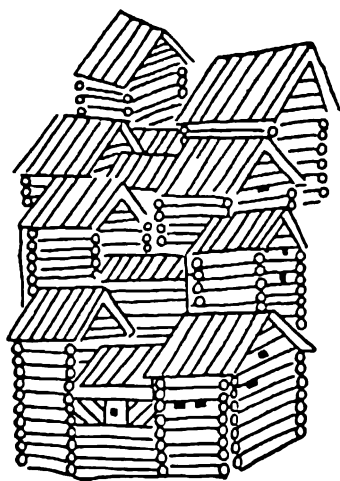

Рис. 49. Группа изб с плапа Тихвинского монастыря 1679 г.

Письменные источники позволяют несколько уточнить и расширить картину развития русских сеней. Хотя упоминания о сенях в документах несравненно более многочисленны, чем рисунки, они всегда очень беглы, почти никогда не говорят о конструкции сеней и ее деталях. Поэтому они в каждом отдельном случае не могут дать такого конкретного представления о сооружении, какое дает более или менее детальный рисунок. Именно по этой причине мы и начали здесь рассматривать материал о сенях с рисунков.

Письменные источники подтверждают, что в XVI—XVII вв. у русских жилищ почти во всех случаях были сени легкой каркасной конструкции с дощатой забиркой. Иногда документы прямо указывают на это,¹⁴ но, по-видимому, такое устройство сеней было настолько привычным, что обычно о нем умалчивали, и лишь тогда указывали на конструкцию стен сеней, когда она чем-то отличалась от общепринятой. Так, в одной купчей 1586 г. сказано о сенях, что они «бревенные».¹⁵ Однако это выражение, по нашему мнению, еще не свидетельствует о том, что стены се-

¹³ Хотя несомненно и в XVIII в. существовали жилые постройки с холодными сенями каркасной конструкции.

¹⁴ Купчая 1644 г. на двор Христинны Самойловой (Евляев К. Г. Книги псковитина, посадского торгового человека Сергея Иванова, сына Поганкина. Псков, 1970, с. 1); «Да в селе ж Троицком двор вотчинников, а на дворе строения: три горницы на жилых подклетах, промеж ими сени дощатые, на сенях чердаки» (Из переписных книг Новоперусалимского монастыря. ЧОИДР, 1875, кн. 2, I. Исследования. Владения монастыря по переписным книгам 1678 г.); «Горница белая на жилом подклете да повалуша о трех жителях, промеж ними сени дощатые» (Рабинвич М. Г. О древней Москве. М., 1964, с. 230 (из описи двора князя Михаила Гагарина)).

¹⁵ «Горенка да сени бревенные» на дворе посадского человека Воронцова (Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики Москвы. Т. II. М., 1891, с. 610).

ней были срублены из горизонтальных бревенчатых венцов, а только лишь о том, что забирка между столбами была не из досок или расколотых бревен, а из бревен-кругляков. Ведь в документах того времени говорится и о заборах, что они бревенчатые, и упоминаются бревенчатые хозяйственные постройки, «рубленные в столбы».¹⁶

Из данных письменных источников видно, что и во второй половине и в конце XVII в. холодные сени легкой конструкции были несравненно распространеннее сеней с рублеными, т. е. с бревенчатыми, стенами. В описи Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (1669 г.) перечислено 18 сеней деревянных жилых построек и из них только об одних сказано, что они рубленые.¹⁷ Среди построек этого монастыря, стоявших за пределами его ограды, рубленые сени не упомянуты ни разу.¹⁸ Хоромы князей Голицыных, обширные и чрезвычайно богатые, с великолепной внутренней отделкой, как видно из «описных книг» имуществу Голицыных, составленных в 1689 г., имели сени легкой каркасной конструкции. Стены их были либо «обиты тесом» по столбам, либо «забраны в бабки» тоже тесом, в одном случае — «в косяк».¹⁹ В тех немногих случаях, когда стены сеней были обшиты тесом, обшивка делалась не по рубленным из горизонтальных венцов стенам, а по легкому каркасу. Об этом свидетельствует большое количество окон в сенях и то, что окна, судя по описанию, отделялись одно от другого не простенками, а «столпцами».²⁰ Особое богатство этих хором сказалось, таким образом, на их сенях в том, что, как и подобало богатым сеням, они имели множество окон, шедших неразрывными поясами, что иногда забирка стен была запущена не в простые гладкие столбы, а в «бабки», т. е. круглые столбы, обработанные точеными или резными бусинами, разделявшимися резными же поясками или перетяжками, что не только обшивка, но и забирка в столбы в сенях этих хором делалась если не всегда, то во всяком случае часто не одинарной, а двойной — особо внутренняя и особо наружная. О последнем говорит замечание о сенях «скатертной избы», что они «в один забор»,²¹ замечание, очевидно, вызванное тем, что другие сени этих хором были «в два забора».

¹⁶ Опись Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (1669 г.). ЧОИДР, 1874, кн. 4, I. Исследования, с. 151; Акты о городе Кашине. ЧОИДР, 1905, кн. 3. I. Материалы исторические, с. 17.

¹⁷ Опись Воскресенского Новоиерусалимского монастыря..., с. 151.

¹⁸ Там же, с. 153.

¹⁹ 1689 г. «Описные книги» имуществу Василия и Алексея Голицыных. В кн.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893, с. 414.

²⁰ «В сенях 14 окошек, в них столпцы столярного дела»; «В сенях 12 окошек, рамы и столпцы столярного дела» (там же, с. 414—431).

²¹ Там же, с. 433.

В описях загородных дворов, принадлежавших Голицыным, два раза упомянуты сени «брусеные».²² О них можно сказать то же, что мы говорили выше о сенях «бревенных», — они скорее всего были не рубленными из горизонтальных венцов, а каркасными, но с каркасом, а может быть, в какой-то части и с забиркой, выполненными из брусьев.

Документы свидетельствуют в то же время и о том, что во второй половине XVIII в. продолжали существовать городские жилые постройки с каркасными дощатыми сенями. В известных нам по описи XVIII в. дощатых сенях упоминается чулан «брусеной, рубленный в лапу».²³ Это показывает, что в тех случаях, когда документы XVII в., умалчивая о конструкции стен сеней, говорят, что при них есть чуланы бревенчатые, нельзя еще считать, что бревенчатыми, а не дощатыми были также и стены самих сеней.

Из всех известных нам документов XVI—XVIII вв. лишь один, относящийся к 1676 г., говорит о теплых, отапливаемых сенях с промшенными рублеными стенами. Однако из него мы видим также, то эти сени принадлежали дому, построенному в Новопемедной слободе иноземцем по западному образцу,²⁴ и что, хотя это помещение и было названо русским человеком, составившим документ, сенями, по существу оно было совсем не сенями, а поварней.²⁵

Судя по тому, как прочно держался на Руси еще в XVII в. взгляд на сени как на холодную часть жилого здания (хотя он тогда уже стал нередко вступать в явное противоречие с новыми условиями, требовавшими превращения этой части жилища в теплую), он укреплялся в продолжение очень долгого времени. В XVII в. даже в богатейших каменных жилых зданиях, в которых сени входили в общий объем палат и по этой причине могли иметь только такие же каменные стены, как и жилые помещения, все же они не делались отапливаемыми, а их наружные двери и окна не снабжались приспособлениями, предохраняющими от проникновения холодного воздуха с улицы. Исклю-

²² Там же (опись двора в с. Медведкове).

²³ Описи псковских монастырей — Нововознесенского и Успенского с Полопища, 1766—1767 годов. Древлехранилище Отдела рукописных, старопечатных и книжных фондов Псковского краеведческого музея. Фонды Нововознесенского и Успенского монастырей. [Б. п.].

²⁴ Прозоровский Д. Опись древних рукописей, хранящихся в музее имп. Русского археологического общества. СПб., 1879, с. 179—180.

²⁵ Дом этот был продан в 1676 г. вдовой полковника Яганга Фун Репеша Вавиле Выдомскому. К вдове он перешел от иноземца Вилима Генмаса. Сени описаны так: «...а з заднюю сторону новых светлиц сени мшнные, а в них очаг и с трубою, выкладено кирпичом, где ворять есть». Такого рода проходные кухни существовали еще в XVI в. в юго-западных пределах Руси в строениях, принадлежащих полякам (Инвентарь пмения Полопского, 1598 г. В кн.: Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов. Т. III. Отдел второй. Киев, 1852, с. 60).

чения из этого правила были чрезвычайно редкими и неполными (т. е. в таких случаях при утепленных окнах сени не имели печей, а при палиции печей их окна и двери не были утеплены и пропускали ветер и холод), причем эти исключения вызывались всегда особыми, из ряда вон выходящими причинами. Данное явление тем более показательное, что в этих зданиях сени связывали между собой потешные и столовые палаты и другие теплые помещения.

Есть основания думать, что и в XVIII в. в обычных русских жилых постройках сени, срубленные заодно с собственно жилыми помещениями, распространились и вытеснили дощатые сени не потому, что появилось стремление сделать их теплыми, а, видимо, по другим причинам; среди них есть одна, о которой здесь стоит упомянуть. При характерной для того времени планировке русского богатого городского или помещичьего жилища этого требовала конструктивная логика. Уже в конце XVII в. на Руси начали прививаться жилые постройки с планом, приближавшимся к квадрату, в которых сени были сжаты покоем с обеих сторон, по два, а то и больше с каждой стороны.²⁶ При такой планировке было бы совсем неразумно у наружных торцов сеней разрывать рубку стен дома и заменять ее здесь каркасными стенками — это только усложнило бы работу строителей и удорожило бы постройку, повредило бы ее прочности и устойчивости, не внося ничего положительного. Распространение построек с такой планировкой, надо думать, в немалой степени явилось причиной утверждения привычки рубить сени заодно со всем домом, привычки, распространившейся потом и на сельские местности.

Рассматривая изложенный здесь материал, нельзя не прийти к заключению, что для Руси X—XIII вв. сени жилой постройки, рубленные вместе с основным срубом избы из бревенчатых венцов, — вещь просто немыслимая. Мы не видим никакой возможности принять узкий отсек древнего новгородского богатого дома за рубленные сени. В том, что этот отсек был действительно рубленным, у нас нет причин сомневаться — к этому выводу пришли все археологи, изучавшие остатки таких зданий. Основание этой части сруба дома в ряде случаев сохраняло несколько венцов; оно нередко в открытых раскопках остатках поднималось выше настила пола. В одном случае в бревнах его были замечены пазы, служившие для крепления внутреннего оборудования (постройка И18Б). В то же время столбовые пристройки отчетливо читались по наличию остатков столбов, которые обычно врывались в землю (что мы уже отмечали выше). Можно

²⁶ Такая планировка возникла в городских полукаменных жилых домах еще в XVII в. (Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания XVII в. М.—Л., 1963, с. 167—168).

допустить, что существовали также столбовые галереи, основанные на лежнях, однако, как мы уже знаем по материалам, изложенным в предшествующих разделах, лежни в такого рода частях были одинарными, а не представляли собой оснований, состоявших из нескольких рядов бревен, связанных в углах. О невозможности принимать узкий отсек сруба богатого повгородского жилого дома за сени, рубленные или каркасные, говорит еще одно обстоятельство, которое вместе с тем лишь раз подтверждает и то, что эта часть жилища была заключена именно в рубленные стены.

Из материалов, опубликованных Новгородской экспедицией, видно, что в остатках по крайней мере трех из жилых домов разбираемого здесь нами типа (Д20В, И18Б и Е17А) были обнаружены следы холодной части здания с облегченными стенами, пристроенной к узкому отсеку сруба и защищавшей вход в дом, т. е. части, которую действительно можно назвать сенями в нашем понимании этого слова. В постройке Д20В эти остатки представляли собой хорошо сохранившийся пол сеней; в постройке Е17А кроме пола отмечены еще и основания столбов, показывающие, что стены этих сеней были каркасно-стоечными, с забиркой, укрепленной в столбах. Если бы узкий отсек сруба богатого жилого дома представлял собой сени, то было бы нелепостью пристраивать к нему еще одни сени, дублирующие. Это, видимо, учитывал и П. И. Засурцев, который был поэтому вынужден, говоря о постройке Е17А, называть ее столбовую часть чуланом.²⁷ Но только назвать ее так — недостаточно, следовало еще доказать, что она была чуланом или хотя бы, что она им могла быть. А доказать можно только обратное. Во все времена на Руси с улицы всегда входили сперва в сени, а затем уже из сеней можно было пройти в дом и в чуланы, если они имелись при сенях. Если бы, как думал П. И. Засурцев, узкий отсек сруба служил сенями, а столбовая пристройка чуланом при них, то вход в предполагаемые им сени мог быть лишь с одного из их торцов. Однако, пользуясь методом определения положения входа в помещение по направлению половиц, методом, который нам представляется совершенно правильным и который много раз применялся самим П. И. Засурцевым, мы можем убедиться в том, что вход в узкий отсек сруба дома был не с какого-либо из торцов этого отсека, а со стороны столбовой пристройки. Отсюда ясно следует, что эта пристройка представляла собой холодное помещение, через которое проходили со двора в сруб дома, т. е. это и были сени. Точно так же распо-

²⁷ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 119. Отметим здесь попутно, что, как мы уже говорили, именно чуланы делались рубленными из бревенчатых горизонтальных венцов, в то время как сени, принадлежностью которых эти чуланы являлись, были каркасными, с дощатой забиркой. Это вполне понятно, так как чуланы служили для хранения вещей, имевших ценность, а сени являлись просто проходным помещением.

ложены половицы и в узкой части сруба постройки Д20В; про сени этой постройки можно было бы повторить все то, что уже только что сказано в отношении сеней постройки Е17А. Остатки сеней столбовой конструкции имелись, судя по опубликованным чертежам, и при постройке И18Б. П. И. Засурцев называл их остатками крыльца; основанием для этого у него, без сомнения, служили те же соображения, которые заставили его назвать сени постройки Д20В чуланом, а сени постройки Е17А совершенно обойти молчанием. Возможно, что следы сеней столбовой конструкции были найдены и при других постройках, но они или не упоминались, или интерпретировались как остатки крылец, так как именно к этому должно было приводить предвзятое представление о сходстве богатого древненовгородского дома-пятистенка с избой XIX—XX вв. с рублеными сенями. Таким образом, мы видим, что уподобление богатого жилого посадского дома Новгорода X—XIII вв. современным пятистенным избам приводит к вопиющему противоречию с теми данными, которые можно извлечь из достоверного материала.

Обилие остатков древних новгородских жилищ в раскопках Неревского конца дает возможность решать любой частный вопрос, например вопрос об устройстве богатого новгородского жилого дома X—XIII вв., на фоне всего комплекса данных, выявленных раскопками, и в тесной связи с этими данными. В частности, судить о богатом доме мы можем, используя факты и выводы, установленные при реконструкции изб массовых типов, и благодаря этому уже довольно ясно представляя основные проблемы, стоявшие перед строителями жилищ древнего Новгорода, так же как и пути разрешения этих проблем. Это, как мы увидим дальше, помогает раскрывать происхождение и смысл композиционных приемов, характерных для новгородских жилищ того времени.

Описывая богатые новгородские дома X—XIII вв., открытые раскопками Неревского конца, П. И. Засурцев неоднократно говорит, что в такой-то стороне узкого отсека сруба «отделены врубленной перегородкой сени» шириной 2 или 3 м. Но так можно говорить, если представлять древний новгородский богатый дом совершенно подобным деревенской избе XIX—XX вв. и не принимать во внимание фактов, которые свидетельствуют о коренной разнице между древними новгородскими жилищами и деревенскими избами нашего времени. Материал новгородских раскопок позволил убедиться в том, о чем раньше можно было только догадываться, что в древней новгородской избе массового типа перекрытие поднималось очень высоко (как мы установили в одном случае, в сравнительно небольшой избе, на высоту около 4 м). Очевидно (и это доказывается этнографическими примерами), такое расположение перекрытия было вызвано желанием, чтобы дым, собиравшийся в избе, отапливавшейся по-черному, под по-

толком, по возможности не вредил находящимся внизу людям. Едва ли можно усомниться в том, что при постройке богатого жилища вопросу о возможном уменьшении воздействия дыма на обитателей дома уделялось еще большее внимание и что, следовательно, отапливавшееся по-черному просторное помещение богатого дома не уступало бедным избам по высоте. Сруб богатого новгородского дома X—XIII вв. был по крайней мере вдвое выше, чем сруб современной нам избы. Отсек шириной 2 или даже 3 м, отделенный в таком срубе, представлял бы собой своего рода ущелье или подобие вытянутого в длину колодца. Мы не можем найти никаких обстоятельств, которые хотя бы в какой-то степени могли оправдывать отделение в срубе богатого древненовгородского дома такого неудобного для использования узкого и высокого неотапливаемого помещения, и поэтому неизбежно приходили к мысли, что этот отсек имел промежуточное перекрытие, делившее его на два этажа.

Такое представление о компоновке богатого дома находится в полном соответствии со всеми известными нам точными данными о жилище северо-запада Руси в X—XV вв. и о его дальнейшем развитии. Как можно было убедиться из материала, изложенного в предыдущей главе, устройство жилищ массового типа решало две главные задачи: создать место для ночлега, защищенное от непогоды и в зимнее время теплое, а также создать по возможности чистое и удобное место для приготовления и принятия пищи. Из того, что нам известно о нравах славян, мы можем заключить, что благоустроенное место для еды было необходимо не только для хозяев дома, но и для гостей, а может быть, даже и не столько для хозяев, сколько для последних.²⁸ При строительстве массовых жилищ различных типов упо-

²⁸ Ограничимся здесь только свидетельством Сефрида о поморьях и постараемся дать ему свое толкование. Сефрид писал: «...у поморян не снимается никогда со стола кушанье; у каждого хозяина есть отдельная изба, чистая и нарядная, которая служит только для стола и угощения; в ней стоит стол со всякою едой и питьем, всегда накрытый» (Гильфердинг А. История балтийских славян. Собрание сочинений, т. IV. СПб., 1874, с. 40). Сефрид пишет, по-видимому, о поморьях среднего достатка. Думать, что у них в XI—XII вв. были специальные избы для приема гостей, не приходится, в то время этого не знали даже богатые горожане, и лишь представители феодальной верхушки имели отдельные помещения для пиров. Видно, Сефрид заблуждался, считая эти избы предназначенными только для гостей, но мы можем объяснить причину этого заблуждения, если вспомним об обычае, свойственном славянам, жить летом не в избе, а в клетях или иных холодных подсобных строениях. Об этой привычке говорит следующее очень яркое высказывание, относящееся к XIX в.: «Хозяин — почти постоянный жилец своего гумна. Здесь его хлеб, лошади, коровы, овцы, повозки, сани и вся сбруя, а часто и лучшая одежда. Он приходит в свою хату (избу) только на ночь, и то зимою, а летом редко навестит избу. Жена ему туда постоянно посылает обед, а иногда и ужин... Потому в избе хозяин как бы гость и только в воскресенье и в праздничные дни он постоянный жилец в доме» (Исторический

мяпутым двум основным функциям уделялось неодинаковое внимание. Изба типа II представляла собой главным образом убежище, где можно было обогреться, обсушиться и выспаться в тепле зимой. В ней готовили пищу и ели, но, однако, устройству места для приема пищи в избе этого типа было уделено второстепенное внимание. В компоновке избы типа I значительно большую роль играло желание создать по возможности лучшую обстановку (и с практической и с эстетической стороны) для встречи гостей и угощения их за столом.

В обоих случаях теплое и сравнительно спокойное место для отдыха и сна в зимнее время обеспечивалось постройкой полатей, но в избе типа I забота о полатах в какой-то степени отошла на второй план — они в избе этого типа были и менее вместительны, и не столь удалены от входной двери, как в избе типа II. В этом заключалось явное противоречие, надо думать, в свое время не только заметное, но и даже досадное: в жилище, в общем несколько более благоустроенном и богатом (каким являлась по отношению к избе типа II изба типа I), вопрос о месте для сна оказался разрешенным несколько хуже, чем в более бедном. Отметим здесь, что люди, еще более состоятельные, несомненно должны были стремиться к устранению такого противоречия, а это можно было сделать лишь внеся коренные улучшения в основу решения вопроса о месте для сна.

Происхождение и смысл композиционных приемов, характерных для богатого новгородского жилища X—XIII вв., становятся понятными, если представить, хотя бы в общих чертах, главные недостатки массового жилища того времени, недостатки, которые в богатом жилище должны были в меру имевшихся возможностей стараться избежать. Наиболее неприятными явлениями, присущими избам, были дым, расхोлившийся во время топки печи, и постоянное осыпание копоти, накапливавшейся вверху, на стенах и перекрытии. Древнерусским людям немало пришлось пострадать из-за этих зол, и более всего от дыма, действовавшего и на глаза и на легкие. Это нашло отражение даже в древнерусской литературе.²⁹ Мы не можем думать, что древнерусский человек относился пассивно к этим неприятностям, портившим ему жизнь, и только сетовал, не пытаясь найти способов избежать их. Уже самый простой человек в своей сравнительно бедной избе, как мы видели, высоко поднимал ее стены и перекрытие, чтобы

очерк местечка Турова, прежней столицы удельного Туровского княжества. Минск, 1877, с. 57). Возможно, что именно такое редкое появление хозяина и членов его семьи в избе послужило для Сефрида основанием думать, что изба предназначалась лишь для стола. В остальном же свидетельство его можно считать вполне достоверным.

²⁹ «Подумай о бедных, скорчившихся над малым огнем, имея большую беду глазам от дыма» (Изборник 1076 г. М., 1965, с. 234). «Горести дымны не терпев, тепла не видати» (Слово Даниила Заточника по изводу XIII в. В кн.: Памятники древней письменности. XXXI. СПб., 1889, с. 19).

ослабить «горесть дымную». Без сомнения, уже в далекой древности он устраивал «сыпухи», чтобы хоть некоторая часть сажки оседала на них, вместо того чтобы опускаться на лавки и сидящих у стола людей. Полати уже нельзя было защитить от сыплющейся сажки; надо думать, что в какой-то степени именно с этим обстоятельством был связан известный обычай даже зимой спать в клетях.³⁰

Древнерусской избе был свойствен еще один недостаток, быть может, не особенно остро ощущавшийся представителями малоимущих масс, но все же вполне реальный и представлявший неприятным для относительно более изнеженных состоятельных городских людей, — разница температур внизу и вверху избы. В то время как потолок и верх стен после топки были раскаленными, а на полатах становилось очень жарко, низ оставался холодным. Причем эта разница была наиболее сильной и ощутимой именно в высоких избах, и, следовательно, увеличение высоты избы, способствуя очищению воздуха от дыма внизу ее, вместе с тем усиливало контрастность температурного режима в избе.

Жаркие раскаленные полати, надо полагать, даже нравились простому русскому трудящемуся человеку, проработавшему весь день зимой на морозе, особенно если он при этом продрог или промок. По всей вероятности, его не очень смущала примесь дыма в воздухе и копоть, так как здесь он получал самое главное для него в данное время: возможность как следует обсохнуть и прогреться. Но состоятельным посадским людям — богатому ремесленнику, работавшему в мастерской или даже в своем жилом помещении, купцу, которому не было никакой надобности пребывать целый день на улице, и членам их семейств, одевавшимся в красивые чистые одежды, — ночевка на прокопченных, пропахших дымом и не в меру жарких полатах с падающими сверху хлопьями сажки представлялась, конечно, в высшей степени неприятной. Следует учитывать и то, что во время топки печи в избе воздух над полатами вытеснялся дымом и там становилось невозможно отдыхать до окончания топки и выхода дыма из избы.

Учитывая все это, мы приходим к заключению, что во времена складывания на территории Руси богатого жилища первостепенной проблемой, которую решали его строители, было создание в этих жилищах такого места для отдыха и сна, которое давало бы возможность пользоваться им в любое время, вне зависимости от топки печи, где можно было отдыхать в более или менее ровном тепле, но не в излишнем жару, не подвергаясь при этом воздействию дыма и не загрязняясь сажкой. В условиях отопления жилища по-черному единственным средством для достижения этих

³⁰ Об обычае спать в клетях см.: Шопников А. А. Крестьянские усадьбы в XVI—XVIII веках (средняя и южная часть Европейской России). В кн.: Архитектурное наследство, в. 14. М., 1962, с. 66—67.

целей было устройство внутри сруба дома вместо полатей особого помещения, отделенного от внутреннего пространства избы хорошо проконопаченными рублеными стенами, защищающими от пропикновения дыма, и в то же время имеющего достаточно обширную по площади стену, смежную с отапливаемой избой и поднятую как можно выше, чтобы она, сильно нагреваясь при топке избы, могла сама согревать спальное помещение.

Мы могли бы здесь привести еще ряд соображений для доказательства правильности нашей мысли, но считаем это излишним, так как вполне очевидно, что другого решения компоновки богатого посадского жилища в то время просто не могло быть.

Чтобы понять всю разумность такого решения, нужно, отвлекшись опять-таки на некоторое время от современных нам изб, представить себе особенности отопления древних русских жилищ с «черными» печами. В «черной» печи дым, выходящий из топки, не отдавал своего тепла стенкам дымооборотов, как в современной печи, или же дымовой трубе, а стремительно вылетал вверх, сохраняя свою высокую температуру. Там он, прежде чем уйти в дымовое отверстие, ходил под потолком, передавая довольно значительную часть тепла бревнам верхних венцов сруба и перекрытию. Если «белая» печь служит устройством, в котором топливо сгорает и в то же время с тем или иным коэффициентом полезного действия отдает тепло частям печи, аккумулирующим его, то отопление курной избы, грубо говоря, сводилось к тому, что топливо в печи лишь сгорало, а вторым из основных «приборов отопления» (перенпмающих тепло от продуктов горения и сохраняющих его на продолжительное время) служили стены сруба, точнее — верха его, и бревна перекрытия. При долгой топке верх стен и потолок не могли не нагреваться в сильной степени. Если проводить аналогию с современным отоплением, то бревна верхней части сруба и его перекрытия можно уподобить нашим батареям центрального отопления. Вместе с тем нужно отметить, что расположение этих бревен вверху помещения было весьма невыгодным для согревания нижней части избы. В верхнем же спальном помещении, одна из длинных стен которого при топке сильно нагревалась со стороны избы, этот аккумулятор тепла оказывался вполне на месте, и, надо полагать, благодаря этому спальное помещение было теплым, хотя в него не пропикали ни копоть, ни запах дыма. Нагретые бревна стены могли выделять лишь испарения смолы — запах, который не кажется неприятным даже самому избалованному комфортом человеку и в наше время. Массивная бревенчатая стена, сильно нагреваясь во время топки, отдавала потом свое тепло постепенно, долгое время, и благодаря этому в спальном помещении могла сохраняться сравнительно ровная температура. Конечно, для того чтобы точно установить пределы этой температуры, необходима экспериментальная проверка, провести которую мы не можем из-за отсутствия в наше время подоб-

ных построек. Можно лишь с полной уверенностью сказать, что зимой, в морозы, колебания температуры были несравнимо меньшими, чем в большом помещении, где стояла печь. Во всяком случае если даже допустить, что в верхних спальнях бывало и не очень тепло, то сравнительно прохладная температура не представляла собой (особенно для древнерусских людей) неудобства, которое можно было бы равнять с таким злом, как разъедающий глаза дым и грязная одежды и спальные принадлежности копоть. В этих спальнях, очевидно, не было сырости, возможной, а вернее сказать — неизбежной, в пизу, где пол настился очень близко к земле. А между тем стремление избежать в жилом помещении сырости или хотя бы уменьшить ее весьма характерно для строителей русских жилищ с самых отдаленных времен. В этих спальнях было вполне покойно — рубленая стена хорошо изолировала их не только от дыма, но и от шума большого общего помещения, где несомненно не только принимали гостей, но и занимались работами, связанными с хозяйством и приготовлением пищи, а некоторые из ремесленников — и своими производственными делами.

В матерпалах, добытых во время раскопок Неревского конца, можно найти не только основания, дающие возможность сделать изложенные выше выводы, но и прямое вещественное подтверждение последних. В некоторых из построек богатого типа (Д20В и И17Е) археологами были найдены остатки междуэтажных лестниц.³¹ Б. А. Колчин, упомянувший об одной из них, относящейся к постройке И17Е, считал ее принадлежавшей наружной столбовой галерее. Мы не располагаем материалами для того, чтобы отрицать это мнение Б. А. Колчина или же окончательно принять его. Но принадлежала ли эта лестница галерее или располагалась внутри сруба, она в одинаковой степени может служить доказательством того, что именно в узком отсеке сруба этого дома было два этажа. Предположение, что второй этаж мог находиться над большим отделением, исключено. Это отделение сохранило остатки печи и внутреннего оборудования, которые показывают, что оно представляло собой обычное большое общее помещение дома с печью и, следовательно, высоко поднятым перекрытием. Размеры его в плане значительны — почти 7×7 м; без сомнения, значительной была и высота. Мысль, что над ним был еще этаж, не только не имеет никаких оснований, но и находится в явном противоречии со всеми теми сведениями об устройстве древних новгородских двухэтажных жилых построек, которые дает нам материал раскопок. Далее мы будем подробно говорить о такого рода постройках, а пока отметим лишь, что когда большое жилое помещение с печью действительно стали устраивать во втором

³¹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 113; Колчин Б. А. Дендрохронология..., с. 177.

этаже, то первый этаж в таких случаях делили перерубом с расчетом, чтобы тяжесть печи передать хотя бы частично на переруб нижнего этажа. Иногда в дополнение к перерубу внизу устанавливали еще и столбы.³² Благодаря этому определить по основанию дома, что его большое главное помещение было поднято на подклет, не так уж трудно. Предположение же, что в таких постройках внизу находилось жилое помещение, а над ним еще какое-то подсобное, было бы совершенно абсурдным. Весь смысл двухэтажных домов заключался в том, что жилое помещение, поднимаясь выше, тем самым предохранялось от сырости. В то же время поднимать наверх какие-либо производственные или подсобные помещения не только не имело никакого смысла, но означало бы невообразимое усложнение использования этого помещения и всей жизни в доме. Таким образом, нет ни малейшего сомнения в том, что лестницы постройки Д20В вели на второй этаж узкого отсека сруба. Отметим также, что следы столбов галереи показывают примыкание галереи именно к данному узкому отделению сруба, и это вполне естественно, если лестницы, как и сама галерея, использовались для того, чтобы обслуживать верхний этаж названного отделения.

В постройке Д20В были найдены остатки двух лестниц, причем, судя по свидетельству П. И. Засурцева, внутри дома.³³ Этот дом был еще более обширным, и, как и в предыдущем случае, нет никакой возможности предполагать, будто над его большим помещением мог находиться еще один этаж.³⁴ Из этого мы заключаем, что по обеим лестницам поднимались на второй этаж узкого отделения дома, т. е. в его спальню.

Для всех очевидно существование ряда причин, препятствовавших тому, чтобы в остатки постройки, состоящие почти исключительно из частей ее основания, могли бы попадать крупные обломки лестниц, ведущих на второй этаж. Лишь редкое стечение обстоятельств или какая-либо совершенно необычная случайность могла привести к тому, что эти обломки оказались погребенными в культурных напластованиях вместе с нижними венцами сруба дома. Поэтому если следы лестниц обнаружены хотя бы только в остатках одного из таких домов, то это не дает нам повода

³² Обычай ставить большое жилое помещение на подклеты, разделенные поперечными стопами, перешел в XV в. и на каменные жилые строения; и хотя в них уже можно было без малейших опасений основывать почти на сводах, все же деление подклета на большее по сравнению с верхом число помещений сохранялось. Обычай этот продолжал существовать и в XVI в.

³³ «В развале этой постройки обнаружены остатки лестницы — часть тетивы с прорезями для четырех ступенек и нижний брус с гнездами, в которые вставлялись тетивы, а также трап. Трап состоял из двух продольных брусьев, между которыми были укреплены поочередно доски и кругляки» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 74).

³⁴ Хотя именно это и предполагал П. И. Засурцев.

сомневаться в существовании лестниц во всех новгородских домах данного типа. Остатки постройки Д20В ничем особенным не отличались от остатков всех прочих богатых домов-пятистенок Неревского раскопа. Композиция таких домов, как ясно следует из сохранившихся их частей, была в основе своей во всех случаях однотипной. Эти строения могли разниться и несомненно разнились между собой помимо размеров еще и богатством отделки и деталями устройства, но совершенно ясно, что основные слагаемые богатого жилого дома, т. е. его главные помещения, всегда были в каждом из них налицо и в то же время сохраняли присущие такого рода помещениям наиболее существенные, так сказать типовые, их особенности. Это нам дает право не сомневаться в том, что если в одном из домов данного типа спальни были расположены в узком отделении сруба на высоте второго этажа, вследствие чего в них поднимались по лестницам, то то же повторялось и в других домах с таким же планом; следовательно, богатый дом состоял прежде всего из большой, близкой в плане к квадрату (а в объеме, по-видимому, к кубу) камеры с печью и сравнительно тесных спальных помещений, поднятых на высоту второго этажа и занимающих верхнюю часть узкого отделения сруба.

Здесь уместно изложить наши соображения о том, как именывались в X—XIII вв. эти основные помещения богатого посадского дома. Материалы для решения данного вопроса скудны, но каковы бы они ни были, мы не можем не уделить им самого серьезного внимания. Знать подлинные древние названия помещений весьма важно для того, чтобы использовать сведения письменных источников, которые могут помочь более определенно понять предназначение этих помещений, отчетливее представить характер оборудования и убранства их, а также яснее увидеть ход дальнейшей эволюции богатого посадского жилища.

Часто встречающимся в письменных источниках названием помещений богатого посадского жилища является повалуша. Упоминание о ней мы находим в одном из произведений древнерусской литературы, относящихся к XII в. Слово «повалуша» можно встретить и позднее, а особенно часто оно встречается в разного рода документах XVI—XVII вв.

По отношению к городским постройкам термин «повалуша», как свидетельствуют о том достаточно многочисленные деловые документы XVII в., оставался ходовым вплоть до петровских реформ, и это дает основание думать, что и в XVIII в., по крайней мере в его первой половине, он продолжал жить в старинных русских городах. Однако к середине XIX в. в городах он оказался прочно забытым, и ученым, исследовавшим быт, язык и архитектуру Древней Руси, пришлось строить догадки о его значении.

Первым, кто обратился к вопросу о значении слова «повалуша», был И. Е. Забелин. Он начал с отдельных замечаний, высказанных попутно и как бы вскользь. Говори о гриднице,

И. Е. Забелин отметил, что «в позднейшее время ей соответствовала по своему значению повалуша, столовая изба, также горница, а по способу постройки — светлица».³⁵ Там, где он писал о русском жилье XII—XVII вв. (считая, что оно за это время не изменилось), обращаясь к «жилищу простолюдица», он отмечает: «Против избы у семьянистых зажиточных людей ставилась клеть — летний холодный покой, также с волоковыми окнами», а дальше добавляет: «Под клетью, которая в иных местах называлась повалушею и даже горницею, почти всегда был глухой подклет».³⁶ Обращаясь к жилищу «людей других сословий» — «богатых гостей, дворян и, наконец, бояр», он сообщает, что «в больших хоромах обширные сени соединяли горницу или комнаты с повалушею, или повалышею, которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны, также на жилом или глухом подклете. Это был обширный летний, то есть холодный покой, соответствовавший клетю в крестьянском дворе и служивший большею частью также для сохранения разной домашней рухляди. В богатых, особенно государевых, хоромах он соответствовал древней гридне, впоследствии столовой, то есть парадной, в которой давались праздники и пиры, принимались гости».³⁷

Нетрудно заметить в этих замечаниях И. Е. Забелина ряд противоречий. В дальнейшем мы увидим, что эти противоречивые мнения о повалуше не являются произвольными измышлениями И. Е. Забелина, их основа почерпнута из достоверных источников, а несовместимость объясняется тем, что они не были приведены И. Е. Забелиным в надлежащий порядок и рассмотрены в этом порядке исторически. Причины разноречия источников мы выясним дальше. Однако самому И. Е. Забелину эти причины, видимо, не были ясны и его не удовлетворял такой разноречивый в представлении о повалуше.

Именно этим можно объяснить то, что он попытался дать единое толкование слова «повалуша», которое в конечном счете построил уже не столько на известных ему свидетельствах письменных источников, сколько на собственных размышлениях над чертежами и рисунками древнерусских хором и на широких обобщениях: «Приемная горница, или собственно столовая, точно так же отличалась от остальных клеток особым складом. Обыкновенно над нею возводилась еще клеть, составлявшая третий ярус и называемая повалушею, отчего и вся эта трехъярусная хоромина столовой известна была больше всего под именем повалуши. По своему складу она походила на башню и ставилась четырехугольно, а иногда обделывалась и кругло, на восемь углов. Вообще повалуша — „храмича зело высокая в самых

³⁵ Забелин И. Е. Домашний быт..., с. 21—22.

³⁶ Там же, с. 27—28.

³⁷ Там же, с. 29.

верхних каморах“ — имела свою особую типическую форму, которая весьма определенно обозначается на древних чертежах и очень часто встречается в иконописи в изображениях городских зданий. Происхождение этой постройки, по всему вероятию, принадлежит глубокой древности. Известно, что в Сванетии, на Кавказе, как и у славян Герцеговины, и доселе строят при жилищах отдельные башни для обзора за врагом и для защиты в случае нападения. У герцеговинцев такая башня называется кулоу. Очевидно, что и наша повалуша (имя ее упоминается уже в XII в.) есть та самая постройка, которая на первых страницах летописи именуется вежею. Судя по тому, что вежею называлась также и кочевая повозка с палаткою, можно полагать, что и в зодчестве башня-вежа имела какое-либо сходство с вежею-палаткою. Это сходство, по всему вероятию, заключалось в башенной кровле, которая обыкновенно устраивалась по образцу шатра-палатки. В Радзивилловском списке летописи, принадлежавшем началу XIV в., сохранилось изображение половецкой вежи, взятое несомненно с более древних рисунков. Эта половецкая вежа вполне объясняет, какую форму кровли имела вежа-строение». ³⁸

Не подвергая здесь это определение повалуши критике, отметим, что оно в сущности и не говорит ничего о том, чем собственно была повалуша, каково ее назначение, а заключает в себе лишь утверждение, что она строилась всегда над приемной горницей, и, кроме того, содержит суждения о предполагаемой форме ее крыши. Однако именно это толкование, данное столь авторитетным знатоком Древней Руси, получило прочное место в науке. Оно принималось очень многими из тех, кто занимался вопросом о названиях частей древнерусских хором. Мы не будем здесь перечислять всех, кто его повторял, а коротко отметим лишь некоторые вариации этого толкования. И. И. Срезневский, весьма внимательно и строго подходящий к выяснению значения древнерусских слов, видимо, именно под влиянием мнения И. Е. Забелина считал повалушу не одним из помещений, как следовало бы, а одной из построек, принадлежавших дому, хотя и не повторил утверждения о том, что это была башня, что она бывала круглой и имела коническую крышу и происходила от вежи-шатра. ³⁹

³⁸ Забелин И. Е. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900, с. 50.

³⁹ «Повалуша — одна из построек, принадлежащих дому: „Ты же жи в дому повалуше испьсав, а убогыи не имать, кѣде главы подѣклонити“ (Сб. Троицк., XII в.). „Поспѣев, выиде от него в повалушу“ ... (К а р а м я н Н. М. История государства Российского. Т. VI, прим. 333). Во дворе хоромах: „Две горницы с компатами, три повалуши на подклетех, промежь горница и повалуши сени, да промежь повалуши погреб осыпной с полатии и с присенъем“ (Купчая Кирилловского монастыря, 1568 г.). „С хором, с рубленых горниц и с повалуш, и с изб, и с клетей, и с мылоц, и со всяких рубленых хором“ (Таможенная Новгородская грамота о сборе пошлин 1571 г.). „Обрев хранину ... зело высоку, по их же обыкновен-

Н. Н. Воронин, относивший повалушу к частям, входившим в состав княжеских хором домопгольской поры, считал ее деревянной башней, внизу которой помещалась не приемная горница, к чему все же более склонился И. Е. Забелин, а клеть.⁴⁰

Мнение И. Е. Забелина остается общепризнанным и в настоящее время. Об этом могут свидетельствовать все работы, в которых встречается этот термин, в частности словарь, приложенный к курсу истории русской архитектуры.⁴¹

Термин «повалуша» в русской деревне дожил до нашего времени. В XIX в. в деревнях повалушей называлось холодное помещение, служившее в летнее время спальней. Отсюда некоторые исследователи, хорошо знавшие язык русской деревни, сделали вывод, что и древнерусская городская повалуша являлась спальней. В. Даль, объясняя слово «повалуша» в том значении, какое оно имело в современной ему русской деревне, привел в то же время выдержки из сочинения Курбского и делового документа XVII в., относящиеся к древним городским повалушам, и использовал эти выдержки, оставаясь в уверенности, что повалуша всегда служила спальней, т. е. считая, что с XVI—XVII вв. значение этого термина не изменилось и было, кроме того, всегда единым для города и деревни.⁴²

Существенно отличается от вышеприведенных толкование слова «повалуша», которое в сущности тоже принадлежит И. Е. Забелину, но повторялось М. В. Красовским, А. И. Некрасовым, Е. А. Ащепковым, И. В. Маковецким. Это толкование,

ному слову нарицают ее повалуша» (Сказания князя Курбского. СПб., 1853, I.143). Ср. обл. *повалушь-повалуха-повалиша* — холодная горница, строящаяся через сени против избы» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1902, с. 993).

⁴⁰ «Подобно сеням, и клеть часто приобретала надстройку в виде второго этажа и, получая характер четырехугольной башни, называлась повалушей» (ИКДР, т. I, 1951, с. 224). Разумеется, подповалушь могло служить клетью; вероятно, так нередко и было. Но, во-первых, прямых свидетельств этого нет, во-вторых, все же назначение надстройки над клетью остается в определении Н. Н. Воронина не объясненным, тем самым остается нераскрытым назначение самой повалуши, т. е. смысл термина «повалуша».

⁴¹ «Повалуша — деревянная башня, входившая в состав жилых хором» (Краткий словарь специальных терминов, характерных для русской архитектуры. В кн.: История русской архитектуры. Краткий курс. М., 1951, с. 445).

⁴² «Повалиша, повалуша, повалушка, повалиша ж. стар. повалуша сев. повалушь ж. ряз. повалиши м. пен. — общая спальня, особ. летняя, холодная, куда вся семья уходила на ночь из теплой избы, из чистой горницы, повалиться, т. е. спать; она бывала вверх: Обрел хранину zelo высоку, но их же нарицают повалиша, в самых верхних каморах; или она была отдельно, через сени, или в подклети, под избой: А во дворе хоромов две горницы с комнатами, три повалуши в подклети» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III. М., 1956, с. 141).

опирающиеся на данные, относящиеся к XVI—XVII вв., но распространяемое указанными авторами и на более раннее время, и в частности на ранние княжеские постройки, считало повалушу большим помещением (или залом), служившим для приема гостей, пиров и увеселений.⁴³

Решая вопрос о том, чем была повалуша, каждый из авторов указанных выше мнений опирался лишь на часть материала, относящегося к данному вопросу, и вступал при этом в противоречие с другой его частью. И. Е. Забелин в своем окончательном мнении не принял во внимание данных, послуживших основанием для заключения В. И. Даля, а В. И. Даль не учел тех сообщений письменных источников, которые говорят, что в XVI—XVII вв. повалушей называлась не спальня, а приемное помещение. Те же, кто признавал повалушу залом для приемов, закрывали глаза на факт, что в XVI—XVII вв. повалуши нередко встречались среди крестьянских сельских построек и иногда, как говорят документы, не только в деревне, но и в городе бывали очень небольших размеров.⁴⁴

Термин «повалуша» существовал на Руси не менее пяти веков, обозначая какие-то части хоромных строений, принадлежавших и посадским людям, и боярам, и царям, и крестьянам. Каждый же из исследователей искал единое неизменное значение этого термина, которое можно было бы с одинаковым успехом применить

⁴³ М. В. Красовский при этом смешивал повалушу с гридней и считал повалушу неотапливаемой, холодной. Смягчая противоречие с выводами И. Е. Забелина, он признал, что часть здания, в которой размещалась повалуша, с падающей над ней клетью, а над клетью еще и вышкой имела вид башни, иногда круглой в плане, и что вся башня в целом тоже называлась повалушей, а еще ранее — вежей (Красовский М. В. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пгр., 1916, с. 69). А. И. Некрасов повторил мнение, что повалуша была холодной (Некрасов А. И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков. М., 1936, с. 20). И. В. Маковецкий сперва называл повалушу постройкой, а потом помещением. «К числу немногих жилых построек, сыгравших большую роль в деревянном зодчестве последующих столетий, необходимо прибавить „повалушу“. Повалуша была помещением и, вероятно, парадным помещением богатого жилого дома в Древней Руси» (Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962, с. 18). И. В. Маковецкий, распространяя свидетельства письменных источников XV—XVII вв. на X—XIII вв., относил их в то же время в равной мере и к княжескому, и к царскому, и к богатому посадскому жилищам: «Повалуша не упоминается в летописях в составе зданий княжеских дворцов, однако наличие ее там не вызывает сомнений. Письменные источники XV, XVI и XVII веков дают представление о повалуше как неотъемлемой части и царских деревянных дворцов, и многочисленных жилых построек боярской, купеческой и мелкопоместной знати» (там же).

⁴⁴ Выдержки из документов XVII в., свидетельствующие о крестьянских «певеликих повалушках» и о городской повалуше размером в полторы сажени, приведены И. В. Маковецким (Маковецкий И. В. Архитектура... с. 21).

и к Х и к XVII в., к жилищам простых горожан и к хоромам бояр, к дворцам царей и к крестьянским постройкам.

В нашу задачу не входит решать вопрос о повалушах вне хронологических пределов темы. Но так же, как это было выше с вопросом о сениях, мы не можем с достаточной уверенностью заключить, что означало слово «повалуша» в XII—XIII вв., не рассмотрев, хотя бы бегло, весь дошедший до нас материал о повалушах.

Каковы же вполне достоверные данные о повалушах, на которые можно опереться в решении этого вопроса?

К XII в. относится краткое, но весьма содержательное упоминание о повалушах в «Слове о богаче и Лазаре»: «Убогие хлеба не имать, чим чрево насытити, ты же облачишися и ходиши в паволоце и в кунах, а убогий руба не имать на телеси, ты же жи в дому повалуше испьсав, а убогий не имать, кѣде главы подѣклонити».⁴⁵ Сказанное здесь о повалуше свидетельствует о том, что в XII в. она была одним из помещений дома богатого человека, и о том, что это помещение получало сложную и дорогую внутреннюю отделку, включавшую иногда даже роспись. Украшение повалуши росписями говорит о парадности этого помещения.

В конце XV в. в летописях появились первые упоминания о повалушах великокняжеских хором (о «средней повалуше» московских хором — под 1490 г., о «повалушах» — под 1492 г.).⁴⁶ Они свидетельствуют о том, что в это время повалуши входили в состав дворцов русских феодалов.

К первой половине XVI в. относится упоминание Псковской летописи о повалушах дворца архиепископа Макария в Пскове, строившегося в 1535 г.: «Того же лета начаша двор делати владычень во Пскове на площади за всемилостивым Спасом, а священники ему не пособиша ни в чем же во двор, а монастыри все мпили горницы и повалушу склали».⁴⁷ Из этого сообщения видно, что горницы во дворце Макария были деревянными, а повалуша каменной. Как показало исследование гражданской архитектуры Пскова, основным помещением каменной части псковского богатого жилого здания XVI в. являлся обширный зал, предназначавшийся для приема гостей и пиров.⁴⁸ Ясно, что именно этот зал летописец назвал повалушей, так как, кроме него, в каменной части здания ничего не было; имелись, правда, крыльцо и погреб,

⁴⁵ Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. II. СПб., 1876.

⁴⁶ См.: Потапов А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. В. 1. Древности. ТМАО, т. XIX, М., 1902, с. 61; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.—Л., 1950, с. 98.

⁴⁷ ПСРЛ, т. IV, с. 301.

⁴⁸ Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания... с. 12—13.

во о них, естественно, летописец умалчивал (об этой малозаметной сваружь, играющей подсобную утилитарную роль части здания никто никогда не упоминал в описаниях). Судя по остаткам, которые дошли до нас от псковских жилых каменных построек XVI в., и по пережиткам приемов гражданской архитектуры XVI в., имевшим место в первых постройках XVII в., залы этого рода были весьма обширны, хотя и не особенно высоки. При каменных стенах они имели плоское деревянное перекрытие на горизонтально уложенных балках.

Свидетельство Новгородской летописи, относящееся к 1554 г.: «Зажгли зажигальщии на Яковлеве улице у подьячего Василия Неклюдова повалушу»,⁴⁹ показывает, что повалуши строились в середине XVI в. не только духовными и светскими феодальными владыками, но и рядовыми горожанами, и бывали деревянными.

В документах второй половины XVI в. повалуша весьма часто упоминается как одно из помещений жилищ и бояр, и простых посадских людей.⁵⁰ Некоторые из описаний хором второй половины XVI в. позволяют вполне отчетливо представить не только состав помещений, но и их взаиморасположение. Судя по этим описаниям, типичным домом посадского человека среднего достатка был комплекс, состоявший из горницы (или избы), сеней и расположенной по другую сторону сеней повалуши (все эти помещения находились во втором этаже, под ними были подклеть или подызбица, подсенье, подповалушье, являвшиеся, очевидно, складочными помещениями).⁵¹

Таким образом, повалуша в подобного рода домах была, так же как и горница, жилым помещением. Горница, как мы знаем, служила местом для сна и отдыха. Из этого, естественно, следует вывод, что в обычном посадском доме того времени повалуша представляла собой помещение, где семья собиралась днем, где она занималась дневными делами и, разумеется, где она принимала

⁴⁹ Новгородская I летопись под 7062 г.

⁵⁰ Укажем некоторые материалы, где есть упоминания о повалушах, относящиеся к XVI в.: 1568 г. — купчая Кирилло-Белозерского монастыря (Акты юридические. СПб., 1838, № 85); 1571 г. — опись двора боярского в Вепеве (Забеллин И. Е. Домашний быт..., с. 440); 1572—1573 гг. — купчая на двор в Угличе («повалушка»). (ЧОИДР, 1899, кл. I. Угличские акты, с. 107); 1577 г. — двор боярский в Коломне («под повалушек ледник») (Забеллин И. Е. Домашний быт..., с. 441); 1577 г. — двор владыцкий в Коломне («повалуша казенная») (там же, с. 441); 1583 г. — купчая (Акты юридические, № 91); 1584—1585 гг. — хоромы в Гдове («повалуши с подповалушьями») (Переписные книги Морозова и Дровинина. МАМЮ, т. V, 1888, с. 295; т. VI, 1889, с. 312); 1591 г. — хоромы посадского человека, Псков (ТПАО, 1907—1908); 1592—1593 гг. — монастырский двор в с. Рождествене (ЧОИДР, 1887, кл. 3, V, с. 7).

⁵¹ 1591 г. — хоромы Ивана Репы в Пскове (ТПАО, 1907—1908); 1572—1573 гг. — купчая на хоромы в Угличе (ЧОИДР, 1899, кл. I. Угличские акты, с. 107); 1602 г. — опись хором в Новгороде (Новгородский исторический сборник, в. 9, 1959).

гостей.⁵² В то время, когда повалуша была свободной от гостей, она могла служить даже мастерской, если ее хозяин был ремесленником или имел в своем распоряжении слуг-ремесленников, а в необходимых случаях могла использоваться и как спальня.

В хоромах более богатых людей были уже две покоевые горницы, одна из которых, по-видимому, представляла собой спальню женской половины, другая — мужской. При этом в таких хоромах бывала и одна повалуша, и две.⁵³ Видимо, в первом случае гостей принимали сообща муж и жена, а во втором — женщины жена принимала в своей повалуше, мужчины муж принимал в своей. Можно заметить, что в зданиях этого рода в некоторых документах на месте повалуши значилась «столовая изба» или же «столовая горница», или даже просто «горница большая». По нашему мнению, это говорит, во-первых, о том, что первоначальное значение слова «горница» как спального помещения в то время уже несколько стерлось и горницами стали называть не только спальни, но и другие помещения, находившиеся на втором этаже, над подклетами. Во-вторых, это говорит о том, что уже во второй половине XVI в. приемные помещения в богатых хоромах становились более дифференцированными, т. е. появились разные виды их, и, быть может, в связи с этим возникла даже некоторая расплывчатость в названиях такого рода помещений. Вместе с тем это свидетельствует и о том, что повалуши и столовая изба были хотя и не идентичны, но все же довольно близки по назначению.

Заслуживают внимания слова князя Курбского о боярской повалуше XVI в.: «Обрев храниву зело высокоу, по нх же обыкновенному слову нарицают ее повалыша».⁵⁴ Возникает вопрос, относится ли замечание Курбского о высоте повалуши к внутренним размерам этого помещения или же к наружной величине всей хоромины в целом. Ведь в XVI—XVII вв. в повседневной речи повалушей называли иногда не только ее саму, но и весь сруб, в котором она занимала место. Мы склоняемся к тому, что Курбский здесь отметил именно наружную высоту всей хоромины, состоявшей из нескольких этажей. Как мы отмечали выше, повалуши в каменных жилых палатах первой трети XVII в. и, по всей вероятности, XVI в. хотя и были весьма большими по площади, но имели при этом довольно умеренную высоту. В богатом посадском доме-пятистенке XII в. перекрытие повалуши несомненно поднималось очень высоко — это было неизбежным следствием того, что

⁵² Мы здесь не упоминаем про еще более бедные жилища того времени, которые не имели повалуши. В них место повалуши занимала клеть. С такого типа жилищам мы знакомы уже по предшествующему разделу. В таких домах гостей принимали в избе.

⁵³ 1571 г. — двор боярский в Веневе; 1577 г. — хоромы боярские в Коломне; 1579 г. — хоромы городские в Новгороде; 1583 г. — то же (Забелля И. Е. Домашний быт... с. 440, 441, 442).

⁵⁴ Курбский. История о великом князе Московском. РИБ, т. 31, 1914, с. 300.

печь там топилась по-черному. Но в боярских хоромах (тем более такого сравнительно позднего времени, как XVI в.), отопливавшихся печами с дымовыми трубами (об этом речь будет идти ниже), не существовало необходимости в большой высоте повалуши. Она могла быть и, очевидно, была более высокой, чем спальные горницы, так как в ней собиралось порой много людей, но не настолько, чтобы весь теплый воздух уходил вверх, оставляя низ холодным. Если судить по псковским каменным зданиям первой трети XVII в., то можно предполагать, что высота повалуши была около 3 м, в то время как высота спальных горниц, вероятно, ненамного превышала 2 м.

В XVI в. повалуша входила и в состав помещений царских дворцов. Опись дворца Ивана Грозного в Коломне свидетельствует о том, что в этом дворце повалуша была и в хоромах царя, и в хоромах царя. Повалуша царских хором выделялась среди других частей этого комплекса покрытием «бочкой».⁵⁵

В то же время в документах XVI в. повалуши упоминаются и среди крестьянских деревенских построек.⁵⁶ Нет, конечно, оснований думать, что эти крестьянские повалуши предназначались для приема гостей; очевидно, что в данном случае произошел перенос термина на строение совершенно иного назначения (о возможной причине этого мы скажем в дальнейшем). Крестьянские повалуши, если не всегда, то во всяком случае весьма часто были очень небольшими в плане.⁵⁷ Вместе с тем в XVI в. столь же незначительные по площади и, вероятно, не служившие местом сбора гостей повалушки появились и в городах, хотя, по-видимому, там встречались редко, так как упоминаний о них крайне мало.⁵⁸ Эти небольшие повалушки как в городе, так и в сельской местности, судя по некоторым данным, относящимся уже не к XVI, а к XVII в., служили кладовыми.⁵⁹ Видимо, то же было и в XVI в. Не случайно в показаниях свидетелей, записанных в следственном деле о смерти царевича Дмитрия, относящемся

⁵⁵ «Повалуша бочкою» (Забелин И. Е. Домашний быт..., с. 438; Милославский М. Г. К вопросу о реконструкции дворца Ивана Грозного в Коломне. В кн.: Архитектурное наследство, в. 14. М., 1962, с. 211).

⁵⁶ См.: Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI веке. ЧОИДР, 1894, кн. 4 (171), 1894, с. 19—20; Чечулин И. Д. Русские деревянные жилые постройки в XVI веке. ЗРАО, нов. сер., т. VI (по данным И. Д. Чечулина, повалуши тогда у крестьян встречались редко; чаще — в помещичьих хоромах).

⁵⁷ И. В. Маковецкий привел в одной из своих работ извлечение из писцовых книг второй половины XVI в., описывающих крестьянские избы Тверского уезда. В с. Андреевском значились «54 избы, 63 сенника, 9 повалушек невеликих, 20 погребниц да 13 мылец, 34 хлева, 13 овинов, 10 воловель» (Маковецкий И. В. Архитектура..., с. 19).

⁵⁸ И. В. Маковецкий привел документ, свидетельствующий о том, что в городах встречались повалуши размером в полторы сажени (там же).

⁵⁹ См.: Шенников А. А. О происхождении и назначении повалуши. Геогр. общ. СССР. Докл. Отдел. этногр., в. 5, Л., 1967, с. 52, прим. 12.

к 1591 г., одну и ту же постройку на дворе Битяговского один свидетель назвал повалушей, а другой — клетью.⁶⁰

В многочисленных документах XVII в., содержащих описания построек, упоминания о повалушах встречаются нередко.⁶¹ Однако они не столь часты, как в документах XVI в. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что в XVII в. продолжался тот процесс усложнения состава приемных помещений богатых жилых зданий и их дифференциации, первые признаки которого мы отметили уже для второй половины XVI в. С этого времени для приемов гостей все чаще стали использовать особые горницы, передние комнаты, столовые и потешные избы. Есть все основания полагать, что в хоромах богатых людей во второй половине XVII в. повалуши были почти полностью вытеснены более узко специализированными помещениями, так же как это было в каменных богатых жилых зданиях того времени.⁶²

⁶⁰ Следственное дело о смерти царевича Дмитрия. Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. М., 1819, № 43.

⁶¹ Укажем некоторые материалы, где есть упоминание о повалушах, относящиеся к XVII в. Хоромы небогатых посадских людей: 1612 г. — хоромы на дворе, Новгород («горница ветчана на подизбицы да сени на подсеньи, да повалуша на подклети») (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб., 1864, с. 386); 1613 г. — хоромы дьячка, Новгород («горница на подклети да сени, да повалуша») (там же, с. 393); 1644 г. — хоромы вдовы посадского человека Самойловой, Псков («горница, сени, повалуша на подизбице, подсенье и подповалушье») (Евлев К. Г. Книги псковитина... с. 1); 1646 г. — купчая, Москва, посад («горница на подклети, против ее повалуша, меж ими сени») (ЧОИДР, 1903, кн. 3. Смесь, с. 8); 1660 г. — двор попа («горница на жилом подклети, против горницы повалуша о трех житях, меж ими сени с крыльцом») (ЧОИДР, 1909, кн. 3. Смесь, с. 10); 1666 г. — двор подьячего («две горницы на жилых подклетах, двои сени с подсеньи, повалыша о дву житях») (Акты, относящиеся..., т. II, с. 402). Хоромы помещиков, монастырских вотчин, бояр и пр.: 1612 г. — на монастырском дворе («горница с повалушею связью») (там же, с. 390); 1660 г. — на казенном кружечном дворе («горница на подклети да повалышка на подклети ж») (ЧОИДР, 1905, кн. 3. I. Материалы исторические, с. 18); 1667—1668 гг. — клинский кружечный двор («повалыша ветха о трех житях») (Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884, с. 186); 1667—1707 гг. — повалуши в составе построек воеводских дворов разных русских городов (Милославский М. Г. Техника деревянного зодчества на Руси в XVI—XVII вв. ТИИЕТ, т. 7, М., 1956); 1689 г. — дворы помещичьих вотчин в селах Битягове («горница белая о трех житях, против ее повалуша о трех житях, промеж ими двои сени»), Архангельском («две горницы, двои сени, повалуша»), Коргашино (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. «Описные книги»). На государевом дворе в Казани — «изба столовая на подклети... перед избою сени на столбах да повалуша» (Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани. Л., 1932, с. 7).

⁶² Спегальский Ю. П. Псковские каменные жилые здания..., с. 156—158. В связи с этим отметим здесь, что в 1681 г. старые повалуши Коломенского и Воробьевского дворов были сломаны и заменены столовыми избами (Забелин И. Е. Домашний быт..., с. 450).

В документах XVII в. можно найти также дапшы, которые позволяют предполагать, что не только в деревнях, но даже и в городах (по крайней мере в некоторых случаях) повалушами называли помещения, предназначенные вовсе не для приема гостей, а для иных целей.⁶³

Весьма существенным материалом, дополняющим письменные источники, являются рисунки и планы хором XVII в., на которых можно найти изображения повалуш.

По ясности представления о здании и расположении его частей на первое место следует, пожалуй, поставить чертеж хором, изданный более ста лет назад в сборнике В. Ламапского.⁶⁴ Этот чертеж изображает одновременно и план, и объемное решение типичных для Руси XVII в. богатых хором (рис. 48). Как видно из него, среднюю часть постройки составляли передние и задние сени с крыльцами при них (передним и задним), показывающими, что сени были подняты на высокие подсенья. Правую часть составлял комплекс собственно жилых, покоевых помещений, включавший три горницы, возвышавшиеся, как это следует из положения сеней, на подклетах, чердаки, составлявшие уже третий этаж жилой половины, а также мыльню с сенями перед ней. Левая часть (на двух верхних этажах) представляла собой половину, предназначенную для приема гостей. Эта часть, как и покоевая, тоже была трехэтажной. При этом помещение второго этажа на чертеже обозначено надписью «повалыша», в то время как находившиеся под ним и над ним помещения никак не названы.

В свое время этот чертеж, по-видимому, послужил одной из основных опор для мнения И. Е. Забелина, что повалушей называлась башня. Отсутствие обозначений на изображениях помещений под повалушей и над ней дало основание И. Е. Забелину считать, что подпись «повалыша» относится ко всему срубу приемной половины, имеющему со всеми его тремя этажами башнеобразный вид.⁶⁵ Такое мнение опирается еще и на то, что в XVI—XVII вв. в тех случаях, когда это не могло вызывать какого-либо неверного толкования, действительно на-

⁶³ В описи воеводского двора 1687 г. упоминается «повалуша с полатыми». Она была расположена на третьем этаже рядом с чердаком (Отписка воеводы Василия Сербина о принятии г. Ипсара. Временник имп. Моск. общ. ист. и древностей российских, кн. 14. М., 1852, Материалы, с. 9—16). Отметим здесь, что в XVII в. бывали клетки «с полатыми» (Акты, относящиеся..., т. II, с. 395, акт 1613 г.).

⁶⁴ Ламапский В. Сборник чертежей Москвы..., табл. IV.

⁶⁵ А. А. Потапов, повторивший мнение И. Е. Забелина о значении слова «повалуша», привел в своей работе о древнерусском гражданском водчестве этот чертеж, причем поместил на нем собственные обозначения, уже четко показывающие, что повалушей названа вся приемная часть хором. По существу он этим допустил искажение подлинного материала (Потапов А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры, В. 2. Древности. ТМАО, т. XX, М., 1903, рис. 126).

зывали повалушей весь сруб, в котором она находилась, вместе с подповалушьем и вышкой или чердаком над ней. Однако допуская такую вольность в терминологии, русские люди того времени, надо полагать, отлично помнили при этом, что собственно повалушей было все же только одно помещение, находившееся, как и горницы, на втором этаже хором.

Чертеж из сборника Ламанского помогает разобраться в дошедших до нас перспективных изображениях древнерусских богатых хором. К ним относятся рисунки Гоэтериса, Мейерберга и изображение части хором Строгановых на виде Сольвычегодска

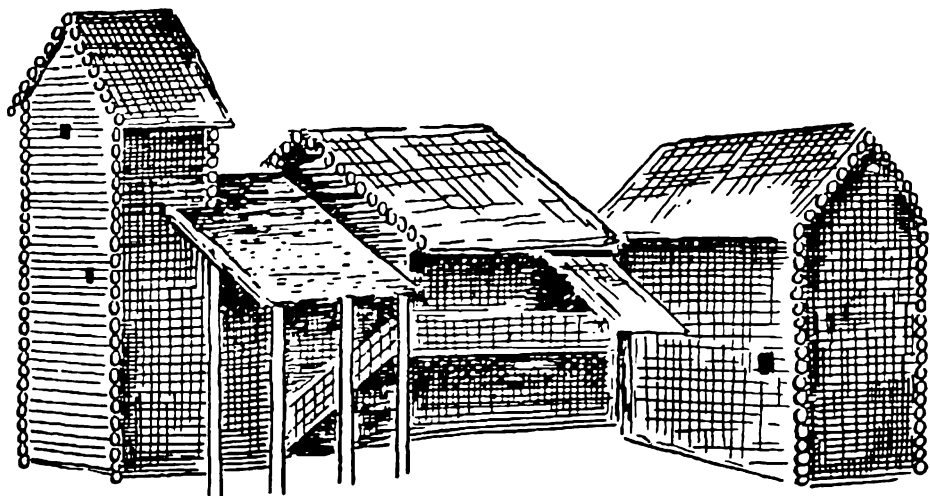

Рис. 50. «Боярский дом» в поместье Дидерино близ Новгорода. С рисунка Антонио Гоэтериса 1616 г.

1793 г. На гравюре Антонио Гоэтериса, относящейся к 1616 г. и изображающей поместье Дидерино близ Новгорода, главное место занимает «боярский дом».⁶⁶ Несмотря на то что на этом изображении, несомненно сделанном с наброска, выполненного по памяти, некоторые детали неясны, все же можно отчетливо различить поднятые на подсенье, но сами по себе сравнительно невысокие сени с ведущим на них крыльцом, крытым широким навесом, направо от сеней покоевые горницы, вдоль которых протянулась нависающая над подклетами галерея-переход, а налево от сеней повалушу, поставленную на подповалушье. Судя по высоте сруба повалуши, над ней было еще одно помещение (рис. 50).

Хоромы в «боярском селе» Никольском, в двух милях от Москвы, нарисованные Мейербергом (рис. 51), состояли из сеней, поставленных на подсенье, в которые вело крыльцо с двумя рундуками, покоевых горниц на подклетах налево от сеней и

⁶⁶ Воспроизведение см.: *Journal der Legatie, ghedaen in de Jaren 1615 ende 1616 by de Edele ... s' Craven-Hage, 1619.*

помещения для приема гостей направо от них.⁶⁷ Помещение это не имело над собой дополнительных этажей, и его сруб выделялся в общем силуэте строения только благодаря крутой высокой крыше «колпаком». По всей вероятности, это была повалуша, но не о трех, а «о двух житьях». Впрочем, категорически нельзя отрицать возможность того, что это была не повалуша, а столовая изба.

Мы не приводим здесь рисунка хором Строгановых в Сольвычегодске, использовавшегося И. Е. Забелиным, так как отделить в нем реальные черты, относящиеся к подлинному древнему зданию, от черт, внесенных в него фантазией и недоразумением рисовальщика, можно только путем скрупулезного анализа, уде-

Рис. 51. Хоромы в «боярском селе» Никольском. По рисунку Мейерберга.

лять место которому здесь не имеет смысла. Значительно большей точностью отличается рисунок тех же хором на виде Сольвычегодска 1793 г. К сожалению, на последнем рисунке покоевая часть хором не видна, а видны только сени («о двух житьях») с подсеньем, вышкой и крыльцом с тремя рундуками и двумя всходами и повалуша, имевшая, как можно думать, смотря на рисунок, четыре «житья».⁶⁸ Подобно упоминавшейся выше повалуше хором Ивана Грозного в Коломне, строгановская повалуша была покрыта «бочкой», еще более увеличивавшей ее высоту и подчеркивавшей ее парадное назначение.

Даже беглого взгляда на весь приведенный здесь материал, относящийся к повалушам, достаточно для того, чтобы увидеть, что с XII по XVIII в. происходили изменения как во внешнем виде и устройстве помещения, называвшегося повалушей, так и в применении термина «повалуша», который с некоторого времени стал перепосытаться на постройки, коренным образом отличавшиеся от первоначальных повалуш по их назначению. Зная это, мы не будем здесь, определяя смысл термина «повалуша» для XII—XIII вв., подыскивать для него такое значение, которое годилось бы и для всех последующих веков существования до-

⁶⁷ Альбом Мейерберга. Рисунок воспроизведен А. А. Потаповым (см.: Потапов А. А. Очерк древней русской..., в. 1, табл. IV, рис. 8).

⁶⁸ Здесь в отличие от фантастического изображения, использованного И. Е. Забелиным, повалуша нарисована четырехугольной. Тем самым отпадает единственное основание для вывода, что повалуши бывали круглые. Рисунок опубликовал А. А. Введенским (см.: Введенский А. А. Дом Строгановых..., с. 240—241).

петровской Руси. Мы не можем, используя данные о повалуше, отнестись с недостаточным вниманием к их хронологии.

Что представляла собой повалуша XII в.? Это мы должны решать, опираясь на текст о повалуше, относящийся к XII в., и сопоставляя его с подлинными остатками богатых жилых зданий того же времени. Текст говорит о том, что повалуша была в доме богатого человека богато украшена, даже расписана. Из текста ясно, что это было наиболее характерное для дома богатого человека помещение. Исследование же остатков богатых жилых зданий, открытых раскопками, показывает, что такого рода помещение в богатом посадском доме того времени было только одно — обширная и высокая камера с печью, к которой прилегал узкий отсек дома с тесными спальными камерками наверху и еще более тесными подсобными помещениями под ними; через последние проходили в повалушу и поднимались в спальни.

Наш вывод основан пока что в сущности только на новгородских археологических памятниках. Но мы отнюдь не думаем, что прием устройства богатого посадского жилища, который обнаружился новгородскими раскопками, представлял какое-то особое исключение, присущее только Новгороду. Можно быть уверенным, что такой прием был распространен не только по всей Северо-Западной Руси, но и в других ее частях, во всяком случае в пределах ее лесной зоны. Все дело лишь в том, что ни в одном из других древних русских городов пока еще не производились раскопки, равные по количеству обнаруженных остатков богатых посадских домов раскопкам Неревского конца.

Так, например, в Пскове до сих пор была раскрыта лишь весьма незначительная часть посада, причем в месте, где остатки застройки находились в плохой сохранности. И все же псковский материал показывает, что и во Пскове в древности существовали дома-пятистенки с таким же, как и в Новгороде, делением сруба на большую камеру с печью и примыкающее к ней узкое отделение. Остатки подобных построек во Пскове были найдены в слоях XI—XII вв.⁶⁹

В археологической литературе есть указания на то, что остатки домов-пятистенок были открыты раскопками некоторых городищ Смоленской земли. Например, на городище Церковище среди обычных четырехстенных изб массового типа стояла такая постройка, видимо служившая жилищем феодала или его доверенного лица.⁷⁰ Срубы смоленских пятистенок, как и новгородских, делились на резко неравные части — большую камеру и узкое отделение, прилегающее к ней. Остатки домов-пятисте-

⁶⁹ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. Гос. Эрмитаж. Археологический сборник, в. 4, Л., 1962, рис. 25, 27, 41.

⁷⁰ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, № 92, 1960, с. 60.

нок были открыты раскопками в Новогрудке, Белоозере и других местах.⁷¹

Мы не думаем, что во всех городах Руси, и даже только Северо-Западной, жилища такого рода были во всем тождественны. Старинная русская поговорка, утверждавшая, «что город, то поров», была вполне оправданной, в частности, поразительным разнообразием архитектурного облика русских городов. Даже в городах, близко соседствовавших и не столь уж различавшихся по уровню и характеру культуры, местные особенности в архитектуре выражались весьма ярко. Памятники каменного зодчества, дошедшие до нас, со всей наглядностью показывают это. Но в то же время можно видеть, что существовали и общие для всей Руси характерные черты, особенно ощутимо проявлявшиеся в основных приемах компоновки зданий, т. е. в расположении и коренных принципах устройства их главных частей.

Местные особенности в архитектуре богатых посадских жилых зданий могли заключаться в деталях внутреннего оборудования и убранства, в характере декора, в применении несходных технических способов постройки. Мы видели уже, что и в Новгороде существовали два приема расположения печи в повалуше, а затем, хотя и в виде редкого исключения, все же появился еще и третий. С разными положениями печи, очевидно, были связаны и существенно отличающиеся друг от друга варианты размещения столов, лавок и полавочников. В следующем разделе читатель увидит, что и техника устройства внутреннего оборудования в Новгороде не была единообразной — в одних постройках ножки столов, лавок и других частей этого оборудования вкапывались в землю, в других же, по-видимому, они закреплялись в полу. Вполне возможно, что неодинаковые архитектурные и технические приемы, наблюдаемые в Новгороде, отражали неоднородность состава населения этого города, наличие в нем выходцев из других городов и земель. Это может говорить нам о различиях в строительных традициях, вырабатывавшихся в разных городах, и даже о возможном диапазоне этих различий. Это вместе с тем может свидетельствовать о происходившем процессе переноса этих традиций из одного места в другое, о их сосуществовании и даже частичном смешении. Были, очевидно, и такие приемы, которые не всюду могли получить применение. Так, в древнем Новогрудке рубленые стены обмазывались глиной, но в Новгород это обыкновение не проникало. Отсутствие обмазки должно было, конечно, сказываться на характере внутренней отделки стен, в особенности на технике их росписей, что могло в какой-то мере влиять на интерьер.

⁷¹ Гуревич Ф. Д. Раскопки в Новогрудке (1960—1961 гг.). КСИЛ, в. 96, 1963, с. 51--52; Голубева Л. А. Древнее Белоозеро. КСИМК, в. XLI, 1951, с. 37--40.

Однако когда мы обращаемся к вопросу об основном приеме компоновки богатого посадского дома, то неизбежно приходим к заключению, что этот прием был единственно рациональным в условиях Руси того времени. Рассмотрение компоновки богатого новгородского посадского дома-пятистенка показало, что для Руси X—XIII вв. этот прием был настолько глубоко продуманным и разумным во всех отношениях, что нельзя представить себе столь же удачный вариант его, чем-либо существенным отличающийся от данного. Именно это убеждает нас в том, что такой прием в основных его чертах оставался неизменным по всей Руси.

Установить назначение единственного большого по площади и объему помещения богатого посадского дома, имевшего печь, как места дневного пребывания семьи и места приема гостей позволяет и его значительная величина, и все его устройство и оборудование (о которых речь будет ниже), и отмеченное «Словом о богатом и убогом» богатство его декора, которое ни к какому другому месту дома отнести невозможно. Зная же, что в XV—XVII вв. повалушами в городских палатах и хоромах именовались помещения для приема гостей, мы можем еще более утвердиться в этом мнении.

Отметим здесь, что такое понимание слова «повалуша» для XII в. вполне объясняет нам, почему до XV в. повалуша никогда не упоминалась в составе княжеских хором, несмотря на то что в летописях содержится достаточно упоминаний о частях дворцов князей, и мы думаем даже — о всех их частях, так как упоминаются и терема, и сени, и гридницы, и ложницы, и переходы, и истопки, и даже клетки, погреба, скотницы и бретьяницы — места хранения имущества и запасов. Повалуш же среди княжеских хором XII—XIII вв., конечно, быть не могло, так как повалуша являлась в те времена неотъемлемой принадлежностью богатого посадского дома, его основным помещением, тесно связанным со всем этим весьма своеобразным жилищем, а домов такого типа князья, конечно, для себя не строили.

Изложенное здесь понимание термина «повалуша» для XII в. делает понятным и ясным и направление последующей эволюции этой части древнерусских хором. В дальнейшем мы увидим, что уже в XIII в. в связи с использованием в богатом жилище отопления печами с дымовыми трубами, а также вследствие настоящей потребности в увеличении площади спальных помещений в наиболее богатых домах спальные горницы стали отделять от повалуш, перенося их в особые самостоятельные срубы, соединявшиеся с повалушей сенями или переходами. С этого времени повалуша становится частью многосрубных хором, заключенной в свой отдельный сруб. Вместе с тем мы увидим, что, желая предохранить жилые помещения от исходящей из почвы сырости, как горницы, так и повалуши стали

поднимать на подпвалушья и подклеты. В это время повалуши начали принимать все более башнеобразный вид, который стал настолько ярко выражаться в трехэтажных повалушах XVI—XVII вв., что привел некоторых ученых к апалогии с кулой и сванскими башнями и к предположениям о какой-то первобытной древнерусской деревянной башне-повалуше, служившей в некие древние времена для обороны. Но башнеобразность приемной части хором — явление производное, происходящее лишь вследствие того, что покоевая часть хором состояла в богатом доме из нескольких горниц, а приемная на втором этаже — всего только из одной повалуши. Из-за этого покоевая половина получалась в плане гораздо обширнее приемной, в то время как этажность обеих половин была либо одинаковой (причем, как мы уже говорили, повалуша, вероятно, отличалась большей высотой, чем горницы), либо над повалушей вырастал еще этаж, а то и два. Поэтому рядом с широкой и сравнительно низкой покоевой частью хором приемная половина выглядела башней. Это станет еще более ясно, если учесть, что даже обыкновенная курная изба XIX в., поставленная на сравнительно невысокий подклет, уже кажется нам, привыкшим к обширным домам, башнеобразной.

Дальнейший ход развития повалуш выходит за хронологические пределы нашей темы, однако мы считаем необходимым дать здесь представление о всей нашей концепции по данному вопросу в целом, так как иначе невозможно судить о ней, подойти к ней критически и проверить наши соображения. Постараемся изложить ее возможно короче.

Как видно из письменных данных, в XV в. повалуша как помещение для приема гостей получила широкое распространение, она стала встречаться в постройках не только посадских людей, но и бояр, и даже великих князей. Служившая местом приемов и пиров старая княжеская и боярская гридница, по-видимому, была помещением холодным, не отапливавшимся,⁷² повалуша же, по всем данным, и в новом своем виде не потеряла печи.⁷³ В этом, на наш взгляд, могла быть причина того, что повалуша (теперь уже совершенно отдельное помещение, поставленное на подпвалушье) стала в XV в. появляться в составе хором великих князей, сосуществуя в них некоторое время с гридницей, а затем вытесняя последнюю. Как специальное место приемов и пиров повалуша уже в начале XV в. вошла в хоромы бояр и, кроме того, при этом стала в каких-то случаях

⁷² Об этом свидетельствует хотя бы постоянно применявшийся к ней в былинах эпитет «светлая», говорящий о том, что она была снабжена большим количеством окопных просмов (так же, как сени).

⁷³ К такому выводу приводят, в частности, все материалы, по которым мы можем судить о богатых псковских каменных повалушах XVI и первой трети XVII в.

строиться в отличие от всех иных частей жилых зданий каменной. Об этом с достаточной очевидностью свидетельствует каменная повалуша хором посадника Юрия Анциферовича, основание которой было открыто в раскопках Неревского конца и неточно именовалось археологами остатками то каменного дома, то каменного терема.⁷⁴ Отапливаясь по-белому, повалуши должны были потерять былую высоту, ставшую ненужной. Такой вывод подтверждается материалом изучения псковской каменной гражданской архитектуры XVI—XVII вв. Однако в то же время в богатейших деревянных хоромашах вся приемная часть здания, в которой сама повалуша обычно занимала второй этаж, еще более, чем раньше, вырастала в высоту. Над повалушей стали устраивать в ряде случаев не только один, но два и даже три этажа. Видимо, в такого рода постройках помещений для приема гостей становилось все больше, в их состав стали входить особые хоромины, предназначавшиеся для увеселений, отдыха, и, возможно, даже спальни для гостей. Такое увеличение высоты части здания, предназначенной для приемов и развлечений, соответствовало в то же время и несомненно существовавшему желанию знатных людей выделить и подчеркнуть эту парадную принадлежность их хором.

Здесь было бы излишне отдавать значительное место вопросу о том, как термин «повалуша» проник в деревню и там изменил свой смысл. Скажем лишь, что найти этому объяснение можно. Мы знаем, например, что срубы городских хором часто рубились в сельской местности, а потом оттуда перевозились в город. Таможенная уставная грамота 1571 г. предписывает «брати на царя государя» пошлину «с судов и с плотов, с плавного лесу ... с хором с рубленых, горниц и с повалуж, и с изб, и с клетей, и с мылен, и со всяких рубленых хором».⁷⁵ Из этого документа видно (как и из некоторых других), что еще в срубках, лишенных внутреннего оборудования и отделки, повалуши уже отличались от горниц, как и от изб, клетей и бань. По-видимому, отличие это заключалось в самых основных пропорциях и конструкциях. Это было хорошо известно крестьянам, рубившим хоромы на продажу. Те, которые рубили срубы, конечно, привыкли различать их именно по основным конструкциям, смотреть на них только как на срубы определенного устройства. Вспомним здесь, что, по свидетельству Е. Э. Бломквист, в Бе-

⁷⁴ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 68 и 150; Янин В. Л. Заметки о повгородских берестяных грамотах. СА, 1954, № 4, с. 108 и 119. Отметим, что эта каменная повалуша, как, по-видимому, и псковские каменные повалуши XVI в., сохранила ту же общую композицию, что и предшествовавшие ей деревянные, — с подповалушьем, разделенным поперечными стенами (об этом будет сказано далее).

⁷⁵ Таможенная уставная грамота 1571 г. Собрание государственных грамот и договоров. Т. II. М., 1819, с. 53 (№ 43).

лоруссии до нашего времени сводчатый потолок было принято называть повалушем независимо от того, какое помещение он перекрывал — клеть или истопку.⁷⁶ Это может служить одним из объяснений, почему крестьянин, срубивший себе клеть, хотя и значительно меньшую по размерам, чем повалуша богатых хорм, но имевшую в конструкции сруба какое-то подобие настоящей повалуши, мог назвать эту клеть повалушкой. А из деревни такой более поздний, производный вариант значения этого слова мог проникнуть и в города, когда и там стали появляться клетки аналогичного устройства.

Остановимся ненадолго на вопросе о происхождении самого слова «повалуша». Мы выше, говоря о большой камере богатого дома, называли ее общим помещением. Уже сами ее размеры и соотношение ее площади с площадями других помещений дома давали нам основание для того, чтобы догадываться, что в ней собиралась вместе вся семья, а в дни приемов — и гости. Слову «общий» в Древней Руси соответствовало слово «повальный». Об этом говорит даже словарь Даля («повал» — все общее, поголовное, что одновременно касается всех или многих). В западнорусской речи слово «вальный» означало «главный» и «общий» («вальный сойм» — общий съезд, сейм). В сущности такое значение слова «повальный» сохранилось и в нашей современной речи, но теперь оно почему-то относится только лишь к некоторым явлениям, по преимуществу неприятным («повальный обыск», «повальное умопомешательство»). В древности, по-видимому, это слово могло относиться к любому предмету или явлению. Мы предполагаем, что общая изба или общая камера в доме называлась повальной, а сокращенно — повалушей.

Кроме повалуши среди помещений богатого древнерусского городского дома письменные первоисточники упоминают горницы.⁷⁷ Читая некоторые из произведений древнерусской литературы, можно убедиться в том, что слово «горница» в его общем значении соответствовало нашему слову «верх». Так, например, «Сказание о святей Софее в Цареграде» говорит о строителях, поднимавшихся на верх лесов строившегося храма: «Постигши же зяждущим на горница и поставльшим верховный столпыи и комарыи». Там же описывается, как священник поднялся на верх лесов, и опять сказано, что он взошел «на горницу».⁷⁸ Это дает основание думать, что и о полатах в простой массовой избе нередко говорили как о горнице. Едва ли можно

⁷⁶ Блоквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). Восточнославянский этнографический сборник. ТИЭ, нов. сер., т. XXXI, 1956, с. 79.

⁷⁷ «Горе, иже зяждеть дом свой на высоту с неправдою и горница своя не в суде» (Изборник Святославов. СПб., 1880, л. 88).

⁷⁸ Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1871—1876, № 1—12, Материалы, с. 7.

сомневаться, что в богатых домах, имевших, как мы видели, спальни, расположенные паверху, именно их должны были в домашнем быту называть верхом, т. е. горницей.

Начиная с XIII в. повалуши и горницы в посадских хоромах разделились и стали устраиваться в отдельных срубках; горницами вначале, по всей вероятности, называли лишь спальные помещения в отличие от повалуш и сеней, затем же примерно по истечении двух веков это название стало применяться и по отношению к некоторым другим помещениям второго этажа.

С термином «повалуша» мы встретились в литературном произведении XII в., термин «горница» отмечен письменными источниками XI в. Но мы не можем пройти мимо того факта, что до нас дошло перечисление городских построек, связанное с событиями X в., и в нем нет ни слова ни о повалуше, ни о горнице. Правда, это описание относится к городу, расположенному на юго-западе Руси, — Искоростеню,⁷⁹ но в данном случае это, может быть, и не имеет значения, так как Искоростень лежит все же в полосе, где были распространены наземные деревянные постройки. В более позднее время термины «повалуша» и «горница» были распространены на Руси повсеместно, а названия построек Искоростеня X в., сохраненные для нас летописцем, хотя и очень редко, но тоже можно встретить в более поздних источниках, причем в описаниях событий, относящихся уже к северо-западу Руси. Мы думаем, что дело тут не в племенных или областных различиях, а в том, что термины «повалуша» и «горница» в X в. еще не вошли во всеобщее употребление или даже не существовали и им тогда соответствовали по значению какие-то иные наименования помещений богатого посадского дома, позднее постепенно вышедшие из употребления. В описании событий, связанных с падением Искоростеня, как автор древнейшего долетописного рассказа, так и летописец, внесший этот рассказ в летописный свод, одинаково обстоятельны и скрупулезны. Они были наблюдательны и точны до такой степени, что отметили даже столь незначительное обстоятельство, как полет голубей именно в свои «голубницы», а воробьев под свесы крыш тех городских строений, где у них находились гнезда. Несомненно, они были не менее обстоятельны там, где перечисляли возникшие от воробьев очаги пожара: свесы крыш клетей, веж и одрин.⁸⁰

Новгородские раскопки показали, что богатые дома посадских людей уже в X в. были пятистенными, с обширной и высокой

⁷⁹ Повесть временных лет. Ч. I. М.—Л., 1950, с. 43 (летописное описание взятия Ольгой Искоростеня).

⁸⁰ «Голуби же и воробьево полстеша в гнезда своя, ови в голубници, воробьево же под стрехи ... И тако възгарахуся голубници, ово клетн, ово веже, ово же одрини, и не бе двора, иде же не горяще» (Повесть временных лет. Ч. I. М.—Л., 1950, с. 43).

повалушей и горницами, занимавшими верхний этаж узкого отсека сруба, и что в то время такие жилища были характерными для городского посада. Мы считаем вполне возможным, что в X в. на Руси пмелсь небольшие города, в которых значительная часть жилых построек относилась к этому типу. К числу подобных городов мог принадлежать и Искоростень. В таком городе, лишенном, конечно, деревьев, воробыи только и могли гнездиться под стрехами жилых домов и клетей. Если в Искоростени были бапи, то они несомненно представляли собой очень низкие строения. Поэтому гнезда могли находиться только под стрехами клетей, повалуш и горниц. В то же время в рассказе о сожжении Искоростеня кроме клетей упоминаются только вежи и одрины. Мы думаем, что это и были повалуши и горницы. Нет ничего невероятного в том, что рассказчик мог различать отдельные части, принадлежавшие в сущности одним и тем же строениям: во-первых, оп, как выше уже было замечено, педантично точен и считает нужным отметить даже мелочи; во-вторых, жилая постройка богатого типа в целом, возможно, и не имела особого названия (пзбой ее уже нельзя было назвать), а в понятие «дом» в то время входили не только жилые постройки, но и двор и все подсобные здания. Ведь и клеть тоже бывала тесно связана с жильем переходом, тем не менее рассказчик ее тоже упоминает отдельно. Может возникнуть вопрос — почему в таком случае он ничего не говорит о переходах или «сенницах». Это ясно — они были очень низкими, не имели каких-либо возвышающихся частей, до их стрех нетрудно было достать рукой, воробыи в них не гнездились, а рассказчик придерживался скрупулезной точности.

Таким образом, есть основания предполагать, что вежа — это повалуша, а одрина — горница. Несомненно, в горницах устраивались постоянные места для снаья — своего рода кровати, построенные вместе с жилищем. По всей вероятности, эти ложа назывались одрами, а от них происходил термин «одрина». Нас не смущает, что слово «одр» означало не только ложе, но и седалище, престол; в соответствии с этим в более поздние времена, как известно, одриной называлось также и помещение, имевшее постоянное неподвижное седалище.⁸¹ Не противоречит нашему предположению и то, что одриной (в Белоруссии «адрыной») в русской деревне назывался сарай или постройка для хранения псобмолочешного хлеба, сена, соломы, служившая летом для снаья.⁸² Использование деревенской одрины в качестве спальни может даже в какой-то мере являться подтверждением догадки

⁸¹ Куняцып. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. М., 1843; Соловьев С. Об отношениях Новгорода к великим князьям. ЧОИДР, 1846, кн. 1, с. 162, прим.

⁸² Бломквист Е. Э. Крестьянско постройки..., с. 199, 201. Е. Э. Бломквист тоже считает, что с XI в. одриной называлась спальня.

о том, что слово «одрина», примененное по отношению к богатому дому, означало спальню, т. е. горницу.

Весьма скудные данные о веже, которые можно извлечь из письменных источников, не противоречат предположению, что вежей в X в. называлась повалуша. Наиболее содержательное из известных нам свидетельств о веже говорит, что она была местом, где выполнялись домашние работы.⁸³ Это вполне отвечает изложению нами выше представлению об использовании повалуши. Название в то же время вежами башен⁸⁴ можно объяснить тем, что повалуша, как мы уже заметили, отличалась от других домашних помещений особенной высотой. Именно учитывая это, трудно отнести данное название к какой-либо иной части жилой постройки. Таким образом, в мнении о том, что повалуша в раннее время именовалась вежей, мы сходимся с И. Е. Забелиным.

Все изложенное здесь с достаточной ясностью рисует нам основную композицию богатого посадского дома, дает представление о назначении его главных помещений и некоторые данные о их названиях. Однако до сих пор мы совершенно обходили вопрос о той части узкого отделения сруба, которая находилась в первом этаже, под горницами. Мы заметили только, что она не являлась сенями. Не касались мы ее отчасти потому, что она несомненно была второстепенной, подсобной, а более всего по той причине, что точно установить ее назначение и название пока что невозможно и приходится ограничиваться только предположениями.

Тем не менее, чтобы дать более или менее законченный взгляд на общую компоновку помещений, заключавшихся в пятистенном срубе богатого дома, необходимо привести здесь эти предположения. Судя по расположению сеней (в тех случаях, когда оно было установлено археологами), низ узкого отсека сруба был проходным. По нему проходили из сеней в повалушу, по нему же, очевидно, нужно было пройти, чтобы подняться по внутреннему входу в горницу. Этот нижний этаж узкого отделения сруба был не столь теплым и покойным, как горница, но он не был зимой таким холодным, как сени. Летом же в нем, вероятно, было более прохладно, чем вверху, что являлось его положительной особенностью. Археологами отмечены следы, позволяющие сделать вывод, что он разделялся перегородками (может быть, не всегда) на небольшие помещения, чаще всего (в тех случаях, когда выход был в торце дома) на три, а иногда (когда дверь располагалась на продольной стороне сруба) на два.⁸⁵ Одно

⁸³ «В граде Дорогобужа некая жена, раба сущи, делаша в вежи повелением госпожа своя, в день святого Николы» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893, с. 483).

⁸⁴ Там же, с. 482.

⁸⁵ Первый случай — постройка И18Б и др., второй — А26А.

из этих отделений служило проходом в повалушу, остальные могли использоваться для ночлега домашней прислуги, а летом, во время жары, в виде исключения, в них могли спать хозяева дома. В постройке Д20В по сторонам двери в повалушу сохранились остатки столбов, которые, однако, не принадлежали перегородкам, а служили опорой какого-то оборудования. Находились они у внутренней, т. е. теплой, стены; очень может быть, что это остатки таких же постоянных лож для сна, какие, надо полагать, имелись в верхних спальнях.

В то же время в этих частях дома, очевидно, находились и те входы, которые служили для подъема в горницы. Это дает нам некоторое основание предполагать, что помещения, отделенные перегородками от прохода в повалушу, возможно, носили название «входниц», известное по упоминаниям в дровнорусской литературе.⁸⁶

Внутреннее оборудование и убранство

Следы и остатки внутреннего оборудования богатых посадских жилых зданий были открыты повгородскими раскопками во многих случаях. Чаще всего они принадлежали печам. Однако почти всегда от печей оставались только их основания, точнее говоря — части опечий. В сущности они дают представления только об опечьях, да и то неполное. По опечью же нельзя точно установить даже величину печи, так как размеры опечья и печи не совпадали. Это можно видеть хотя бы из того, что при расположении печи в углу опечье всегда вплотную примыкает к стенам дома, хотя печь, разумеется, к деревянным стенам не могла примыкать. Опечье, следовательно, было обширнее печи и, вероятно, значительно, так как выступало за пределы печи, очевидно, со всех сторон.

Данные раскопок говорят о том, что в каких-то случаях опечья устраивались полыми. По их столбам укладывались перекладины, на которые настилался помост, несущий груз печи.⁸⁷ Подпечье при этом могло использоваться, например, как предполагал П. И. Засурцев, для хранения утвари.⁸⁸ Однако нет оснований считать, что такой прием устройства опечья был единственным; по всей вероятности, существовали опечья со сплошным их заполнением камнями, глиной, песком, может быть, даже землей. Вполне возможно, что опечья со сплошным заполнением были даже более распространены, чем полые. В таких случаях опечья не перекрывались настилом, их столбы служили только для закрепления деревянной забирки, ограждавшей заполнение.

⁸⁶ Срезневский Н. И. Материалы для словаря..., т. I, с. 428—429.

⁸⁷ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 31.

⁸⁸ Там же, с. 31.

Об устройстве и виде самих печей жилых зданий X—XIII вв. новгородские раскопки пока не дают ясного представления. Они не позволяют даже вывести твердого заключения о том, из какого материала обычно строились печи. Обнаруженные в некоторых случаях, например в постройке И18Б, развалы валунов и глины, возможно, представляли собой остатки заполнения опечий, а не кладки печи, и мы поэтому не можем делать отсюда вывод, что печи складывались из валунов. Раскопками Неревского конца были открыты основания печей производственного назначения, стоявших прямо на почве, без опечий, причем они оказались глинобитными и сложенными из кирпича.⁸⁹ Однако эти печи отнеслись к более позднему времени.

По свидетельству П. И. Засурцева, «кирпичи найдены только в пяти местах и то исключительно в слоях XV века».⁹⁰ В то же время, по его же словам, часто попадались «керамические предметы, представляющие собой нечто среднее между кирпичами и изразцами», со следами копоти, т. е. входившие в состав кладки печей. Они находились в слоях, относившихся к XIV в.⁹¹

Из всего этого можно сделать вывод, что в жилых новгородских постройках X—XIII вв. печи были глинобитными или сложенными из камней и некрупной булыги на глине.

Хотя, как выше говорилось, «черная» печь служила главным образом топкой для сжигания топлива, а не сооружением, воспринимающим тепло от сгорания, все же стенки такой печи и особенно свод при продолжительной топке могли сильно раскаляться, после чего сохраняли тепло и обогревали помещение. Это несомненно учитывалось, и потому стенки отопительных печей X—XIII вв., вероятно, были достаточно массивными, а над сводом топки паславалась еще значительная толща кладки. В данном случае чело печи должно было образовывать над топочным отверстием довольно обширную гладь, а объем печи не был низким, прижатым к опечью. В такого рода печах, предназначенных и для отопления, и для варки пищи, и для печения, было бы нерациональным устраивать отверстие для выхода дыма в своде. Ведь тогда отсутствовала бы значительная часть свода и массива кладки над ним, в то время как именно свод и кладка над сводом нагревались от топки в наиболее сильной степени, а потом излучали свое тепло и наружу, и (что еще более важно для печения и варки) внутрь печи. Кроме того, при наличии отверстия в своде существовал, несмотря на любые крышки или доски, закрывавшие его, ток холодного воздуха через печь после топки и задвигания заслонки. П. И. Засурцев предполагал, что те «полуизразцы-полукирпичи», которые были найдены в слоях

⁸⁹ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, с. 274.

⁹⁰ Там же, с. 272.

⁹¹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 36—37.

XIV—XV вв., служили для обрамления дымовых отверстий в своде над топкой и что эти отверстия после топки закрывались керамическими крышками.⁹² Надо сказать, что керамическая крышка, если бы она даже очень плотно закрывала отверстие, все же не могла дать такого эффекта теплоотдачи, какой давала раскаленная толща кладки над топкой. Кроме того, керамическая крышка не могла совершенно плотно закрыть отверстие и прекратить ток воздуха. Гораздо больше оснований предполагать, что печи повгородских жилищ как XIV в., так и более ранних

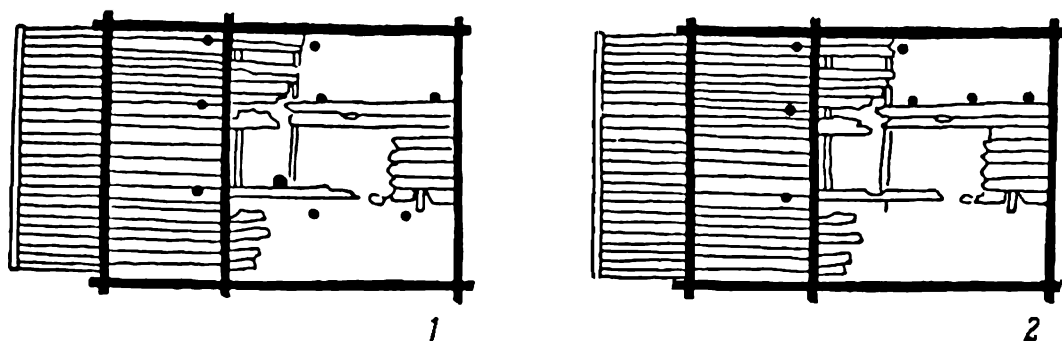

Рис. 52. Постройка Д20В. План остатков.

1 — по Б. А. Колчигу; 2 — по П. И. Засурцеву

не имели отверстий в своде, а найденные керамические части если и служили для обрамления отверстий в печах, то отверстий топочных.

В остатках постройки Д20В, отличавшихся сравнительно хорошей сохранностью, было обнаружено основание столба, вкопанного в землю рядом с опечьем, несколько впереди его правого угла (если смотреть от входной двери, стоя лицом к печи) (рис. 52).⁹³ Точные размеры опечья, которое в этой постройке было срубным, не поддаются определению по его собственным остаткам, но устанавливаются приблизительно по уцелевшим частям пола. Столб был вкопан на небольшом расстоянии от печи — между столбом и опечьем находилась лишь лага пола. Место расположения столба и его значительная толщина позволяют считать, что это был прищечной столб, служивший для закрепления в нужном положении тяги, управлявшей крышкой дымохода. При большой высоте новалуши для закрывания и открывания дымового отверстия должен был существовать какой-то механизм. Управлять им нужно было снизу, но уходя при этом далеко от печи. Следовательно, около нее нужно было иметь прочную опору для закрепления нижнего конца рычага или тяги

⁹² Там же, с. 38.

⁹³ Следует отметить, что столб этот указан на чертеже, опубликованном Б. А. Колчиным (Дендрохронология..., с. 170), но отсутствует на чертеже П. И. Засурцева (Усадьбы и постройки..., с. 74 и 94).

подъемного механизма крышки дымника. При положении печи посредине помещения для этого скорее всего мог служить крепкий, глубоко вкопанный в землю столб. В постройке Д20В печь располагалась именно посредине повалуши. Хотя остатки припечного столба были найдены только в постройке, можно считать, что такая принадлежность печи была обычной для посадского жилища с повалушей, имевшей печь в центре. Как указывал П. И. Засурцев, столбы опечьев сохранялись в остатках новгородских зданий лишь благодаря тому, что они были очень короткими, едва поднимались над полом и не выступали из развала постройки (а если и выступали, то оставались под полом новой постройки и, следовательно, никому не мешали). Если же они были длинными, то при разборке постройки их непременно выкапывали.⁹⁴ Высокий же и очень толстый припечной столб, разумеется, в том случае, если постройка не сгорала полностью в пожаре, всегда приходилось выкапывать, и только в результате весьма редкой случайности он мог быть перерублен и его конец сохранился в земле. Установить же места выкопанных столбов в новгородских культурных напластованиях невозможно, если этому не помогают какие-то особые случайные обстоятельства. По свидетельству П. И. Засурцева, «ямы от столбов в Новгороде прослеживаются чрезвычайно редко, так как заполнение этих ям абсолютно ничем не отличается от слоя, в котором они выкопаны».⁹⁵

Ни в одной из новгородских повалуш с печью в углу остатков припечного столба не было обнаружено, хотя именно среди них находились погибшие от пожара, в которых все концы столбов должны были остаться в земле. Это дает некоторое основание думать, что в такого рода постройках для закрепления внизу тяги дымника пользовались не столбом, а каким-либо приспособлением, прикрепленным к стене дома.

Из материала этнографии мы знаем, что к припечному столбу поздних русских крестьянских изб, служившему опорой угла полатей, подвешивался рукомойник.⁹⁶ Никаких данных о таком использовании припечного столба в древнем Новгороде у нас не имеется, но нельзя не заметить, что расположение умывальника около печи представляло и для стряпухи, и для всех прочих большое удобство и, возможно, обычай вешать его на припечной столб идет из глубокой древности.

В описаниях старых русских жилищ упоминается еще об одной существенной части их внутреннего оборудования, связанной с печью и дымником, — о приспособлении, позволявшем освещать лучиной все большое помещение сразу. Вот что писал об этом приспособлении очевидец, наблюдавший его в середине

⁹⁴ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки... с. 29.

⁹⁵ Там же, с. 22.

⁹⁶ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... с. 214.

прошлого века в г. Турове: «В курной избе делается маленькое отверстие сверху потолка всегда против печи, и это отверстие с деревянною задвижкой выдвигается вверх. В это отверстие, или дыру, когда нужно светить — влагается из луба труба в виде большого кувшина, называемый лучник — оконечностью вниз. На этой расширенной оконечности на сурках привешивается железный посвет. Это четырехугольная в пол-аршина во все стороны железная решетка, на которую постоянно подкладывают двойные щепки, называемые лучина. Свет от этого огонька так велик, что во всех кутках избы все там видно, как на ладони, потому и занимаются все домашние по всем местам избы всякою работою»⁹⁷

В новгородских повалунах X—XIII вв. непременно должно было быть какое-то устройство такого назначения. Оно, конечно, могло отличаться от описанного выше, например не иметь лучника, а только посвет, который мог быть при этом значительно крупнее, чем туровский. Посвет располагался, по всей вероятности, над печью, так как с него сыпались горящие угольки. Поэтому следует думать, что верх печи делался не горбатым или покатым, а горизонтальным — либо плоским, либо, может быть, даже с углублением к середине, чтобы угольки не могли скатываться с печи.

В остатках новгородских богатых посадских жилищ X—XIII вв. сохранились части или следы оборудования, которое в наше время было бы названо встроенной мебелью, — пристеppedных лавок и столов, укрепленных на столбиках, вкопанных в землю. На чертежах, опубликованных в работах Новгородской экспедиции, такие столбики показаны в остатках повалуш построек Д20В, И19Е, И19А, И18А, И17Е. Эти столбики в древности при выравнивании площадки на месте разрушенной постройки, видимо, обычно выкапывали, так как они довольно высоко поднимались над полом. Поэтому в подавляющей части построек они утеряны. Остатки деревянных столбиков были в свое время обнаружены не раз (например, в избе сапожника на Славне в Новгороде и в жилище художника в Киеве) и с полным основанием принимались археологами за ножки лавок и столов.⁹⁸ Расположение столбиков в новгородских повалунах остатков столбов свидетельствует, что это были опоры лавок и столов. Конструкция и назначение такого приема очевидна.

Рядом с лавками и столами остались следы, но это свидетельствует, видимо, уже было объяснено и должно быть несомненно вполне естественным. В тех случаях, когда раскопками

⁹⁷ Исторический очерк местечка Турова, с. 62. Такого рода устройство см. Басовский Е. В. Крестьянские постройки, с. 272—274.

⁹⁸ Басовский Е. В. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1948, с. 120. Кирпичев М. В. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, с. 20.

были открыты значительные остатки настила пола повалуши, под лавками и столами этот настил всегда оказывался нарушенным, доски этой части пола либо отсутствовали, либо были подняты со своих мест и брошены в беспорядке, а часто и перевернуты. Это может служить свидетельством того, что ножки столов и лавок при разборке построек большей частью выкапывали, для чего, разумеется, нужно было сперва поднять настил пола. Лишь некоторые из столбиков по каким-то случайным причинам при этом были перерублены, а концы их оказались в земле. Разобраные участки полов построек Б20Е и И12В являются, таким образом, если не прямыми, то во всяком случае хотя бы косвенными следами лавок и столов, показывающими их расположение. Во всех случаях в повалушах с печью в центре столы и лавки оказывались расположенными симметрично по обе стороны печи, у боковых стен повалуши.

Следы столов и лавок сохранились, можно сказать, исключительно в постройках с повалушами, имеющими печь в центре. В повалушах иной разновидности, т. е. с печью в углу, столб, который при желании можно было бы принять за ножку стола, был найден только в одном случае — в постройке И17Е, причем уверенности в том, что этот столб принадлежал столу, нет никакой — он мог иметь и другое происхождение. Трудно допустить, что могло быть такое сцепление обстоятельств, вследствие которого во всех повалушах этого типа бесследно исчезли все столбики, кроме одного. Скорее следует склониться к тому, что в постройках этого рода ножки столов и лавок не было принято вкапывать в землю. Очень важно учесть, что в одной из таких повалуш — постройки А24А, которая погибла в пожаре и, следовательно, должна была сохранить в земле концы всех вкопанных столбов, не оказалось никаких остатков столбов, кроме столбов опечья. Значит, в этой повалуше столы прикреплялись к полу, а не к земле. По-видимому, это было обычным для повалуш с печью в углу. Не имея твердых данных о расположении столов в этих повалушах, мы не можем дать строго определенного реконструкции внутренней планировки их, а можем предложить лишь возможные ее варианты (рис. 53). Относительно убранства повалуш такого рода мы ничего не можем сказать к уже сказанному выше об убранстве повалуш более позднего времени.

В повалуше с печью в углу печь ставилась для казан — сирена или слона от входной двери. Это вполне естественно — именно изба с печью при входе была среди жилищ массового типа наиболее приспособленной для торжественной встречи и угощения гостей и, как мы предполагаем, служила наиболее обеспеченной прослойке «мелких людей» — обитателей однокамерных массовых изб. Если все типы жилищ древнего Новгорода расположить в порядке постепенного возрастания обеспеченности

их хозяев, то именно изба с печью при входе будет предшествовать дому-пятистенку с повалушей и горницами.

Тем не менее среди остатков богатых жплищ Неревского конца нашлось основание пятистенного дома Ж11Я с повалушей,

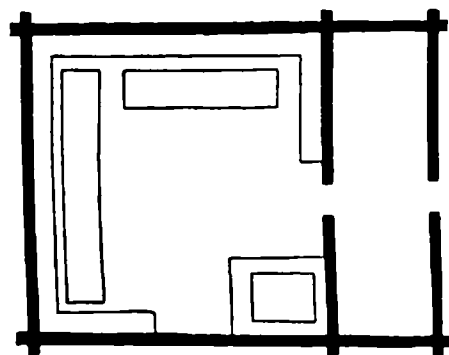
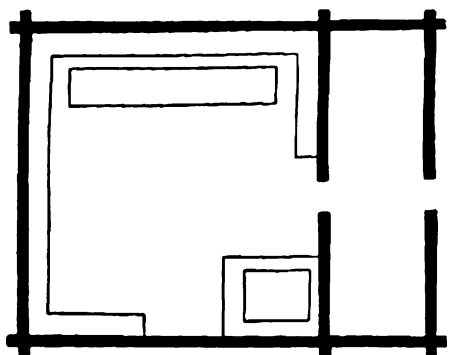
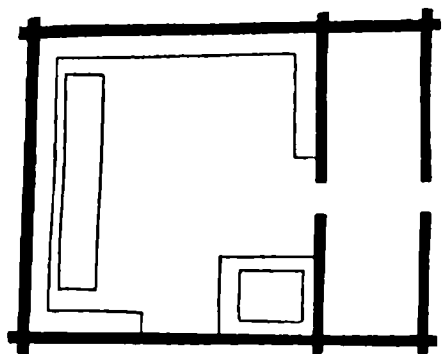

Рис. 53. Возможные варианты расположения столов и лавок в повалуше с печью в углу.

в которой печь была поставлена так же, как и в массовой избе наиболее бедного типа, — в углу, дальнем от входа (рис. 54). Это может быть свидетельством того, что основные типы жилищ иногда варьировали в зависимости от индивидуальных особенностей быта их хозяев. Необычность потребностей и взглядов некоторых семейств могла порождать отступления от общепринятых приемов устройства жилищ. В постройке Ж11Я мы встретились с особым случаем, вызванным, видимо, застарелыми привычками обитателей этого дома, возможно, только недавно разбогатевших и еще не свыкшихся с бытом богатых посадских людей.

В постройке Д20В, которая, как уже говорилось, сохранила больше следов внутреннего оборудования, нежели другие, остатки вкопанных в землю столбов оказались не только в повалуше, но и в нижнем этаже узкого отсека сруба. Предположения, высказанные П. И. Засурцевым о значении этих столбов, были не совсем уверенными и определенными. Он то говорил, что это были остатки чуланов, сусек, то полагал, что эти столбы, быть может, были связаны с лестницами, ведущими на второй этаж.⁹⁹ Но и то и другое мнение одинаково неубедительно. Закромам и сусекам здесь было не место, а лестницы не нуждались в поддержке их столбами. Они могли опираться и пе-

сомненно опирались на пол и на балки перекрытия. Расположение столбов очень близко к стене, отделявшей это помещение от повалуши, показывает, что эти столбы нельзя принимать не только

⁹⁹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 113.

за закрома, но и за опорные стойки перегородок. Наиболее вероятным представляется предположение, что они являются тоже остатками внутреннего оборудования, которое по современной нам терминологии можно назвать встроенной мебелью. Столбы прижимают к теплой стене. Это лишний раз подтверждает, что они не имели отношения к лестницам, так как лестницы, без сомнения, располагались у холодной наружной стены, оставляя всю теплую стену для устройства в горницах одров, о которых мы уже говорили. Выше уже было высказано мнение, что низ узкого отсека сруба, вероятно, служил местом ночлега домашней челяди, а в летнюю жару, возможно, и хозяев дома. В связи с этим пред-

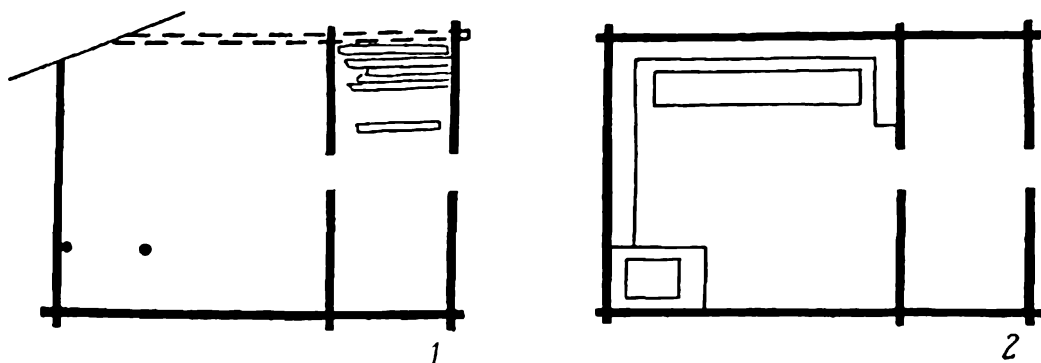

Рис. 54. Постройка Ж11Я. План.

1 — остатки; 2 — гипотетическая реконструкция.

ставляется логичным предположить, что в постройке Д20В и внизу у теплой стены были устроены одры, подобные одрам, находившимся в горницах, а столбы, найденные в помещении под горницами, служили опорами этих одров. В этой части других домов с повалушами такого же типа столбы не были обнаружены, но нужно отметить, что там нигде не оказалось также и уцелевших полов, а в лучшем случае сохранились лишь небольшие остатки досок настила, поэтому отсутствие признаков столбов могло объясняться тем, что столбы были при разборке выкопаны, вследствие чего оказалось необходимым также выломать полы. Таким образом, мы не можем по остаткам, открытым раскопками, заключить — были ли предполагаемые лежа в помещениях под горницами обычной принадлежностью зажиточного посадского жилого дома или же редким явлением, свойственным наиболее богатым из них. Во всяком случае естественно предполагать, что различным градациям имущественного положения зажиточных повгородских посадских людей, разным привычкам и взглядам их, зависевшим от степени их богатства, от их положения в обществе во время постройки (и в предшествовавшее время) и от других причин, должны были соответствовать градации не только в размерах, но и в устройстве жилищ. Были неизбежны многочисленные вариации типа богатого жилища,

причем эти вариации главным образом должны были заключаться более всего в разной степени благоустройства не главных, а подсобных частей, и, конечно, прежде всего частей, предназначенных для челяди, даже численность которой в разных случаях могла быть весьма различной. Исходя из этого соображения, можно считать, что устройство одров в помещениях под горницами едва ли было всеобщим явлением и уж во всяком случае количество их должно было сильно изменяться.

В остатках одного из домов с повалушей иного вида — с печью в углу (постройка И18Б) — пол узкого отсека сруба дошел до нас целиком в довольно хорошей сохранности. Никаких следов столбов не оказалось ни на нем, ни под ним. Этот дом принадлежал к числу весьма обширных и богатых. В отсеке под горницей было отделено перегородкой непроходное помещение. Как и в предыдущих случаях, можно думать, что это было место для ночлега домашней прислуги, тогда оно, должно быть, имело какие-то лежа. Однако следов одров или иных устройств для постелей здесь не осталось.

Вспомним, что в постройках с такими повалушами не оказалось также и следов столбов от столов и лавок в самих повалушах (хотя и столы и лавки там безусловно были — в этом не может быть сомнения) и что нам пришлось прийти к заключению, что именно в этого рода постройках столы и лавки укреплялись в полу. Вполне возможно, что таким же был в них и способ крепления кроватей или одров.

Нельзя не отметить значение признаков столь примечательной разницы в способах устройства внутреннего оборудования этих двух разновидностей богатых жилых домов, разницы, быть может, говорящей о каких-то двух традициях домостроения, долгое время не сливавшихся, а сосуществовавших в древнем Новгороде.

Говоря о внутреннем оборудовании богатых новгородских посадских домов X—XIII вв., нельзя обойти молчанием те украшенные резьбой обломки, которые были найдены в слоях XIII в. и названы археологами спинками кресел (рис. 55). Мы не имели еще возможности в должной степени изучить эти обломки и потому пока воздержимся от их интерпретации. Но уже теперь можно заметить, что сохранение на них резьбы говорит о возможном существовании таковой и на других частях внутреннего оборудования богатого посадского дома — на опечьях, припечном столбе, лавках и полках, а также, по всей вероятности, и о наличии на них росписи. Это вполне связывается с теми сведениями об украшенности повалуш, которые приводились выше.¹⁰⁰

¹⁰⁰ По свидетельству П. И. Засурцева, в раскопках Неревского конца были найдены «резные деревянные планки, которые можно принять за внутренние паличники окон» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки...

До сих пор раскопки Неревского конца не дали материала, который позволил бы судить об окнах древнего новгородского жилища. Находившиеся в слоях, относящихся к XI в. и более позднему времени, небольшие кусочки слюды ничего не могут сказать об устройстве окон и окончин, и, по всей вероятности, далеко не

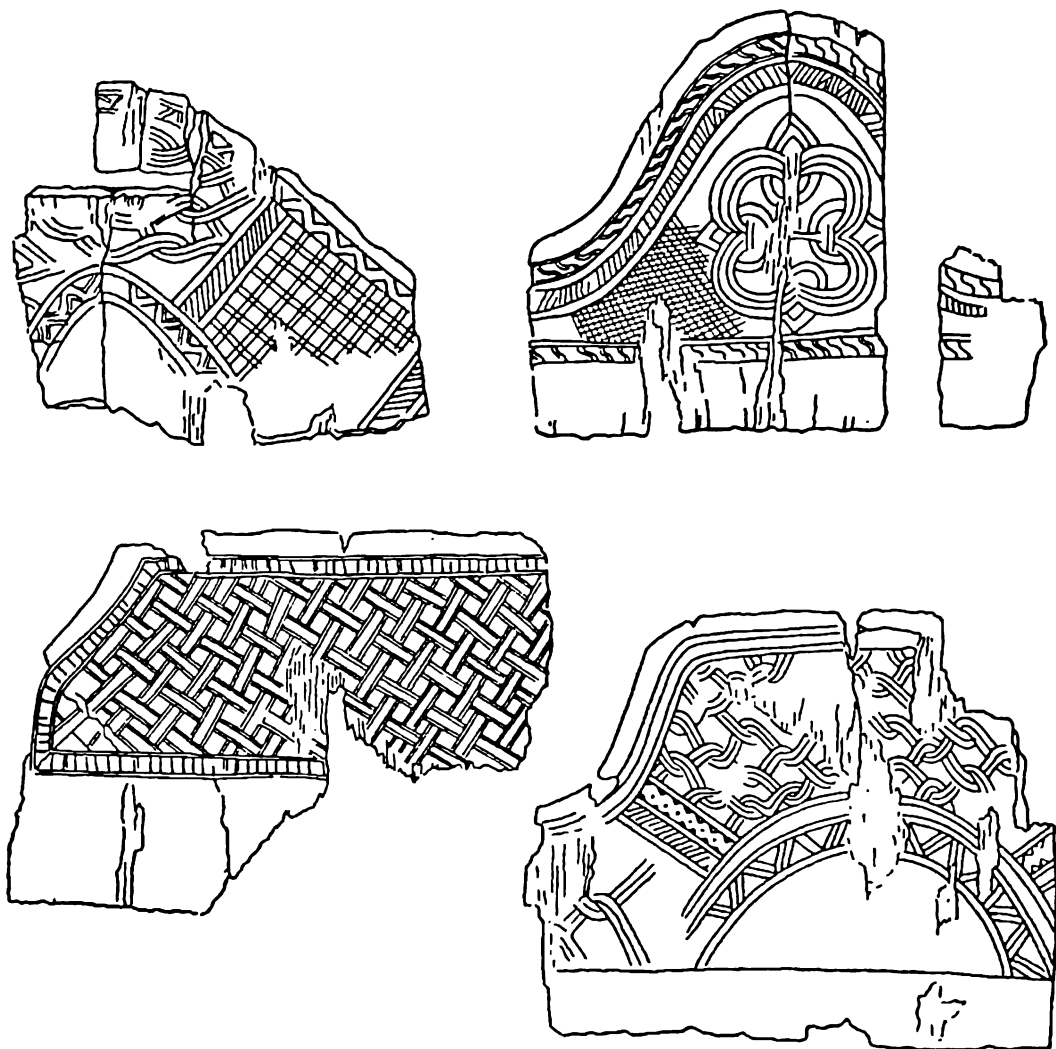

Рис. 55. «Спинки кресел» XIII в.

все действительно принадлежали им. Они ничего также не говорят о количестве окон в доме, их расположении и величине.¹⁰¹ Однако все же у нас есть возможность уверенно утверждать,

с. 43). Однако нужно учитывать, что в допетровской Руси окна не снабжали пришивными наличниками. Впервые такие паличлики появились в XVII в., но были тогда редким исключением, а в широкую практику вошли не ранее XVIII в. Обрамлением окон русских допетровских построек и внутри и снаружи служили сами оконные колоды. Таким образом, пайденные в Неревском раскопе резные деревянные плашки принимать за внутренние наличники окон невозможно.

¹⁰¹ См.: Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода, с. 276.

что даже в наиболее богатых жилищах X—XIII вв. окна в срубной части были крайне небольшими. Нет никаких оснований предполагать, что в то время были косячатые окна, т. е. снабженные колодами, позволявшими давать оконному отверстию значительную высоту. Скорее всего окна представляли собой небольшое прямоугольное отверстие, прорубленное в двух смежных бревнах стены, в которое была вставлена окопчица. Такой вывод одинаково следует как из того, что среди многочисленных остатков разобранных в древности строений, употребленных, в частности, на подкладки под срубы и на вымостки, не было найдено ни одного оконного косяка, так и из сопоставления с устройством окон церквей того времени, не имевших оконных колод.¹⁰²

Так как вентиляция дома была обеспечена в полной мере наличием дымового отверстия в крыше, открывать окна не было надобности, и потому окончины несомненно вставлялись наглухо. Количество окон, без сомнения, было минимальным — едва ли в самой богатой повалуше могло иметься более двух-трех окон.

Чтобы покончить здесь с внутренним оборудованием богатых посадских жилищ, напомним о сохранении в некоторых из такого рода построек признаков, позволяющих догадываться, что нижний этаж узкого отсека сруба, по крайней мере в каких-то случаях, делился перегородками. В постройке А26А пол сохранился в средней трети отсека, которая, видимо, была проходной, причем сохранился нетронутым, а в боковых частях остатков пола совсем не было найдено. Это дает основание предполагать, что здесь средняя часть отделялась от боковых перегородками. В свое время полы имелись, конечно, и в боковых помещениях. Невозможно представить себе, что в Новгороде того времени, где деревянными настилами замаскивались улицы, площади и дворы, могли бы остаться без пола какие-либо из частей богатого жилища.

Причиной разрушения полов в этих боковых частях можно считать выкапывание при разборке из земли столбов, составлявших опору внутреннего оборудования.

В постройке Б25Г, сохранившей остатки настила пола в узком отсеке сруба, половицы в средней части этого отсека идут вдоль продольной оси постройки, а в боковой поперек этой оси. И в данном случае создается впечатление, что средняя часть была выделена перегородкой или, может быть, даже двумя перегородками — справа и слева.

Как уже говорилось выше, следы перегородки были отмечены П. И. Засурцевым в узком отсеке постройки И18Б. Хотя наблюдений, указывающих на возможное существование перегородок, деливших узкий отсек сруба, весьма немного, все же они позво-

¹⁰² Окна церквей Спаса-Нередицы и Георгия в Ладого.

ляют думать, что такие перегородки устраивались не так уж редко, а возможно, представляли собой обычное явление. Ведь перегородки такого рода могли исчезать совершенно бесследно и признаки их могли сохраняться лишь в редких случаях.

При расположении входа в узкий отсек сруба в его торце перегородка могла отделять только одно помещение — в другом его торце (рис. 56, 2); при расположении входной двери в середине длинной стены можно было отделить по камерке в каждом из торцов (рис. 56, 1).

Если указанные признаки позволяют предполагать, что часть дома, помещавшаяся под горницами, в каких-то случаях делилась

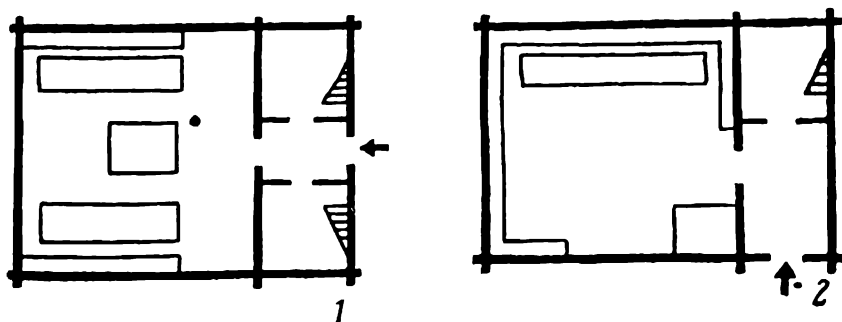

Рис. 56. Возможные варианты расположения перегородок в узком отсеке сруба (под горницами).

1 — при входе с торца дома; 2 — при входе с продольной стороны дома.

перегородками, то не меньше оснований существовало для того, чтобы делить перегородками верхний этаж этой части дома, т. е. горницы. Надо полагать, что по крайней мере в наиболее богатых семьях была вполне ощутимой потребность в разделении спальных помещений хотя бы на две половины, а осуществить это было весьма легко. То, что в постройке Д20В найдены остатки двух лестниц, позволяет предполагать, что в этой постройке имелись два горницы, в каждую из которых входили по особой лестнице. Нет причин предполагать, что такое устройство составляло особенность одной только данной постройки, напротив, есть все основания думать, что это было обычным для новгородских богатых посадских домов-пятистенков.

Рассмотренный выше материал, относящийся ко внутреннему оборудованию домов-пятистенков, позволяет представить в общих чертах характер интерьеров этих домов и их убранства. Выполненная по изложенным выше данным схема внутреннего оборудования повалуши с печью посередине позволяет представить возможные приемы убранства этого помещения (рис. 57).

Полавочник и верхние полки («сыпухи») могли служить для расстановки посуды, глиняной и деревянной, а эта посуда, особенно резная и расписная деревянная, несомненно помимо

своего утилитарного назначения служила украшением, причем не только во время пира, когда она ставилась на стол, но и в любое другое время, когда она красовалась на полках. Найденные Новгородской экспедицией фрагменты такой утвари говорят об этом красноречивее любых слов.

Выше полок стены при черной топке быстро покрывались слоем сажи, и потому давать им там какое-либо постоянное убран-

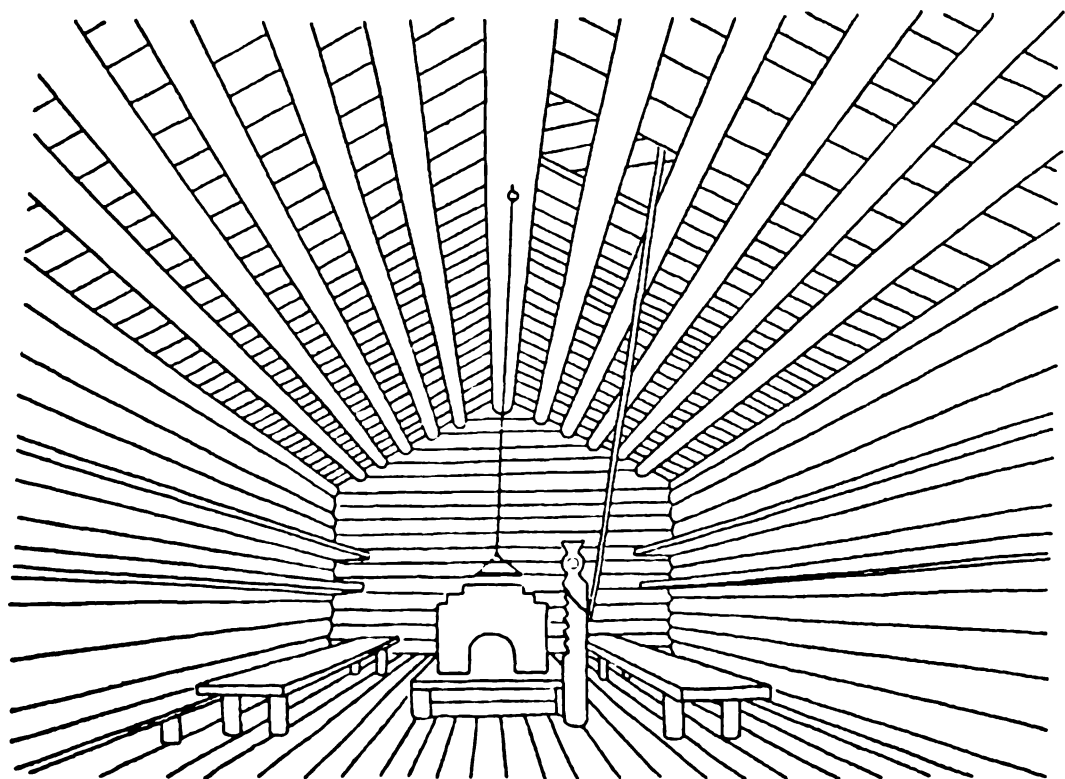

Рис. 57. Повалуша с печью посередине. Предполагаемый вид со стороны входа.

ство было бы бесполезной расточительностью. Но если вспомнить, что в Древней Руси был распространен обычай украшать жилище в соответствующее время года молодыми деревцами и свежими ветвями, нельзя не заметить, что для такого рода декорации пространство над верхними полками было наиболее удобным и выигрышным. Полоса стен между нижними полками и лавками, на которую копать почти не садилась, была лучшим местом для постоянного украшения. В Северной Европе, как известно, существовал обычай развешивать здесь вышивки, выполненные на длинных полосах материи. Еще сравнительно недавно следы этого обычая сохранялись у эстонцев.¹⁰³ Такой прием украшения очень

¹⁰³ «Около обеденного стола стены покрывались холстными, парусами или сетями» (Тихазов К. И. Народное зодчество Эстонии. Л., 1964, с. 98).

остатков для отопляемого по-черному парадного помещения, законченного в верхней половине. Мы думаем, что он мог применяться и на Руси. В то же время для XII в. мы имеем свидетельство письменного источника, говорящее об обычае русских богатых людей расписывать повалушу. Оно было приведено выше.

Новгородские раскопки не дали нам каких-либо остатков или следов росписей повалуш. Иначе и быть не могло, так как почва Новгорода, хорошо сохраняющая дерево, совершенно уничтожает краски. Но мы имеем возможность привлечь здесь материал, относящийся к Западной Руси. Раскопками Ф. Д. Гуревич в Новогрудке были открыты остатки росписи, исполненной по известковой штукатурке, нанесенной на стены повалуши XII в. Эта замечательная находка, значение которой трудно переоценить, не только подтвердила основательность письменного свидетельства «Слова о богатом и убогом» о росписях повалуш, но и дала фрагменты такой росписи. Новогрудские фрагменты росписи позволяют судить о многом — и о технике росписей этого рода, и о материалах, и о художественных качествах росписи, и о том, как такая роспись вкомпоновывалась в интерьер повалуши, на каком месте она располагалась, как связывалась с архитектурой.

Новогрудская постройка, внутри которой были найдены остатки росписи, была деревянным рубленным пятистенным домом. Правда, следы стен этой постройки весьма фрагментарны, неотчетливы, а частью совершенно утеряны, так как она сгорела дотла, а потом площадка пожарища была выровнена под основание нового дома, причем остатки основания старого были почти полностью стерты. Однако новый дом, построенный на месте старого, несомненно соответствовавший старому и оставивший отчетливые следы, был пятистенным, а у сгоревшего старого сохранилась часть бревна внутреннего переруба. Предположение, что это бревно, возможно, остаток внутреннего переруба, высказывала Ф. Д. Гуревич, и мы думаем, что ее предположение вполне соответствует действительности. Печь в этой повалуше, видимо, стояла в углу. Так как постройка погибла в пожаре, причем стены сгорели до основания, остатки печи после ее сломки попали и на другую сторону перегородки — в узкий отсек сруба.

По-видимому, этот дом существенно не отличался от новгородских пятистенков, т. е. в нем также были объединены в одном срубе большая отопляемая повалуша и узкое отделение с горницами павверху, обогревавшимися степой, отделявшей их от повалуши. Мы вправе предполагать, что сходство в какой-то мере распространялось и на приемы украшения интерьера. Правда, в Новгороде не было отмечено случаев находки внутри жилищ остатков обмазки стен (мы знаем, что новгородцы даже не промазывали пазов между бревнами глиной, как то было принято в не-

которых других землях Руси), поэтому у нас есть основания думать, что росписи новгородских повалуш исполнялись либо прямо по тесаному дереву, либо по тонкому слою левкаса, нанесенному на гладко отесанную поверхность стен.¹⁰⁴ Однако различие в технике подготовки стен под роспись едва ли могло существенно повлиять на роль этой росписи в интерьере повалуши, на ее расположение и основной характер. При той общности в культуре северо-западных и западных земель Руси, какая существовала в XII в., росписи в Новгороде и других городах северо-запада Руси и новгородские росписи несомненно были близки и по стилю и по содержанию, хотя, конечно, они могли быть разнообразными. Учитывая это, можно признать, что есть смысл подробно рассмотреть новгородскую роспись.¹⁰⁵

Среди кусков росписи из новгородской повалуши большинство имеет излом, по одну сторону которого поверхность плоская, по другую, примыкающую к первой под тупым углом, — вогнутая (рис. 58).

Вдоль ребра угла проходит бордюр, украшенный орнаментом, ведущим свое происхождение в конечном счете от античных поясков с листьями аканфа, а потом сильно схематизированным. Такой орнамент был распространен в средние века и в Западной и в Восточной Европе. Как видно из наилучше сохранившихся фрагментов, с одной стороны бордюра плоскость ровно закрашена в ярко-красный цвет, с другой — протянута узкая красная полоса, к которой примыкала еще полоса незакрашенной (белой) обмазки. Особенностью этих обломков, резко выделяющей их среди всех остальных, является большая толщина намета обмазки. Кроме того, их отличает то, что на задней стороне в некоторых случаях сохранились отпечатки выпуклой цилиндрической поверхности диаметром примерно 30 см, похожей на поверхность бревна. Назовем их фрагменты «А».

В меньшем количестве сохранились фрагменты плоской обмазки, окрашенной с лицевой стороны в ровный красный цвет, идентичный красному цвету на описанных выше обломках. Характерной особенностью этих обломков является их небольшая и в общем ровная толщина, из-за чего они при разрушении постройки раздробились на более мелкие куски, чем массивные углы, описанные выше. Видимо, из этой части обмазки и сделанной по ней росписи очень многое обратилось в крошку и оказалось полностью утерянным. Судя по обратной стороне этих фрагментов обмазки, она наносилась на плоскую поверхность,

¹⁰⁴ Левкас в новгородском культурном слое, разумеется, не мог сохраняться долгое время.

¹⁰⁵ Пользуясь любезным разрешением Ф. Д. Гуревич, автор мог изучать фрагменты росписи в натуре.

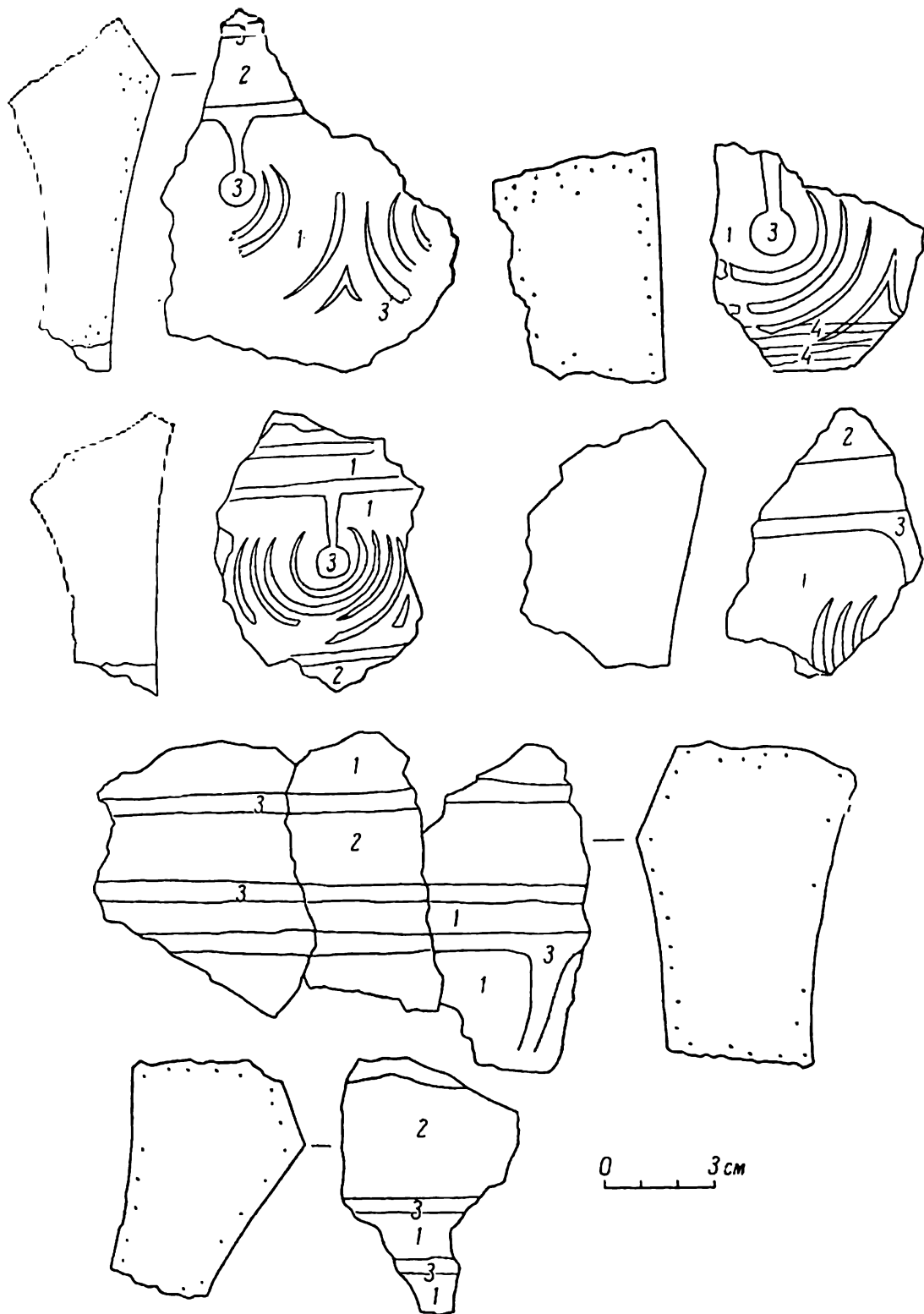

Рис. 58. Остатки росписного декора новгородской повалуши. Фрагменты «А».

1 — белый фон; 2 — красная окраска; 3 — черная; 4 — светло-коричневая.

имевшую лишь небольшие неровности и кое-где подмазанную глиной. Эти фрагменты обозначим буквой «Б».

Еще меньше осталось кусков плоской тонкой обмазки, на которой по светлому зеленоватому фону рассеяны небольшие небрежные мазки красной и коричневой краски, образующие случайные фигуры. Обозначим эти фрагменты буквой «В». Они, видимо, являются своеобразной имитацией цветного камня. Сохранились куски, показывающие, что эту часть росписи с одной стороны окаймлял поясok с орнаментом, подобным орнаменту на фрагментах «А», но более узкий (шириной 3—4 см), с другой — довольно широкая ярко-красная полоса.

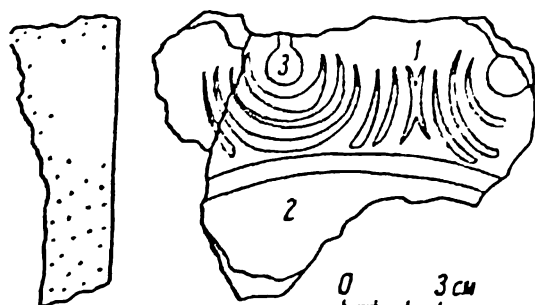

Рис. 59. Остатки новгородской росписи. Фрагмент дуговой части бордюра.

Обозначения те же, что на рис. 58.

Даже только указанные фрагменты дают возможность связать роспись с определенным местом в интерьере повалуши и установить основные ее членения. Но, кроме них, было найдено еще некоторое количество обломков, свидетельствовавших о дополнительных элементах композиции расписного декора. Из них прежде всего обращают на себя внимание части бордюра, окаймляющего красное поле, совершенно аналогичного

бордюру фрагментов «А», но идущего не по прямой, а по дуге. Радиус внутренней дуги бордюра около 30 см (рис. 59). При ширине бордюра вместе с двумя черными филенками и красной полосой между ними в 11—12 см и при наличии еще белой полосы, ширина которой, как мы думаем, превышала 10—15 см, радиус наружного обвода дуги бордюра должен был составлять около 50—60 см, а быть может, и более. Отметим, что сохранившиеся кусочки обмазки, на которой был нарисован этот дуговой бордюр, неровные, но в общем меньшей толщины, чем у фрагментов «А». С сохранившейся частью дугового бордюра удалось сложить и довольно много обломков красного фона, прилегающих друг к другу. Из этого видно, что под данной частью бордюра существовал участок красного поля.

Среди обломков новгородской росписи оказались части сюжетных изображений. К ним относятся изображения человеческой головы, повернутой в профиль, и кисти руки, держащей за рукоятку меч (рис. 60). Размер головы (с шапкой) около 10 см, следовательно, она принадлежала фигуре высотой примерно 60—80 см. Этому соответствует и величина руки. Обе части изображения человеческой фигуры написаны на белом фоне, контуры нанесены коричневато-красной краской, совсем иной, чем ярко-

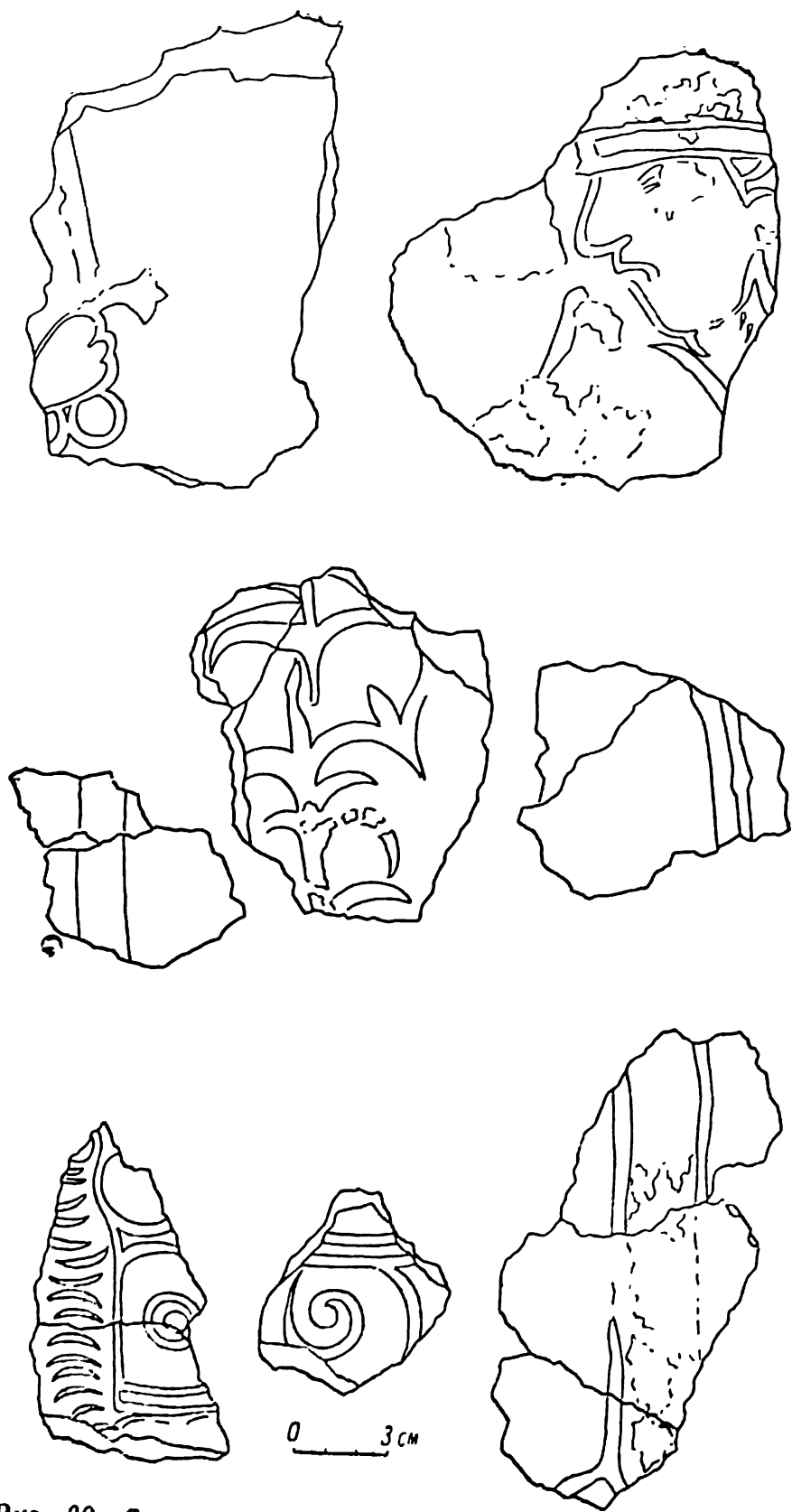

Рис. 60. Остатки новогрудской росписи. Фрагменты сюжетных изображений.

красная описанных выше фрагментов. Кроме этой кирпично-красной употреблены охристая желтая (лицо) и голубая (шапка). К частям росписи с сюжетными изображениями относятся, видимо, еще ряд обломков, мелкие размеры которых не позволяют установить, частью каких именно изображений они являются (можно лишь предполагать, что они принадлежали антуражу фигур). Как и первые два, они имеют белый фон, на котором роспись исполнена коричневато-красной, желтой и голубой красками, а кроме того, в небольшом количестве была употреблена и та ярко-красная, которая у фрагментов «А» окрашивала широкие поверхности.

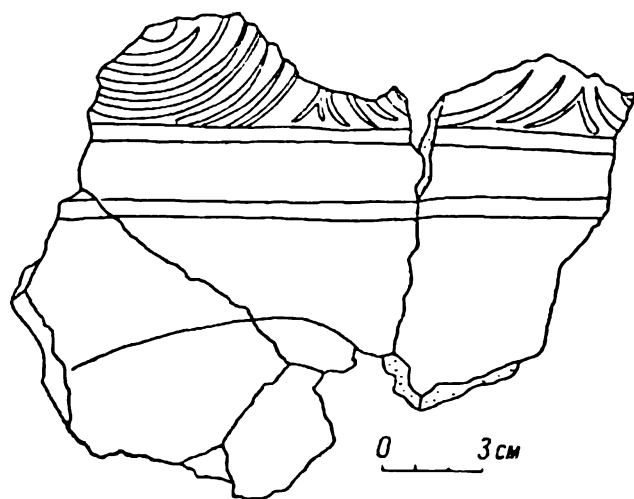

Рис. 61. Остатки новгородской росписи. Фрагмент сюжетного изображения с частью бордюра над ним.

К сюжетным частям, по всей вероятности, относятся и небольшие фрагменты тонкой обмазки, окрашенные серовато-зеленой краской. Это, быть может, обломки изображения земли под ногами персонажей.

Сюжетная роспись, видимо, была снабжена поясняющими ее надписями, от которых уцелели лишь очень незначительные ос-

татки, не позволяющие расшифровать их содержание.

Среди фрагментов, относящихся к сюжетным изображениям, есть один, у края которого сохранилась часть того бордюра, с которым мы знакомы уже по фрагментам «А» (рис. 61). Отличие состоит лишь в том, что у фрагментов «А» бордюр заканчивается аканфовым орнаментом, а здесь на расстоянии около 2 см добавлена еще дополнительная филенка, протянутая черной краской. На данном фрагменте осталась еще часть какого-то изображения. Есть другие фрагменты с сохранившейся частью того же бордюра. На них нет остатков изображений, но ниже аканфового пояса, так же как и на предыдущем обломке, проходит черная полоска, а фон под бордюром не красный, а белый, как у всех обломков, имеющих сюжетные изображения (рис. 62). Белый фон свидетельствует, что эти фрагменты относятся к поверхностям, расписанным сюжетными изображениями.

Как и фрагменты с ровной ярко-красной закраской и с имитацией цветного камня, обломки обмазки, составлявшей грунт для сюжетных изображений, показывают, что обмазка на этих участках была нанесена нетолстым слоем на сравнительно ровную плоскость.

Мы отметили выше, что самое общее представление о расположении новгородской росписи в помещении повалуши можно составить даже только по фрагментам «А», «Б» и «В». Совершенно очевидно, что в повалуше с черной печью если и можно было что-то расписывать, то только то, что было расположено ниже уровня полавочников, т. е. практически ту полосу стен, которая шла под полавочниками. Нет оснований сомневаться, что печь в рассматриваемой повалуше была черная. В этом доме, как и в новгородских домах, описанных в предшествующих разделах, существовал узкий отсек сруба, который имело смысл устраивать

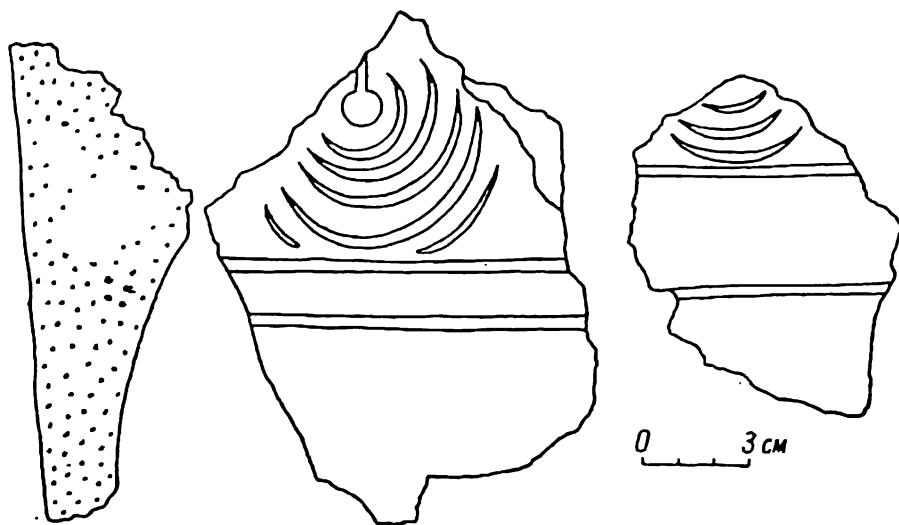

Рис. 62. Остатки новгородской росписи. Фрагменты бордюра с частью фона сюжетного изображения.

только лишь для того, чтобы вверху его поместить спальные горницы, защищенные от дыма и теплые благодаря нагревавшейся стене, смежной с повалушей. Все это оправдывало себя только в одном случае — при отоплении повалуши по-черному, и, очевидно, новгородская повалуша так и отапливалась. При топке по-черному в какой-то степени коптились и стены ниже полавочников, но в гораздо меньшей, чем вверху. Самое же главное состоит в том, что копоть становится трудно смываемой, когда она выстонится и уплотнится, а свежая, только что осевшая копоть сравнительно легко смывается. В богатом доме служанки могли каждый день протирать роспись стен. Темпера́ная роспись, покрытая сверху слоем олифы, который мог при необходимости возобновляться, не страдала от такой протирки.

Предположение о том, что стены повалуши были расписаны ниже полавочника, нетрудно проверить, рассмотрев, можно ли связать роспись именно с этой нижней полосой стен. Найденные фрагменты убедительно показывают, что это вполне возможно.

Известно, что до самых последних времен существования курных изб сохранялся обычай внутри такой избы гладко обтесы-

вать нижнюю часть стен, от уровня лавок до полавочников, в то время как все остальные части стен оставались неотесанными. Если мы предположим, что то же самое имело место в новгородской повалуше, то легко найдем объяснение всем особенностям найденных фрагментов. Обломки углов не могут быть признаны углами откосов каких-либо проемов — слишком много их было найдено. Но если предположить, что этот угол соответствовал переходу от отесанной части стены к верхней, более толстой, образованной круглыми бревнами, то мы увидим, что и большое количество этих углов, и все особенности найденных фрагментов получают объяснение и окажутся в полном согласии с таким предположением (рис. 63). И значительная толщина намета, и отпечатки бревен на задней стороне фрагментов соответствуют нашему предположению. Вполне отвечает ему и обработка орнамента бордюра — по нижнему краю акаффового орнамента жидкой зеленоватой, а иногда красноватой краской положена легкая тень. Именно при предполагаемом нами горизонтальном положении орнамента эта тень оказывается вполне уместной и даже необходимой.

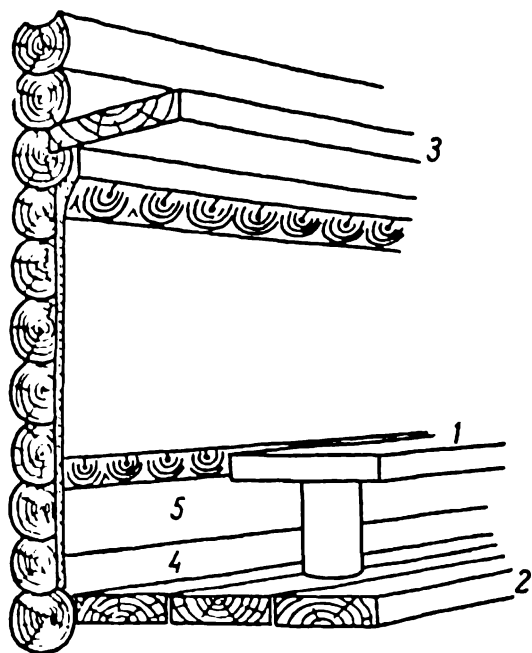

Рис. 63. Новгородская роспись. Предполагаемый разрез стены с росписью.

1 — лавка; 2 — пол; 3 — полавочник;
4 — красная полоса; 5 — имитация мрамора.

Оставляя пока вопрос о росписи стены ниже бордюра, скажем лишь, что, как бы ни была эта роспись скомпонована, она могла доходить лишь до уровня лавок. В то же время по повгородским материалам мы знаем, что лавки в повалуше не шли по всему периметру стен, некоторые участки стены оставались открытыми до самого пола. При таком условии нельзя было в этих местах оставлять бревна стен ниже уровня лавок неотесанными, их тоже надо было стесать и украсить. Естественно предполагать, что такие места украшала не сюжетная роспись, а имитация камня, отделенная от основной части росписи сверху бордюром, а снизу, от пола, красной полосой.

Как видно по счастливо сохранившемуся фрагменту дуговой части бордюра, он не на всем протяжении тянулся горизонтальной полосой, а где-то поднимался выше этого уровня, идя по полукругу. Возвышавшийся над горизонтальной полосой росписи

Оставляя пока вопрос о росписи стены ниже бордюра, скажем лишь, что, как бы ни была эта роспись скомпонована, она могла доходить лишь до уровня лавок. В то же время по повгородским материалам мы знаем, что лавки в повалуше не шли по всему периметру стен, некоторые участки стены оставались открытыми до самого пола. При таком условии нельзя было в этих местах оставлять бревна стен ниже уровня лавок неотесанными, их тоже надо было стесать и украсить. Естественно предполагать, что такие места украшала не сюжетная роспись, а имитация камня, отделенная от основной части росписи сверху бордюром, а снизу, от пола, красной полосой.

Как видно по счастливо сохранившемуся фрагменту дуговой части бордюра, он не на всем протяжении тянулся горизонтальной полосой, а где-то поднимался выше этого уровня, идя по полукругу. Возвышавшийся над горизонтальной полосой росписи

полукруг, имевший радиус около 60 см, представлял собой в декоративном отношении сильный акцент, вполне могущий подчеркнуть основную ось помещения, важную в композиции интерьера. На наш взгляд, единственно правильным будет предположить, что он акцентировал продольную ось повалуши, совпадающую с коньком крыши, которая в интерьере повалуши имела преобладающее значение. Именно этой оси необходимо было держаться при построении компоновки декора повалуши. Поскольку бордюры, как мы предполагаем, шел под полавочником, а полавочник не мог изгибаться по полуциркульной поверхности, ясно, что полавочник посередине повалуши прерывался. Бревна стесаны здесь, очевидно, были под полукругом с росписью стесаны заподлицо с отесанной поверхностью бревен ниже полавочников, а граница отесанной поверхности точно соответствовала внешнему очертанию выступающего над уровнем полавочников полукруга с росписью. При этом верхние полки («сыпухи») могли в этом месте и не прерываться.

Были ли в повалуше «сыпухи» или нет, этот вопрос стоит в тесной связи с тем, какая там стояла печь — белая или черная. Так как мы уверены, что новгородская повалуша отапливалась по-черному, нам остается признать, что «сыпухи» в этом помещении были необходимы — они предохраняли от падающей со стен сажи все то, что находилось на полавочниках. На полавочниках же повалуши, вероятно, расставлялась красивая посуда, среди которой, надо полагать, занимали почетное место те редкостные заморские произведения керамики и стеклоделия, обломки которых были найдены при раскопках.

Нам остается разобрать здесь вопрос о том, как были вкомпонованы в роспись сюжетные изображения. Ясно без каких-либо доказательств, что данные изображения могли располагаться лишь на полосе между лавками и полавочниками. Это подтверждается и сохранившимися фрагментами. Один из них позволяет убедиться, что сюжетная роспись граничила с тем же верхним бордюром, шедшим у перехода стены к полице, с которым граничило и красное поле стены. Этот фрагмент показывает также, что если красная окраска стены начиналась непосредственно от аканфowego орнамента, то поле сюжетного изображения отделялось от бордюра еще дополнительной черной полоской, проходящей в одном случае на расстоянии 2 см от аканфowego орнамента, в другом — на расстоянии 3.5 см от него. Полоска эта, по всей вероятности, являлась частью рамки, шедшей вокруг каждой из сюжетных вставок.

Из сказанного можно вывести лишь одно заключение — белые поля, на которых располагались сюжетные изображения, прерывали сплошную красную окраску стены, занимавшую место от уровня лавок до уровня полавочников, а наверху разрывы эти доходили до самого бордюра. Надо полагать, что и внизу вставки

с белым фоном доходили до уровня лавок. Таким образом, размеры их по вертикали можно приблизительно восстановить. Однако нет никаких данных, которые позволили бы установить, какой ширины были эти композиции, на каких расстояниях они располагались и сколько их было. Мы думаем, что преобладающее место занимало яркое красное поле, придававшее всему декору мажорный характер. В подтверждение этого можно сослаться на

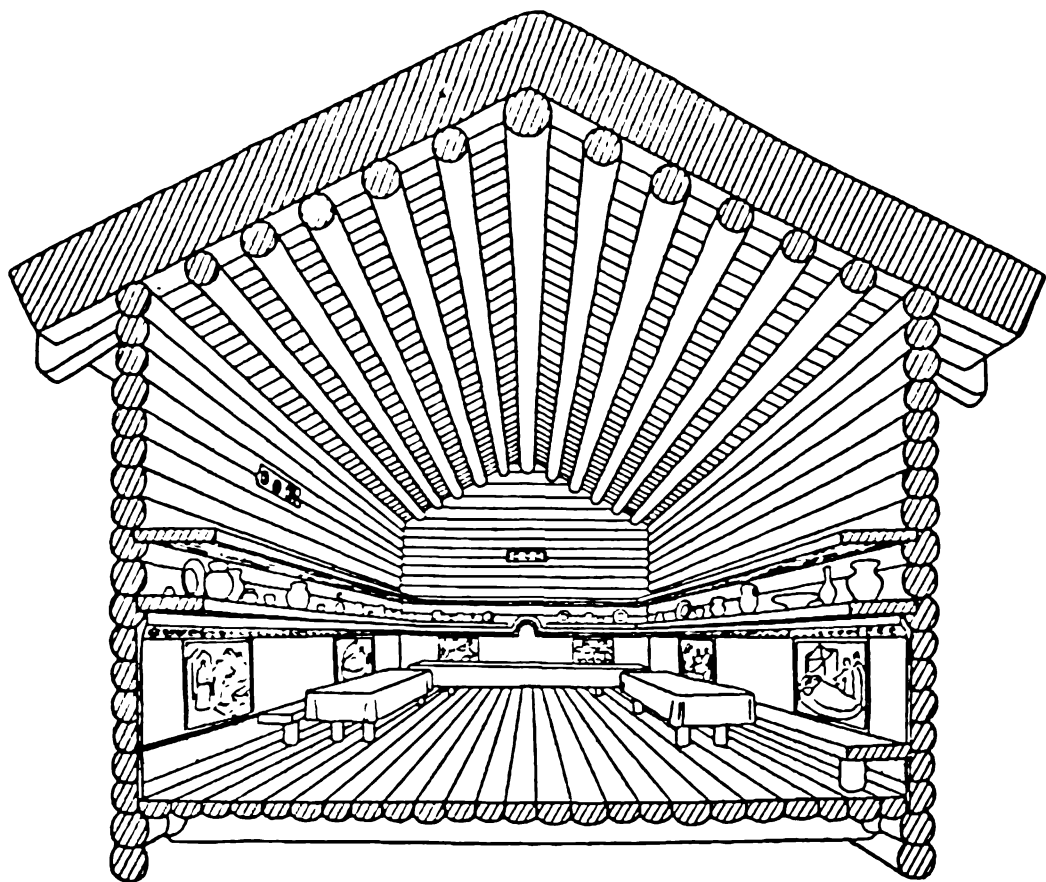

Рис. 64. Новгородская роспись. Гипотетическая реконструкция. Общий вид.

соотношение найденных обломков — кусков обмазки с ровной красной окраской гораздо больше, чем кусков обмазки с остатками сюжетных изображений.

По сохранившимся изображениям головы и руки можно предполагать, как мы уже говорили выше, что высота фигуры равнялась примерно 60—80 см. В то же время высота поля, занятого сюжетными изображениями, могла составлять от 100 до 120 см. Она сокращалась еще не менее чем на 5—10 см той черной рамкой, которая окружала каждую из сюжетных вставок. Кроме того, мы предполагаем еще, что под ногами фигур была изображена земля, закрашенная зеленой краской, и, естественно, она должна была занимать какое-то место ниже ног персонажей.

Таким образом, мы приходим к выводу, что изображения располагались в один ярус (рис. 64).

Какие именно сюжеты послужили для украшения новгородской повалуши, по найденным фрагментам невозможно определить. Однако нужно отметить, что, каково бы ни было содержание этой росписи, общий характер коренным образом отличал ее от церковных росписей. Ярко-красный цвет основного поля стен, контраст его с зеленоватой полосой, имитирующей мрамор, придавали совсем не молитвенное, а праздничное, светское звучание всей росписи. Ему должны были соответствовать яркостью и контрастностью и сюжетные части росписи, иначе они выпадали бы из общего строя расписного декора, что, разумеется, не могло иметь места.

Наружные дополнительные части

Богатый новгородский посадский дом состоял не только из помещений, заключенных в пятистенном срубе. К срубам присоединялись еще дополнительные наружные части, которые играли существенную роль и в обслуживании потребностей обитателей жилища, и в образовании его архитектурного облика. Выше уже говорилось о том, что в трех постройках — Д20В, И18Б, Е17А — раскопками были обнаружены остатки сени столбовой конструкции, служивших преддверием входа в сруб.¹⁰⁶ Остатки такого рода сени были обнаружены также у постройки Е19П.¹⁰⁷ Следы сени в виде настилов пола, сохранившихся целиком или частично, открыты были при постройках Е22А и Б22Е, представлявших обе отмеченные нами разновидности повалуш — с печью посередине и с печью в углу. В то же время остатки построек Е27Б, А26А, И24А, Б20Е свидетельствуют о том, что при них сени не существовало. Настил дворовых мостков подходил к двери в помещение под горницей постройки А26А вплотную. Необходимо отметить, что именно в этой постройке были замечены признаки того, что средняя часть помещения под горницей отделялась перегородками от боковых каморок, где были входы в горницы. Весьма возможно, что отсутствие сени и отделение проходной части помещения под горницей переборками были взаимосвязаны и что эта связь повторялась и в других постройках, хотя там и не сохранилось следов перегородок в узком отсеке сруба. Дворовые вымостки примыкали вплотную к этому отсеку и в постройках И24А и Б20Е, во второй из них — не к длинной стене отсека, а к его торцу, а в постройке Е27Б подходили к срубам на расстояние, равное ширине галерей.

¹⁰⁶ Слово «сени» мы применяем здесь в его современном значении.

¹⁰⁷ П. И. Засурцев отметил, что при этой постройке с западной стороны была открыта «какая-то вымостка, может быть остатки крылечка» (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки... , с. 113).

Таким образом, мы можем сказать, что сени не были обязательной принадлежностью дома и их могла заменять отделенная перегородкой проходная часть помещения под горницей или иногда галерея.

На наш взгляд, в то время более необходимой частью, чем сени, являлись галереи. От верхних галерей, шедших на уровне пола горниц, разумеется, не могло остаться каких-либо следов, от нижних же, опиравшихся на землю, в некоторых случаях оставались следы. Здесь мы еще раз напомним о том, что места выкопанных из земли столбов в Новгороде, за редкими исключениями, невозможно обнаружить. Скажем и о том, что даже найденные при раскопках следы наружных столбов не привлекали достаточного внимания интерпретаторов этих построек. Причиной было то толкование остатков зданий, при котором галереям и сенницам не падало места. При интерпретации, основанной главным образом на этнографических примерах, в лучшем случае некоторые из следов столбовых пристроек трактовались как остатки крылец, хотя, как мы увидим дальше, именно существование крылец при новгородских жилых постройках X—XIII вв. в действительности весьма сомнительно.

П. И. Засурцев предпочитал не упоминать о тех из столбов, которые никак нельзя было принять за остатки крылец.¹⁰⁸ Однако Б. А. Колчин не только не обходил вопроса об этих столбах, но прямо интерпретировал их как следы наружных галерей. К сожалению, он писал лишь о немногих постройках и им засвидетельствовано существование следов наружных галерей при богатых жилых домах только в двух случаях. О постройке И18Е он пишет: «Дом представляет собой пятистенный сруб размером 7.6×5.5 м и галерей с трех сторон, опиравшиеся на столбы».¹⁰⁹ О постройке И17Е он сообщает следующее: «К северной стене дома примыкала галерея, от которой до нас дошло несколько опорных столбов. На галерею вела лестница».¹¹⁰ Чертежа постройки И18Е Б. А. Колчин в своей работе не привел, но остатки постройки И17Е показал на подробном плане.¹¹¹ Сравнивая этот чертеж с чертежом той же постройки, помещенным в том же издании П. И. Засурцевым,¹¹²

¹⁰⁸ За исключением той работы, в которой он участвовал в составе группы авторов и которая была посвящена реконструкции двора богатого жителя Неревского конца середины XIII в. (Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII века. Новгородский исторический сборник, в. 10, 1961, с. 207—216). В этой работе были привлечены для реконструкции следы столбов, причем на их месте были изображены не только крыльца, но и галереи.

¹⁰⁹ Колчин Б. А. Дендрохронология..., с. 174.

¹¹⁰ Там же, с. 177. Мы предполагаем, что лестница, возможно, падалась не снаружи постройки, где был найден брус, служивший ее нижней опорой, а внутри. Брус мог оказаться снаружи случайно.

¹¹¹ Там же, с. 177.

¹¹² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 96, рис. 45.

мы увидим, что П. И. Засурцев опустил два столба и остатки дощатого настила галереи. К оставленному им одному из столбов галереи он добавил еще один столб (рис. 65, 1, 2). Эти поправки дали ему возможность увидеть следы крылечка. Разумеется, после высказывания про очень плохую сохранность следов столбов нельзя возражать против того, что при реконструкции приходится добавлять столбы в тех местах, где раскопками они не были выявлены. Но, однако, обходить остатки столбов, которые были обнаружены, совсем другое дело. Допускать это можно, только имея на то какие-то весьма веские основания. Таких оснований в данном случае у П. И. Засурцева не было; подтвердить это может, между прочим, очевидная искусственность данной им реконструкции крылечка. По расположению половиц в передней части дома можно совершенно определенно видеть, что вход был вовсе не там, где П. И. Засурцев поместил крылечко, а с торца узкого отсека сруба и, следовательно, вся эта реконструкция отпадает (ср. рис. 65, 3).¹¹³

Со следами такого рода галерей мы сталкивались уже в остатках построек Ладоги X в., Торопца XI—XII вв. и новгородских изб массового типа X—XIII вв. В разделе, посвященном массовым избам, мы уже отмечали, что есть основания считать для Новгорода наиболее распространенным способом устройства таких галерей вкапывание опорных столбов в землю. Во всяком случае так обстояло дело в постройках массового типа. С другой стороны, мы приводили материал, показывающий, что в Новгороде даже в XVII в. все еще продолжал применяться и другой способ устройства галерей — со столбами, врубленными в бревенчатую или брусчатую обвязку, уложенную на землю.

Характерной общей чертой галерей — и ладожских и новгородских — являлась весьма незначительная их ширина. Как мы

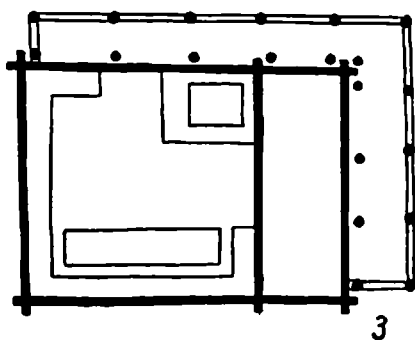
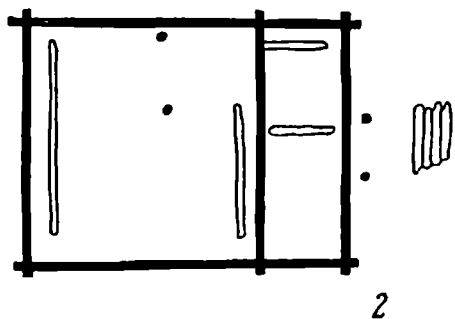
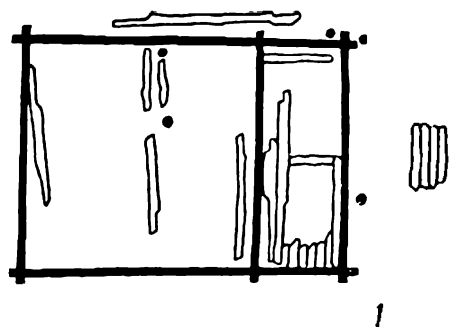

Рис. 65. Постройка И17Е.

1 — по Б. А. Колчину; 2 — по П. И. Засурцеву; 3 — реконструкция.

¹¹³ Видно, не случайно П. И. Засурцев не показал на приведенном им чертеже доски настила пола.

помним, в редких случаях, причем только в части, находившейся с середины избы, т. е. при входе, ширина галереи бывала около 2 м, обычная же внутренняя ширина боковых ее ответвлений приближалась к 50—60 см. В связи с этими обстоятельствами напрашивается предположение — не служили ли опорой галерей ограждающие венцы тех поднятых над уровнем почвы площадок, которые в Новгороде XI—XII вв. устраивались иногда в основании богатых жилых зданий. Ведь откос этих венцов от стен жилища примерно соответствовал ширине галерей.

Прежде чем рассматривать это предположение, нужно внести ясность в вопрос о назначении указанных площадок. П. И. Засурцев называл их фундаментными площадками.¹¹⁴ Вместе с тем он находил, что деревянные постройки не нуждались в фундаментах как в таковых, а также высказывал суждение, что «основная функция фундаментов деревянных построек — предохранять от гниения нижние венцы этих построек».¹¹⁵ Это совершенно правильная мысль. Приведенный весьма кстати П. И. Засурцевым пример — башни Братского острога, как и другие многочисленные древнерусские деревянные постройки, которые можно было бы еще назвать, убедительно говорят о том, что древнерусские плотники не считали обязательным устройство под свои сооружения фундаментов, за исключением особых случаев, и что это их мнение почти всегда вполне оправдывалось — поставленные ими «на пошве» здания, даже очень высокие, веками устойчиво сохраняли первоначальное положение. В этом нельзя не согласиться с П. И. Засурцевым. Верно и то, что весьма важно для сохранения деревянного здания предохранить его нижние венцы от гниения, т. е. от периодического воздействия влаги. Совершенно правильно и уместно замечание П. И. Засурцева, что в древнем Новгороде грунт был очень сырой. К этому следует добавить лишь, что в такой грунт поверхностная вода — от дождя и таяния снега — уходила иногда очень медленно и потому растекалась и подолгу держалась на поверхности земли.

Однако П. И. Засурцев, указав на ненужность фундаментов, в то же время назвал возвышенные площадки под домами фундаментными площадками и утверждал, что они служили заменой фундаментов.¹¹⁶ Здесь дело прежде всего в неверной терминологии. Нужно учесть, что фундаментами называются только те части сооружения, которые находятся под землей, а часть, возвышающаяся выше уровня почвы, именуется цокольной. Если мы примем это во внимание, то название возвышавшихся над землей площадок фундаментными отпадает. Если уж пользоваться современной терминологией, то эти площадки нужно называть цокольными. Утверждение П. И. Засурцева, что «основная функция фундамен-

¹¹⁴ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . , с. 12—18.

¹¹⁵ Там же, с. 12.

¹¹⁶ Там же, с. 12—17.

тов деревянных построек — предохранять от гниения нижние вещи этих построек», можно понять и признать правильным в том случае, если мы слово «фундаментов» заменим словами «цокольных частей». Отпадает при этом противоречивость мнения П. И. Засурцева, что, с одной стороны, фундамент для деревянного древнерусского жилища был совершенно ненужен, с другой (для предохранения нижних венцов от гниения) — очень нужен, а четко выявится мысль, что эти здания нуждались не в фундаменте, а в цокольной части. Станет очевидным, что подсыпки с их ограждениями вовсе не являлись заменой фундаментов, а были совершенно особой принадлежностью здания, имевшей самостоятельное назначение.

С такими подсыпками мы встречаемся не впервые — мы с ними ознакомились уже по постройкам толщи Е в Ладоге. Само устройство их не оставляет никакого сомнения в том, что они предназначались для предохранения жилища от поверхностной воды, а кроме того, чтобы отделить стены жилища и его пол от почвенной сырости. Устройство новгородских площадок еще более выразительно в этом отношении. По свидетельству П. И. Засурцева, порядок возведения такой площадки был следующим: сперва делалась земляная подсыпка, обведенная рубленным из бревен венцом,¹¹⁷ служившим для того, чтобы засыпка впоследствии не могла расползтись. Затем на эту засыпку укладывались подкладки из обрубков бревен и плах. И уже на подкладки ставился сруб дома. Подкладки в данном случае явно служили для того, чтобы при сравнительно рыхлой свежей подсыпке нижний венец под влиянием большой нагрузки не уходил в подсыпку больше, чем это было допустимо, т. е. для того, чтобы предохранить этот венец от гниения. Подкладки же, если они сгнивали, можно было легко заменить.

Здесь мы вынуждены уделить внимание попытке П. И. Засурцева связать наличие подкладок под срубом постройки с ее этажностью. П. И. Засурцев считает возможным по отсутствию или наличию подкладок под срубом и даже по их количеству судить о том, сколько этажей имела постройка. В ряде случаев наличие подкладок и их многочисленность как П. И. Засурцевым, так и его соавторами расценивались как признак многоэтажности дома. Но надо заметить, что сама по себе высота сруба не вызывает необходимости применения подкладок. Их применение может быть обусловлено независимо от этажности постройки ненадежностью грунта и желанием не дать нижним венцам погрузиться в этот грунт. Применение подкладок под частью основания может объясняться неравномерностью грунта, требующей в слабых местах распределения давления на большую площадь, для того

¹¹⁷ Там же, с. 16. П. И. Засурцев предполагал, что эта обноска бывала и из двух венцов.

чтобы осадка была всюду одинаковой. Это же может объясняться и неравномерностью нагрузки на нижний венец, которая могла быть вызвана резкой асимметрией объемов здания. На многих примерах мы знаем, что зачастую под стенами очень высоких деревянных зданий (например, шатровых храмов и крепостных башен XVII—XVIII вв.) не делалось подкладок, и наоборот, очень низкие здания (например, некоторые постройки толщи Е земляного городища Ладоги) имели их. Чтобы выяснить, чем объяснить наличие подкладок, нужно в каждом случае анализировать причины их появления. Эти причины не ограничиваются перечисленными выше, а могут быть весьма разными и даже довольно неожиданными. Так, например, наличие множества длинных подкладок под срубом клетки объясняется желанием затруднить подкоп под нее. Таким образом, судить по подкладкам о высоте или этажности постройки невозможно. В то же время для исследователя жилища в этом не существует надобности. Судить об этажности жилого здания по такого рода побочным признакам совершенно излишне. Если исследователь уделяет достаточно внимания изучению внутреннего содержания жилых построек, их компоновке и развитию, вопрос о числе этажей решается для каждого жилища сам собой, как вывод из материала общей реконструкции этого жилища.

Остается лишь заметить, что поскольку подкладки под срубами повгородских жилищ, как и цокольные площадки, прежде всего являлись результатом желания предохранить жилище от сырости, то необходимость в них была особенно ощутимой именно в тех случаях, когда жилое помещение располагалось в нижнем этаже. Когда повалуши стали поднимать на подпоялушь, цокольные площадки вовсе перестали устраивать, а количество подкладок под срубами сильно сократилось.¹¹⁸ Таким образом, наличие цокольных площадок или многочисленных подкладок под срубом можно даже считать скорее признаком одноэтажности жилого здания.

К своему собственному толкованию П. И. Засурцев присоединил и мнение В. И. Равдоникаса, считавшего, что дополнительные венцы ладожских построек являлись ограждениями завалинок. Упомянув о цокольной площадке или ее рубленом ограждающем венце, П. И. Засурцев почти всегда не забывает присовокупить к этому, что они играли роль завалины. Это дополнение неудачно. Цокольные площадки устраивались для того, чтобы по возможности предохранить нижние венцы дома от воздействия земли, приподнять их над землей. Завалина же представляет собой как раз именно земляную засыпку, закрывающую снаружи несколько нижних венцов сруба. Если цокольная площадка в какой-то степени защищала низ дома от гниения, то завалина, наоборот, спо-

¹¹⁸ Это следует из наблюдений П. И. Засурцева (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 13—14).

собствовала гниению, в значительной мере сводя в этом отношении полезную роль площадки на нет. Дополнительная же теплоизоляция нижних венцов явно не интересовала строителей новгородских богатых жилищ. Чтобы убедиться в этом и вместе с тем представить себе увереннее и отчетливее роль таких площадок, будет не лишним окинуть здесь беглым взглядом путь эволюции богатого новгородского посадского жилища в его самых главных чертах и представить ее основной смысл, хотя для этого нам и придется немного забежать вперед.

Как мы уже отмечали, все развитие древнего богатого посадского жилища северо-запада Руси проходило прежде всего под влиянием стремления сделать жилище, насколько это соответствовало воззрениям и возможностям того времени, наиболее здоровым, т. е., говоря нашим языком, наиболее гигиеничным. В первую очередь это выражалось в поисках средств, которые позволили бы избавиться от дыма и копоти в жилище и от сырости, исходящей от почвы. Мы в первом разделе этой главы могли убедиться, как разумно разрешалась задача избавления от дыма в спальнях домов-пятистенков, но, однако, рассмотрение дальнейшего материала покажет нам, что на этом русское домостроение того времени не остановилось и вскоре было применено средство, коренным образом решавшее всю проблему в целом, т. е. были введены в богатых посадских жилищах печи с дымовыми трубами. Вместе с тем примерно в то же время столь же основательно был решен и вопрос борьбы с сыростью в жилых помещениях. Эти помещения поставили на высокие подызбицы и подпоялушья. Тот факт, что в ходе совершенствования жилища его подняли со сравнительно низких земляных площадок на уровень второго этажа, говорит нам достаточно убедительно, что строителями древних новгородских жилищ руководило желание избавить жилые помещения от сырости, неизбежно связанной с близостью к насыщенной влагой почве древнего Новгорода. Нет сомнения, что именно это было причиной как последующих шагов в данном направлении, так и первых, т. е. устройства подкладок и цокольных площадок. Намерение же утеплять нижние венцы сруба не нашло в развитии и совершенствовании древнего новгородского жилища ни малейшего выражения, следовательно, оно там и не имело места.¹¹⁹

Итак, все данные говорят о том, что цокольные площадки новгородских богатых жилищ XI—XII вв. устраивались для защиты домов от проникновения в их подполья воды с окружавшей поверхности земли, для уменьшения сырости в доме и вместе с тем, как мы думаем, также и для уменьшения возможности гниения нижних венцов сруба. Постараемся проанализировать устройство

¹¹⁹ Оно могло выразиться, например, в применении внутренних заваляпок, т. е. в устройстве лавок с утеплением их засыпкой, но, однако, следов существования такого рода лавок в Новгороде нигде не обнаружено.

дошедших до нас площадок этого рода, чтобы представить, в какой степени они могли оправдывать свое назначение, и, если это возможно, определить, нет ли в особенностях их сохранившихся остатков чего-либо, что могло указать нам на существование в прошлом еще каких-то дополнительных частей, до нас не дошедших.

Относ ограждающих венцов цокольных площадок от стен сруба в богатых постройках Неревского конца обычно превышал 60—70 см, чаще всего был около 1 м, а иногда (например, в постройке Б22Ж) и больше. Это примерно равнялось отношению стенок галерей. Выше мы указывали на то, что внутренняя ширина галерей обычно составляла около 50—60 см. Но если учесть, что найденные в Неревском раскопе столбы галереи (о которых речь будет ниже) имели диаметр около 0.5 м, то станет ясно, что общая паружная ширина галереи могла доходить до 1 м и даже превышать эту величину. Нет решительно никаких оснований думать, что свес крыши повалуши был столь же велик, напротив, надо полагать, что этот свес едва ли мог заходить за 50—60 см. Отсюда следует, что во время дождей или таяния снега и льда потоки воды даже в тихую погоду неизбежно должны были бы стекать с крыши на площадку. Учитывая, что крыши этих домов имели весьма значительную поверхность и потоки воды с них были весьма обильны, нетрудно представить себе, что это приводило бы к впитыванию очень большого количества воды в засыпку площадки, к очень быстрому размыванию краев площадки, оползанию ее и осадке сруба дома, к постоянному проникновению сырости под пол жилища, а также к часто повторяющемуся намоканию бревен нижних венцов сруба дома, т. е. к созданию условий, способствующих загниванию этих венцов (рис. 66, 1).

Раз строители рассматриваемых жилищ не жалели довольно значительного труда и времени на сооружение цокольных площадок, то вряд ли они допустили бы, чтобы польза от площадки была сведена на нет и ее устройство могло бы даже вызывать такие неприятные побочные явления, как осадка сруба, причем из-за такой причины, как слишком большой вынос этой площадки снаружи сруба. Подчеркиваем здесь, что избежать перечисленных выше вредных явлений было бы очень просто — следовало лишь сократить до минимума размер площадки, но его не сокращали. Это говорит о том, что вопрос отвода воды, падающей со свесов крыши дома, был решен каким-то способом, а практически таким способом могло быть лишь устройство галерей, прикрывавших выступающие части цокольной площадки (рис. 62, 2). Только этим и можно объяснить тот факт, что края цокольных площадок выступали за стены сруба на величину обычной ширины галерей.¹²⁰

¹²⁰ Отзвук древнего приема защиты основания дома от воды можно видеть в характерном для позднего народного строительства жилищ в Нов-

Верхние части и настилы этих галерей не исчезли совершенно бесследно — остатки их попадались археологам неоднократно, хотя они не всеми интерпретировались как остатки галерей и не всегда показаны на чертежах, изданных Новгородской экспедицией в ее трудах. Описывая постройку Б23В, П. И. Засурцев упоминал о том, что при ней были «многочисленные бревна вдоль западной и южной стен этой постройки, по-видимому, — остатки завалины вокруг дома».¹²¹ Если учесть сказанное выше о цоколь-

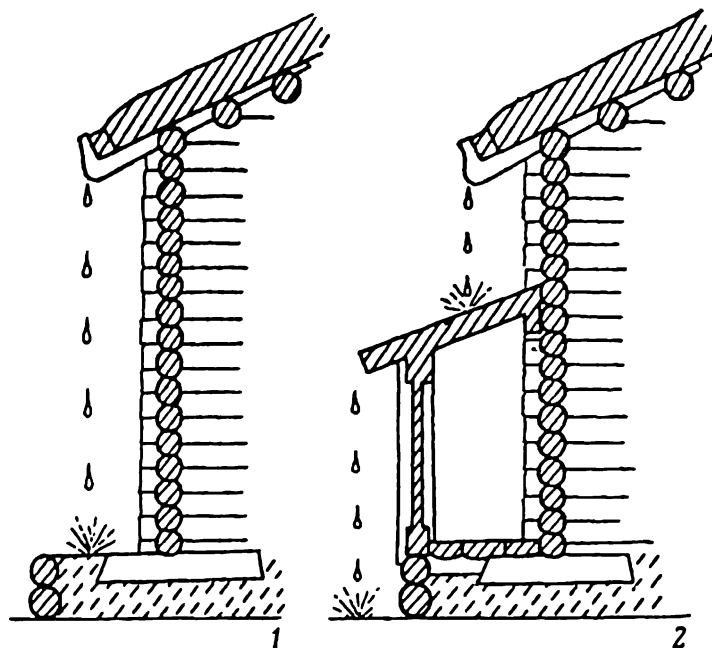

Рис. 66. Отвод воды от основания древне-новгородской постройки, поставленной на подсыпке.

1 — без галереи; 2 — с галерсеей.

ных площадках и завалинах — можно, не сомневаясь, сказать, что это были остатки верхних частей галерей.

Тем, кто привык представлять древнерусское городское жилище исходя главным образом из аналогий с деревенскими избами и дворами нашего времени, кто не может избавиться от соблазна видеть у древнерусских богатых домов завалинки, а внутри пола с домашними животными под ними, галереи могут показаться чем-то неожиданным и необъяснимым. Однако данные, полученные археологами об этих постройках, приводят к выводу,

городской области обычай — устройстве «прикрыя». По И. В. Маковецкому, «прикрой» — навес вокруг избы, над первым этажом (галерея, но иногда без столбов). «Его практический смысл — прикрыть нижнюю часть высокого бревенчатого сруба от дождей» (Маковецкий И. В. Архитектура. . . с. 79).

¹²¹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . с. 123.

что богатое древнерусское жилище не могло обходиться без галерей.

В разделе, посвященном массовому жилищу древнего Новгорода, мы уже приводили материал, свидетельствующий о том, что даже при самых простых избах, принадлежавших наименее обеспеченной части городского населения, у задней стены, как можно дальше от входа в избу, устраивалось отхожее место, оборудованное выгребной ямой, а проходом к нему служила закрытая галерея, прилегающая снаружи к стенам избы. Не может быть сомнений в том, что такое устройство составляло принадлежность не только сравнительно бедных зданий, но и богатых.

Исследователи жилища Древней Руси по непонятной причине всегда обходят вопрос об отхожем месте. Однако оставлять его без внимания, исходя из молчаливого признания, что оно могло помещаться где-то вне жилого комплекса, где придется, например в каком-либо уголке двора, как это нередко теперь бывает в сельском быту, что не существовало определенного приема его расположения при доме, хорошо продуманного во всех отношениях, и в частности предусматривающего удобную связь этого места с жилыми помещениями, — значит совершенно неверно представлять характер древнерусского городского домостроительства. Материалы новгородских раскопок достаточно ясно показывают, сколько внимания отдавалось при распланировке и постройке древнего новгородского двора и жилых зданий тому, чтобы все было (по понятиям и возможностям того времени) удобно и гигиенично. Частокол перед воротами, плавно изгибаясь, оставлял место для проезда с улицы во двор, чтобы воз не мог задевать за бревна тына. От ворот, от уличного настила, шли до самых дверей жилищ вымощенные плахами переходы, чтобы приходящие не носили к дому лишней грязи. Клетки, амбары, бани были удобно расположены и связаны с жилищем мощеными переходами и крытыми галереями. Внутреннее устройство самого жилища, как мы могли уже убедиться по приведенному выше материалу, отвечало желанию как можно лучше обслужить потребности быта и по условиям того времени было комфортабельным и детально продуманным. Было бы необоснованной вольностью допускать, что вопрос санитарного устройства почему-то не решался с таким же вниманием и определенностью, как и все прочие вопросы, связанные с устройством жилища.

В данном случае уместно вспомнить об этнографии, но этнографии не деревенской, а городской. В размещении и, вероятно, отчасти в устройстве отхожих мест в русских городах до XX в. сохранились пережитки очень древних времен. В XVIII—XIX вв. в русских городах почти каждый двухэтажный деревянный, а нередко и каменный дом получал дворовую наружную галерею. Галереи служили для сообщения между отдельными частями каждого из этажей и между этажами, для чего в них имелись

лестницы. Непременную принадлежность этих галерей составляли отхожие места, помещавшиеся всегда в их торце.¹²² Галереи этих поздних зданий по причинам, связанным с общей планировкой построек, почти всегда шли только по дворовому фасаду, не заходя за боковые стороны здания, вследствие чего отхожие места в них зачастую оказывались вблизи лестниц и входов в дом. В этом отношении галереи древних новгородских жилищ отличались более рациональным расположением — они заходили па тыльную сторону дома, и отхожие места располагались в достаточном удалении от входов в дом.

Естественно, что древние новгородские галереи были узкими — они не имели самостоятельного хозяйственного или бытового назначения, а служили только для соединения жилища с наиболее часто посещаемыми местами жилого комплекса. Правда, передняя часть галереи могла, когда это было нужным, являться преддверием входа в дом, но эта ее функция, по-видимому, не имела важного значения. В ряде случаев именно эта передняя часть отсутствовала. Сохранившиеся основания ряда жилищ, например А26А и Б20Е, позволяют заключить, что в некоторых постройках у входа в узкое отделение сруба в первом ярусе галереи не было. Остатки богатых новгородских дворов показывают нам в то же время, что отсутствие галереи спереди дома не исключало ее наличия с боковых его сторон.¹²³

Двор 20-го яруса на участке «Б» имел двое ворот — одни, вероятно, парадные, другие подсобные, служившие для хозяйственных целей (рис. 67). От парадных ворот ко входу в главный дом двора шла широкая мощеная дорога. Настил ее примыкал вплотную к срубу дома, из чего видно, что здесь галереи впереди дома внизу не было.¹²⁴ И в то же время с боковой стороны к этому дому, по-видимому, примыкала галерея, так как иначе ничем нельзя объяснить, почему мощеная дорожка от других ворот направлена не к тому же входу в дом, к которому идет первая, а к торцу узкого отделения сруба (не доходя до него примерно на ширину галереи). Сообщалась с домом галерея, видимо, через дверь, сделанную в боковой стене дома, вероятно, во входной части узкого отделения сруба, куда и направлялась дорожка от малых ворот. Но если в этом доме галерея была только сбоку, то же могло иметь место и в постройках А26А, Б20Е и др., в которых не было галереи с передней стороны.

¹²² Часто встречавшийся в русских городах с XVII, а быть может, и с XVI в. прием устройства отхожего места при сенях жилого здания — в задках или чуланах — представлял собой уже гораздо более позднее явление, как и само расположение сеней между помещениями жилища.

¹²³ Чертежи см.: Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная..., с. 207—216.

¹²⁴ Мы думаем, что она была вверху, при горницах, на консолях.

Нельзя не обратить внимание на то, что при всей прозаичности их назначения галереи могли играть и несомненно играли большую роль в архитектурно-художественном решении паружного вида богатого жилища. И разные варианты расположения их, и разная их обработка могли придавать своеобразие каждому из богатых жилых домов.

После того как мы убедились в существовании галерей при поземном жилище и в практической необходимости в них, вполне естественно возникает уверенность в том, что галереи оставались

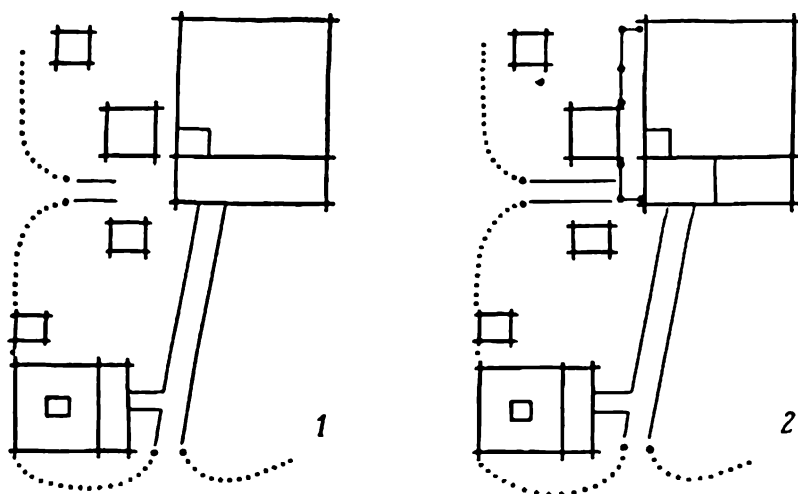

Рис. 67. Комплекс построек двора XII в. (Участок «Б», 20 ярус). Схематический план.

1 — остатки; 2 — реконструкция.

и при жилище не поземном, а поднятом на подклетный этаж. Они вместе с жилыми помещениями должны были подняться на этаж над уровнем земли, т. е. стали либо двухэтажными, либо висячими (на консолях). Но о жилищах, поднятых на подклеты, в этой работе речь пойдет только в разделе, посвященном эволюции богатого посадского жилища. Анализ эволюции приемов архитектурно-художественного решения богатого новгородского посадского жилища приводит к выводу о том, что около конца XI в. и поземное богатое жилище стало оснащаться галереями, основанными не на земле, а на консолях, на высоте пола спальных горниц, но о них мы скажем ниже.

Если исследователи древненовгородского жилища в общем обнаружили весьма мало склонности замечать следы галерей, то в отношении крылец можно сказать обратное: поиски их следов оказались, пожалуй, излишне настойчивыми. По крайней мере в ряде случаев за следы крылец были выдапы остатки столбовых сепей и галерей (например, постройки И18Б, Б22Е). П. И. Засурцев отмечает, что «крыльцо известно в русском зодчестве еще с глубокой древности». Он считает это аксиомой. Испытывая,

однако, все же желание чем-то подкрепить ее, он ссылается на Е. Э. Бломквист, говоря, что «крыльцо считается характерной принадлежностью великорусского жилища».¹²⁵ Но указание Е. Э. Бломквист можно относить лишь к жилищам сравнительно позднего времени; существование крылец при домонгольских русских жилищах еще никем не было доказано. После этого вступления П. И. Засурцев переходит к рассмотрению данных археологических раскопок исходя уже из твердо им высказанного убеждения, что крыльца при древних новгородских жилищах непременно имелись. Именно это убеждение и дает ему возможность увидеть следы крылец там, где не оказывалось никакого намека на них: «В самых больших домах, открытых в раскопе (Б19Ы, Б20А), которые несомненно были двухэтажными, имели богатое наружное оформление и у которых несомненно были парадные крыльца, признаков таковых не обнаружено».¹²⁶

Конечно, такая часть здания, как крыльцо, могла в некоторых случаях исчезнуть бесследно, особенно в почве, в которой почти невозможно определить место выкопанных столбов. Однако если бы крыльца существовали, то при том обилии материала, который дал Неревский раскоп, кое-где они все же должны были оставить следы, а таких следов нет даже при наиболее богатых зданиях. Кроме того, нужно принять во внимание еще и данные, приведенные нами выше, относящиеся к внутренней и внешней компоновке древненовгородских построек. Если учитывать эти данные, в частности существование галерей и сеней, нельзя не видеть, что крыльцо в его более или менее развитой форме, выделенное в особый объем, было совершенно лишней частью, не нужной ни с практической, ни с эстетической точки зрения не только при поземном жилище, но и при жилище, поднятом на подклет. Правда, нужно здесь отметить, что слово «крыльцо» — термин недостаточно определенный. Крыльцом называется у нас не только сложное сооружение, имеющее несколько покрытых крышами лестничных входов и площадок, но и почти неприметная наружная лесенка, имеющая хотя бы одну-две ступеньки. Именно последнего рода лесенки могли находиться при входе в галерею или сени некоторых из древних новгородских домов. При цокольной площадке высотой в два венца из очень толстых бревен (а мы предполагали площадки такой высоты) лесенка могла быть иногда не лишней. Нет ничего невероятного, что над такой лесенкой мог устраиваться небольшой навес на столбах, может быть, даже с легким ограждением по сторонам. Мы поэтому не будем ручаться за то, что в Новгороде в слоях X—XIII вв. никогда не найдется следов такого рода крылец. Однако можно с уверенностью сказать, что если подобные зачаточного типа кры-

¹²⁵ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . , с. 43.

¹²⁶ Там же, с. 44.

лечки и могли существовать, то в архитектуре богатых посадских жилых зданий Новгорода X—XIII вв. они ни в каком случае не могли играть столь значительной роли, как та, что выпала в XVI—XVII вв. богатым по композиции и отделке русским парадным крыльцам, служившим входами в сени, помещавшиеся на втором этаже хором. В X—XIII вв. наиболее видной паружной частью жилого дома являлись сени и галереи.

Какую сказочно богатую художественную обработку получали снаружи эти части новгородских зданий, мы можем приблизительно представить благодаря найденным в Неревском раскопе остаткам резных столбов, относящихся, вероятно, к началу XI или, может быть, к концу X в.¹²⁷ По изданным изображениям одного из этих фрагментов столбов можно судить, что столб был в древности при вторичном использовании расколот и до нас дошла лишь одна четверть его, причем на ней имелась половина лицевой стороны, украшенной резьбой. Длина сохранившейся части столба немногим более 1 м. Судя по вертикальной полосе, обрамляющей край орнамента, сбоку в столбе был вертикальный шпунт (рис. 68, 1). Этот шпунт, по всей вероятности, служил для крепления в столбе стенки галереи из досок или плах, загонявшихся между столбами.

Вопрос о том, принадлежал ли этот столб крыльцу, галерее или сеням, на наш взгляд, не имеет особенно существенного значения, хотя мы и считаем, что его происхождение от крыльца почти полностью исключено. Если все же допустить, что он принадлежал крыльцу такого простейшего вида, как описанные нами выше (хотя это маловероятно), то нужно отметить, что такое крыльцо все равно не представляло бы собой сколько-нибудь самостоятельной отдельной крупной части здания, а только лишь небольшой выступ галереи или сеней, и поэтому декоративная обработка его должна была находиться в полнейшей зависимости от обработки той части, которой оно принадлежало как подчиненная ей деталь. Это дает основание без обиняков считать найденные в Неревском раскопе куски столбов образцами, позволяющими судить о паружной отделке сеней и галерей.

Было бы ошибкой рассматривать названные нами фрагменты столбов без учета того, что это только фрагменты. У верхнего конца сохранившейся части того из столбов, изображения которого были опубликованы в печати, имеется кусок гладкого пояска. Едва ли можно допустить, что столб заканчивался пояском. Поясок этот, видимо, отделял основную часть столба от его завершения, а завершение, как есть основания предполагать, учитывая, что стойка должна была иметь вверху развилку, в которую ложился прогон верхвей обвязки, было шире ствола столба. На этом

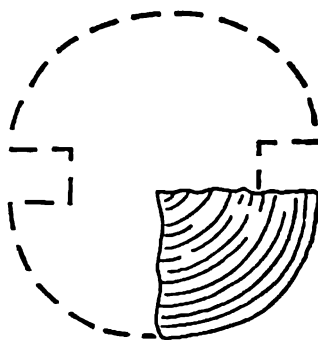
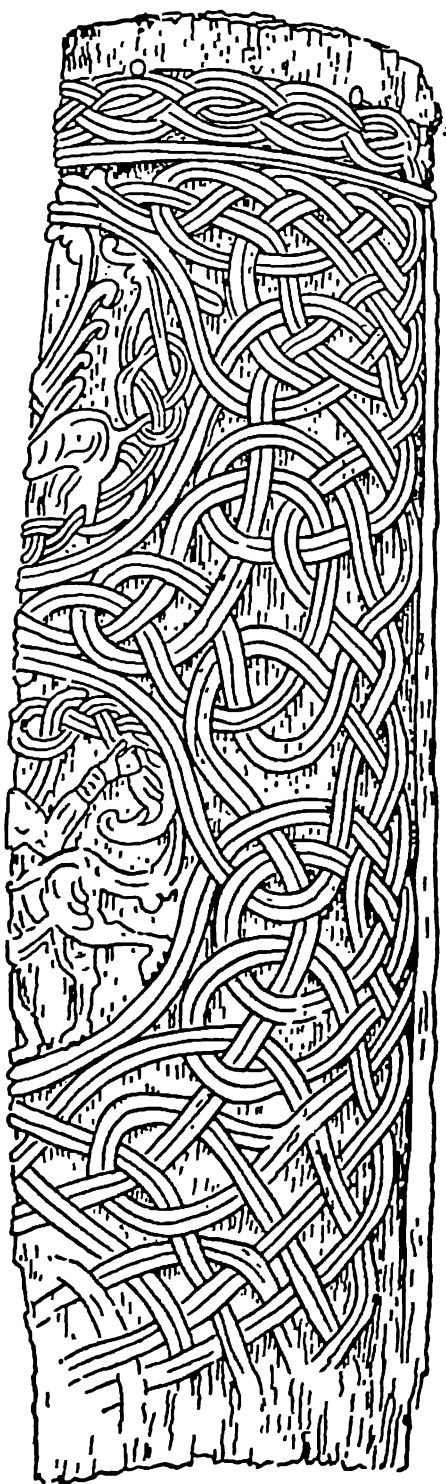
¹²⁷ Арциховский А. В. Колонны из новгородских раскопок. Вестник Моск. ун-ва, 1954, № 4, с. 65—68.

соображении и построен наш вариант гипотетической реконструкции столба (рис. 68, 2). Мы думаем, что и низ столба имел расширение, позволяющее сделать в нем глубокую выемку для сопряжения столба с нижней обвязкой. Можно думать, что и внизу расширенная часть отделялась от ствола столба пояском, хотя от нижнего пояса не сохранилось каких-либо следов.

По краю сохранившейся части верхнего пояса можно заметить шляпки небольших гвоздей, вбитых в дерево. Что было прикреплено этими гвоздями? Сколько автор настоящего исследования ни надрывал свою фантазию, он не мог придумать ничего, кроме того, что этими гвоздями была приколочена облицовка пояса, сделанная из золоченой меди (конечно, с выбитым на ней орнаментом). Можно было бы подумать еще, что поясок был обиг паволокой для того, чтобы потом его покрыть левкасом. Но, однако, такое предположение лишено достаточного основания. Наносить на дерево левкас не имело смысла даже под позолоту. Позолота по левкасу плохо противостоит атмосферным влияниям и потому не применялась для наружных частей зданий. Левкасить этот поясок под покраску, разумеется, никто не стал бы — краску гораздо лучше было бы положить прямо на дерево. Облицовывать поясок каким-либо иным материалом, кроме золоченой меди, не имело никакого смысла. Железо нужно было бы красить, но ту же краску было бы проще нанести на дерево. Позолота на железе держалась бы не лучше, чем на дереве. Непозолоченная медь почти не отличалась бы от дерева и не вносила бы заметного декоративного эффекта. Таким образом, мы пришли к заключению, что верхняя часть столба отделялась от ствола позолоченным пояском.

Но вводить в обработку столба крупные детали, блистающие золотом, никто не стал бы, если бы резьба на столбе не была бы расписана. Если бы не было росписи, золоченые пояски и на близком и на далеком расстоянии слишком отрывались бы от неяркого дерева, мешали бы восприятию тонко выполненной резьбы невысокого рельефа, внося в декор резкую дисгармонию. Невозможно допустить, чтобы мастера, создавшие исполненную вкуса резьбу, могли бы примириться с этой дисгармонией в основных отношениях частей декора. Резьба этого столба могла выдерживать соседство позолоченных поясков только в том случае, если ее раскраска своей броскостью и силой отвечала блеску золоченых поясков. Таким образом, остатки столбов из Неревского раскопа говорят о том, что столбы были украшены не только резьбой и позолотой, но и яркой раскраской.

Невозможно допустить, чтобы при столь богатой отделке столбов другие наружные части галерей, сеней и выступающие детали крыши могли бы оставаться без соответственной художественной отделки, без резьбы и раскраски, а кое-где, быть может, и золоченых украшений. Мысль, что в древнерусской гражданской

1

Рис. 68. Фрагмент столба, найденный в Неревском раскопе.
1 — прорисовка.

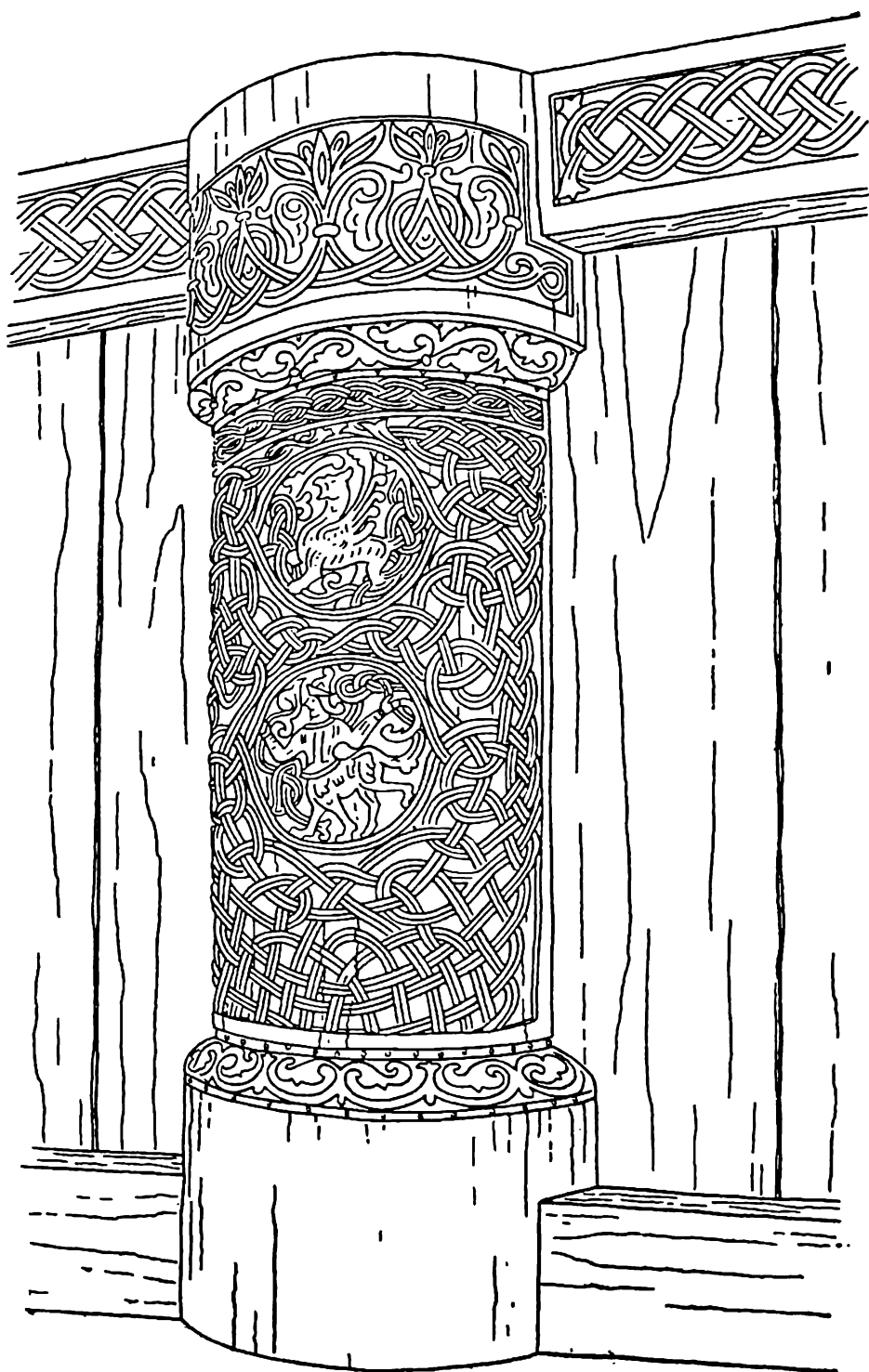

Рис. 68 (продолжение).
 ? — гипотетическая реконструкция.

архитектуре применялись такие средства отделки, не нова — исследователи архитектуры давно предполагали это. С большой прощательностью, опираясь на некоторые письменные свидетельства и глубокое изучение памятников каменной архитектуры, Н. Н. Воронин отмечал, что приемы украшения владими́ро-суздальских храмов резьбой и полихромией происходили от более древних «русских деревянных хором и жилых домов».¹²⁸ До сих пор мы не имели еще такого наглядного доказательства правильности этой мысли, какое дали новгородские столбы. Видимо, многим казалось невероятным, чтобы такого рода отделка могла применяться в «жилых домах», как сказал Н. Н. Воронин, но новгородские столбы показали, что богатая резьба, сплошь покрывающая целые части здания, роспись и позолоченные медные детали украшали посадские жилые дома, пусть даже наиболее богатые, но все же входившие (и в не малом числе) в основную массу застройки новгородского посада.

Едва ли можно сомневаться в том, что при такой богатой отделке столбов световые проемы галерей и сеней получали резные детали и более или менее сложную форму выреза проема (особенно его верха), дающую декоративный эффект. Мало надежды на то, что в археологических остатках древнерусских деревянных жилых зданий в скором времени будут найдены детали верхних частей галерей, по которым мы сможем более или менее точно судить о формах их проемов и их отделке, и потому невозможно, представляя эти древненовгородские галереи, избегать гипотез.

Мы думаем, что на обработке проемов не могла не найти отражения склонность, которая была свойственна строителям деревянных построек всей средневековой Европы, — придавать проемам легких деревянных галерей формы, напоминающие о каменных галереях с арками на колонках. Подтвердить это в какой-то степени может найденная в Неревском раскопе модель здания, а вернее — часть модели, датируемая рубежом X—XI вв. Правда, это была модель не посадского и даже не боярского жилого дома, а гораздо более богатого здания, вероятно княжеских хором, но, по-видимому, деревянных. Такой же характер носит двойное окно с колонкой, изображенное в Кенигсбергской летописи в верхней части сеней варяга, подсекаемых киевлянами (рис. 69).¹²⁹ Разумеется, подобие каменным формам в этих случаях было самое общее; дерево давало возможность придавать вырезу верхней части окна более вычурные и разнообразные очертания, чем свойственные каменным аркам, и древние строители этим, конечно, пользовались. При деревянной дощатой за-

¹²⁸ Воронин Н. Н. Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, с. 45.

¹²⁹ Радзивиловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902, с. 47.

бирке могли быть применены многолопастные, килевидные и иные формы, распространенные в Древней Руси. Это предположение можно подкрепить примерами построек более позднего времени, как русских, так и вообще североевропейских, имеющих либо генетические, либо иные связи с древнерусскими деревянными строениями (рис. 70). Примеры эти могут быть многочисленными, но мы показали здесь лишь немногие, и в их числе изображение окна старинной норвежской галереи с верхом такого очертания, которое было хорошо известно древнерусским строителям, о чем свидетельствует хотя бы обработка фасадов собора в Юрьеве-Польском.

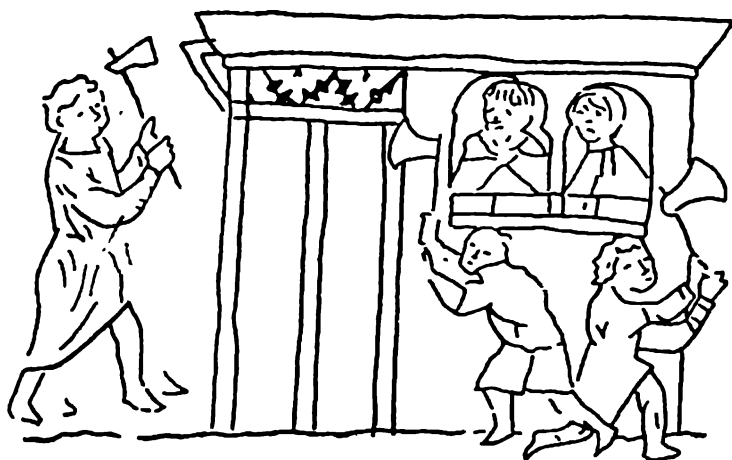

Рис. 69. Киевляне подсекают сени варяга. Рисунок из Кенгсбергской летописи.

Придя к убеждению, что наружный декор богатых посадских жилищ был насыщенным и даже затейливым, мы вправе думать, что покрытия некоторых частей жилища получали фигурные завершения (например, в виде птиц). В связи с этим, возвращаясь к высказанному Н. Н. Ворониным мнению о том, что в декоре владими́ро-суздальских храмов есть элементы, заимствованные из деревянной гражданской архитектуры, вспомним здесь об изображениях птиц на флюгерах из позолоченной меди, завершавших закомары этих храмов. Формы закомар и конструкция их кровель отнюдь не вызывали и не подсказывали применения таких завершений, и это обстоятельство дает нам некоторое основание видеть в данном случае отзвук приемов, использовавшихся при постройке богатых жилых зданий. Мы думаем, что посадские дома со столбами галереи, имевшими медные позолоченные перехваты, могли иметь на шестах, укрепленных на крыше, не только вырезанные из дерева и раскрашенные в яркие цвета, но и медные позолоченные флюгера.

С богатым посадским домом была более или менее тесно связана клеть. Из сказанного выше о доме можно видеть, что каждое место, каждый уголок в нем имел строго определенное назначение,

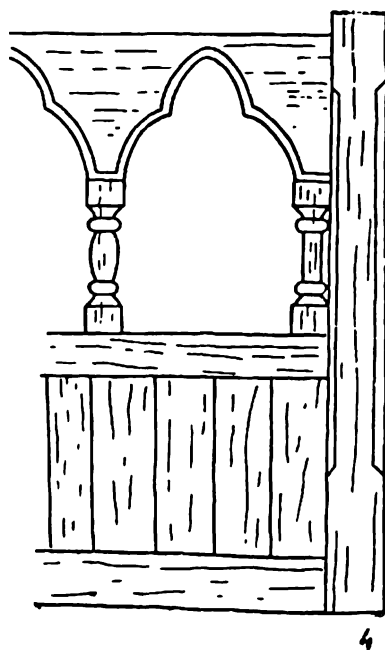
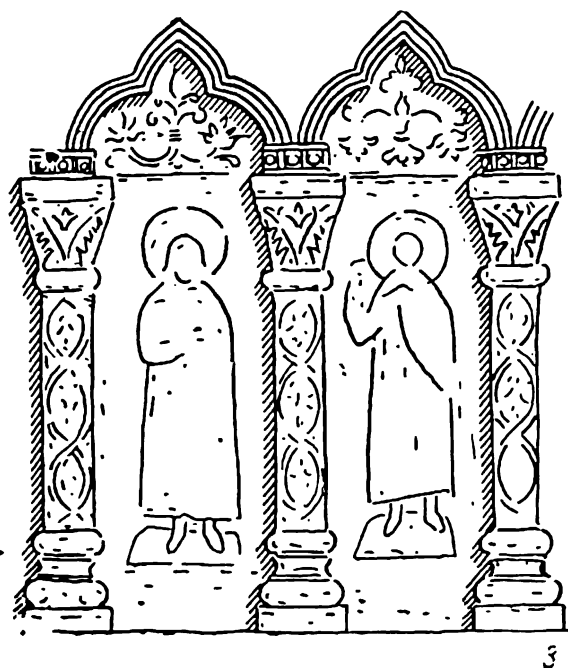
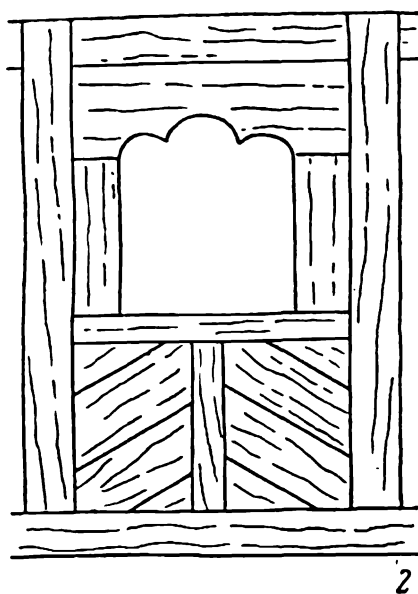
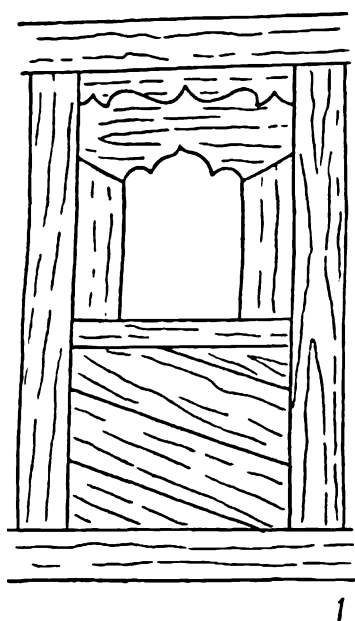

Рис. 70. Сравнительная таблица архитектурного оформления галерей,
 1 — окно галерей Успенского собора в Кемь (1711—1717 гг.); 2 — окно перехода Ильин-
 ской церкви на Водлозере (1798 г.); 3 — часть пояса с колонками Георгиевского собора
 в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.); 4 — оконный проем галереи старинной порве-
 нской деревянной постройки,

но при этом мест, предназначенных для хранения необходимого запаса имущества, материалов и других ценностей, в самом доме не было, все это должно было храниться в клетях. Бесспорно, что клеть должна была находиться как можно ближе к жилищу, под рукой.

Данные этнографии говорят, что клеть в русской деревне XIX в. служила не только для хранения имущества, но и как место, где спали молодые люди — даже в зимние морозы.¹³⁰ Вполне возможно, что обычай спать в клетях сложился уже в далекой древности.¹³¹ Однако богатые горожане едва ли следовали этому обычаю, так как, во-первых, в их жилищах существовали, как мы могли убедиться, более приспособленные места для сна в летнее и зимнее время, а, во-вторых, клетки их, конечно, были наполнены товаром и запасами.¹³²

Клетки были сравнительно небольшими по занимаемой ими площади, но, вероятно, двухэтажными, так как далеко не всякое имущество можно было держать внизу, где от близости влажной почвы оно неизбежно отсыревало. Сруб клетки построек Е27Б и А25А примыкал вплотную к стене узкого отделения сруба, и вход в клеть был скорее всего из галереи дома, так что дом и клеть образовывали как бы единое здание (рис. 71, 1, 2). Нередко клеть отступала от сруба дома, но как раз примерно на ширину галереи, и можно предположить, что в промежутке между домом и клетью проходила часть галереи (рис. 71, 3—5). В ряде случаев клеть оказалась поставленной на значительно большем расстоянии от дома, причем не сбоку или впереди его (мы всегда смотрим на дом от ворот), а за ним (рис. 72). По всей вероятности, в этих дворах клеть связывалась с домом только мостками. Некоторые из открытых раскопками оснований комплексов дома и клетки не дают возможности сделать твердое заключение о том, были ли связаны

¹³⁰ По свидетельству автора «Исторического очерка местечка Турова...», в Турове и окрестных селениях в избах «лавы служат и для сидения и для ночлега преимущественно мужчинам, а на полу обыкновенно спят жена с малыми детьми, подростки и старухи, если есть такая в хате. Молодые же всегда по клетям (амбарам), и зимою, хотя бы мороз был в 25 град.» (Исторический очерк местечка Турова..., с. 68). А. А. Шенников пришел к выводу, что крестьянские «клетки и сеники были неотапливаемыми кладовыми-спальнями, в которых значительная часть членов семьи спала как летом, так и зимой» (Шенников А. А. О русских крестьянских усадьбах XVI века. Геогр. общ. СССР. Докл. Отд. этногр., в. 2, Л., 1966, с. 9).

¹³¹ А. А. Шенников считал, что «эти кладовые-спальни были пережитком того времени, когда семейные общины были еще настолько велики, что люди просто не помещались в избах» (там же).

¹³² Известное место из ответов Луки Жидяты: «И в своей клетке хотя спать, богу поклонився толки на постели ляжи», как и место из «вопросаний Кириковых»: «Достойт ли в клетке, где есть иконы, «с женою быти», нельзя принимать в качестве доказательства того, что спали в клетях, так как под словом «клеть» там, по-видимому, подразумевались кельи и изба.

последние с домом галерей или пет. Во всех этих сомнительных случаях клетки тоже стояли за домом. Сами клетки, как можно видеть из помещенных здесь планов, были различными — чаще всего с квадратным в плане срубом, однако в ряде случаев с вытянутым (постройки А25А, Е22Е, И17И, Г15Ш, И18А). Наконец, в одном

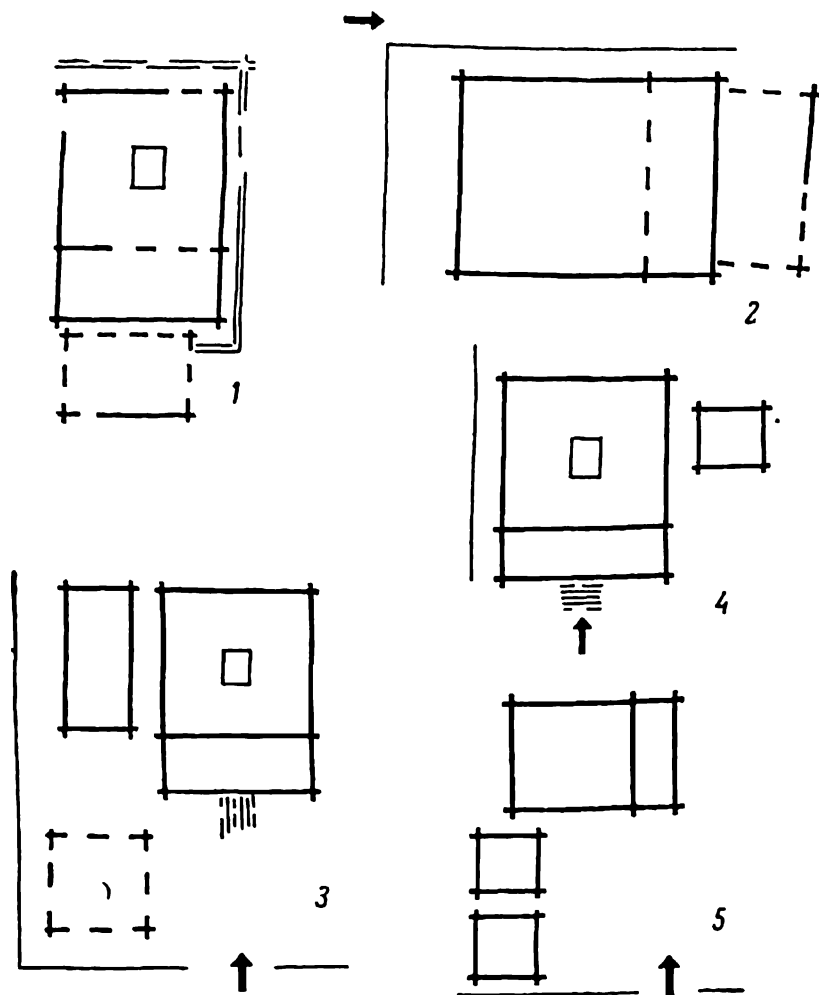

Рис. 71. Остатки комплексов дома с клетью. Схематические планы.

1 — постройка А25А; 2 — постройка Е27Б; 3 — постройка Е22Е; 4 — постройка К21А; 5 — постройка Е15Н.

случае при вытянутом плане сруба клеть имела переруб (при постройке И24А). Относительно клетки постройки Е15Н можно предполагать, что она была сдвоенной — состояла из двух одинакового размера срубов, или, если выразиться иначе, у этой постройки была не одна, а две клетки одинаковых размеров. Все это говорит о том, что приемы компоновки комплекса жилого дома и клетки были разными, причем они не сменяли друг друга со временем, а сосуществовали на всем протяжении рассматриваемого периода. Можно в то же время заметить, что пристройка

сруба клетки вплотную к срубу дома отмечена только лишь в жилищах 27-го и 25-го ярусов, т. е. конца X и самого начала XI в., и что склопность тесно соединять клеть с жилищем в общем была более свойственна X—XI вв., а для конца рассматриваемого нами времени более характерно обыкновение ставить клеть отдельно, относя ее за дом, так что ее от ворот даже не было видно.

Клеть можно было с одного взгляда отличить от жилой избы. Она имела значительно меньшие размеры. При ней не было своей особой галереи, а на крыше — дымового отверстия. Есть основания

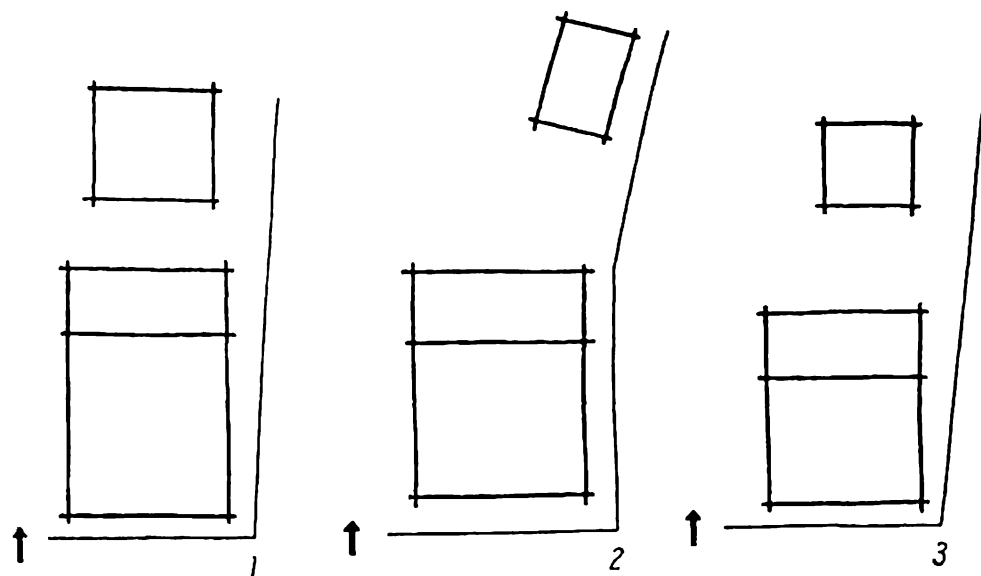

Рис. 72. Приемы расположения дома и клетки.

1 — постройка Б25Г; 2 — постройка И18А; 3 — постройка И18В.

предполагать, что клетки могли покрываться (если не всегда, то в каких-то случаях) не теплой крышей с земляной засыпкой, а холодной кровлей, настланной прямо по «сволокам», рубившимся над клетями, вероятно, плотно, без зазоров. Тесовая кровля, как есть все основания думать, в те времена была безгвоздевая, т. е. ее конструкция уже тогда была в общем аналогична хорошо известной нам конструкции северорусских тесовых крыш XVIII—XIX вв. — с «курицами», желобами и охлупнем. Тесовая крыша могла отличаться от земляных уклоном — быть значительно круче.

В Новгороде до сих пор не было найдено каких-либо частей порубов (щипцовых стенок, служивших опорой крыши). Прямых данных об уклонах крыш новгородских холодных построек, к числу которых относились клетки, мы не имеем. Но один из самцов поруба был найден в раскопках древнего Минска, и этот самец показывает, что крыша постройки, которой он принадлежал, была очень крутой — около 45°. Возможно, что тесовые крыши новгородских подсобных построек в каких-то случаях тоже

были крутыми. Это имело смысл, если тесовая крыша делалась без прокладки теса слоями бересты (или же словой коры). Судя по минскому самцу, можно думать, что такое упрощенное устройство крыши в Древней Руси применялось, но часто или редко и в каких случаях — мы не знаем. Надо все же полагать, что клетки, особенно принадлежавшие богатым людям, покрывались вполне полноценной крышей, т. е. с прокладкой коры, поэтому, вероятно, крыши клеток обычно не были очень крутыми.

Думаем, что если даже повалуша была очень слабо освещена естественным светом, то клетки имели скорее не окна, а лишь продухи, через которые пробивалось немного света, да и то таких продухов было, надо полагать, по одному на каждое помещение клетки. Все это придавало клетке довольно суровый вид. Ее глухой тяжелый объем контрастировал с домом, окруженным легкой, сравнительно более открытой и украшенной галереей, и такое сочетание разнохарактерных частей должно было придавать выразительность всему комплексу.

Эволюция

Главные характерные особенности домов-пятистенков, отмеченные нами в предыдущих разделах, можно видеть уже в первых постройках Неревского конца. В то же время они устойчиво держатся до середины XIII в. Конечно, невозможно предполагать, будто на протяжении почти трех веков в жилищах богатых новгородских посадских людей ничто не изменялось. Но в открытых раскопках остатках таких жилищ нет никаких признаков эволюции общего приема компоновки самих домов-пятистенков, составлявших основную часть богатого посадского жилища X—XIII вв. О причинах этого мы дадим представление ниже.

Некоторое движение можно увидеть в применении двух отмеченных уже разновидностей повалуш. В постройках, открытых раскопками в ярусах 28—25, т. е. относящихся к X в., не оказалось ни одной, которая сохранила бы следы повалуши с печью в углу. В то же время повалуши с печью в центре были в постройке А26А п, если судить по лагам пола, в постройке И28А. Правда, при этом надо иметь в виду, что в шести из домов-пятистенков этих ярусов положение печи не было определено из-за отсутствия следов опечья и лаг; вывод об отсутствии в X в. в Новгороде повалуш с печью в углу пока еще нельзя считать окончательным.

В ярусах 25—18 отмечены признаки существования примерно равного количества повалуш обоих типов, т. е., по-видимому, в это время вытеснения одного типа другим не происходило. К концу рассматриваемого в этой работе периода повалуши с печью посередине, судя по данным Неревского раскопа, стали

принадлежностью лишь жилищ, имевших подклетный этаж. В остатках обычных поземных домов богатого типа их признаки не встречались уже с 17-го яруса. В то же время остатки построек И13А и Б123, где повалуши были поставлены на подсобный пижний этаж, свидетельствуют о том, что в этих повалушах печи располагались в центре.

В открытых раскопках остатках домов богатых посадских людей можно заметить некоторые признаки, позволяющие догадываться об изменениях, касавшихся наружных дополнительных частей этих построек. Косвенным образом на это указывает сперва появление, а затем исчезновение обычая сооружать цокольные площадки. Цокольные площадки с обрамляющими их венцами отмечаются с начала XI и почти до середины XII в.¹³³ Поскольку эти площадки были связаны, как выше мы доказывали, с галереями, их появление и последующий отказ от них имели, очевидно, отношение к каким-то изменениям в устройстве галерей, хотя, быть может, и не очень существенным. Мы думаем, что, вероятнее всего, это было связано с переходом от галерей, основанных на лежнях (служивших в то же время и ограждением площадки), к галереям, столбы которых вкапывались в землю.

Временами распространялся обычай пристраивать к богатому посадскому дому сени, временами же такой прием, по-видимому, становился редким и даже вовсе выходил из практики. Насколько можно судить по памятникам, он был наиболее употребительным с X до последней четверти XII в. [следы сеней можно отметить в постройках Е28А, Б22Е(?), Е22А, Д20В, И18Б, Е17А] и почти не встречался позднее (возможно, что сени имелись при постройке Б13А).

В предыдущем разделе мы отмечали некоторые изменения в приемах прикомпоновки к дому клетки, сводящиеся в основном к тому, что с течением времени клеть все менее тесно связывалась с домом и все более удалялась от горниц, где спали хозяева. Чтобы отчетливо проследить эволюцию приемов компоновки комплекса дома и клетки, нужно сопоставить не только планы построек, но и представленные в объемах реконструкции, рассматривая их в хронологическом порядке. Осуществить это можно лишь с некоторыми оговорками. Выше мы отмечали недостаточную сохранность остатков наружных дополнительных частей жилых построек — сеней и галерей. Это обстоятельство весьма затрудняет реконструкции отдельных комплексов. В одних случаях реконструкции, хотя бы только общего расположения объемов,

¹³³ Первая цокольная площадка имеется у постройки А25А; следующие — А24А, И24Г, Б22А, Б22Б, И19Е, Б19А (последняя на плане обозначена как Б19Б). П. И. Засурцев считает, что цокольные площадки сооружались лишь с 70-х годов XI в. до 30-х годов XII в. (Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 13).

оказываются невозможными, в других — они возможны, но только приближенные, с более или менее значительной степенью гипотетичности. Но все же это не заставило нас совсем отказаться в данной работе от метода сопоставления реконструкций, дающего весьма наглядную картину развития архитектуры. Необходимо лишь предупредить, что предлагаемые реконструкции, а следовательно, в какой-то мере, хотя и значительно меньшей, также и выводы, сделанные на основе их сопоставления, должны быть приняты лишь как общие и предварительные. Кроме того, оговоримся, что эти реконструкции схематические — в них мы не стремились показать детали зданий, обработку столбов, частей крыш, формы проемов галерей, тем более что о ряде деталей, например устройстве дымового отверстия и его крышки, обработке крыш, ворот, мы не имеем возможности судить достаточно определенно. Тем не менее мы думаем, что и схематические реконструкции полезны и необходимы даже при известной их гипотетичности, особенно в том случае, если автор отмечает, в какой степени и в каких именно деталях он допустил домыслы и докомпоновки. Это условие мы постараемся соблюсти.

Из всех остатков построек 28-го и 27-го ярусов, дошедших до нас в довольно плохой сохранности, лишь при доме Е27Б можно видеть ясные следы клетки, которая здесь тесно примыкала к узкому отделению пятистенки (рис. 73).

Поэтому мы начнем с этой постройки. На чертежах, опубликованных в трудах Новгородской археологической экспедиции, следов галереи при доме Е27Б не показано, но дворовая вымостка отступает от северной стены (обращенной к этой вымостке) на ширину, соответствующую ширине галереи. Это позволяет предполагать, что с северной стороны дома к нему примыкала галерея. Если учесть, что один из концов ее, где имелось отхожее место, должен был быть удален от входа, можно предположить, что галерея заходила и на западную сторону в промежуток между оградой двора и срубом дома. Естественно думать, что галерея использовалась также и для связи дома с примыкавшей к нему клетью. План клетки, насколько можно судить по открытым остаткам ее, был вытянутым. Это заставляет остановиться на предположении, что она была покрыта односкатной крышей — другой вид покрытия в данном случае весьма маловероятен. Как уже было отмечено, клеть нужно представлять себе двухэтажной. Из сказанного видно, что наиболее гипотетична в этой реконструкции — галерея. Однако существование не только при таких жилых постройках, но даже при значительно более бедных массовых избах галерей выше было уже доказано, а другого места для галереи при этом жилище нет, следовательно, гипотетичность данной реконструкции галереи не так уж велика.

Комплекс срубов Г26Ш (рис. 74) и Г26Э (из которых последний можно приять только за клеть) отличается от предыдущего

тем, что сруб клетки поставлен не вплотную к срубам дома, а отстоит от него на расстояние, примерно равное ширине галереи. Вместе с тем он смещен с оси дома так, что, с одной стороны, открывает две трети торца пятистенки, с другой — выступает за одну из его продольных стен. Такое расположение клетки, разуме-

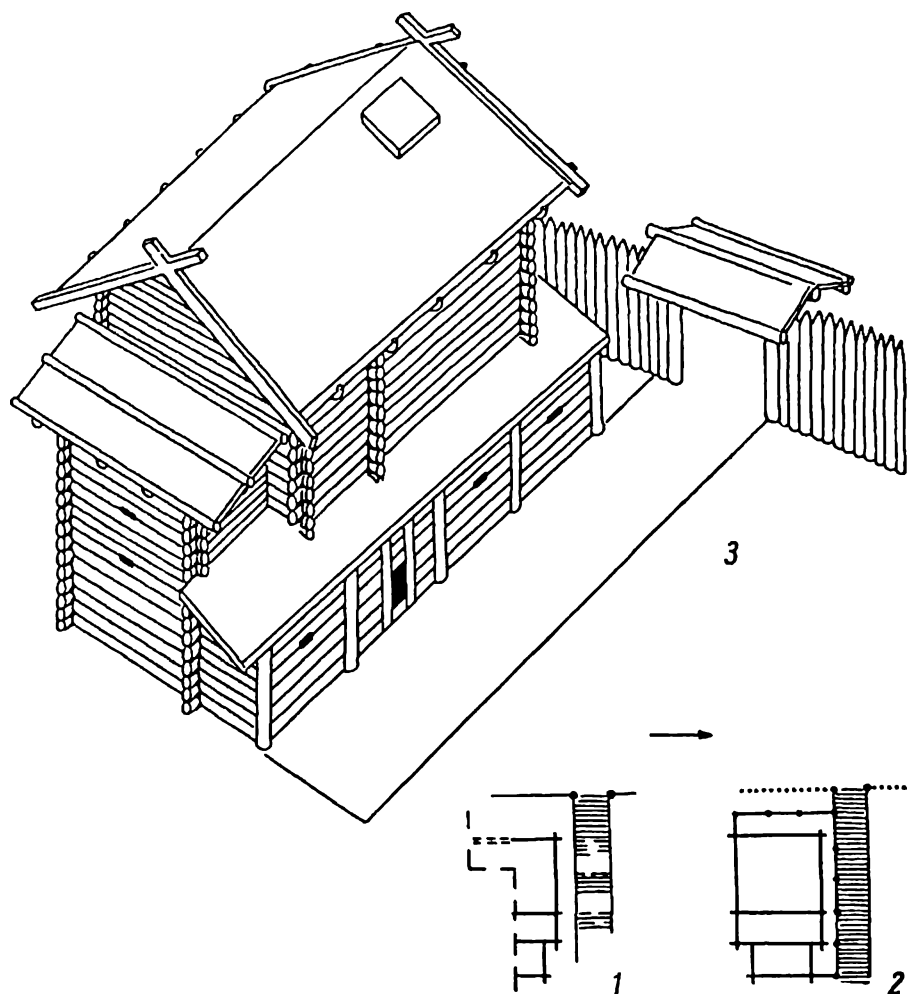

Рис. 73. Постройка Е27Б в комплексе с подсобными частями и строениями.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

ется, имело какие-то основательные причины. Что оно могло дать? Разрыв между срубами позволял устроить между ними проход. Чтобы представить возможный смысл устройства прохода в этом месте, нужно учесть два обстоятельства. Первое — наиболее удобно было расположить отхожее место в конце галереи, а не посередине ее, а по отношению к дому — сзади дома у угла, противоположного горницам; второе — галереи играли еще немало важную роль как средство предохранения основания дома от воздействия потоков воды, стекавших с крыши дома, следовательно, они были особенно полезны, если располагались под све-

самы крыши, и в несравненно меньшей степени оправдывали себя в этом отношении у торцевой стены дома. Проход между домом и костью позволял скомпоновать галерею наилучшим образом, так как без него либо отхожее место нужно было бы помещать под

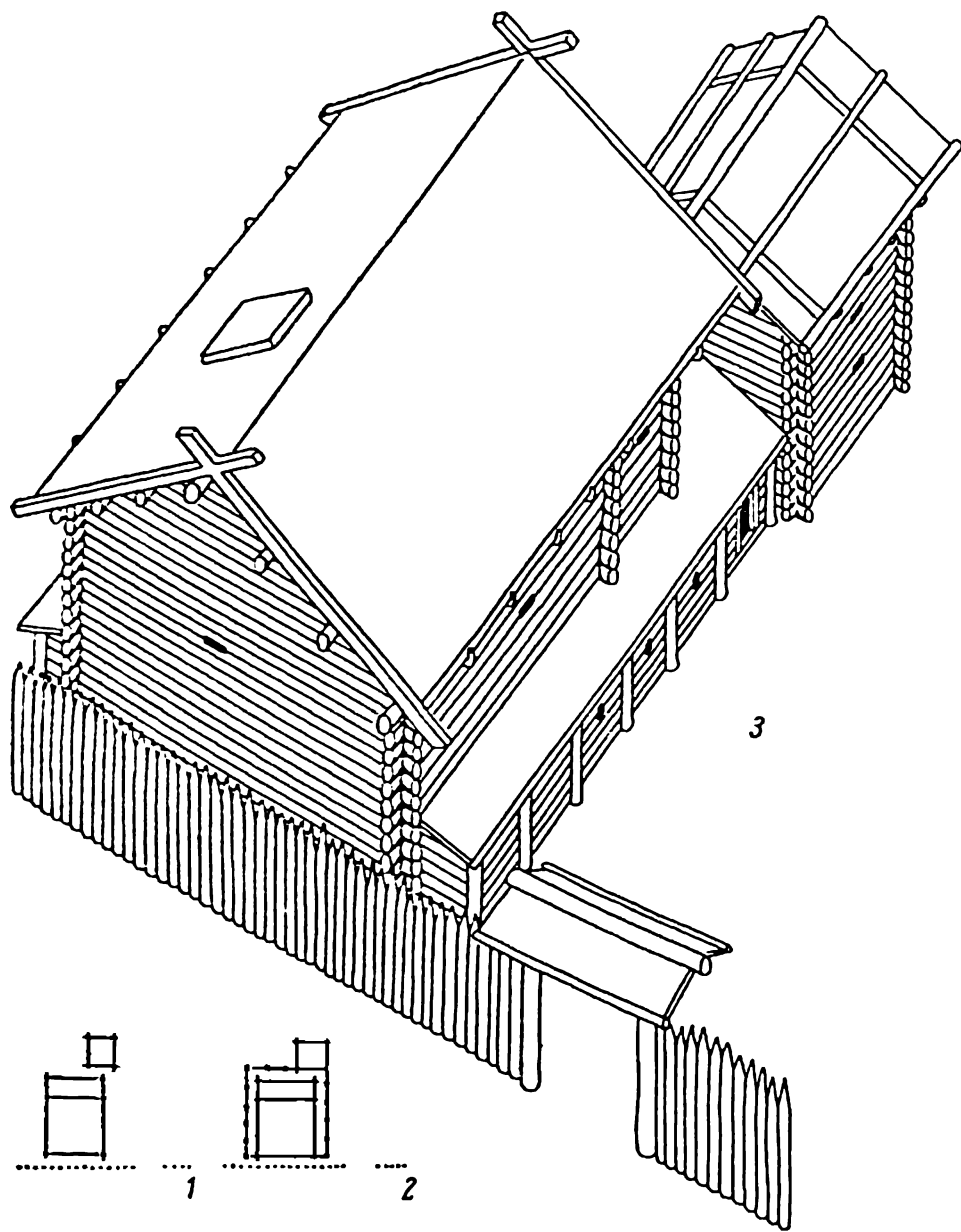

Рис. 74. Постройка Г26Ш в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план);
3 — реконструкция (общий вид).

горницами, очень близко от входа в дом, что, очевидно, было нежелательно, либо оставлять одну из боковых сторон дома, где с крыши падали потоки воды, не защищенной галереей (последнее мы предполагали в отношении постройки Е27Б, и это имело место в постройках более поздних ярусов).

Наиболее вероятно, что лицевой стороной дома, где был вход, являлась та, на которую выступала клеть, хотя категорически утверждать это мы не можем. Впрочем, положение входа в дом в данном случае не имеет большого значения для реконструкции общего приема компоновки постройки.

Расположение основных частей комплекса дома А25А с клетью повторяет уже рассмотренную нами компоновку постройки Е27Б,

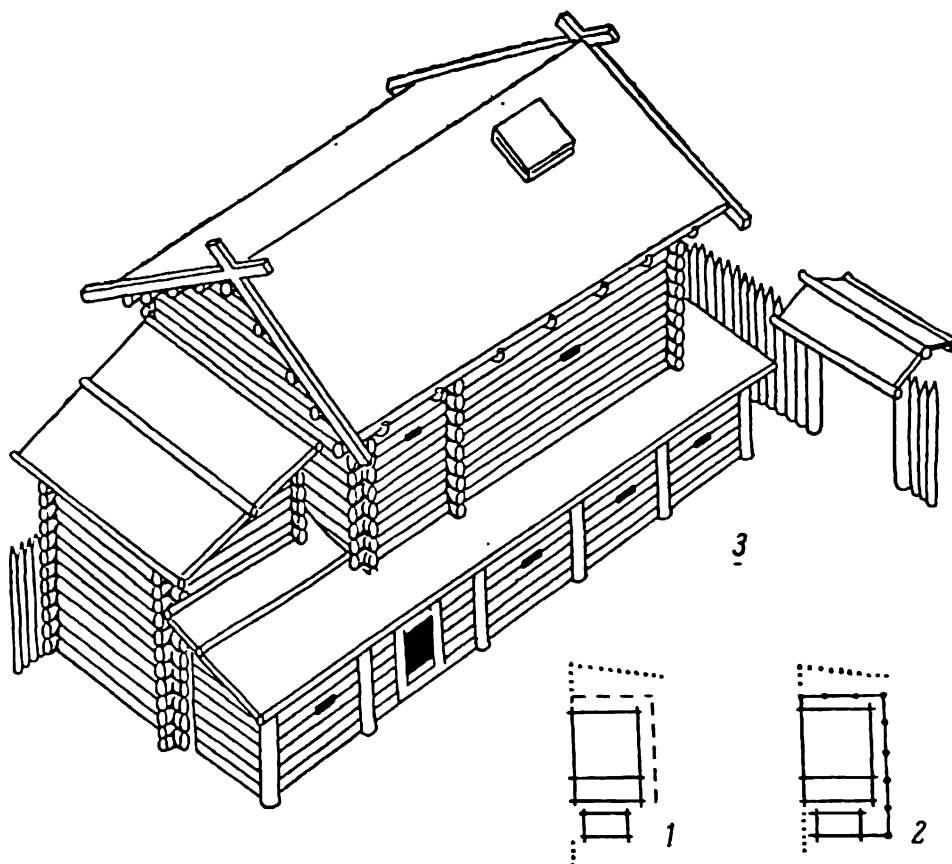

Рис. 75. Постройка А25А в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

и в реконструкции обе постройки представляются, по крайней мере в основных чертах, одинаковыми (рис. 75). В отношении постройки А25А уже совершенно очевидно, что на обратной от двора стороне галереи не было — эта сторона примыкает вплотную к уличному настилу. В остатках этого дома, открытых раскопками, с двух свободных сторон сруба выступали на значительное расстояние бревна ограждения цокольной площадки; последнее дает нам основание с уверенностью показать на этих двух сторонах галерею.

При постройке Б25Г клеть расположена тоже со стороны узкого отсека дома, но отнесена от него значительно больше, чем в предыдущем случае. Обращает внимание то, что оба сруба — и

дома, и клетки — расположены точно по одной линии, стены их строго параллельны. Похоже, что между домом и клетью находились сени. При этом галерею скорее всего можно представить расположенной сзади дома (рис. 76). Из сказанного видно, что в нашей реконструкции этой постройки твердо установленным следует считать лишь взаимное расположение дома и клетки.

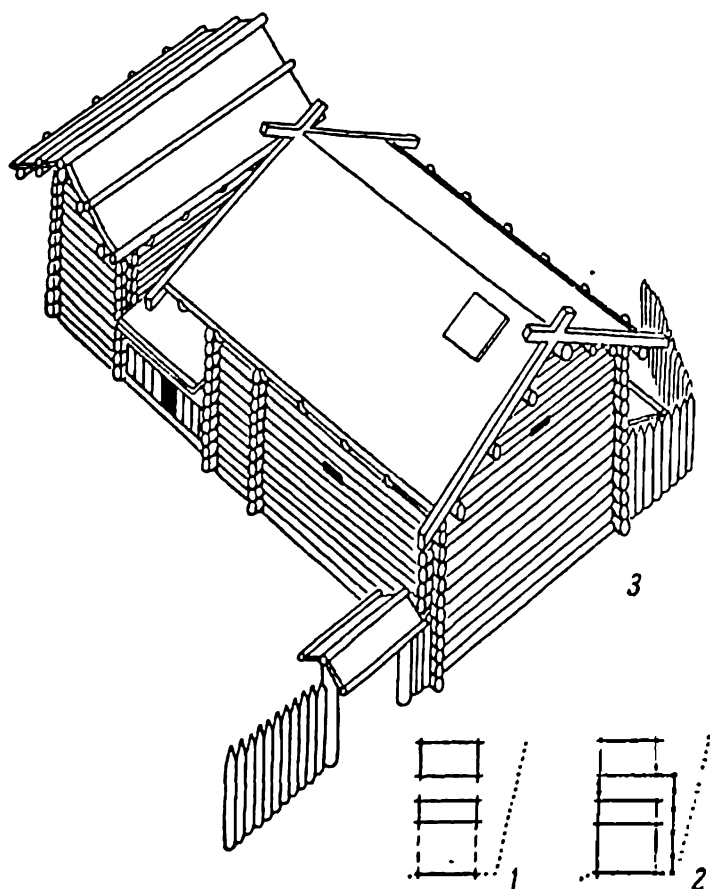

Рис. 76. Постройка Б25Г в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

Остальное — сени и галерея за сенями — докомпоновка, построенная на предположениях, причем это не единственный возможный вариант, а лишь тот из ряда их, который представляется автору наиболее вероятным. Так, например, отнюдь не исключено, что этот дом имел, так сказать, стандартный для того времени вид, т. е. сеней при нем не было, а галереи примыкали к срубу дома с трех сторон, при этом клеть могла быть и связанной и не связанной с домом крытым переходом. Последнее нам представляется более вероятным.

Именно такой была, по-видимому, композиция постройки Б24А с клетью. Галерея при этом доме могла примыкать только

к двум сторонам, так как сзади у стены, обращенной к соседнему двору, для нее не было места (рис. 77), а в торце дома, под горнищами, она была не нужна. Нельзя, однако, категорически утверждать, что галерея дома, повернув под прямым углом, не соединялась с клетью. Но если это и могло бы быть (чисто теорети-

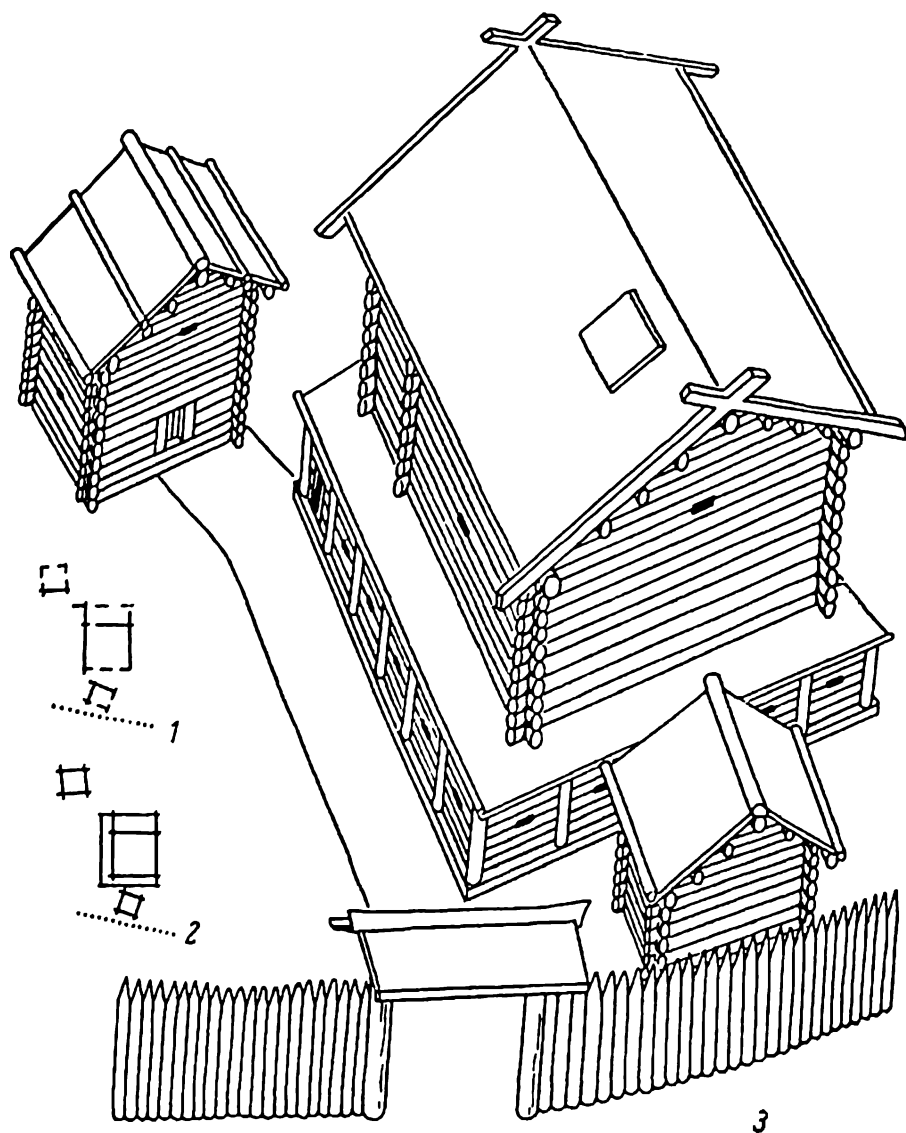

Рис. 77. Постройка Б24А в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

чески), то доказать такое предположение нечем, и мы его поэтому оставляем как не имеющее достаточной степени вероятности.

Несколько иначе обстоит дело с постройкой И24А, хотя положение ее клетки в общем очень напоминает предыдущую постройку. Однако в предшествовавшем случае срубы дома и клетки были, несмотря на одинаковую ориентацию, поставлены совершенно независимо друг от друга. В комплексе же постройки И24А

положение срубов клетки и дома определенным образом связывало их в пространстве. Продолжение боковой стены дома совпадает с торцом клетки (рис. 78). Надо полагать, это не случайно. Мы думаем, что это следствие намерения строителей соединить галерею дома с галерейкой у передней стороны клетки. Как раз с этой

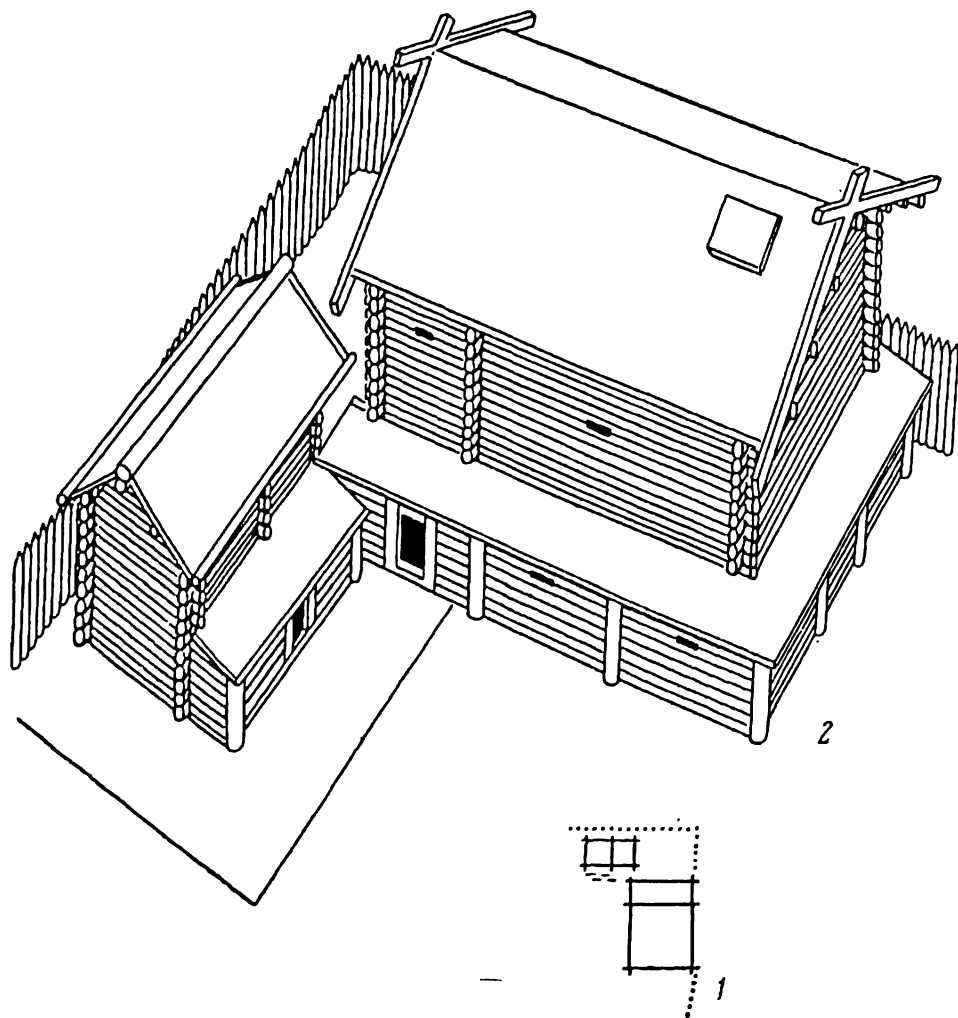

Рис. 78. Постройка И24А в комплексе.

1 — схематический план; 2 — реконструкция (общий вид).

стороны клетки раскопки обнаружили остатки каких-то деревянных частей здания, возможно именно предполагаемой нами галерейки, или, как говорили в XVII в., приклета.

Компоновка дома Е24Ж (рис. 79), как кажется на первый взгляд, близка к предшествовавшим. Клеть здесь поставлена в ближайшем соседстве с горницами, хотя между ними и устроен разрыв. Однако благодаря смещению клетки в сторону и некоторому ее повороту оказался в значительной мере открытым торец дома с горницами, который во всех рассмотренных выше постройках был всегда скрытым от глаз людей, подходивших к дому

с улицы, а большей частью и вообще заслоненным примыкавшей к нему клетью. В данном же случае, вероятно, положение ворот и дома таково, что приходится предполагать существование входа

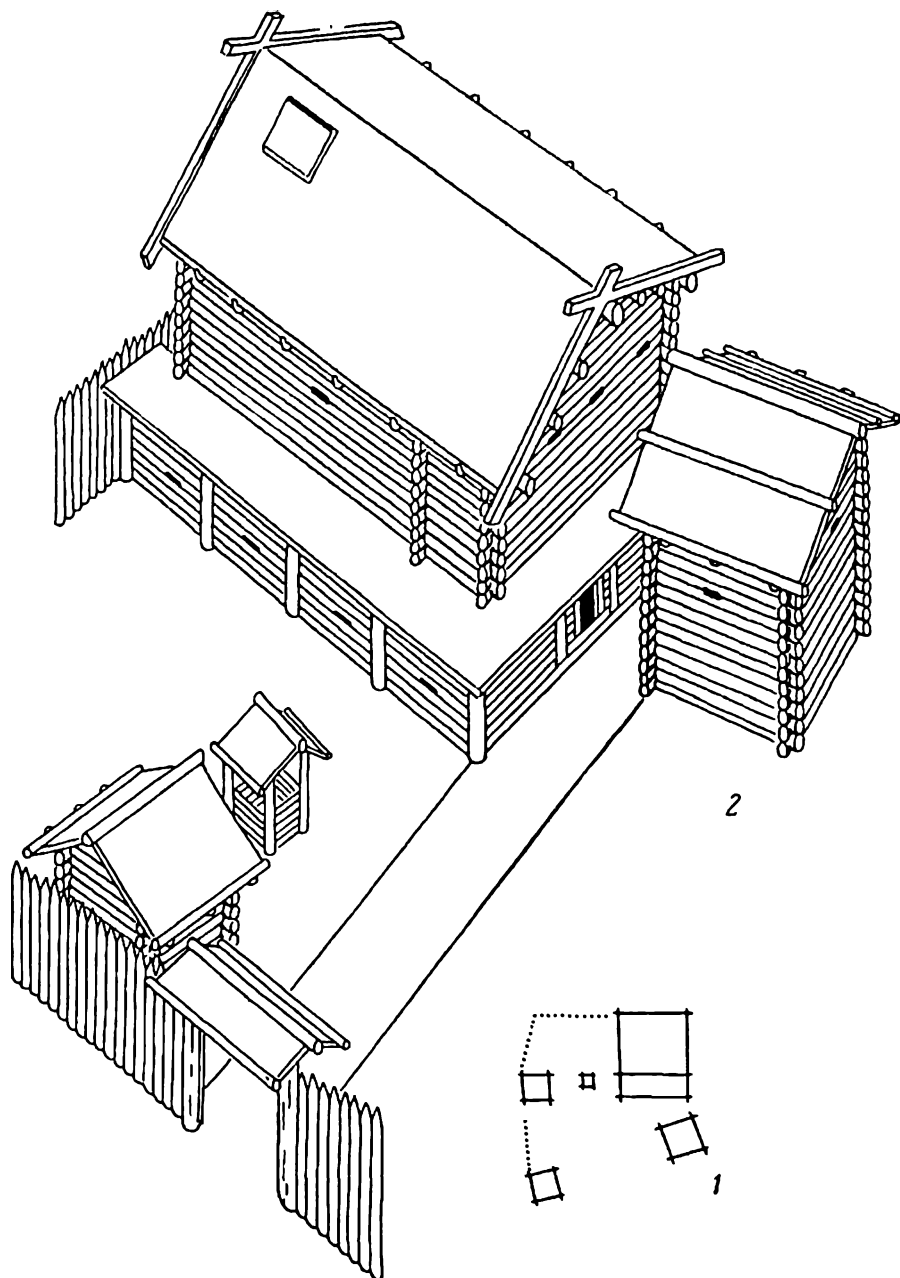

Рис. 79. Постройка Е24Ж в комплексе.

1 — схематический план; 2 — реконструкция (общий вид).

в дом не с боковой стороны, как это было во всех показанных нами до этого случаях, а с торца. Впрочем, мы должны здесь оговориться, что такое расположение входа для этого времени было уже не ново — вход с торца существовал еще в постройке А26А. К сожалению, при постройке А26А не было найдено следов клетки, отчего мы не можем дать реконструкции ее в ком-

плекс с клетью. Вход с торца был, видимо, и у постройки А24А, тоже не реконструируемой здесь полностью из-за отсутствия каких-либо данных о ее клетях (отметим попутно, что полное исчезновение следов клетей при постройках А26А и А24А может объясняться особенностями их устройства, например установкой их на столбах).

Нельзя не отметить в решении комплекса дома Е24Ж заметного противоречия между желанием, с одной стороны, открыть торец входной части дома и сделать через него вход, с другой — очень близко к этому торцу расположить клеть. Это говорит о недоработанности приема, т. е., по-видимому, о его новизне. Данный здесь вариант реконструкции комплекса — не единственно возможный. Можно предполагать также, что перед входом в дом галерея отсутствовала и шла лишь по одной из боковых сторон дома. Только что упомянутая постройка А26А не имела впереди галереи — это видно из того, что дворовый помост подходил вплотную к срубу. Мы, однако, выбрали другой вариант, основываясь на примере постройки А24А, более близкой по времени к рассматриваемой. Вход в дом А24А находился тоже с торца, и в то же время, судя по расположению сохранившейся при нем доковой площадки, на этот торец заходила и галерея (рис. 80). На изображенном нами варианте реконструкции постройки Е24Ж галерея показана также вдоль всей длинной стороны дома, обращенной к воротам, однако полной уверенности в правильности такой реконструкции нет; возможно, что галерея шла только по обратной стороне дома. Таким образом, наша реконструкция галереи этой постройки — лишь один из нескольких возможных вариантов.

Если строители дома Е24Ж сделали только лишь попытку, несколько сместив клеть, открыть торец постройки с горницами и сделать вход в дом с этого торца, то в постройке Б22Е такое намерение оказалось осуществленным в полной мере (рис. 81). Клеть здесь уже отставлена далеко от той торцевой стенки, к которой ее до этого старались держать по возможности ближе. Вход в дом устроен прямо с торца; сам торец в то же время открыт глазам входящих во двор. Перед входом раскопками были обнаружены остатки широкого настила. Вероятнее всего, этот настил принадлежал сеним. Мы изобразили на данном месте сени, но более обширные, чем сохранившаяся часть настила, — во всю ширину фасада. Узкие сени не гармонировали бы с этой крупной, лаконично скомпонованной постройкой, даже если бы были богато украшены. Между тем вся компоновка данного комплекса ясно говорит о стремлении его строителей придать ему красоту, и в частности добиться парадности подхода к дому. По-видимому, эта задача была вполне достигнута — расстановка срубов давала живописную игру света и тени, около дома образовались уютные площадки, а выступающие вперед сени при некоторой декоратив-

ной обработке их могли в весьма сильной степени смягчить суровость срубов, украсить весь комплекс, придать дому более уютный и приветливый вид.

Столь же определенно видно, что торец с горницами играл роль главного фасада и в постройке А21А (рис. 82). Клеть в данном случае отнесли за дом так, что с ведущей к нему мощеной

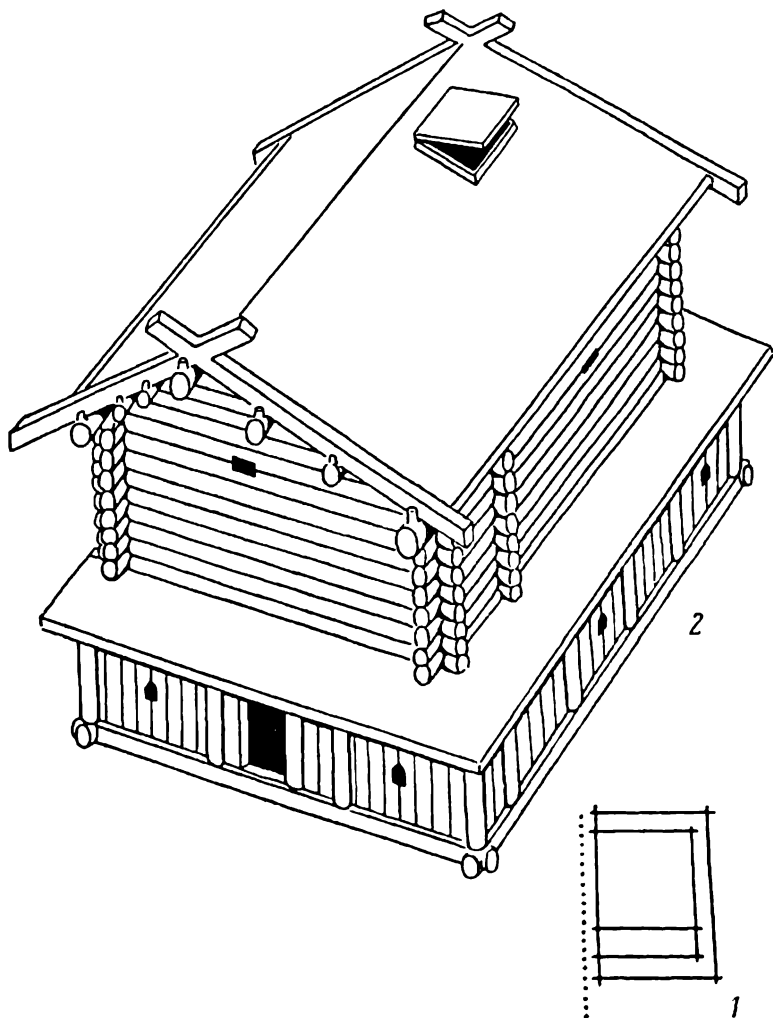

Рис. 80. Постройка А24А в комплексе.

1 — схематический план; 2 — реконструкция.

дорожки ее совсем не было видно. Здесь, очевидно, строители рассчитывали не на интересное сочетание объемов срубов комплекса, а на дающее достаточно сильный декоративный эффект решение переднего фасада самого дома. В то же время этот дом не имел сеней — настил дворовой дорожки подходил к самому порогу двери сруба. Украшавшие передний фасад дома сени здесь не потребовались. Это обстоятельство очень важно. Его можно объяснить только тем, что было найдено еще более эффективное в художественном отношении решение, чем сени. Мы находим,

что таким приемом могло быть только устройство при горницах сильно выступавшей на передний фасад висячей галереи. Отбрасывавшая широкую сочную тень на бревенчатую стену нижней

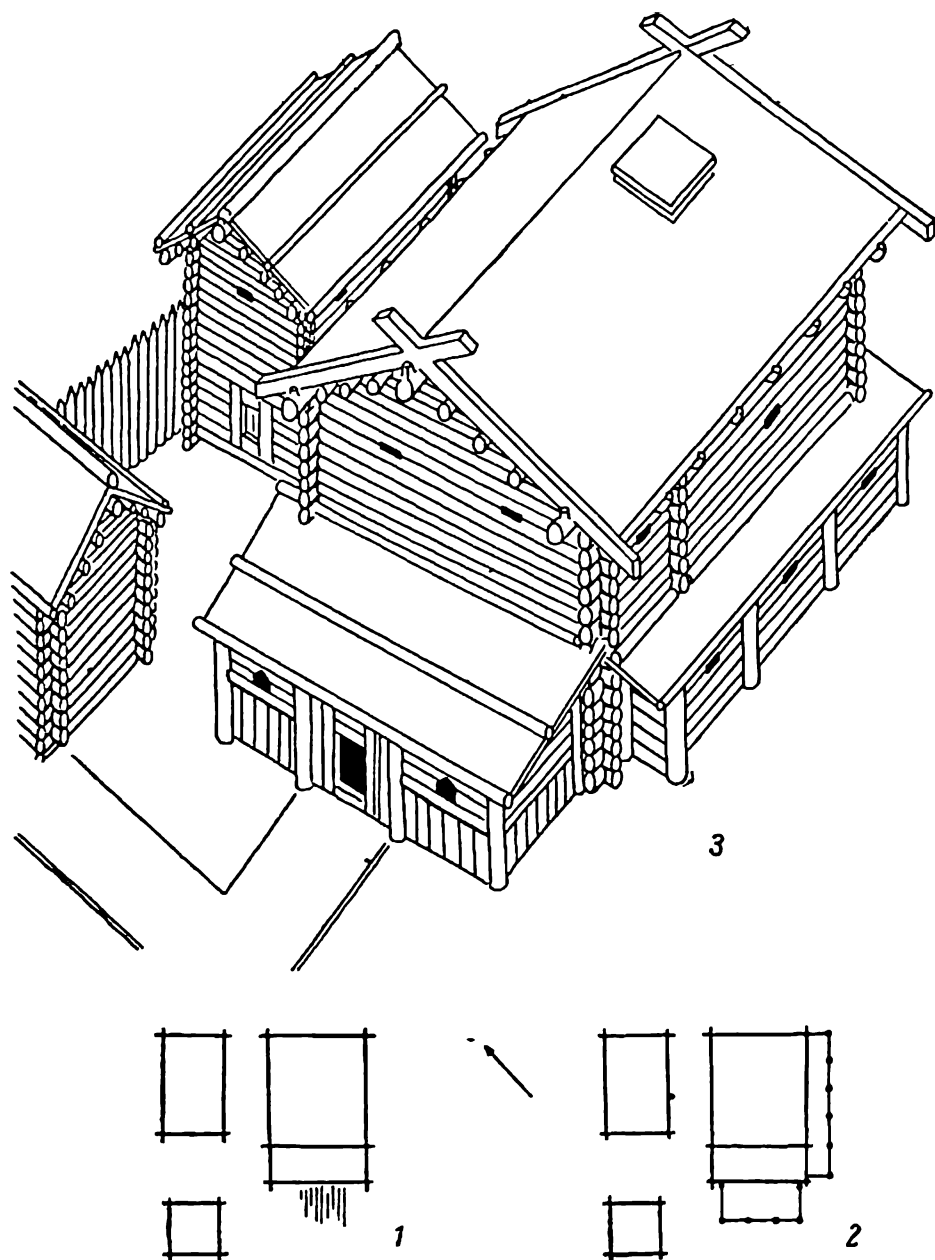

Рис. 81. Постройка Б22Е в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план);
3 — реконструкция (общий вид).

половины фасада дома, выдвигнутая вперед на консолях, украшенная резьбой и росписью галерея и выдающаяся над ней торцовая часть крыши с ее резной декорацией могли производить несомненно гораздо более яркое впечатление, нежели прижатые к земле сени, с их довольно плоской обработкой. В художественном отно-

пешии фасад дома А21А, как мы его представляем, был значительно богаче фасада постройки Б22Е. Очень важно отметить, что вместе с тем решение переднего фасада с висячей галереей несравненно удачнее и с практической стороны. Балкон при горницах давал возможность сообщения между ними поверху, возможность

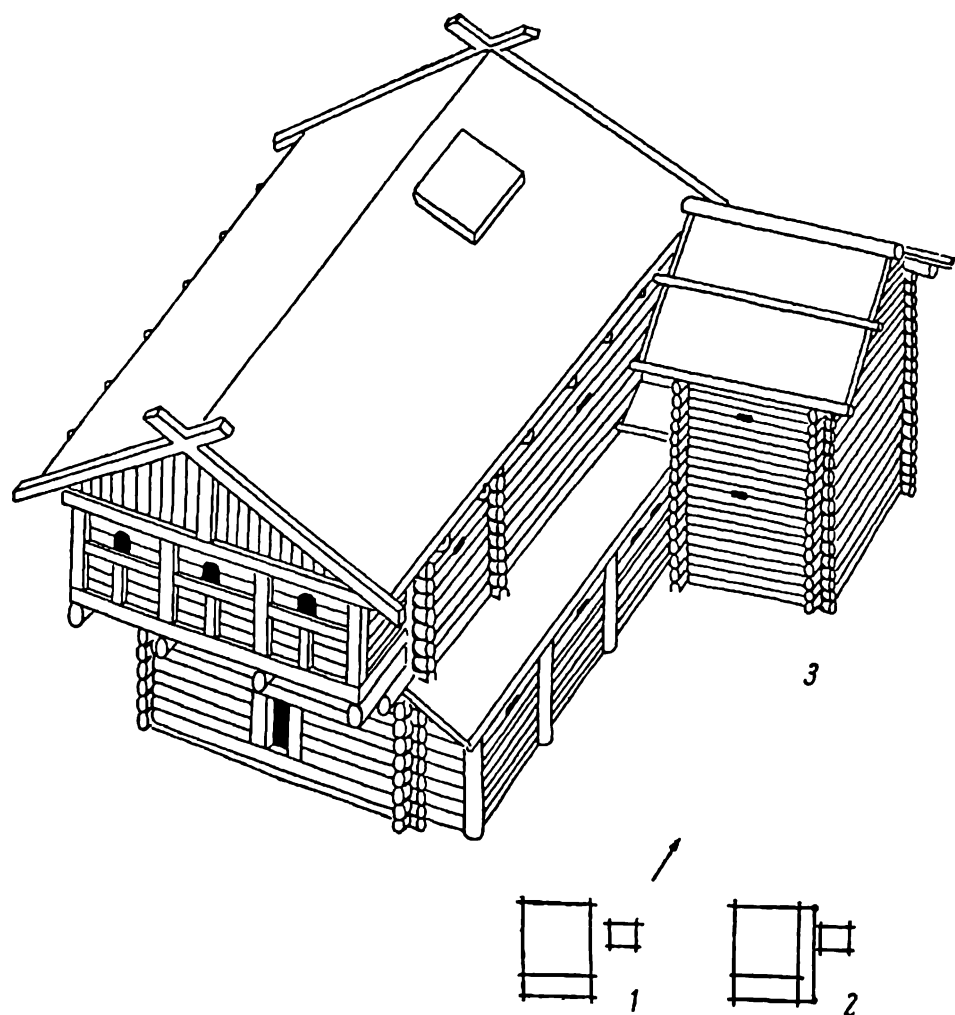

Рис. 82. Постройка А21А в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

обозреть отсюда двор или по крайней мере весьма значительную часть его. Летом на галерее можно было спать. Все это представляло столь очевидные и существенные удобства для обитателей дома, что даже кажется сомнительным, чтобы такой прием появился только в конце XI в. Мы думаем, что висячая галерея при горницах, быть может, устраивалась в каких-то случаях и раньше, но не имела такого архитектурно-художественного значения, какое стала иметь в XI—XII вв. Можно, например, предполагать, что она была у дома А26А, относившегося к X в.

Входили в этот дом тоже с торца, причем мощеная дорожка подходила вплотную к срубам, т. е. внизу с этой стороны определенно не было ни галереи, ни сеней. Однако это только предположение,

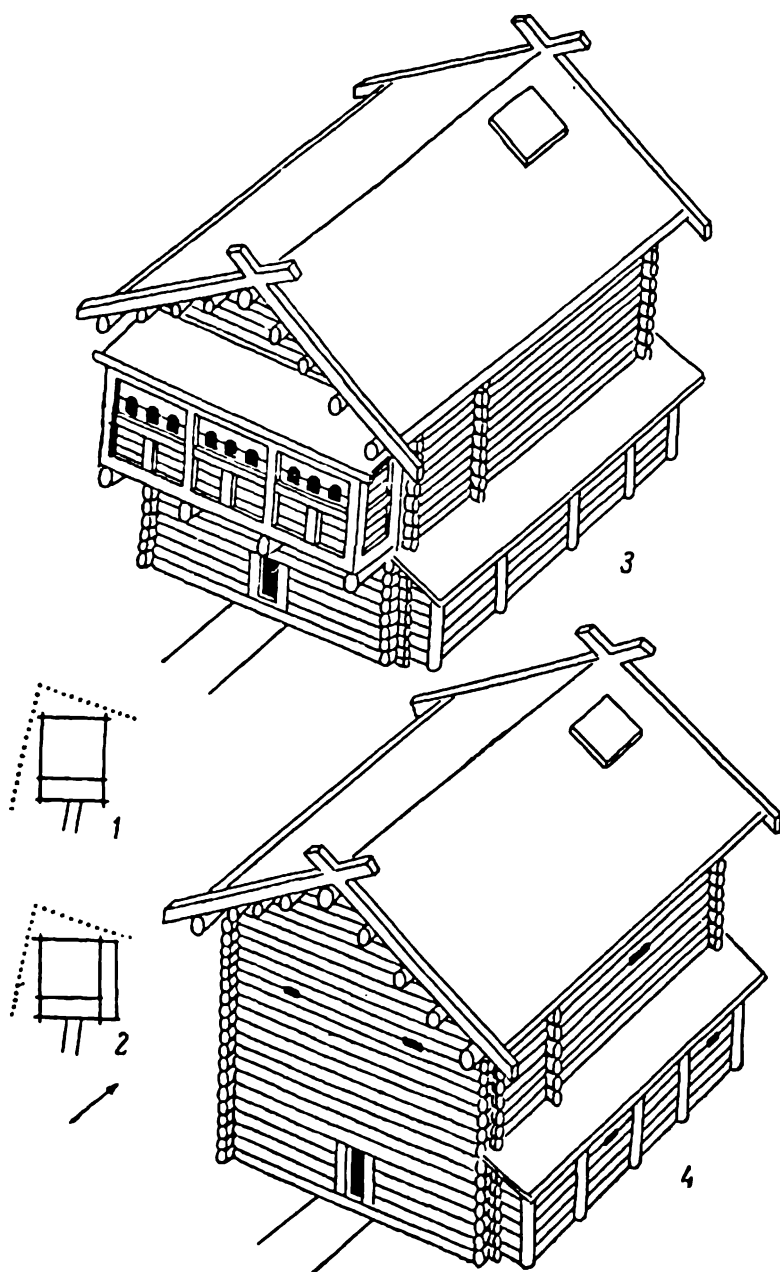

Рис. 83. Постройка А26А в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3, 4 — варианты реконструкции общего вида.

которое может оказаться и неверным. Могло быть и так, что весь передний торец этого дома был сверху донизу гладким, лишенным каких-либо дополнительных наружных частей (рис. 83).

Размышления о конструктивных возможностях устройства галерей второго яруса приводят к заключению, что висячая верхняя галерея могла быть лишь у той части сруба, которая делилась перекрытием на два этажа. Тогда основанием галереи могли служить наряду с выпусками бревен в углах также и выпущенные концы балок междуэтажного перекрытия. Устроить верхний ярус галереи у стен повалуши было бы значительно сложнее — здесь копсоль можно было выпустить лишь в углах, а между углами оставалось еще большое расстояние. Во всяком случае висячей галереи, которая могла находиться при горницах, тут уже быть не могло, а имелись бы галереи в два яруса, основанные на столбах, опирающихся на землю. Такая конструкция едва ли представлялась строителям целесообразной; надо думать, что древние новгородцы без особенно большой надобности не стали бы усложнять свою работу. А большой надобности в этих верхних боковых галереях при поземных постройках не было.

О постройке Б20Е можно сказать в общем то же, что и о рассмотренной выше постройке А21А. Разница в компоновке этих двух комплексов лишь в том, что в более поздней постройке клеть отнесена от дома на несколько большее расстояние. Это может служить поводом, правда не вполне основательным, для того чтобы считать, что клеть постройки Б20Е не была соединена с домовою галереей, а стояла отдельно. Кроме того, сохранилось основание еще одного сруба, стоявшего вблизи этой постройки. Внутри второго сруба оказались остатки печи. Возможно, что это была баня (рис. 84).

К тому же типу можно отнести планировку комплекса жилища Б20В, хотя это уже несколько иной его вариант (рис. 85). Здесь клеть не удалена так от входа и от горниц, как в двух предыдущих случаях. Она отстоит от дома как раз примерно на ширину галереи, что дало нам основание считать, что между клетью и домом проходила галерея. Живописно скомпонованную группу объемов с клетью фланкировала подсобная постройка (скорее всего это была баня или амбар). Ее небольшой сруб подчеркивал величину главных частей комплекса и усиливал живописность общей композиции.

Можно думать, что строители богатых посадских новгородских домов, уделив на некоторое время (в самом конце XI в.) главное внимание живописному решению фасада самого дома и очень удачно найдя его, теперь вновь возвратились к пачатым в середине этого века поискам интересных и разнообразных сочетаний объемов срубов комплекса построек при жилом доме. Такое сочетание интересно и ярко решенного фасада дома с живописной компоновкой объемов дополнительных частей комплекса давало, как можно судить по предлагаемым реконструкциям, большой художественный эффект.

Следующие три постройки — И18Б, И17Е, И16И, по-видимому, свидетельствуют о том, что около середины XII в. стремление к живописности компоновки посадского жилого здания стало, по крайней мере в некоторых случаях, более сдержанным.

При постройке И18Б клеть стоит, как и в самых ранних новгородских посадских домах богатого типа, позади дома, у его

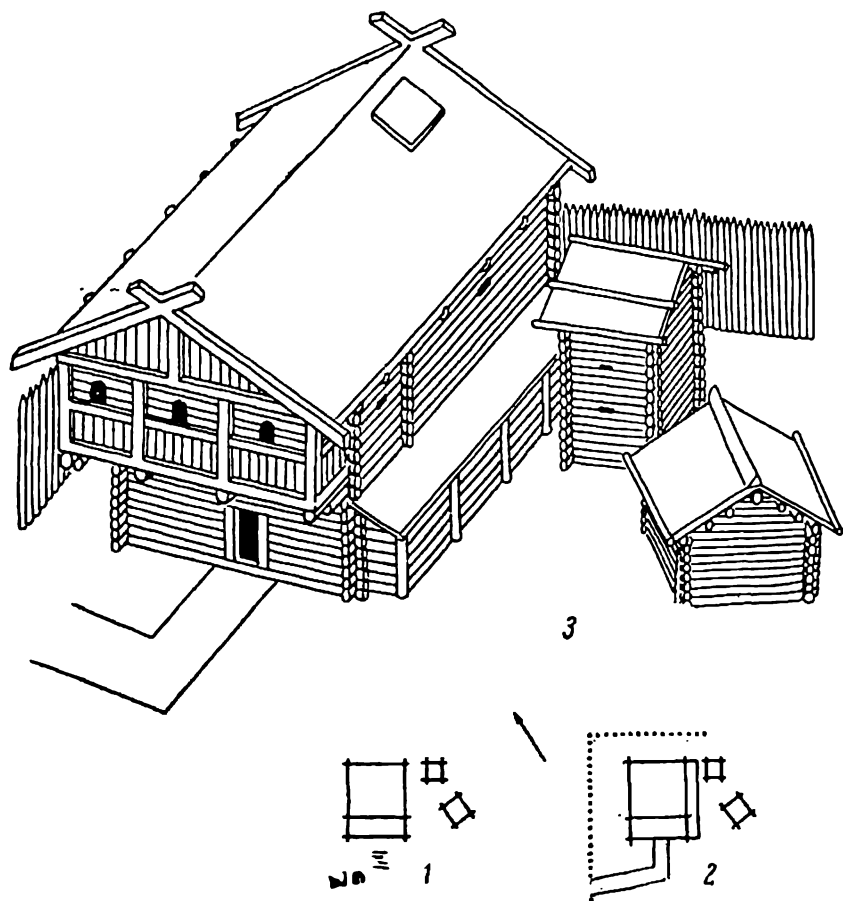

Рис. 84. Постройка Б20Е в комплексе.

1 — остатки (схематический план); 2 — реконструкция (схематический план); 3 — реконструкция (общий вид).

торца (рис. 86). Естественно предполагать, что, так же как и в ранних постройках, она соединялась с домом галереями. Вход в дом был устроен не с торца, а сбоку — и это тоже напоминает приемы X в. И все же одна особенность коренным образом отличает этот комплекс от комплексов X—начала XI в.: клеть примыкает здесь не к горницам, а к торцу повалуши, а передняя часть дома, где располагался вход в дом и горницы, остается ничем не заслоненной. Это дает нам основание думать, что висячая галерея при горницах, столь удобная с функциональной стороны и выгодная в художественном отношении, нашла применение и в данном случае.

В последующей постройке — И17Е вход устроен прямо с торца; очевидно, он продолжал сохранять значение главного фасада дома и, надо полагать, также сохранял и соответствующее этому значению богатое и живописное решение, т. е. вероятнее всего висячую галерею с выдвинутой над ней основной крышей

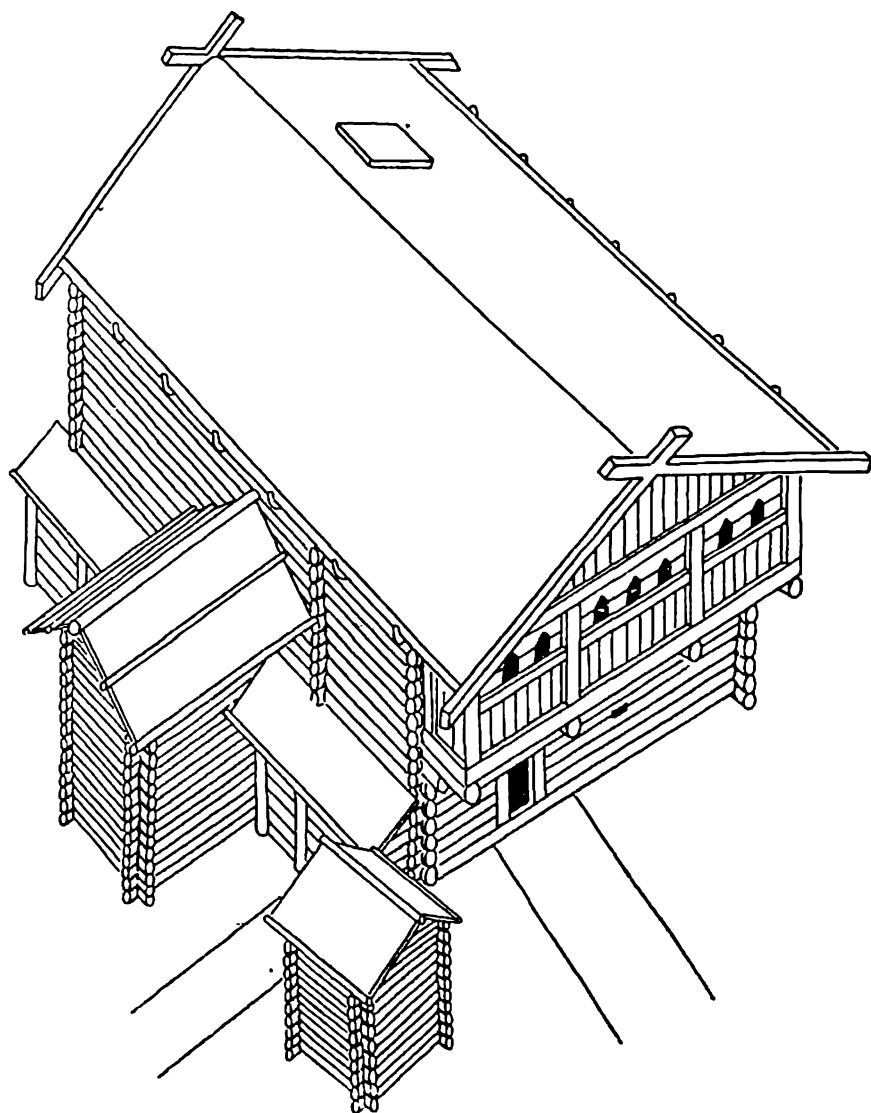

Рис. 85. Постройка Б20В. Схематическая реконструкция.
Общий вид.

дома (рис. 87). Клеть удалена от сруба дома на ширину галереи. Это позволяет предполагать, что между клетью и домом проходила галерея. В реконструкции этой постройки мы разрешили себе вольность — показать перед клетью тоже небольшую галерею. Основанием для этого служили соображения о том, что такой приклет давал бы некоторые удобства обитателям дома, а также аналогия с постройками Е17А и др., по всей вероятности имевшими клетки с приклетами.

Постройка Е17А сохранила остатки сопой, примыкавших к узкому отсеку сруба с торца дома (рис. 88). По-видимому, этот дом был решен подобно дому Б22Е. Клеть его также была поставлена у боковой стены в некотором отдалении от входа. Перед

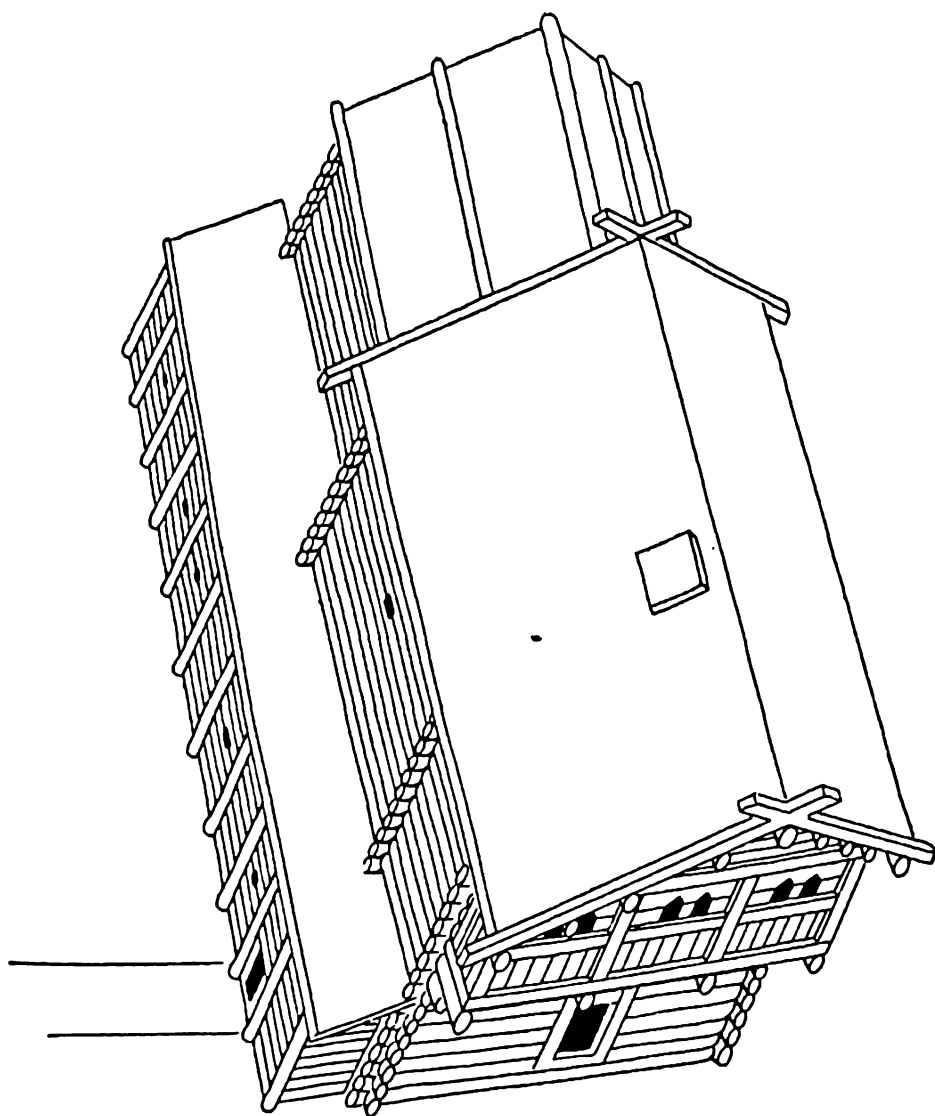

Рис. 86. Постройка И18Б. Схематическая реконструкция. Общий вид.

срубом клетки сохранились следы столбовой пристройки, по всей вероятности, представлявшей преддверие клетки, т. е. приклет.

Расположение частей комплекса дома И16И мало отличалось от того, что мы выше видели при постройке И17Е (рис. 89). Соответственно этому и реконструкции этих двух построек сходны. Они разнятся лишь покрытием клетки.

Следующая постройка — Е15Н (рис. 90) тоже в сущности повторяет тот же прием, только клеть ее состоит из двух срубов.

Мы и в данном случае показали при клетях приклет, соединяющий их.

Последний рассматриваемый нами комплекс — дом Д13С — по приему компоновки основного узла ничем не отличается от предшествовавших. Однако рядом с остатками этого дома и его клетки были раскрыты основания еще двух подсобных построек,

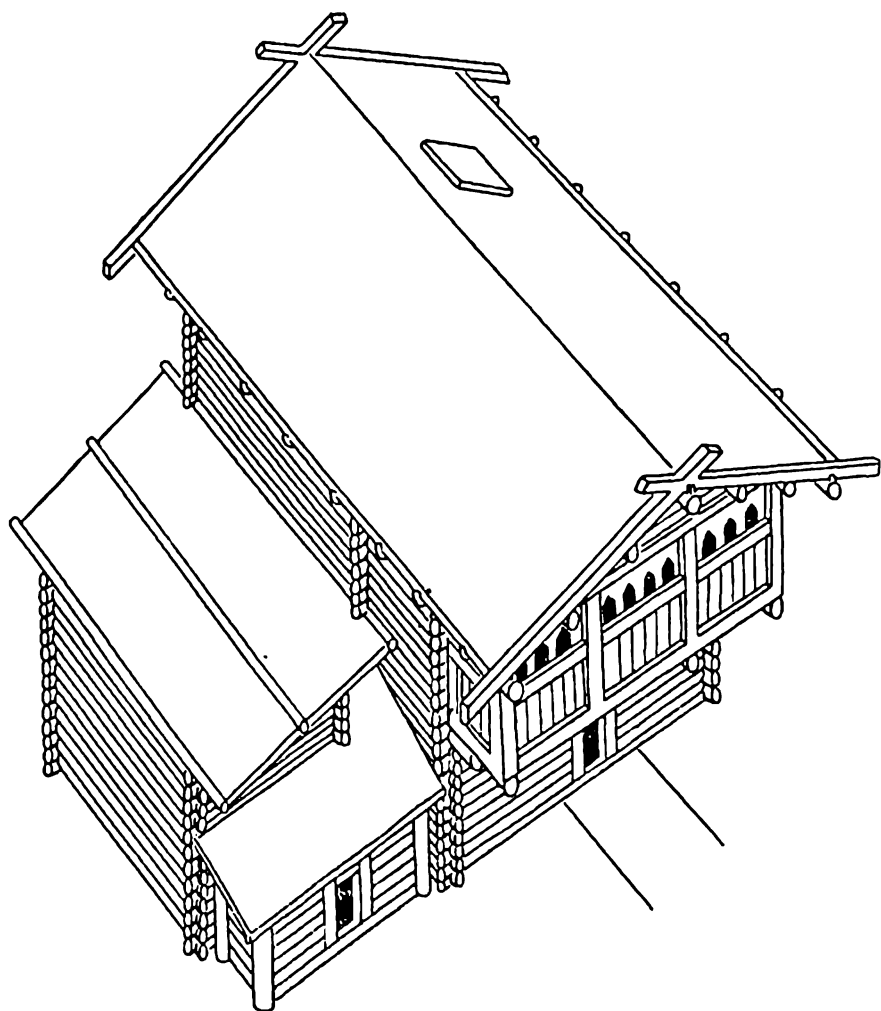

Рис. 87. Постройка И17Е. Схематическая реконструкция.
Общий вид.

расположение которых наглядно свидетельствует о том, что подмеченные нами для XI в. приемы живописной планировки продолжали применяться и в середине XIII в. (рис. 91).

Сделанный здесь обзор реконструкций позволил, разумеется, определить и отметить лишь наиболее общие, наиболее заметные изменения в архитектуре исследуемых нами комплексов построек. Мы не могли уловить те перемены, которые происходили с деталями зданий, не оставившими заметного следа в остатках построек, вскрытых раскопками. Но из того, что нам удалось здесь

показать, можно видеть, что древних новгородских домостроителей нельзя было упрекать в косности — они искали и находили новые решения, стремясь к улучшению жилища и с чисто утилитарной, и с гигиенической, и с эстетической стороны. А отсюда мы можем заключить, что это их стремление наверняка отражалось и на деталях построек.

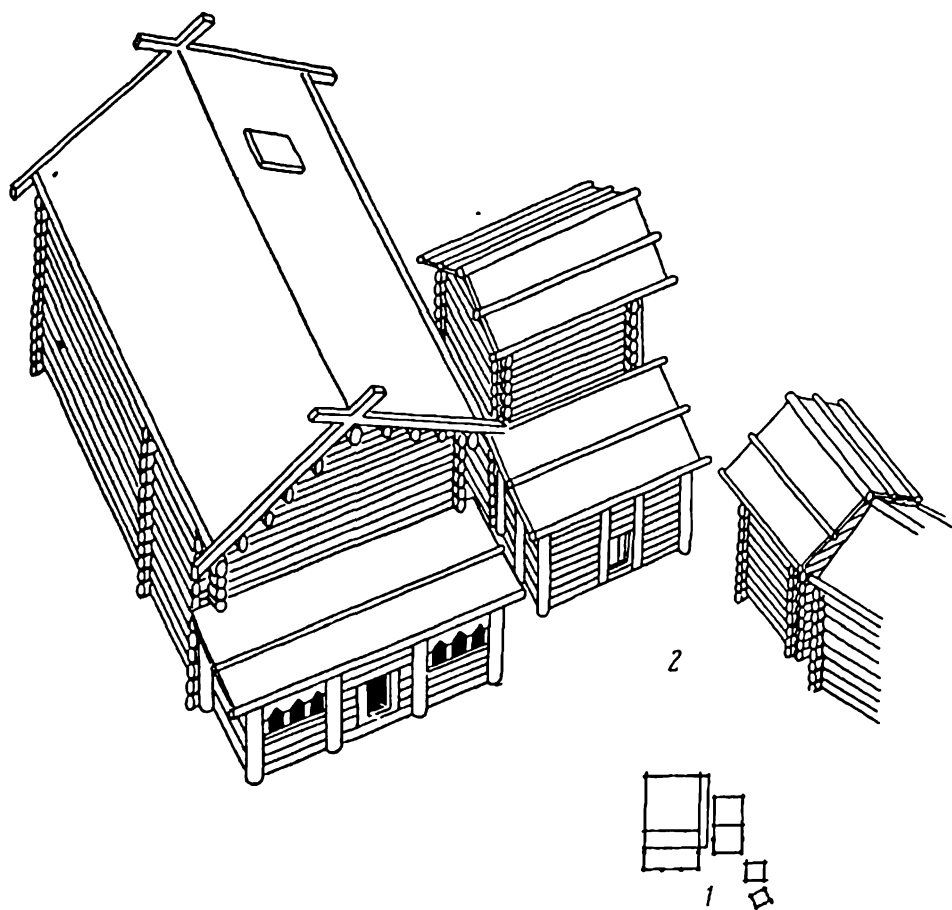

Рис. 88. Постройка Е17А.

1 — схематический план; 2 — реконструкция (общий вид).

Но при этом, как мы уже отмечали, основной принцип решения самого дома, прием его внутренней компоновки, на протяжении почти трех веков оставался неизменным. Во всех рассмотренных выше постройках сам дом богатого посадского человека всегда представлял собой пятистенный сруб с обширной повалушей и узким отделением, примыкавшим к повалуше, в котором внизу располагались проходные помещения, а сверху — спальные горпицы. Нет никаких признаков какого-либо изменения этой компоновки. Причина такой устойчивости — предельная разумность этого приема при отоплении жилища по-черному. Пока дом отапливался черной печью, невозможно было изобрести более

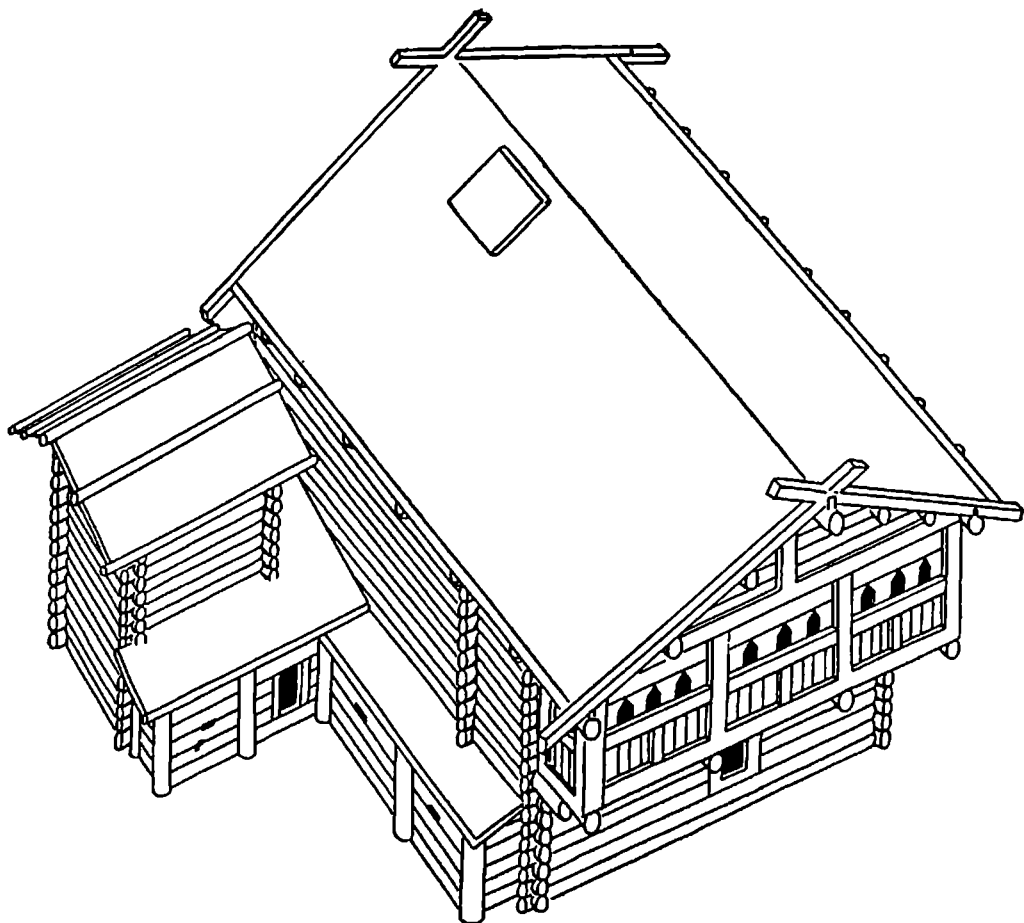

Рис. 89. Постройка И16И. Реконструкция. Общий вид.

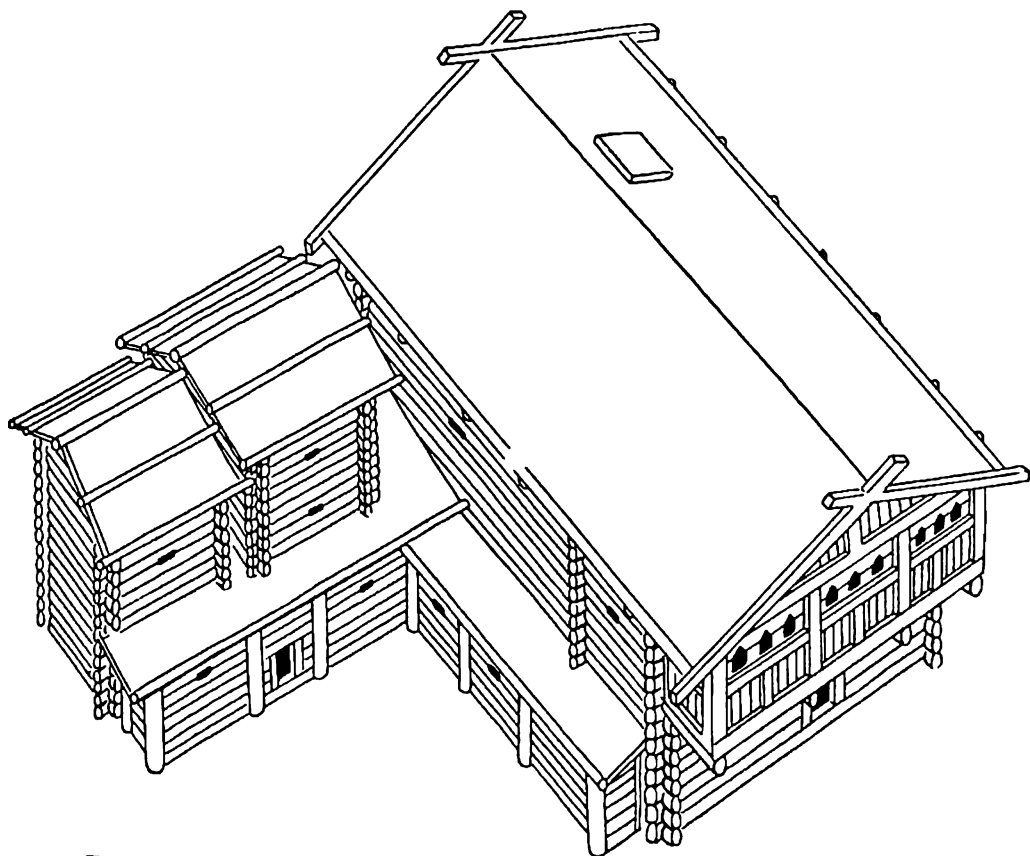

Рис. 90. Постройка Е15Н. Реконструкция. Общий вид.

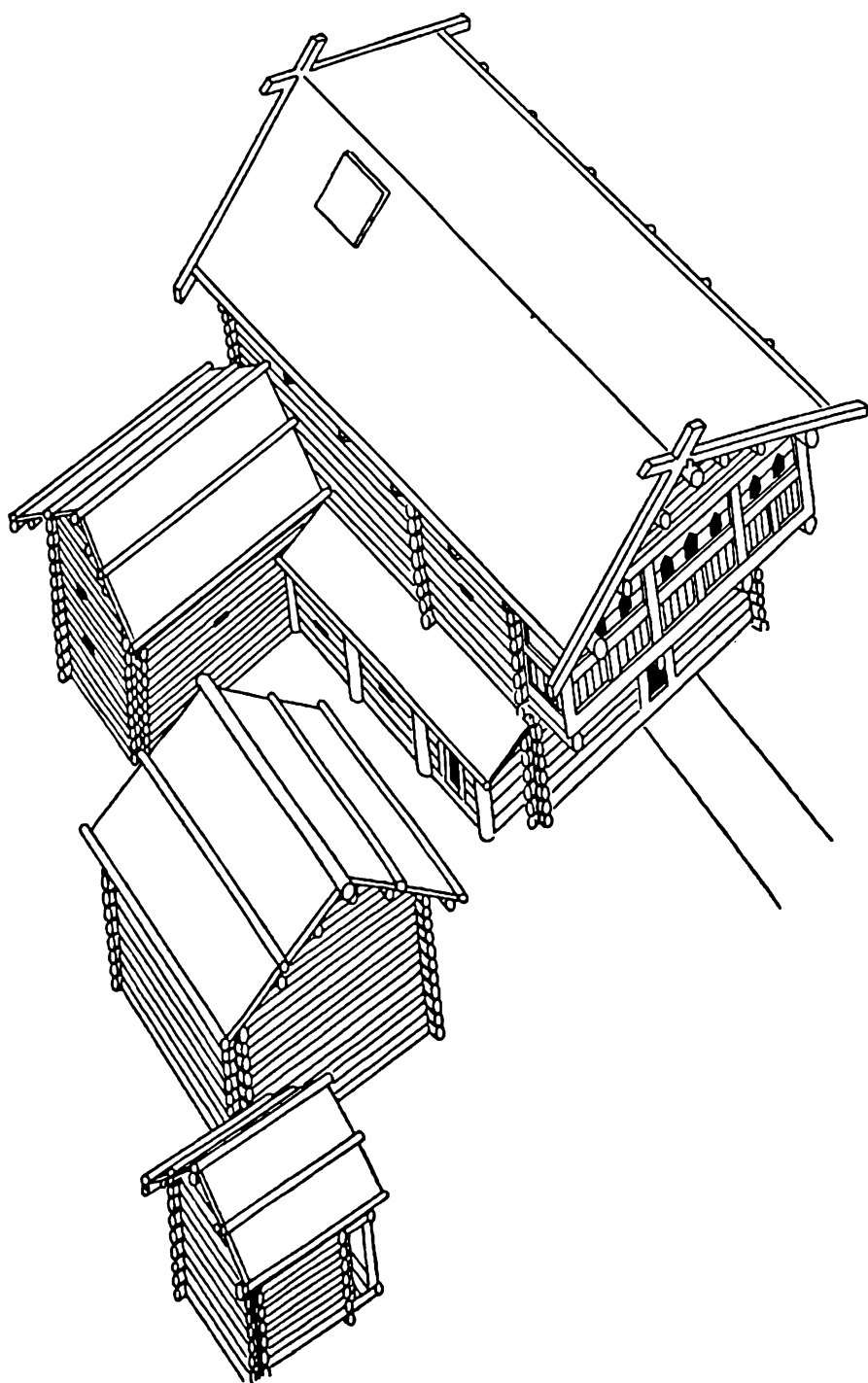
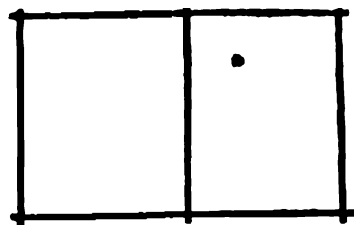

Рис. 91. Постройка Д13С, Реконструкция. Общий вид.

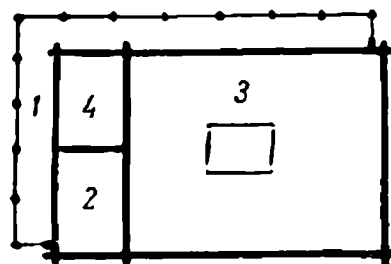
удачное расположение внутренних помещений богатого посадского дома. Оно могло коренным образом измениться лишь в связи с введением в такого рода жилищах отопления по-белому.

В некоторых, довольно редких случаях, судя по открытому раскопками материалу, дом такого типа, сохраняя всю его внутреннюю компоновку, поднимали на подсобный нижний этаж. Остатки построек такого типа — Д19А, И18М, Д18Б — относятся к XII в. В то же время к строениям такого же типа относилась и постройка А22Д, датированная последней четвертью XI в.

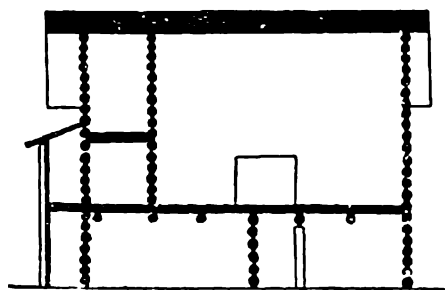
Постройки Х19А и И13А были признаны археологами жилыми домами, но одноэтажными, и истинное назначение сохранившихся остатков их поэтому не было установлено.¹³⁴ В интерпретации этих построек археологи следовали установившемуся шаблону, рассматривая их как поземные. Но, однако, нельзя не заметить коренного отличия плана сохранившейся части постройки Д19А от планов обычных посадских жилых зданий (рис. 92, А). Внутренняя стена делит этот сруб на две примерно равные части. Это было отмечено П. И. Засурцевым, но все же, не найдя, по-видимому, объяснения такому обстоятельству, П. И. Засурцев, несмотря на всю его важность, не принял его во внимание и рассматривал постройку Д19А как одноэтажный дом с рублеными сенями.¹³⁵ Остатки печи, найденные в северо-восточном углу одной из камер, он принял за развал печи, якобы стоявшей в этом углу, подкрепив этим свою интерпретацию данной постройки. Мы тоже считаем эту постройку жилой, однако не можем принять ее толкование, данное П. И. Засурцевым. В этаже, основание которого сохранилось, не было помещения для повалуши (восточное отделение

А

Б

В

Рис. 92. Постройка Д19А.

А — остатки (схематический план).
Б — схема плана второго этажа (гипотетическая реконструкция): 1 — галерея; 2 — проход в повалушу; 3 — повалуша; 4 — проходное помещение со входом в горницу.
В — предполагаемый разрез (схема).

¹³⁴ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки..., с. 113. Постройка И18М никак не была определена.

¹³⁵ Там же, с. 113—114.

сруба, где были найдены обломки печи, слишком мало). Не было в нем и узкого отсека, в верхней части которого можно было бы расположить горницы. Предполагать, что мы имеем дело с каким-то не встречавшимся ни ранее, ни позднее особым видом жилища, нет оснований и нет никакой надобности, так как необычный план остатков этой постройки очень легко объяснить, если признать, что он принадлежит не самому жилью, а нижнему этажу, служившему подсобным целям. Планировка низа была, как можно догадаться, продиктована прежде всего конструктивными соображениями. Поднимая жилище на подсобный этаж, строители должны были обеспечить незыблемость основания печи повалуши. Требовалось не только, чтобы пол повалуши выдерживал тяжесть самой печи, время от времени этот пол подвергался еще значительной нагрузке от веса людей, собиравшихся в повалуше, причем нагрузка порой в некоторой ее части становилась не статической, а динамической, т. е. могущей вызвать зыбь пола. Даже незначительные колебания пола, отражаясь на печи, стоящей в его центре, могли бы привести к ее быстрому разрушению. Этим вполне объясняется то обстоятельство, которое может на первый взгляд показаться странным, что рубленую стену нижнего этажа подвели под печь, а не под стену верхнего этажа. Нужно учитывать, что внутренняя рубленая перегородка второго этажа, отделявшая узкий отсек сруба от повалуши, не могла просесть или деформироваться от того, что она опиралась только на боковые стены сруба. При пролете в 5.5 м каждое из ее целых бревен могло бы рассматриваться как балка, способная, не прогибаясь, выдержать не только собственный вес, но и большую дополнительную нагрузку, а все эти бревна были связаны с продольными стенами сруба, и благодаря этому переруб опирался на боковые стены сруба по всей их высоте, передавая нагрузку не на один венец, а на всю стену. Поэтому прочность переруба такого пролета практически не страдала от того, что он начинался не от земли, а на некоторой высоте от нее. Все это древним плотникам было несомненно прекрасно известно.

Как можно видеть из чертежей (рис. 92, Б, В), устроенный для поддержки печи переруб оказался кемного не на месте — он смещен от центра тяжести печи, и, видимо, поэтому строителям пришлось потом дополнить его особой добавочной балкой, подпертой снизу двумя столбами. Поскольку нижние помещения служили подсобным целям, ход в жилой этаж шел, очевидно, через галерею по наружной лестнице. Есть основания думать, что галерея была висячей и заходила на одну из боковых сторон дома, где вблизи торца повалуши у тына, ограждавшего двор, могла заканчиваться отхожим местом (рис. 93). Не исключено, что галерея около горниц могла иметь два яруса, так как в первой половине XII в., как мы предполагали, обычай устраивать галерею при горницах

успел получить распространение. Однако в данном случае у нас нет особых причин настаивать на возможности двухъярусной галереи.

Вблизи этой постройки раскопки не открыли никаких хозяйственных строений, и, надо полагать, что складское помещение, заменявшее клеть, в этом доме помещалось в его нижнем этаже. Найденные археологами в нижнем этаже остатки печи, очевидно,

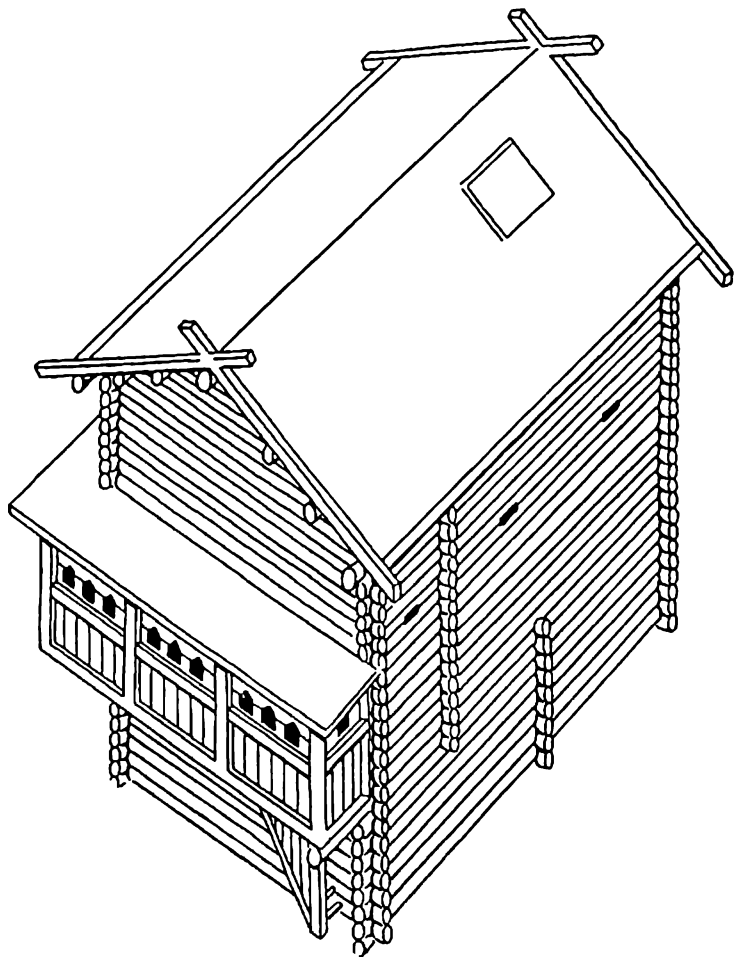

Рис. 93. Постройка Д19А. Предполагаемый внешний вид (схема).

попали туда при разрушении дома, провалившись из повалуши. Никаких следов печи в нижнем этаже не было.

Постройка И18М (рис. 94), судя по ее остаткам, была в общем аналогична предыдущей. Следов столбов в нижнем этаже здесь не оказалось; это легко можно объяснить либо тем, что при разорении здания их выкопали из земли, либо тем, что здесь строители обошлись без них. Нельзя не обратить внимание на сосредоточение подкладок под одним из торцов окладного венца этого дома. Мы уже говорили, что в состав причин, вызывавших применение подкладок под срубы, могла входить и неравномерность нагрузки

на их основания. В данном случае, по-видимому, именно это имело место. Естественно предположить, что стена, основание которой было усилено подкладками, являлась передней, на нее вы-

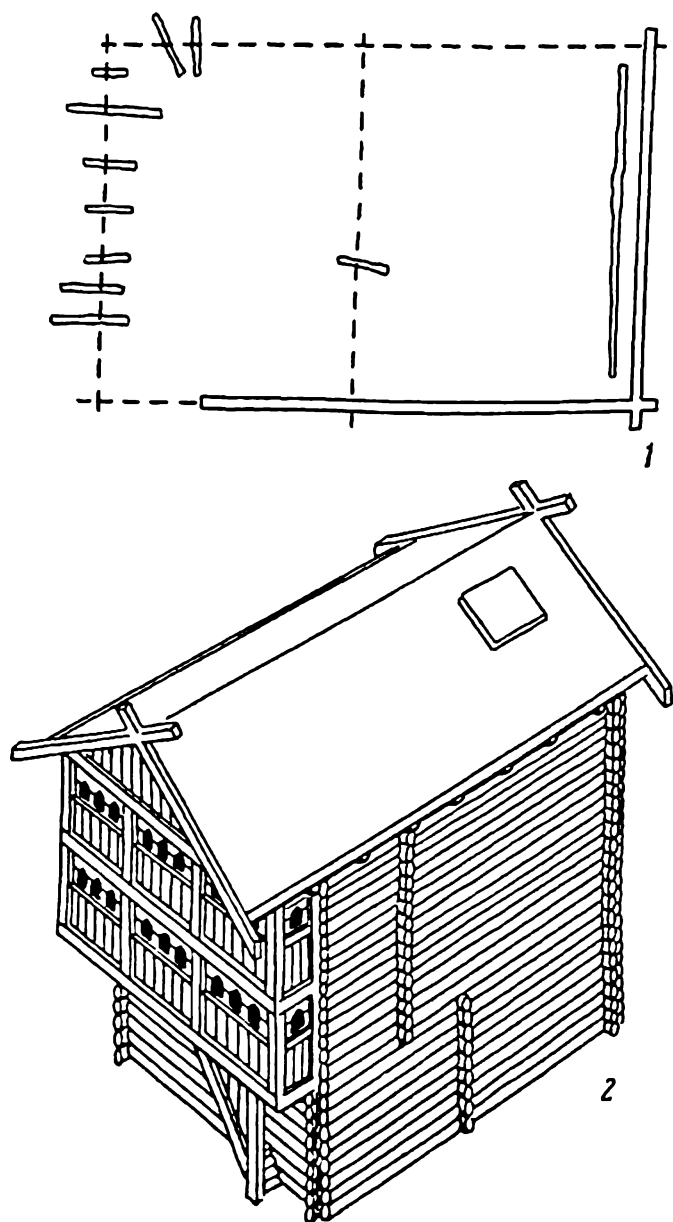

Рис. 94. Постройка И18М.

1 — схематический план остатков; 2 — предполагаемый внешний вид (схема).

ходили висячие галереи. Висячая галерея отягощала стену, на которую опиралась, причем она особенно значительно увеличивала нагрузку на ее основание, если была двухъярусной и, кроме того, подведенной под щипец общей крыши дома. В последнем случае

ее наличие не только могло, а должно было вызвать усиленную осадку нагруженного ею торца сруба. Эти соображения дают нам достаточно серьезное основание думать, что если галерея постройки Д19А, не имевшей под срубом подкладок, скорее всего была все же одноярусной, то галерею при доме И18М следует представлять двухэтажной.

По-видимому, к тому же типу относилась и постройка Д18Б (рис. 95). Сохранившееся основание ее отличалось от описанных

выше только тем, что средняя стена не совпадала с серединой сруба в еще большей мере, чем в предыдущих случаях. Если вспомнить, что в постройке Д19А, в которой переруб делил нижний этаж на почти равные

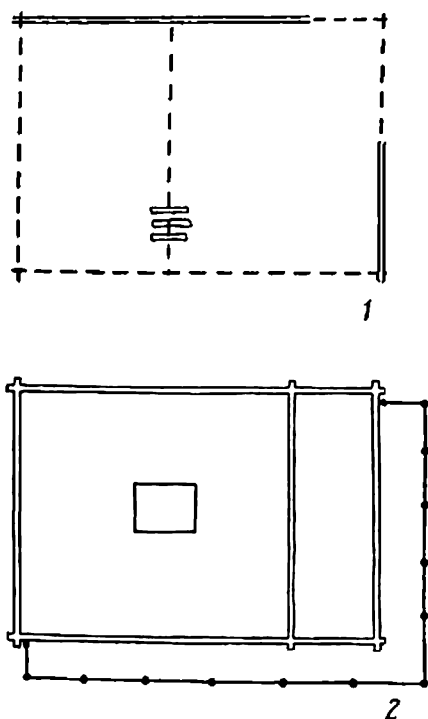

Рис. 95. Постройка Д18Б.

1 — остатки (схематический план);
2 — схема плана второго этажа
(гипотетическая реконструкция).

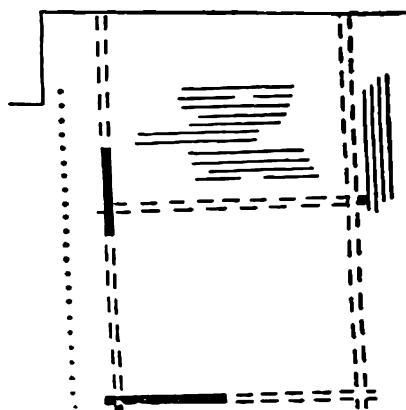

Рис. 96. Постройка А22Д.
Схематический план остатков.

части, он оказался не совсем на месте и из-за этого пришлось устанавливать внизу столбы, то смещение средней стены нижнего этажа постройки Д18Б можно объяснить тем, что на этот раз строители рассчитали положение переруба так, чтобы он поддерживал печь в ее центре тяжести.

Подобна описанным была, видимо, и постройка А22Д (рис. 96). Археологам она никак не была определена.¹³⁶ П. И. Засурцев отметил, что комплекс находок, связанных с этим домом, «свидетельствует о зажиточности его хозяина».¹³⁷ В одном из помещений нижнего этажа был обнаружен водосборник — наглядное

¹³⁶ Там же, с. 92.

¹³⁷ Там же, с. 93.

указание на причипу, побудившую поднять этот дом на подсобный этаж, — сырость почвы.¹³⁸

Среди остатков, вскрытых раскопками Неревского конца, было основание еще одной постройки — И13А, которую можно отнести к домам такого же типа. Однако это основание имеет особенности, которые позволяют думать также, что оно принадле-

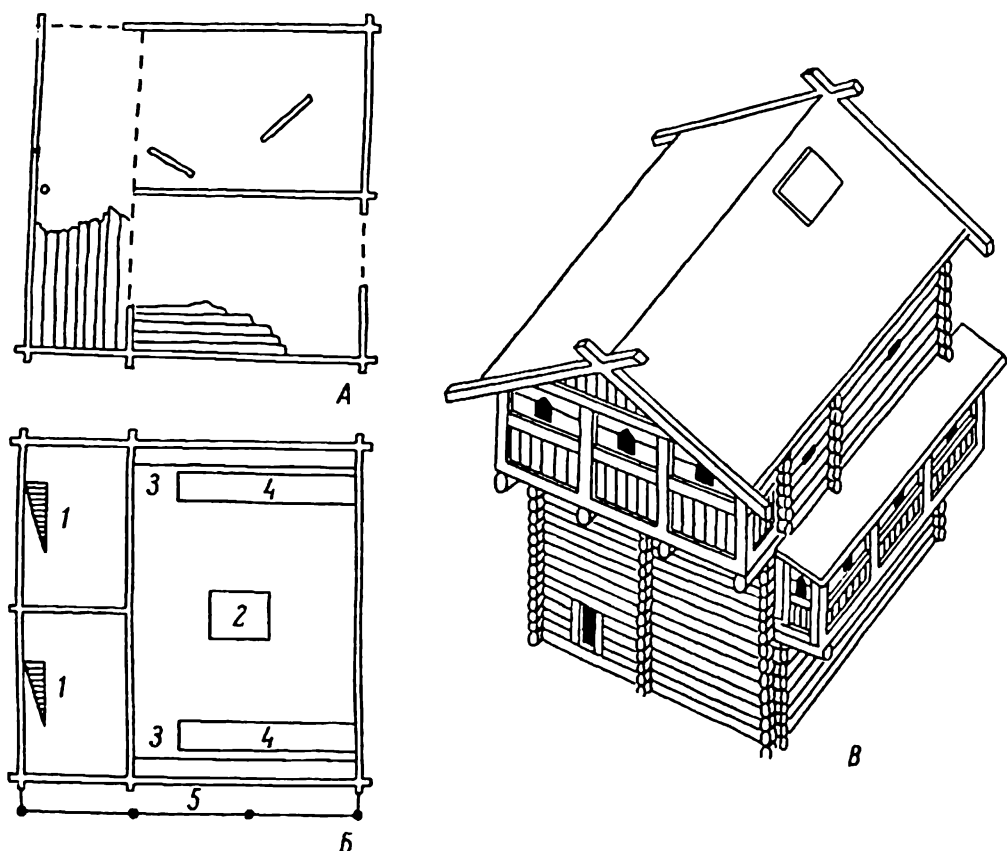

Рис. 97. Постройка И13А.

А — остатки (схематический план). Б — схема плана второго этажа (гипотетическая реконструкция): 1 — лестницы; 2 — печь; 3 — лавки; 4 — столы; 5 — галерея. В — внешний вид (гипотетическая реконструкция).

жало строению иного рода, а именно повалуше, занимавшей отдельный сруб и стоявшей на подпавалуше (о таких повалушах мы будем говорить ниже). Первое предположение более вероятно, но мы все же не можем окончательно отвергнуть второе, не упомянув о нем и не определив степень его вероятности.

П. И. Засурцев определил постройку И13А как одноэтажный «трехкамерный дом»,¹³⁹ не уточняя этого выражения, т. е. не разъяснив назначения «камер» и смысла такой планировки (рис. 97). С нашей точки зрения, в те времена трехкамерная планировка

¹³⁸ Там же, с. 92.

¹³⁹ Там же, с. 139.

дома не имела места в действительности и не могла иметь. Открытое основание этой постройки могло принадлежать лишь нижнему этажу пятистенного дома или, быть может, как мы уже сказали, отдельной повалуше. Вероятность первого предположения очевидна: при большой ширине сруба желание подвести переруб не только под печь, но и под стену, отделявшую повалушу от горниц, вполне естественно. При этом, как можно видеть из плана, всходить в повалушу можно было по лестнице, расположенной уже не снаружи, а внутри сруба, что давало очевидные преимущества. Единственно, что кажется необычным для пятистенного дома, — квадратные пропорции сруба, вследствие которых повалуша должна была растянуться в ширину, тогда как почти всегда сруб древненовгородского богатого дома-пятистенки имел несколько вытянутые пропорции, а повалуша в плане приближалась к квадрату. Однако нужно отметить, что были все же и до этого случаи, когда сруб такого дома имел план почти квадратный, а повалуша оказывалась значительно раздвинутой в ширину. Сруб дома К27А был совершенно квадратным. Близкую к квадрату конфигурацию имели срубы пятистенок И24А и В15Р. Расширенные повалуши были, кроме того, в постройках Е27В, А25А, Б20Е, Д20В, Д17А. Нужно отметить здесь, что им, по всей вероятности, придавали такие пропорции не случайно, а потому, что это позволяло сделать между печью и столами более широкие проходы, что несомненно вносило некоторые удобства. Таким образом, отмеченная особенность плана постройки И13А не позволяет отвергнуть предположение, что это был дом-пятистенка. В очертания открытого раскопками основания без затруднений вписывается план второго этажа с горницами и повалушей. Широкое свободное место вокруг печи в повалуше, может, стало более необходимым, чем раньше, в связи с какими-то особенностями обрядов приема гостей, получившими развитие в XIII в. Ведь дом И13А — последний из домов, имевших повалушу такого типа, и от известных нам более ранних повалуш с квадратным планом его отделяло уже около ста лет.

Построение плана открытого археологами основания дома И13А вполне позволяет предполагать также, что это было подповалушье, т. е. нижней этаж под повалушей, заключенной в отдельный сруб. В то время, к которому относится эта постройка, подобные повалуши уже не были редкостью. Но такому предположению противоречит одно весьма важное обстоятельство. Повалуши, занимавшие отдельный сруб, являлись всегда только частью комплекса, состоявшего еще из горниц и иногда некоторых подсобных помещений, каждое из которых тоже занимало свой отдельный сруб. Постройка же И13А стоит совершенно одиноко — около нее не было открыто оснований других срубов. Можно допустить, что срубы горниц, входивших в комплекс с предполагаемой повалушей, в древности были разобраны до последнего венца и поэтому

следы их оказались полностью утраченными. Однако вероятность такого случая весьма небольшая, а следовательно, столь же невелика и вероятность того, что постройка И13А представляла собой не дом с горницами и повалушей на подсобном этаже, а отдельную повалушу на подповалушье.

Если правильно наше предположение о том, что постройка И13А была пятистепным домом с повалушей и спальнями в одном срубе, то эта постройка и поземные дома-пятистенки Д13С и Д13В — последние примеры богатых посадских жилищ такого типа. В более поздних ярусах Неревского раскопа остатки такого дома встретились только один раз — сравнительно поздняя постройка А6А. Это единственное исключение.

Кроме того, в ярусах 11 и 10 были открыты остатки двух домов-пятистенок (Ж11Я и Б10В), имевших необычного типа повалуши, не встречавшиеся ранее. Печи в этих повалушах располагались в углу, но не ближнем к двери, а дальнем, т. е. так же, как в наиболее бедных массовых избах.

Появление таких построек можно рассматривать как свидетельство того, что память о домах-пятистенках и их достоинствах жила очень долго. Достоинства их — компактность, сравнительная дешевизна и простота возведения, несложность и сравнительная дешевизна содержания такого жилища и ухода за ним, — очевидно, могли привлекать внимание людей, не особенно богатых, тех, кому не по средствам было создавать и содержать хоромы, состоящие из нескольких отдельных срубов с переходами между ними. Может быть, в последнем обстоятельстве и следует искать разгадку беспрецедентного решения повалуш в жилищах Ж11Я и Б10В. Так как во всем котловане раскопок Неревского конца таких построек было открыто только две, можно предполагать, что это были исключительные случаи. Вероятнее всего, что эти два дома строились людьми, лишь незадолго до того вышедшими из состава бедных жителей посада, привыкших жить в избах наиболее бедного типа и не успевших еще оставить некоторых своих старых привычек, свойственных их прежнему образу жизни. Такое предположение можно подтвердить еще одним обстоятельством. Постройка Ж11Я исключительна также и по ее расположению по отношению к улице. Она — единственный пример постановки пятистепного дома горницей к улице, а повалушей в глубь участка. Насколько можно видеть по примерам всех других построек, дома состоятельных новгородцев так никогда не ставились.

Объяснять необычную планировку этих двух повалуш тем, что за те полстолетия, в течение которых дома-пятистенки совсем не строились, представление о них стало иным, было бы, по нашему мнению, натяжкой. Постройка А6А показывает нам, что память о былых прадедовских пятистепных домах великолепно сохранялась почти через полтора столетия после того, как

эти дома вышли из практики строительства. Однако случаи возведения жилищ такого типа, очевидно, остались все же чрезвычайно редкими исключениями из общего правила.

Начиная примерно с 15-го яруса картина остатков застройки жилых дворов Неревского конца, открываемая раскопками, стала быстро изменяться. Места не очень многочисленных, но зато, как правило, крупных жилых домов с этого времени заняли группы многочисленных срубов, лишь небольшая часть которых могла бы соперничать своей величиной с былыми домами-пятистенками.

Сущность этого изменения, как и причины и последствия его, после того как нами был уже прослежен путь предшествовавшего развития богатого посадского жилища, нетрудно угадать. Корень происшедших перемен сводился к тому, что в это время горницы стали устраивать не в одном срубе с повалушей, а в отдельных срубах, связанных с повалушами только переходами (галереями).

Первые богатые посадские хоромы нового типа на части Неревского конца, изученной археологами, появились, как можно судить по материалу раскопок, на усадьбе «Б», т. е. во дворе семейства посадских людей, выделявшегося своим богатством, а также многочисленностью взрослых самостоятельных членов. На этом дворе в ярусах 19 и 18 раскопки открыли остатки больших пятистенных домов, а также остатки клеток и других весьма немногочисленных подсобных дворовых строений. Но уже в ярусе 17 картина на этом участке стала другой. Там оказались остатки только одного пятистенного дома, а главное место заняли уже группы небольших срубов, которые безоговорочно можно было бы принять за части богатых посадских хорм нового типа, если бы при них сохранялись остатки повалуш. Однако только в ярусе 16 при одной из этих групп строений (Б17И, Б17Ж и Б17Е) появилась постройка, которую мы можем принять за повалушу (Б16В). Основание ее сруба находится в таком положении по отношению к срубу Б17И, что возникает сомнение — могли ли они существовать одновременно (рис. 98). По-видимому, ко времени создания постройки Б16В сруб Б17И был уже уничтожен и, может быть, возобновлен в несколько ином положении. В тот же период на этом дворе были срублены еще два новых пятистенных дома (Б16Б и Б16З). Создается впечатление, что первый комплекс хорм нового типа на этом дворе (группа срубов Б17И, Б17Ж,

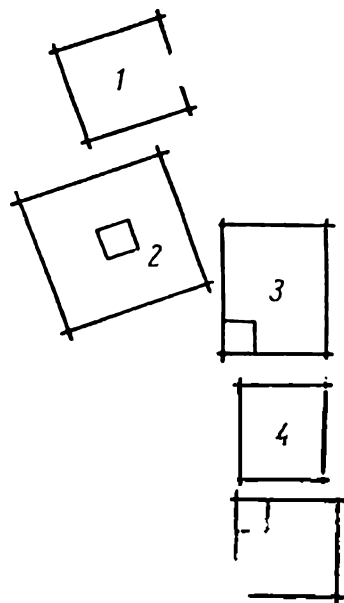

Рис. 98. Хоромы в ярусах 17 и 16.

1 — Б16Г; 2 — Б16В;
3 — Б17И; 4 — Б17Ж;
5 — Б17Е.

Б17Е, Б15В и Б16Г) складывался не сразу, а в ходе ряда пристроек и перестроек, что он явился результатом поисков, не всегда удачных и, быть может, на первых порах не получивших одобрения со стороны всех самостоятельных членов семейства, владевшего двором.

Однако в ярусе 15 на этом дворе уже не было открыто остатков ни одного пятистенного дома, а оказались только следы ряда групп четырехстенных строений. Эти группы или по

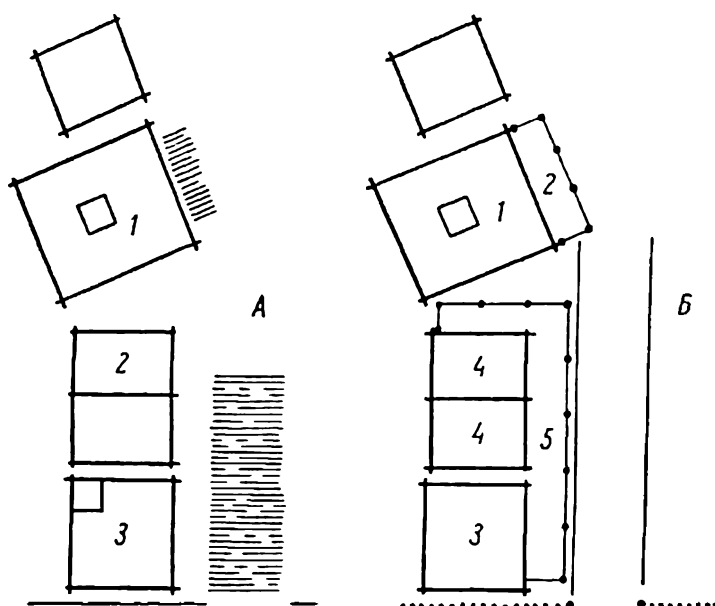

Рис. 99. Хоромы в ярусе 15.

А — остатки (схематический план): 1 — Б16Б; 2 — Б15И; 3 — Б15Ж. Б — схематический план (гипотетическая реконструкция): 1 — повалуша; 2 — сени; 3 — горница; 4 — клеть; 5 — галерея.

крайней мере часть их, без сомнения, представляли собой комплексы богатых посадских хором нового типа. Это ясно из того, что жилищ старого типа здесь уже совсем не было. В ярусе 15 продолжал жить и по-прежнему трансформироваться тот комплекс, который складывался уже с яруса 17 и теперь содержал в себе строения Б15Ж, Б15И и Б16Б (рис.99). За хоромы нового типа можно принять группы срубов Б15В, Б15Е, Б15А (рис.100) и Б15Н, Б15М, Б15Ъ, Б15Ч (рис.101). Срубы Б15Х, Б15К и Б15Л тоже, быть может, составляли хоромный комплекс, в который могли входить еще и срубы Б15З и Б15У.

Первые из упомянутых уже нами групп строений, составлявших, по нашему предположению, комплексы хором, трудно реконструировать, хотя бы даже только в общих чертах, приблизительно и гипотетично. Хоромы, при которых повалуша располагалась в срубе Б16В, как мы уже отметили, по-видимому,

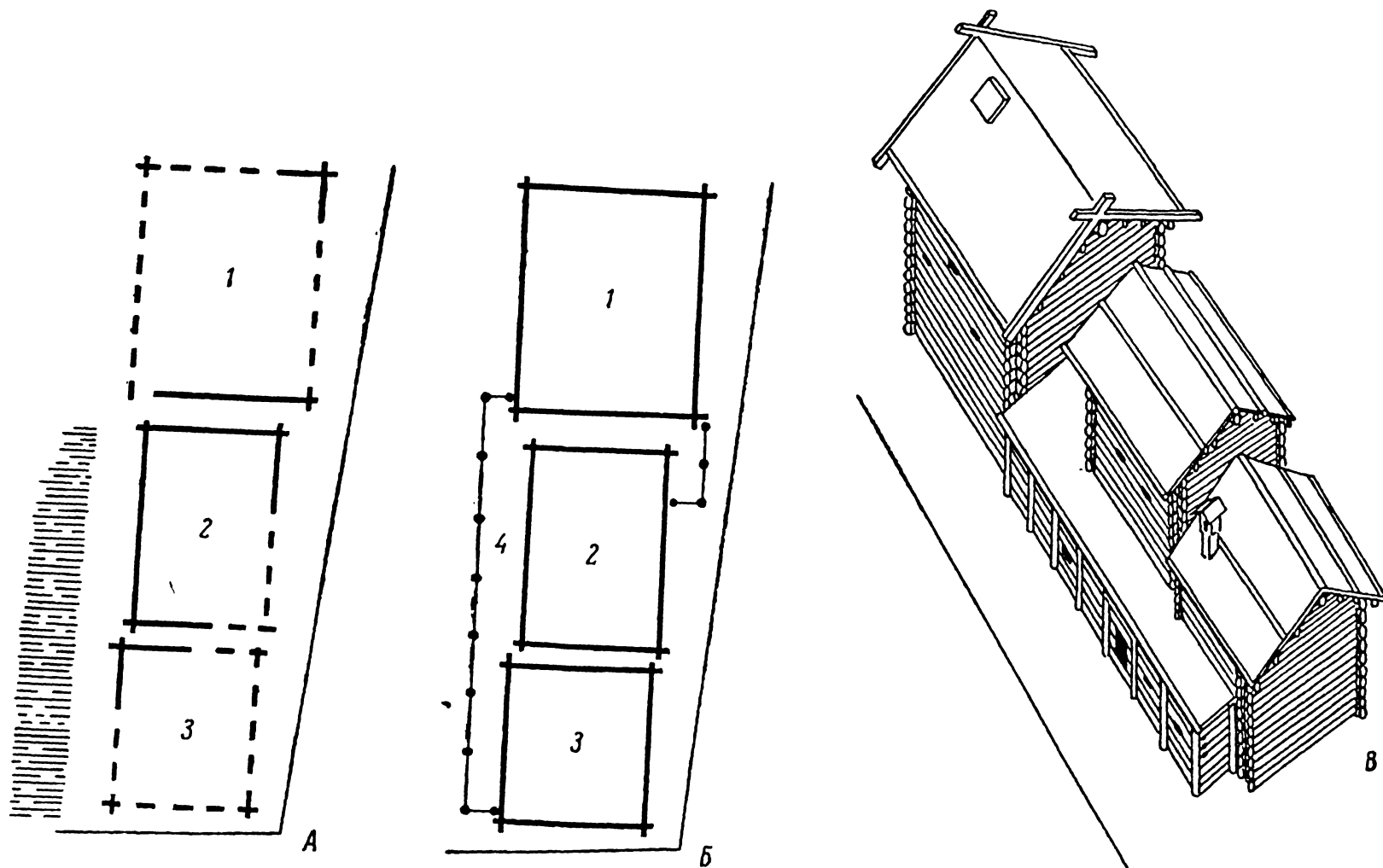
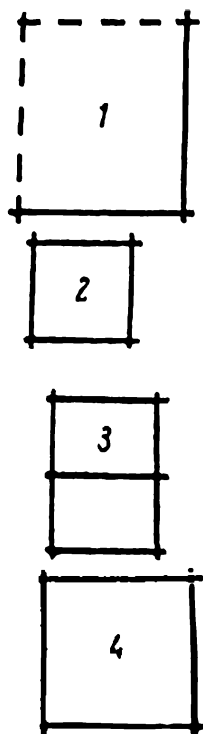

Рис. 100. Хоромы в ярусе 15.

А — остатки (схематический план): 1 — Б15В; 2 — Б15Е; 3 — Б15А. **Б** — схематический план (гипотетическая реконструкция): 1 — повалуша; 2 — клеть; 3 — горница; 4 — галерея. **В** — внешний вид (гипотетическая реконструкция).

неоднократно изменялись, причем невозможно точно уловить все этапы трансформации этого комплекса, определить состав, расположение и назначение отдельных частей в разные моменты его существования. Далеко не всегда представляется возможность установить назначение отдельных срубов хором в упомянутых нами ранних комплексах построек Б16Б, Б15Ч, Б15И. Самые ранние из комплексов трудно поддаются реконструкции, как мы думаем, еще и потому, что в пору поисков новой компоновки жилища отдельные решения не всегда были вполне логичны,

так что архитектурная логика для разгадки первоначального устройства этих комплексов не во всех случаях может служить достаточно надежной дополнительной опорой исследования. Впрочем, нужно оговориться, что остатки богатых посадских хором не только ярусов 17—15, но и более поздние тоже не всегда поддаются определению толкованию и реконструкции. Не только вначале, но и в последующее время компоновка этих хором была довольно разнообразной, и вследствие этого при реконструкции их невозможно опираться на какой-то один шаблон. Мы не будем пытаться давать интерпретацию каждому из комплексов, а рассмотрим лишь несколько характерных примеров: комплекс построек Б15В, Б15Е, Б15А; комплекс Б16В,

Рис. 101. Хоромы в ярусе 15.

1 — Б15И; 2 — Б15М; 3 — Б15Б; 4 — Б15Ч.

Б15И, Б15Ж; комплекс, образованный постройками 14Б, 14Г и стоявшей между ними постройкой, не получившей обозначения из-за плохой сохранности; комплекс срубов 13А, 13Б, 13В; комплекс срубов А13А, А13Б, А13Г, А13Д; обширный комплекс построек на участке «Б» в ярусе 12.

О постройках Б15В, Б15Е и Б15А мы можем с уверенностью сказать, что повалушей из этих трех срубов мог являться лишь сруб Б15В, самый большой по величине, почти квадратный в плане (рис. 100). Два других сруба, очевидно, служили помещениями горницы и клетки, но из-за отсутствия данных трудно определить, который из них был горницей, который — клетью. Нам представляется, что горницей скорее являлась квадратная в плане постройка, а клетью вытянутая. Вымостка, идущая по двору от ворот в направлении повалуши, отстояла от срубов хором на ширину, примерно равную средней ширине галерей. Это говорит о том, что между вымосткой и срубами, вероятно,

была галерея, так как полоса грязной земли перед хоромами представляла бы собой нелепость. Расположение входа в повалушу и отхожего места мы избрали произвольно, руководствуясь лишь стремлением к возможной компактности и удобству расположения реконструируемых частей, т. е. соображениями, которые всегда были характерны для строителей древнерусского жилища.

На рисунке реконструкции объемной компоновки хором мы показали клеть двухэтажной, а горницу одноэтажной, но должны оговориться, что горница могла быть поднята на подызбицу.

Группа построек Б16В, Б15И и Б15Ж, судя по ее остаткам, была во многом похожа на только что рассмотренную (рис.99). Существенное отличие ее в том, что повалуша оказалась в положении, не параллельном срубам горницы и клетки. Разрыв между дворовой вымосткой и хоромами, как и в предыдущем случае, позволяет предполагать, что с этой стороны перед хоромами находилась галерея. С этой же стороны был вход и в повалушу — об этом свидетельствуют как положение печи повалуши (печь обычно ближе придвигалась к задней стене), так и остатки настила у западной стены повалуши. Взаимное расположение повалуши и пристроенных к ней срубов хором не позволяет думать, что примыкавшая к горнице галерея соединялась с повалушей. Это неудобство было, надо полагать, вызвано тем, что положение повалуши оказалось случайным в результате перестроек и перекомпоновок комплекса. Судя по сохранившейся части настила перед повалушей, вход в нее был отдельный, со двора, через столбовые сенцы.

Срубы А14Б и стоявший рядом с ним, от которого сохранились лишь остатки пола, несомненно представляли собой части единого комплекса. Это предполагал Б. А. Колчин.¹⁴⁰ Мы присоединяемся к его мнению и думаем, кроме того, что к тому же комплексу относился и сруб А14Г (рис.102). К сожалению, плохая сохранность следов постройки, занимавшей угол двора, не позволяет с желательной определенностью установить назначение каждого из срубов. Постройку А14Б А. В. Арциховский признал мастерской ювелира, основываясь, очевидно, на составе находок, связанных с ней.¹⁴¹ Однако такого рода находки не исключают и того, что это могла быть повалуша. Выше мы уже высказывали предположение, что повалуша помимо ее почетного назначения — периодически служить для встречи и угощения посещавших дом гостей — использовалась еще и в повседневном быту. В составе жилых комплексов, особенно в старых

¹⁴⁰ Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Тр. Новгородск. археол. эксп., I. МИА, № 55, 1956, с. 86.

¹⁴¹ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. Там же, с. 23.

домах-пятистенках, обычно это было самое обширное помещение; естественно, что оно должно было представлять собой место сбора семьи, место, где готовилась пища, где ели за общим столом, где выполняли домашние работы, а в доме ремесленника, не имевшего особого помещения для мастерской, в тех случаях, когда характер производства позволял, оно могло заменять и мастерскую. Поэтому сам по себе факт обнаружения в постройке А14Б предметов, характерных для ювелирной мастерской, не исключает того, что данная постройка могла быть повалушей, использовавшейся для производственных целей. Этому, однако, противоречат в не-

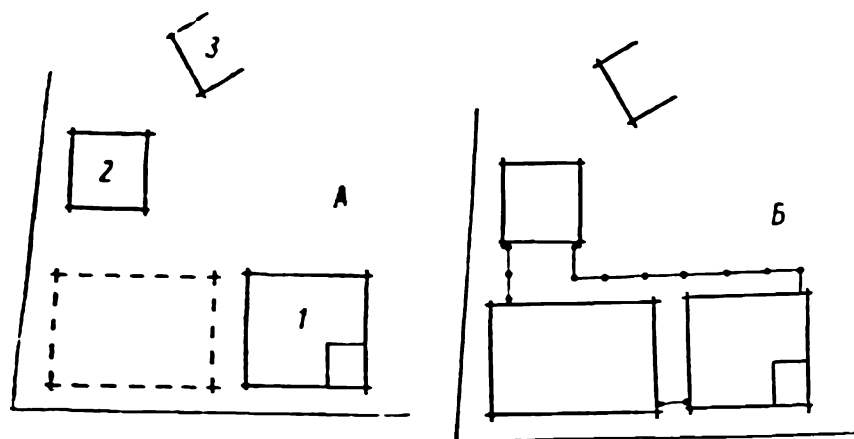

Рис. 102. Хоромы в ярусе 14.

А — остатки (схематический план): 1 — А14Б; 2 — А14Г; 3 — А14Д.
Б — схематический план (гипотетическая реконструкция).

которой мере другие обстоятельства. Первое из них — взаимное расположение входа и печи. Правда, прямых данных о расположении двери у нас нет, а косвенные не совсем определены. Однако все же дверь скорее всего должна была выходить в галерею, а галерея, по-видимому, примыкала к срубу с севера-восточной стороны. В таком случае печь оказывалась у задней стены помещения, в одном из углов, противоположных входу. Как уже было отмечено, такое положение печи было совершенно нехарактерно для повалуш. Но полной уверенности в том, что здесь мы имеем дело с таким же исключительным случаем, как в описанных выше постройках Ж11Я и Б10В, нет. Вторым обстоятельством можно считать то, что сруб А14Б это не наиболее крупный из срубов комплекса, как следовало бы, если бы в нем помещалась повалуша. Рядом стоявший сруб показан на чертежах более обширным. Однако, учитывая плохую сохранность находившихся на этом месте остатков, мы не можем категорически утверждать, что к северо-западу от сруба А14Б был один сруб, а не два. Таким образом, признать с уверенностью, что на этом месте находилась повалуша, мы тоже не можем. Кроме того, отнюдь не исключено, что постройки данного комплекса могли быть двухэтажными и сохранив-

шие остатки говорят нам лишь о помещениях нижних этажей, имевших подсобное назначение. Определенно ответить на этот вопрос мы тоже не можем. Тем не менее, несмотря на неясность назначения срубов, достаточно очевидно, что они составляли один жилой комплекс. Постройку А14Г П. И. Засурцев назвал амбаром-кладовой. По его свидетельству, в ее остатках оказалось обугленное зерно и «масса хозяйственного инвентаря». Мы останемся в полном согласии с этими данными, если назовем эту постройку клетью.

С гораздо большей определенностью можно судить о комплексе построек Б13А, Б13Б и Б13В (рис. 103). Большая величина постройки Б13А позволяет признать ее повалушей. Сруб Б13Б в таком случае, очевидно, был горницей. Постройка Б13В, по всей вероятности, служила клетью. К северу от сруба Б13Б были найдены остатки сеней шириной 3 м.¹⁴² Вполне правдоподобно, что эти сени, как предполагал П. И. Засурцев, не заходили за линии стен сруба Б13Б. Со срубом же Б13В сени могли быть связаны особой галерейкой. Надо полагать, что галерея была и с обратной стороны дома, где в конце ее могло находиться отхожее место.

Комплекс построек, располагавшихся в ярусе 13 на участке «А», состоял из четырех срубов (рис. 104). Самый большой из них — А13А — мы принимаем за повалушу. Установить назначение трех остальных построек затруднительно. В остатках сруба А13Б было обнаружено большое количество зерна, «образующего в южном углу сплошной пласт»,¹⁴³ и в то же время кусочки янтаря, слитки меди, медные предметы, тигель, четыре точильных бруска. П. И. Засурцев считал, что в этом помещении была мастерская ювелира, причем в ней, «где-то на полотах» хранилось зерно. С большим основанием можно думать, что это была клеть, тем более что там не оказалось ни малейших следов печи.

Постройки А13Г и А13Д, по мнению П. И. Засурцева, имели хозяйственное назначение. Такой вывод вполне естествен, если принять во внимание взгляды П. И. Засурцева на древнерусское жилище. Считая, что в XIII в. богатый посадский дом служил и местом приема гостей, и местом сбора всей семьи, и местом приготовления пищи, и местом сна и отдыха, П. И. Засурцев, признав повалушу жилищем, мог уже не искать других жилых помещений среди построек комплекса. В то же время в остатках построек А13Г и А13Д не оказалось следов печей. Последнее обстоятельство, вероятно, явилось для П. И. Засурцева решающим основанием для того, чтобы признать эти постройки хозяйственными. Но раскопки неоднократно доказывали нам, что печи жилых зданий могли при сломе дома исчезать бесследно. Такие случаи были нередки, особенно если печи находились в верхнем этаже.

¹⁴² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . , с. 158.

¹⁴³ Там же, с. 126.

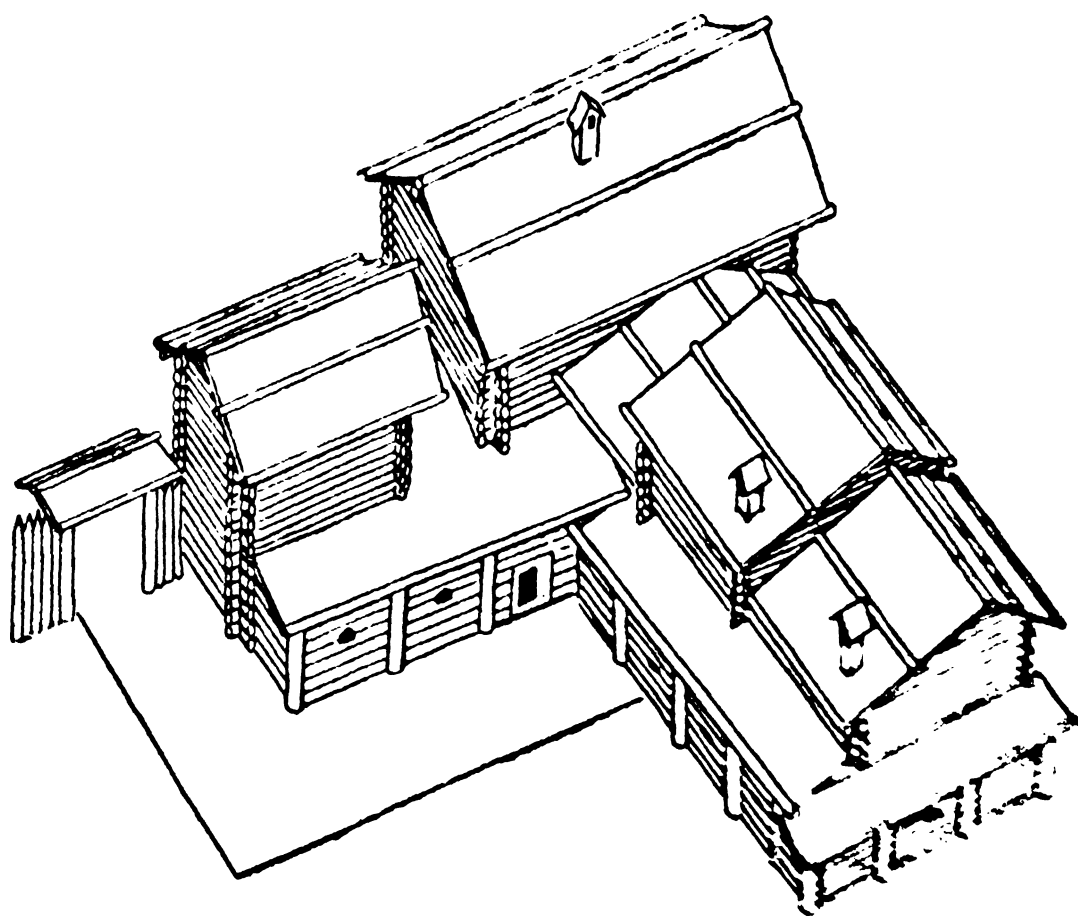
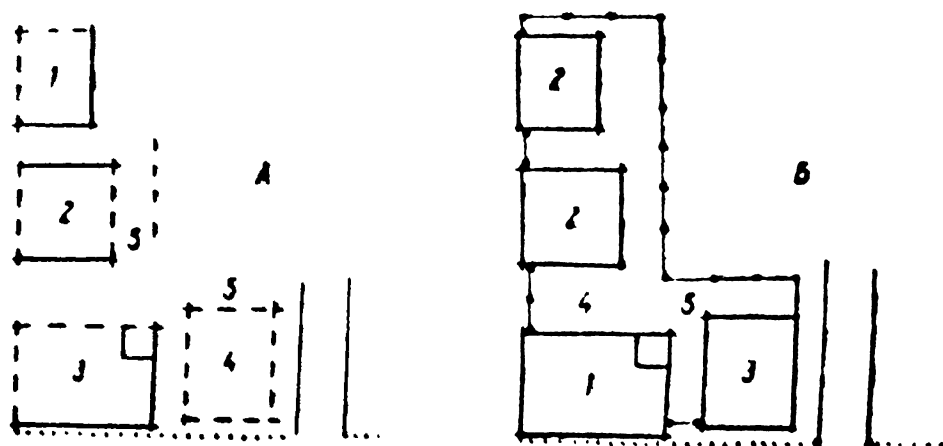

Рис. 104. Хоромы в деревне 13

А - ОГНАТИ (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО
 4 - АИР; 5 - ОИО (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО
 ИЛИ (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО
 4 - ИИО; 5 - ОИО (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО
 ИЛИ (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО
 ИЛИ (ОХАНАТИ) ИЛИ: 1 - АИИ; 2 - АИБ; 3 - ОИО

Мы могли бы, опосываясь на этом, выдвинуть предположение, что постройки А13Г и А13Д были двухэтажными. Однако такому предположению в некоторой мере противоречит сравнительно большое количество срубов этого комплекса, т. е. то, что в составе рассмотренных нами наземных частей комплекса есть уже все помещения, необходимые для дома богатого посадского человека, в их числе и келья. Впрочем, степень богатства могла быть разной и дом посадского человека, выдающегося по своему богатству, мог иметь и несколько большее количество помещений, в чем мы далее убедимся. Таким образом, вопрос об этажности срубов А13Г и А13Д нельзя считать решенным.

Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, показали, что промежуток между срубами А13А и А13Г был заполнен столбовой постройкой. Есть все основания считать, что это был крытый переход, т. е. то, что мы привыкли называть сенями. Из этих сеней, по всей вероятности, был вход в повалушу. Необходимо здесь отметить, что посередине этого места при раскопках были найдены остатки печи (в виде развала, но без опечья). П. И. Засурцев считал наиболее вероятным, что это развал плавильного горна.¹⁴⁴ Однако невозможно допустить, чтобы плавильный горн был расположен так неудачно — здесь он легко мог вызвать пожар. И в других отношениях расположение здесь горна было бы неоправданно и неудобно. Находку здесь остатков разрушенной печи легче объяснить тем, что они попали сюда при ремонте печи в повалуше сруба А13А.

К юго-востоку от сруба А13Г и северо-востоку от сруба А13Б также оказались остатки столбовых пристроек. Мы склонны видеть в них сохранившиеся фрагменты галереи, связывавшей все помещения комплекса.

В ярусе 12 на участке «Б» были обнаружены остатки жилого комплекса, настолько обширного, что его можно было бы на первый взгляд принять за боярское жилище (рис. 105). Отличительные его черты — растянутость хором, вызванная не только большим числом срубов, расположенных в ряд, но и значительным разрывом между группой горниц и повалушей. Этот разрыв, как мы предполагаем, был во втором ярусе занят весьма просторными сенями. Все это следует признать скорее свойственным жилищу боярскому, а не хоромам посадских людей. И все же эти хоромы, по-видимому, принадлежали семейству посадского человека, но очень богатому и многочисленному. В предшествующее время участок «Б» застраивался домами, иногда довольно многочисленными и очень большими, но относившимися, однако, только к типу обыкновенного богатого посадского жилища. Уже в XI в. на этом дворе стояло по три-четыре пятистенных дома, причем некоторые из них (например, Б19Б, Б19Ы, Б18А) отличались весьма круп-

¹⁴⁴ Там же, с. 130.

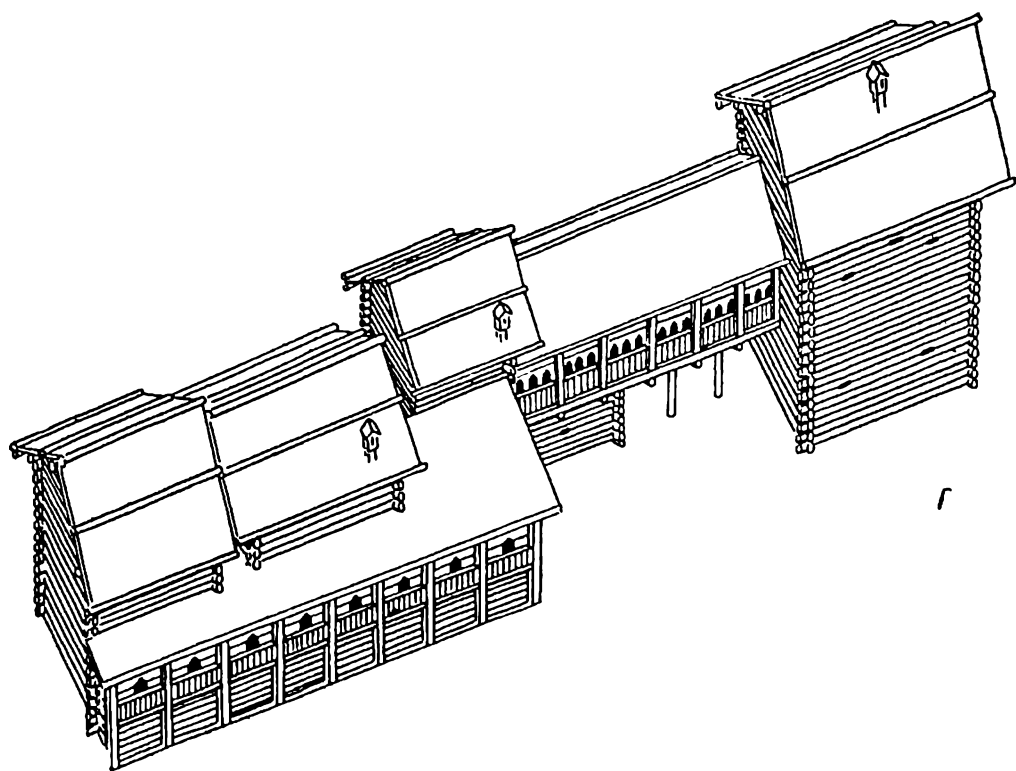

Рис. 105. Хоромы в ярусе 12.

А — остатки (схематический план): 1 — В12З; 2 — В12Д; 3 — В12Г; 4 — В12В; 5 — повалушь; 6 — поцессия. В — план первого этажа (гипотетическая реконструкция): 1 — подпалашка; 2 — сени; 3 — клеть; 4 — горница; 5 — галерея. Г — общий вид (гипотетическая реконструкция).

выми размерами. Дом Б19Ы имел цокольную площадку с ограждением, выступавшим с четырех сторон сруба, т. е., по-видимому, галерея его шла по всем четырем сторонам, что в какой-то степени говорит о его богатой наружной обработке.

Уже с яруса 17—16, т. е. с конца XII в., постройки этого двора стали группироваться в отдельные комплексы, вначале разбросанные по площади двора, затем (в ярусе 15) разделившие двор на две части, а в ярусе 13 распределившиеся по наружному обводу участка так, что середина осталась свободной.

Нет никаких признаков, позволяющих думать, что проживавшее на этом дворе многочисленное и богатое семейство приходило в упадок и было вынуждено продать или иным образом передать свой двор кому-либо. Двор оставался все таким же обширным и обильно застроенным, и есть основания думать, что владельцы участка «Б» к концу XIII в. еще более разбогатели и именно поэтому ими были построены хоромы, напоминавшие некоторыми чертами хоромы феодалов. Мы предполагаем, что среди самых богатейших из посадских людей Руси XIII в. встречались, хотя, вероятно, очень редко, такие, благосостояние и потребности которых позволяли им строить жилища, имевшие черты, напоминающие о боярских хоромах. Поэтому если рассматриваемые хоромы и нехарактерны для обычного посадского строительства, то мы все же должны уделить им место в разделе, посвященном посадскому жилищу как варианту наиболее богатого решения такого рода жилища.

Отметим здесь, что постройки, располагавшиеся по двум другим сторонам двора, имевшего треугольную конфигурацию, не входили в собственно жилой комплекс, а составляли подсобные надворные строения. Постройка Б14М, по определению П. И. Засурцева, — амбар. Соседняя — Б13К, названная П. И. Засурцевым производственным помещением, возможно, являлась поварней; Б13И была признана П. И. Засурцевым коптильной.¹⁴⁵ Постройка Б13П, быть может, являлась баней. К подсобным строениям двора, не входившим в собственно жилой комплекс, можно отнести и постройку Б12А, которую П. И. Засурцев считал амбаром, основываясь на том, что в ее остатках было найдено зерно.

Самый крупный элемент хоромного комплекса — сруб Б123 — представлял собой повалушу на подповалушь.¹⁴⁶ Перерубы, кото-

¹⁴⁵ Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная..., с. 212.

¹⁴⁶ П. И. Засурцев называл эту постройку самым большим домом комплекса. «Нам представляется, что в нижнем этаже этого дома были лавки», — писал он. И далее: «Самая верхняя, центральная часть базиликального дома является светелкой» (Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная..., с. 214). Таким образом, по П. И. Засурцеву, это был трехэтажный дом базиликального плана во всех этажах, со светелкой в третьем этаже. Основанием для такого заключения П. И. Засурцеву служила, как мы думаем, аналогия

рыми подпвалушье делилось на три части, устраняли возможность зыби пола повалуши и могли обеспечить твердость основания печи второго этажа при любом ее положении — и посередине, и в углу, отчего мы и затрудняемся определить расположение этой печи. Деление перерубами складского помещения представляло некоторое удобство, и мы думаем, что подпвалушье заменило клеть или, вернее, нижний этаж клетки (подклеть).

В остатках срубов Б12Г, Б12В были найдены следы печей, в срубе же Б12Б их не оказалось. Возможно, что в последнем срубе отапливаемое помещение находилось только во втором этаже, а низ был холодным, нежилым; очевидно, что весь сруб представлял собой клеть. Не совсем ясно назначение сруба Б12Д, но во всяком случае это было не жилое помещение, а подсобное, т. е. складское. Первоначально на этом месте был поставлен более обширный сруб, потом замененный сравнительно небольшим. Обращает внимание, что этот небольшой сруб был поставлен на усиленное основание в виде подкладок под северной и южной сторонами, в то время как предшествовавший сруб, как это можно видеть по сохранившейся части его основания, не имел подкладок. П. И. Засурцев считал подкладки под срубом Б12Д признаком его многоэтажности. Однако, на наш взгляд, происхождению подкладок следует дать другое объяснение. Как видно по остаткам сруба, стоявшего на этом месте ранее, здесь имела место перестройка, связанная, видимо, с желанием разместить перед входом в повалушу вместо существовавшей вначале узкой галереи просторные сени. При этом пришлось весьма значительно уменьшить размеры сруба Б12Д. Совершенно очевидно, что возникла необходимость исключить возможность сколько-нибудь значительной осадки нового сруба, так как несомненно, что при постройке этот сруб был связан галереями и сенями со старыми срубами, уже успевшими осесть. Осадка нового сруба вызвала бы деформации в конструкциях галерей и сеней. Это можно было предотвратить только устроив под новой постройкой особо надежное основание. Нельзя не обратить внимание и на то, что новый сруб поставили отступя от общей южной границы построек Б12Г и Б12З. Это может быть объяснено тем, что галереи у нового сруба расположили не только с северной, как было до того, но и с южной стороны. Не исключена возможность, что галереи, примыкавшие к клетю, опирались на консоли, выпущенные из стен ее сруба, и это еще более увеличивало нагрузку на его основание.

с постройками XIX в. План подпвалушья напоминает в какой-то степени планы северорусских деревянных торговых рядов (хотя последние имели по две, а три продольные внутренние стены). Светелки же, вернее, мезонины такого типа, как предполагал для этого дома П. И. Засурцев, характерны для русских деревянных домов XIX в. Но правильное исходить в интерпретации данной постройки от предшествующего развития богатого посадского жилища.

Нельзя не обратить внимание на подкладки под южной стеной сруба постройки Б12В. Их можно принять за последствия какой-то дополнительной нагрузки на эту стену, скорее всего за результат того, что из этой стены были выпущены во втором этаже консоли, на которых покоилась всякая галерея, в то время как с северной стороны сруба галерею основали на столбах, вкопанных в землю (концы столбов здесь были обнаружены при раскопках). Если принять это предположение, то вместе с тем нужно признать, что срубы горниц и северная галерея были двухэтажными. Это вполне согласуется с тем, что и повалуша, и сени находились на втором этаже. Весьма возможно, что отапливавшиеся нижние помещения служили жилищем для слуг, в то время как в верхних обитали хозяева хором.

Из всего вышесказанного видно, что вначале этот комплекс, возможно, не носил еще тех черт, о которых мы говорили как о свойственных скорее хоромам феодалов, чем посадскому жилищу. Между группой горниц и повалушей не было разрыва с обширными сенями. Кроме того, возможно, что сруб Б12Б был построен не сразу, а появился позднее взамен большого сруба, стоявшего на месте сруба Б12Д, т. е. возник в результате перестройки. Если это было так, то рассматриваемые хоромы уподобились боярским только на последнем этапе существования, а вначале не отличались от обычных жилищ богатых посадских людей.

В предложенной здесь нами серии реконструкций немало спорного. В некоторых из них, конечно, есть и ошибки. Но все же общий вывод, что богатые посадские жилища в виде домов-пятистенок с повалушей и горницей в одном срубе сменились в XIII в. комплексами, в которых повалуши и горницы стали занимать отдельные срубы, рассмотренный нами материал доказывает уже с достаточной очевидностью.

Переход к новому типу жилища нельзя не признать явлением вполне естественным. В постройках старого типа площадь горниц была недостаточной. Узкий отсек сруба нельзя было расширять сверх некоторого весьма ограниченного предела, иначе горницы стали бы холодными. Поэтому даже значительное увеличение размеров повалуши могло дать в этих домах лишь очень небольшой прирост вместимости горниц, а это увеличение имело свой, притом очень близкий предел. В больших семьях богатых посадских людей несомненно возникала настоятельная потребность в увеличении площади этой части жилища. Вполне возможно, что в таких случаях еще до появления хором нового типа владельцам пятистенных домов приходилось строить вблизи этих домов спальные горницы в отдельных срубах. Остатки застройки участка «Б» в ярусах 19—16 показывают, что в то время на дворе сосуществовали вместе с пятистенками также и отдельные небольшие избы. В ярусах 14—13 такое же явление

можно отметить и на некоторых других участках. Мы можем предполагать, что некоторые из этих изб являлись дополнительными теплыми спальными помещениями для членов семей, занимавших дома-пятистенки. Впоследствии же богатые посадские люди, видимо, отдали предпочтение именно горницам, располагавшимся в отдельных срубах, совершенно отказавшись от устройства домов старого типа.

Расчленение жилого дома на устроенные в отдельных срубах повалушу и горницы несомненно было связано с распространением печей, топившихся по-белому. Смысл бывшего объединения в одном срубе повалуши с горницами состоял, как мы выше уже показали, в том, чтобы при отоплении дома по-черному дать все же возможность обитателям его спать в чистом (незакопченном и незадымленном) и в то же время теплом помещении. Отделить горницу от повалуши, перенести ее в отдельный сруб, и поставить при этом в горнице «черную» печь — значило бы сделать огромный шаг назад, вернуться к далекой архаике, превратить жилище богатого городского человека в избу смерда. Понятно, что этого не могло быть. Поэтому не подлежит сомнению, что разделение основных помещений богатого жилища сопровождалось распространением в этих жилищах «белых» печей, которые, по-видимому, до того применялись лишь в хоромах бояр и князей.

Нет ничего неожиданного в том, что в хоромах нового типа для сообщения между срубами повалуши и горниц стали применять галереи, а в некоторых случаях — сени, ведь такой прием был не нов, а даже обычен, как мы видели, и для массового жилища, и для богатого посадского (в котором галереи соединяли дом с клетью), и, как потом убедимся, для боярского и княжеского. К этому мы здесь добавим только, что следы галерей при домах богатых посадских людей находили при раскопках нередко, и о них мы выше уже упоминали. В частности, они были и при комплексе срубов Б123 — Б12Б, и даже П. И. Засурцев, не склонный находить при новгородских древних жилых зданиях галерей, интерпретировал их именно как следы галерей.¹⁴⁷

Отделение горниц от повалуш не могло не сказаться на ряде особенностей внутреннего и наружного устройства богатого посадского жилища. При топке по-белому, избавлявшей жилище от дыма и копоти, отпадала надобность в отопливаемом помещении поднимать перекрытие очень высоко от пола. Высоту отопливаемых «белыми» печами горниц оказалось нужным для сбережения тепла по возможности сократить. Это неизбежно должно было вызвать устройство над горницами горизонтальных

¹⁴⁷ Засурцев П. И., Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. *Архитектурная...* с. 10.

потолков, отрезающих лишнее пространство под крышей и утепленных земляной засышкой. Засыпка крыш в такого рода постройках, разумеется, потеряла смысл, тем более что утепление потолка осуществлялось легче, проще и требовало меньше материала. Можно с уверенностью утверждать, что в хоромах нового типа горницы стали получать уже не земляные, а тесовые крыши. Это могло отразиться не только на деталях устройства крыш, но и на их общих очертаниях, в частности на их крутизне. Если подъем земляных крыш ограничивался определенной величиной, так как при большом уклоне земля и дерн сползали бы с их скатов, то теперь крыши жилых построек, если это было нужно по каким-либо соображениям, например архитектурным, могли устраиваться любой высоты и крутизны, и отнюдь не исключено, что строители пользовались этой возможностью.

Есть основания думать, что введение в горницах плоских потолков с земляной засышкой и деревянных покрытий, имевших ряд весьма заметных преимуществ перед старой земляной крышей (меньшее количество земли на засыпку, более легкая возможность ремонта крыши), должно было повлечь за собой применение этих приемов и по отношению к повалушам. Вероятно, не сразу, а постепенно, но все же и повалуши должны были получить потолки с утеплением их в виде земляной засышки и сопутствующие им отдельные кровельные покрытия, сделанные из дерева.

Повалуши XVI—XVII вв. несомненно имели потолки. Ведь в богатых хоромах над ними нередко устраивали еще вышки и чердаки. Однако, как мы знаем, даже в XVI—XVII вв. строители повалуш не особенно заботились о сохранении тепла в этом помещении, и вполне возможно, что даже в сравнительно позднее время повалуши в жилищах богатых людей отличались от других помещений несколько большей высотой. В повалуше у богатого человека часто собиралось много людей; конечно, во время пира все сильно разгорячалось. В то же время окошек в этом помещении было очень мало и представляли они собой небольшие отверстия, наглухо заделанные оконными, которые едва ли можно было открывать; следовательно, проветривание новых повалуш стало гораздо менее совершенным, чем прежних, имевших в крыше дымовое отверстие довольно значительной величины. Вследствие этого в повалушах хороша нового типа нельзя было делать очень низкие потолки, так как во время приемов гостей при таком потолке можно было задохнуться, во всяком случае было бы нестерпимо душно. Нужно учитывать, кроме того, что в решении интерьера повалуши несомненно играли важную роль и требования эстетического порядка. Если в домах-пятистепках XII в. внутреннему архитектурно-художественному решению повалуш уделялось настолько большое внимание, что применялись даже росписи, то в хоромах нового типа, более обширных и бла-

гоустроенных, внимание к этой стороне, разумеется, не уменьшилось. Это тем более вероятно потому, что переход к новому типу жилища у богатых посадских людей был, как видно, связан с некоторыми изменениями быта, вследствие которых повалуша потеряла часть ее прежних подсобных утилитарных функций, и это дало решительный перевес ее парадному назначению. Есть основания думать, что после того, как горницы отделились от повалуш, в жилищах богатых или же на первых порах только наиболее богатых посадских людей повалуши перестали служить местом приготовления еды; для этого на дворах стали ставиться поварни. Так, например, поварней, по всей вероятности, являлась постройка Б13К, располагавшаяся вблизи повалуши хором 12-го яруса на участке «Б».

Отопление повалуш «белыми» печами должно было повлиять на детали их интерьера. При «белых» печах отпадала надобность в «сыпухах» и возможность располагать роспись только на узкой полосе между лавками и полавочниками. Во всяком случае в псковских каменных повалушах начала XVII в. полавочников уже не существовало.

Развитие жилища богатых посадских людей древнего Новгорода на описанном нами этапе не остановилось. Выработавшиеся в XIII в. приемы устройства хором в дальнейшем изменялись. Однако их последующая эволюция происходила уже за пределами избранного нами времени, и в этой работе мы рассматривать ее не будем.

Некоторые замечания о постройках промежуточного характера

После того как мы выделили из общего числа жилых построек Новгородского посада X—XIII вв. жилища массового типа, а затем рассмотрели богатые посадские постройки, остается еще небольшая группа посадских жилищ, которых одинаково трудно решить присоединить и к первому, и ко второму типу. По-видимому, и не следует стараться их приписать к тому или другому из них, хотя при желании это можно сделать, руководствуясь, например, хотя бы некоторыми формальными признаками. Мы принимали за жилища массового типа в общем все однокамерные избы, а «двухкамерные» относили к категории богатых.¹⁴⁸ Это, без сомнения, вполне соответствует реальному положению, и, разумеется, «двухкамерные» избы с повалушами и отдельными горницами для сна принадлежали людям более состоятельным, нежели однокамерные избы с полатами. Почти во всех случаях постройки второго типа были гораздо обширнее и крупнее первых,

¹⁴⁸ В свете изложенного нами о домах-пятистенках их не совсем правильно называть «двухкамерными».

и с ними были связаны остатки более богатого инвентаря, а часто и значительное число дворовых строений. Однако мы должны все же отметить, что среди жилищ открытой раскопками части Неревского копца, судя по их остаткам, были однокамерные избы, резко выделяющиеся среди прочих построек этого типа очень большими размерами, и в то же время попадались необычно маленькие «двухкамерные» жилые постройки.

Эти очень редкие аномалии не могут служить основанием для того, чтобы ставить под сомнение нашу классификацию посадских жилых построек, однако их все же следует иметь в виду. По-видимому, существовали семьи простых посадских людей, настолько, с одной стороны, многочисленные, а с другой — состоятельные, что они строили себе жилища, обширностью не уступающие жилищам богачей. Очевидно, что эти семьи могли бы рубить себе и пятистенные дома, но, по всей вероятности, их удерживала от этого многолетняя привычка жить в определенной бытовой обстановке, а возможно, иногда и нежелание выделяться среди своих соседей. Подобные же причины могли приводить оскудевших богатых посадских людей к строительству тесных и сравнительно невысоких домов-пятистенок. И те и другие жилища мы относим к разряду жилищ промежуточных.

БОЯРСКОЕ И КНЯЖЕСКОЕ ЖИЛИЩЕ

(по данным новгородских раскопок)

Общие данные об остатках боярских хором XI в., открытых в Неревском раскопе

Материал раскопок Новгородской археологической экспедиции показывает, что еще задолго до XIII в. дом-пятистенка с повалушей и горницами в одном срубе был далеко не самым богатым видом жилья. Об этом свидетельствуют остатки комплекса, состоящие из оснований срубов В23Р, В23У, В23Ф. Остатки эти, к сожалению, не были раскрыты полностью: северное крыло комплекса выходило за пределы раскопа. Положение северо-западной стенки сруба В23Р не удалось установить, так как остатки древесины, найденные с этой стороны сруба, давали неопределенную картину и могли принадлежать основанию четвертого сруба комплекса, имевшего в целом, по-видимому, план в виде «глаголя» (рис. 106).

Сохранность окладных венцов срубов была плохой. Местами их бревна были полностью утеряны. В завалах внутри венцов значительное место занимали угли и зола, а сохранившиеся бревна кое-где были обуглены. Общая картина остатков говорила о том, что комплекс погиб в пожаре.

У юго-западной стенки сруба В23Ф, составлявшей южный торец всей группы срубов, были обнаружены основание небольшого квадратного углубленного срубика, представлявшего, видимо, выгребную яму, и довольно неопределенные следы столбовой постройки, показанной на чертежах, изданных Новгородской экспедицией, весьма условно.

Рассматриваемый комплекс лишен каких-либо черт построек пежилого назначения. Подсобные дворовые строения — поварни, бани, амбары, погреба, сушила и другие служебные пристройки — ставились на дворах разрозненно. Кроме того, большей частью они были мелкими, а некоторые из них (например,

коптильни, поварни и бани) обладали такими чертами, признаков которых нет ни в одном из срубов рассматриваемых нами хором. С торговыми помещениями, т. е. с лавками и складами, эти постройки также не имеют ничего общего. Общественным зданием их никак нельзя признать — последнее состояло бы в основном из очень обширного помещения, к которому могли

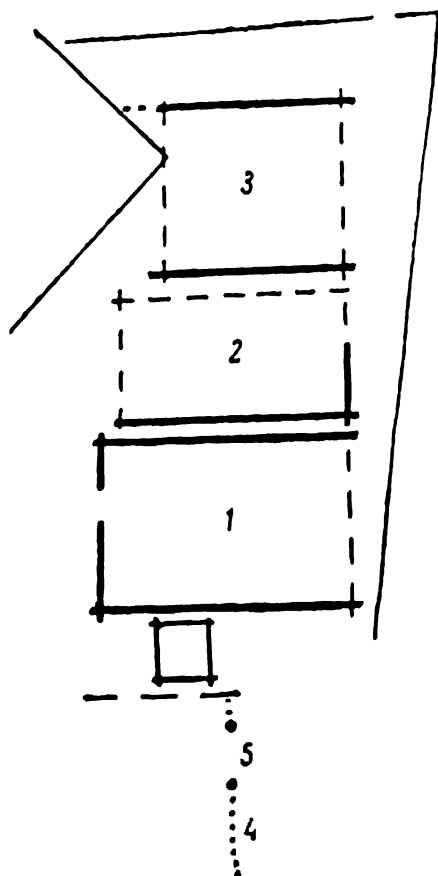

Рис. 106. Хоромы в ярусе 23. Остатки. Схематический план.

1 — В23Ф; 2 — В23У; 3 — В23Р;
4 — тын; 5 — ворота.

быть присоединены подсобные строения, но не из числа сравнительно небольших и почти равновеликих срубов. Производственные помещения обладали своими особенностями, и в их остатках археологи всегда обнаруживали следы, по которым можно их определить. Ни один из срубов рассматриваемого комплекса, по-видимому, не служил производственным помещением; тем более невозможно признать, что весь комплекс в целом имел производственное назначение. Таким образом, характер сохранившихся остатков его исключает мысль о том, что это могли быть дворовые службы, торговое, производственное или общественное здание. С другой стороны, все — и расположение на участке, и величина срубов, и их количество, и тесная связь этих срубов между собой — убедительно говорит о том, что это остатки жилой постройки. Наконец, нужно учесть, что если в XI в. этот исключительный по величине и характеру комплекс не имел подобных себе среди жилых построек посадских людей, то позднее, примерно через три столетия, наиболее бога-

тые из посадских людей стали создавать себе хоромы, напоминающие его. Данный факт сам по себе уже достаточно убедительно свидетельствует как о том, что хоромы, от которых остались основания срубов В23Р, В23У и В23Ф, были жилыми, так и о том, что они были боярскими.

Широкое распространение на раскрытой раскопками части Неревского конца домов-пятистенков в X—XIII вв. ясно говорит о том, что они принадлежали посадским людям, хотя и состоятельным, т. е., по всей вероятности, в большинстве купцам и богатым ремесленникам, по отнюдь не представителям феодальной верхушки. Хоромы же, рассматриваемые нами здесь, были

в Перевском раскопе единственным примером столь обширного и сложного жилого комплекса. Среди однокамерных изб и домов-пятистенков XI—XII вв. они чрезвычайно резко выделялись своей величиной и сложностью композиции.

В матерналах, опубликованных Новгородской экспедицией, нет сведений о вещевых находках, связанных с этим комплексом. По-видимому, их было очень мало и они никак не характеризуют принадлежность этой постройки. Но скудность находок можно объяснить тем, что пожар, уничтоживший хоромы, начался не с них самих, а где-то в стороне, и к тому времени, когда он охватил хоромы, из них успели все вынести. Видимо, именно поэтому эта постройка осталась не определенной археологами. П. И. Засурцев предполагает, что жилища бояр представляли собой точно такие же дома-пятистенки, какие принадлежали посадским людям. Он считает, например, что усадьба «Б», на которой из жилых построек стояли только дома-пятистенки, принадлежала боярину, подкрепляя свое высказывание тем, что возле одного из домов этой усадьбы был найден обрывок берестяной грамоты с обращением «господин».¹ Однако этот аргумент неубедителен: так могли обращаться не только к феодалу, но и к богатому посадскому человеку его слуги или зависящие от него люди, а владелец усадьбы «Б» был несомненно достаточно богатым и имел слуг и подчиненных. Кроме того, ничем нельзя доказать, что грамота с обращением «господин» была адресована владельцу данной усадьбы, а не кому-либо иному. Найденный обрывок мог быть началом послания, написанного самим хозяином усадьбы и адресуемого какому-либо боярину, а потом забракованного или оказавшегося непущим и брошенным. Поэтому этот обрывок не может служить ни основанием, ни подтверждением мысли о том, что усадьба «Б» принадлежала боярину. Подлинным основанием ее явилось известное мнение И. Е. Заболотна и его последователей о том, что жилища царей и бояр отличались от изб крестьян и посадских людей только лишь сравнительно большими размерами да лучшей отделкой. Но из всего, с чем мы уже успели здесь познакомиться, достаточно убедительно видно, насколько не соответствует действительности такое мнение. Оказалось, что на самом деле даже основная компоновка жилищ посадских людей зависела от того, были ли их хозяева мало состоятельными или же богатыми. Тем большей должна была быть разница между жилищами посадских людей, хотя бы и наиболее богатых, и жилищами представителей высшего слоя феодального общества — бояр. Подтверждение этому мы находим в письменных источниках

¹ Засурцев П. И., Г. П. Чпстяков, Г. В. Борисевич, В. П. Тюрин. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в. Новгородский исторический сборник, в. 10, 1961, с. 209—210.

и в самих археологических остатках комплекса рассматриваемых здесь хором XI в. Этот комплекс, резко отличавшийся не только от одновременных ему, но и от гораздо более поздних посадских жилищ иным приемом компоновки, несравненно большей обширностью и другими особенностями, о которых будет сказано дальше, дает нам возможность вполне конкретно говорить о жилище знатного феодала. Он не мог принадлежать посадскому человеку, но вместе с тем не являлся и княжеским; последнее ясно в первую очередь из того, что он находился в гуще рядовой застройки посада. Очевидно, что это были хоромы боярские.

Из изложенного выше мы уже знаем, что с середины XIII в. богатые посадские люди стали строить себе не пятистенки, а хоромы в виде довольно сложных комплексов, в каждый из которых входило несколько отдельных срубов, горниц и повалуш. Есть все основания считать, что такой вид жилища не был изобретением самих посадских богачей, а явился в какой-то мере подражанием приемам компоновки боярских хором. Но в то время, к которому относятся постройки В23Ф, В23У, В23Р, посадские люди, даже самые богатые, очевидно, не помышляли еще о таких комплексах, они пришли к этому только через два столетия. Важно также отметить разницу между хоромными комплексами посадских людей XIII в. и открытой в Неревском раскопе боярской постройкой, которая вполне отчетливо ощущается даже по остаткам их оснований. Несмотря на значительно более позднее происхождение посадских хоромных комплексов, в них все же не было ни той обширности и протяженности, ни той строгой геометрической правильности в разбивке и взаимном расположении срубов, какая бросается в глаза в постройке, признаваемой нами боярской. Ни один из дворов посадских людей не дает нам примера такой четкости и строгости в построении плана хором и в то же время такой свободной, ничем не стесненной постановки всего комплекса в целом на участке. Значительный отступ от уличной мостовой свидетельствует о том, что хозяин боярской усадьбы был далек от мысли экономить площадь своего двора. Посадский человек, даже очень богатый, не стал бы столь расточительно использовать принадлежащий ему участок.

Обращает внимание, как горделиво хоромы, признаваемые нами боярскими, были выдвинуты к перекрестку далеко за ограду двора с явным намерением показать их во всей красе всем проходящим по улице. С этим желанием, вероятно, связано и размещение хором с отступом от уличной мостовой — такое расположение давало возможность с улицы охватить их одним взглядом. Ничего подобного в строительстве домов посадских людей, даже наиболее богатых, не встречалось не только в XI, но и в XII в., и даже намного позднее. Как мы уже знаем из материала, приведенного выше, посадские богачи, обращая внимание

па то, как их хоромы будут выглядеть со двора, стараясь украсить постройками двор, в то же время не стремились привлекать к его красоте взоры уличных прохожих. Нередко они совершенно скрывали свои хоромы за подсобными строениями двора и высокими оградами. Постройка же, которую мы называли боярскими хоромами, не только выходила большей частью фасадов на улицу, но и была расположена с явным расчетом на лучшее ее обозрение с нее. Это заставляет думать, что паружный вид хором мог производить достаточно выгодное впечатление. Может быть, последнее происходило в какой-то мере вследствие сравнительно большой ее величины и сложности композиции, но можно думать, что было связано и с украшенностью, необычной для строений, выходивших фасадом на улицу.

Основание самого большого углового сруба хором (В23Р) сохранилось плохо. Внутри его не было найдено никаких остатков пола, обнаружено лишь некоторое количество разрозненных камней, по определению археологов, возможно, принадлежавших печи. В остатках сруба В23У сохранились переводы пола, а в остатках сруба В23Ф — не только балки пола, но и настил его, но нет никаких следов печей.

Наличие фрагментов кладки печи в виде разбросанных камней в остатках сруба В23Р при отсутствии опечья или основания самой печи указывает на то, что печь находилась в помещениях второго этажа этого сруба, в то время как нижний этаж представлял собой неотапливаемый подклет, т. е. помещение подсобного назначения. Отсутствие опечей и следов печей в соседних срубках (В23У и В23Ф) свидетельствует, что в этих срубках внизу печей не было. Есть все основания считать, что и они, подобно срубу В23Р, имели по два этажа, а отсутствие в них остатков печей позволяет заключить, что, возможно, и верхние этажи срубов В23У и В23Ф были неотапливаемыми.

О составе и названиях помещений боярских хором X—XIII вв.

Вследствие того что остатки хором оказались вскрытыми не полностью, возможность вполне определенной реконструкции до их полного исследования исключена. Однако если рассмотреть вопрос о составе помещений боярского жилища по письменным данным, сравнить имеющийся материал о боярских хоромов с известными нам уже по предыдущей главе богатейшими посадскими хоромами полубоярского типа, то можно прийти к довольно ясным выводам о том, какие помещения входили в их состав, каков общий характер боярских хором, а на основе этих выводов даже дать предварительную гипотетическую реконструкцию того комплекса, в который входили срубы В23Ф, В23У, В23Р.

Из того, что мы знаем о посадском хоромном комплексе XIII в., названном нами выше полубоярским, и из того, что мы видим по открытым в Неревском раскопе остаткам боярского жилища XI в., можно заключить, что между тем и другим существовала некоторая общность. Хоромы наиболее богатых посадских людей XIII в., как мы уже отмечали, без сомнения, являлись в какой-то мере подражанием боярским хоромам. Поэтому те новые черты, которые в XIII в. вошли в архитектуру богатейшего посадского жилища нового типа, безусловно должны были отражать некоторые из особенностей боярского жилища. Мы думаем, что размещение спальных покоев и помещений для трапез и приемов гостей в отдельных срубах пришло в посадские дома именно из боярского жилища и что в этом последнем такое разделение существовало не только в XI в., как это можно заключить по комплексу, открытому в Неревском раскопе, но и раньше, еще в X в.

Мы не имеем точных данных о том, какие названия носили помещения для отдыха и сна в боярских хоромаш. Упоминания русских летописей о княжеских спальнях как о ложницах, по-видимому, свидетельствуют о том, что термин «горница» первоначально появился в посадском быту, а княжеские спальни в X—XI вв. именовались ложницами. Лишь позднее полюбившееся русским слово «горница» стало применяться по отношению к княжеским (а следовательно, и к боярским) постройкам, а к XVI—XVII вв. получило чрезвычайно широкое распространение, существенно изменив свой первоначальный смысл. Летописец, рассказывая о смерти князя Владимира Галицкого, упоминает о «горепке», в которую перенесли князя после того, как с ним случился удар. Возможно, что в данном случае не случайно применено уменьшительное окончание и что более обширное помещение для княжеской спальни называли бы тогда все же не горницей, а ложницей. Но так или иначе это свидетельство летописи говорит о том, что уже в XII в. в княжеских хоромаш спальни в каких-то случаях назывались горенками. Мы имеем основание думать, что в то время это название распространялось уже и на спальные помещения боярского жилища, возможно именовавшиеся до той поры ложницами.

Привлекая как в данном случае, так и в последующем южнорусский материал, мы отдаем себе отчет в том, что в жилищах феодальной верхушки юга и севера Руси, вероятно, имелись какие-то местные особенности и могла быть некоторая разница в терминологии. Однако несомненно эта разница была незначительна, она не могла носить столь коренного характера, как в жилых строениях простого люда, вынужденного приспособляться ко всем местным условиям и не располагавшего на юге теми неисчерпаемыми запасами леса, какими пользовались обитатели лесной зоны Руси. Едва ли могли оказывать влияние на постройки феодалов такие факторы, как например сухость или сырость

почвы, — этажность этих построек определялась, как и многие другие их особенности, укладом быта феодалов и несомненно стремлением их не уступать в богатстве своих жилищ друг другу, так что в основных чертах боярские и княжеские хоромы были сходны по всей Руси. Однако мы будем пользоваться этой мыслью не для каких-либо широких построений или существенных выводов, а только лишь для оправдания некоторых ссылок на южнорусский материал, служащих нам подсобным средством.

Если мы нашли, как об этом сказано выше, что в домах-пятистенках X—XIII вв., принадлежавших посадским людям, устраивалось по нескольку мест для сна, находившихся и внизу, под горницами, и паверху, где, по нашим предположениям, узкое отделение сруба делилось дощатыми переборками, то тем больше оснований думать, что семья боярина не довольствовалась единственной спальней. Если говорить о теплых (т. е. зимних) спальнях, то только их должно было быть в боярских хорамах не менее двух — по одной спальне мужской и женской. Однако мы предполагали, что посадские дома имели, кроме зимних, еще и летние места для сна; очевидно, боярские хоромы тем более не могли обходиться без них. Учитывая сравнительное богатство боярина, многочисленность и ценность вещей, хранившихся в его клетях, мы думаем, что обычай простых русских людей спать в клетях па бояр не мог распространяться и летние спальни боярских хорм представляли собой специально приспособленные помещения, устроенные в отдельных срубах.

О помещениях, предназначавшихся в боярских хорамах для приема гостей, у нас в сущности нет определенных данных. Приходится довольствоваться главным образом косвенными выводами и предположениями, а также в какой-то мере параллелями с княжескими жилищами. Из летописных сообщений известно, что непременной принадлежностью домонгольского княжеского жилища были сени. Летописи и другие первоисточники позволяют утверждать, что сени входили также и в состав построек дворов дружинников и бояр. Говоря это, мы имеем в виду упоминание о Климентиних сенях в уставе Ярослава о мостах и рассказ летописи о нападении толпы язычников па варяга-христианина в Киеве в 983 г. Варяг и его сын скрылись на своем дворе и заперлись в сенях. Из того, что описано в летописи, ясно, что сени находились паверху (по всей вероятности, па втором этаже) и что их поддерживали столбы. Толпа, для того чтобы расправиться с варягами, подсекла сени, т. е. подрубила столбы, после чего сени обрушились. Это показывает, что сени варяга представляли собой сооружение, подобное сеням княжеских хорм, по некоторым свидетельствам летописей также стоявших па столбах, которые можно было подсесть. О северорусских сенях того периода мы не имеем свидетельств, позволяющих утверждать, что и они были подняты над землей па столбах, а не занимали какие-то помещения нижнего

этажа. Но если такая разница и существовала, то для тех выводов, которые мы собираемся сделать, это значения не имеет. Здесь мы должны выяснить вопрос о сенях боярских и княжеских хором домонгольского времени в его наиболее общем виде, и прежде всего указать, что в ту пору значение слова «сени» существенно расходилось с тем, какое оно имело в XVI—XVII вв. Нужно отметить, что лишь очень немногие из исследователей Древней Руси обращали внимание на это обстоятельство, несмотря на всю его важность для понимания эволюции древнерусского жилища.²

Почти все, так или иначе касавшиеся вопроса о сенях домонгольских княжеских хором, следовали мнению И. Е. Забелина, не видевшего различия между княжескими или боярскими сенями XI—XIII вв. и сенями предпетровского времени, известными нам по описаниям и сохранившимся постройкам русских феодалов XVI—XVII вв. Повторяя мнение И. Е. Забелина, и современные нам исследователи обычно указывают на то, что сени княжеских дворов XI—XIII вв. будто бы занимали место между жилыми помещениями, соединяя их между собой точно так же, как то было в хоромы XVI—XVII вв. Некоторые из советских исследователей древнерусской архитектуры идут в повторении мыслей И. Е. Забелина еще дальше и утверждают, что княжеские хоромы по композиции основных помещений являлись повторением крестьянской избы-шестистенки и что княжеский дворец представлял собой единое здание, состоявшее из покоевых помещений, расположенных по двум сторонам сеней, занимавших середину этого здания.³

Несколько по-иному можно представлять сени, если согласиться с мнением тех исследователей древнерусской архитектуры, которые признавали сенями верхнее помещение восточной башни комплекса княжеского двора в Боголюбове. И в этом варианте древнейшие русские сени выступают как помещение, служившее для связи между разными постройками двора, но закрытое вплотную между ними, а соединенное с ними особыми висячими переходами. Кроме того, те исследователи, которые называли сенями верхнее помещение боголюбовского «восточного столпа», тем самым признавали, что сени, хотя бы в некоторых случаях, могли иметь очень небольшие размеры, т. е. что они, являясь проходным помещением, не обязательно должны были быть обширными.

Но упоминания письменных источников о сенях говорят нам совершенно другое. Сени в домонгольское время не являлись ни

² М. К. Каргер назвал княжеские сени постройкой (Каргер М. К. Древний Киев. Т. II. Л., 1961, с. 84).

³ «Жилище князей и бояр лишь с большей пышностью повторяли греческую схему избы» (Воронян Н. Н. Жилище. ИКДР, т. I, 1951, с. 219—220).

переходной частью, служившей для соединения хоромни между собой и для сообщения жилых покоев с кладовыми, чуланами и отхожими местами, как это было в XVI—XVII вв., и ни частью здания, подобной по назначению вестибюлям построек XVIII—XIX вв.

Из сообщений летописей ясно видно, что сени русских феодалов домонгольской поры (и светских, и духовных) не занимали промежутки между постройками двора, являвшимися основными частями жилища, а стояли отдельно и имели свое особое весьма важное назначение. Рассказ об убийстве в Киеве варяга-христианина позволяет вывести заключение, что сени варяга, быть может, стояли совсем независимо от жилых помещений его хором, не соединялись с ними даже переходом, так как оказалось, что толпа киевлян ниоткуда не могла ворваться в сени и оказалась вынужденной обрушить их, действуя снизу. Но, однако, из подробного описания убийства князя Андрея Боголюбского, приведенного летописями, совершенно определенно следует, что сени в Боголюбове соединялись переходами и с ложницей князя, и с «всходным столпом», т. е. отдельной лестничной башней, по которой поднимались на переходы, а через эту башню они были соединены и с дворцовым храмом. По одну сторону лестничной башни переход вел в храм, по другую сторону такой же переход вел в сени, из которых уже можно было попасть (возможно, также по переходам) в ложницу князя (по всей вероятности, и в другие покоевые помещения).

Мы не сомневаемся в том, что княжеский двор в Боголюбове при всей его пышности и богатстве убранства в расположении основных зданий, составлявших его комплекс, следовал существовавшим в то время на Руси общепринятым приемам компоновки хором высшей феодальной знати. Хоть его сени и были, возможно, построены из тесаного камня, как и переходы, а также, вероятно, некоторые другие части, но вполне очевидно, что взаимное расположение и связь всех частей комплекса двора зависели от обычаев, успевших сложиться в феодальной Руси, и следовали опыту, получившему уже до этого вполне определенное выражение при строительстве деревянных княжеских хором.

Что сени являлись самостоятельной постройкой (хоть и связанной переходами с другими постройками двора) и при этом постройкой, весьма заметно выделявшейся среди других составных частей хором (очевидно, своей величиной и богатством), ясно видно из ряда указаний источников, причем указаний, относящихся и к южным и к северным землям Руси, и к княжескому и к боярскому жилищу. Устав Ярослава о мостах берет как всем известный и весьма заметный ориентир для определения одной из границ участков Климьины сени. Таким же ориентиром наряду с наиболее выдающимися постройками древ-

него Владимира служат для летописца (в Ипатьевской летописи) «владычные сени».⁴

Первым, кто учел эти данные письменных источников, оказался И. И. Срезневский, который в словаре древнерусского языка дает среди значений слова «сени» такое, как «дом», т. е. отдельная самостоятельная постройка (правда, не отметив при этом, как следовало бы сделать, что это было наиболее древнее его значение).

Летописный материал, относящийся к древним княжеским сеням, позволяет вывести вполне твердое заключение о назначении этой части княжеского двора. Сени упоминаются неизменно как место пиров и официальных церемоний, совещаний князей и их приближенных, торжественных приемов почтенных лиц.⁵ Как отметил М. К. Каргер, сени служили «местом собрания лишь избранной части дружины и бояр».⁶ Выражение «уйти с сеней» означало на официальном языке того времени покинуть престол, оставить княжение; «возвести на сени» значило торжественно посвятить в сан.

Из сообщений летописей мы знаем, что сени княжеских дворов отличались чрезвычайной обширностью, в них иногда собиралось весьма большое количество людей. Подобно сеням варяга, убитого в Киеве, княжеские сени тоже бывали высоко подняты на столбах.⁷ Как и соответствовало месту торжественных и многлюдных приемов и собраний, сени были светлыми, т. е. имели достаточное количество оконных проемов. Это следует из летописных сообщений, свидетельствующих о том, что через окна со двора можно было видеть, что происходит в сенях, видеть находящихся в них людей.

Учитывая сказанное выше о больших размерах сеней, о том, что сени опирались на столбы, что их стены были прорезаны сравнительно большими оконными проемами, к тому же, по всей вероятности, как выяснится дальше, расположенными не очень редко, мы заключаем, что стены деревянных сеней могли быть не рублеными, а только каркасными, с забиркой, закрепленной в вертикально расположенных столбах, и, очевидно, с горизонтальными поясами обвязок, на которые опирались перекрытие и крыша. Все эти данные, вместе взятые, дают нам основание считать, что древнейшие русские сени не отапливались, были холод-

⁴ «От Золотых ворот до богородице, а от богородице до владычных сеней» (Ипатьевская летопись 1183 г.). Отметим, что это использование сеней в качестве ориентира говорит и о том, что сени, вероятно, стояли близко к улице, а не далеко в глубине двора.

⁵ Ипатьевская летопись 1145 и 1150 гг.

⁶ Каргер М. К. Древний Киев, с. 84.

⁷ «Вячеслав седяше на сеньици и мнози начата молвити князю Изяславу: княже, ими и дружину его приеми; друзне же молвахуть: ать поссечем под ним сени» (Ипатьевская летопись 1150 г. См. также: Лаврентьевская летопись 1068 и 1147 гг.).

ными. Последнее, по-видимому, подтверждается рассказом летописи о том, как половецкий хан Итларь с его людьми, после того как они, не раздеваясь, переночевали в сенях, перешли переодеваться в теплую избу.

Изложив данные о домонгольских сенях, полученные из первоисточников, и охарактеризовав общие черты этих сооружений, мы должны уделить внимание одному случайно возникшему недоразумению относительно сеней. Это касается сеней княжеского двора в Боголюбове. Исследователи древнерусской архитектуры в полном противоречии со всем, что мы привели выше, называют сенями боголюбовского комплекса верхнее помещение его лестничной башни. Происхождение этого заблуждения весьма просто. Незвестное нам лицо, составлявшее опись построек Боголюбова в XVIII в., не имевшее точного представления ни о древнерусской домонгольской архитектуре, ни о первоначальном виде комплекса в Боголюбове, назвало это помещение сенями. Если представить себе точку зрения человека XVIII в., знавшего лишь теплые горницы, комнаты и залы да холодные проходные сени, то в этом нет ничего удивительного. То, что произошло дальше, тоже вполне естественно. Подлинные сени Боголюбова давно исчезли, но память о их существовании сохранилась благодаря летописному повествованию о событиях, связанных со смертью Андрея Боголюбского. То, очень немногое, что оставалось еще от построек двора князя, принимали за его дворец в полном или почти полном составе. В конце XVIII—XIX в. восточную башню боголюбовского комплекса называли палатами князя Андрея Боголюбского и находили в этой башне с сохранившейся частью переходов и сеней, и княжескую ложницу, т. е. все части, названные летописями. В дальнейшем мысль, что боголюбовская башня это и есть палаты или дворец князя Андрея, сохранившиеся целиком, отпала. А. А. Потапов без труда доказал, что в дошедших до нашего времени частях дворца Боголюбского не было никаких жилых помещений. Он высказал предположение, что рядом с башней стояли деревянные жилые хоромы, к которым из башни шел деревянный же переход в виде мостика. Однако и А. А. Потапов в лестничной башне все же признал «соединение известных частей русского здания», т. е., что это «была постройка для помещения: 1) красной (парадной) лестницы; 2) сеней, над которыми мог возвышаться „верх“ или „терем“, и 3) перехода».³ Таким образом, А. А. Потапов не только повторил ошибку описи XVIII в., но и добавил к ней ни на чем не основанную мысль, что лестница якобы увенчивалась еще сверху теремом.

После А. А. Потапова вопросом о боголюбовском комплексе весьма серьезно занимался Н. Н. Воронин. Он раскопал части

³ Потапов А. А. Очерк древней русской гражданской архитектуры. В. 1. Древности. ТМАО, т. XIX, М., 1902, с. 13—14.

оснований построек княжеского двора рядом с сохранившейся башней. К северо-востоку от башни он открыл остатки каменного перехода. Данные раскопок в сопоставлении с подробными рассказами летописей о перипетиях убийства князя Андрея уже совершенно ясно говорят о том, что башня это только «всходной столп», что сени располагались к северо-востоку от башни, были богато украшенным обширным каменным зданием и соединялись с башней переходом, изображенным Н. Н. Ворониным на его реконструкции, а покоевые помещения княжеских хором, в том числе его ложница, находились еще дальше к северо-востоку, за сенями, так что в них можно было пройти только через сени. Однако Н. Н. Воронин по-прежнему верхнее помещение лестничной постройки называл сенями, а подлинное сени — дворцом. Приведя выдержки из летописных текстов, Н. Н. Воронин считал, что они «показывают с полной ясностью, что в древности сенями именовался второй этаж северной лестничной башни».⁹ Это отнюдь не так. Вот эти тексты: «... идущим им (убийцам) к ложнице его (князя Андрея), и прия е страх и трепет, и бежаша с сеней, шедше в медушу и пиша вино и тако упившися вина поидоша на сени (израненный князь Андрей), во торопе выскочив по них ... иде под сени и рече один (из заговорщиков): стоя, видех яко князя идуща с сеней долов и сидяща ему (Андрею) за столпом въсходным, и оттуда поидоша (убийцы) на сени и выпмаша золото и камене дорогие, и жемчюг, и всяко узорочье, и до всего любимого имения...».

«(Заговорщики) придоша, иде же бе блажены князь лежа в ложницы, и силою отломивша двери у сеней он же (князь) подбеже под сени влезоша и под сеньми лежаща». Нетрудно видеть, что из этих текстов вовсе не следует, будто сени помещались в лестничной башне.

Летописцы вначале умалчивали о «всходном столпе», потому что для упоминания о нем у них не было никакого повода — ничего примечательного у столпа не случилось. Первое, что оказалось нужным отметить, это взлом убийцами двери сеней и тот страх и трепет, который объял их в сенях, и потому в рассказе прежде всего упоминаются сени, хотя туда заговорщики прошли через «всходной столп» и переход. В дальнейшем речь пошла и о «всходном столпе», так как израненный князь, перебежавший через сени и спустившийся вниз, оказался под сенями, «за столпом въсходным». Летописцы четко различали «всходной столп» и сени, упоминая их отдельно там, где это было нужно, как разные части комплекса. После того как заговорщики добились князя, они вновь пошли в сени и на этот раз ограбили их, «вынимав» из них «золото и камене дорогие, и жемчюг, и всяко узорочье», и

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1961, с. 201.

другое «любимое имение» князя. Сени, следовательно, были богатым образом изукрашены и обставлены драгоценной утварью. Невозможно представить, что все это богатство украшало тесные, проходные, отнюдь не парадные помещения, лестницы и переходы, все равно внизу или наверху, и отсюда также ясно, что сени были большим, импозантным помещением, а не закоулком в лестничной башне.

Нельзя не отметить одного совпадения, как мы думаем, совсем не случайного: варяги в X в. прятались именно в сенях, Шевкал в Твери в XIV в., когда хотел спастись от толпы, тоже закрылся не в каком-либо другом помещении княжеского двора, а в сенях.¹⁰ И летописец, рассказывая о событиях в боголюбовском княжеском дворе, отметил как нечто заслуживающее упоминания, что заговорщики «силою отломиша двери у сений». Видимо, именно сени, как никакое другое помещение двора, княжеского или же боярского, представляли собой наиболее прочное, надежное убежище, имевшее особенно крепкие запоры. Это естественно, раз в них находились «узорочье» и другое дорогое убранство.

О том, как выглядели древние русские деревянные боярские сени, возвышавшиеся на столбах, можно в какой-то мере судить по изображению сеней варяга в Киеве, находящемуся среди иллюстраций Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, хотя, к сожалению, нет твердой уверенности, что это изображение повторяет более древнее. Оно существенно отличается от обычных штампов «палатного письма» и носит весьма конкретные черты, которые принадлежали, видимо, не фантазии художника, а реальности (рис. 69). Обращает на себя внимание форма окон сеней, в которых видны варяг и его сын, форма, характерная для раннего периода развития архитектуры европейского средневековья, применявшаяся в каменном и повторявшаяся в деревянном зодчестве. Иллюстратор летописи не мог наблюдать такие окна в русской архитектуре XIV в. Это признак несомненно раннего времени, сохраненный художником, перерисовывавшим более древние рисунки.

Для того чтобы разобраться в рисунке, прежде всего нужно учесть, что художник вкомпоновывал каждую иллюстрацию этой рукописи в прямоугольник, растянутый по горизонтали. Вследствие этого в тех случаях, когда ему нужно было изобразить высо-

¹⁰ «Как был посол из Орды во Твери от царя от Бака, посол Щолкан, и нача во Твери творити людем насилие велие. Тверичи же его со многими людьми хотели его убить. Щолкан же утече от них во Твери же на двор великаго князя и заперся в сенех своих с своими людьми. Тверичи же, приступая к сенем и не може его взяти, и сожгли сени, и Щолкан с людьми своими был тут, сгорел в сенех» (Временник нип. Моск. общ. ист. и древностей российских, кн. 10, М., 1851, Родословная книга, с. 197).

кое здание, он применял своеобразный прием: разделял здание по высоте на части и ставил их рядом. Так изображены в рукописи Золотые ворота. Таким же приемом воспользовался художник при изображении убийства Итлара — изба с половцами помещена слева, а Ольбег, который должен был бы стоять на крыше, стоит справа от избы на земле. Так же показаны и сени варяга. Слева мы видим столбы, подсекаемые топорами киевлян, а справа к ним пририсована верхняя часть здания. Верхняя половина стен сеней прорезана двумя большими окнами, обработанными подобно романским окнам, арки которых опираются на колонки, разделяющие проемы. Окон показано два — потому, разумеется, что в них нужно было представить две фигуры варягов, а не потому, что сени имели всего два окна. Под колонкой, разделяющей окна, показана горизонтальная полоса — это, как мы думаем, изображение подоконного бруса, отделявшего нижнюю стенку сеней от пояса окон.

Над показанным художником тремя столбами сеней изображена обвязка, причем не только с фасада, но и сбоку, в перспективе, хотя ни столбы, ни другие части этого сооружения с боковой стороны не изображены. Над обвязкой, между нею и вторым поясом, оставлено довольно большое расстояние, которое заполнено растительным орнаментом, образованным пальметками, обращенными остриями попеременно то вниз, то вверх, так что получился как бы ряд треугольников. На первый взгляд кажется, что это — изображение резной доски, украшавшей сени. Однако возникает сомнение, чтобы в реальном здании так располагался орнаментированный пояс. С точки зрения архитектурной композиции не имело смысла подчеркивать богатой обработкой именно нижнюю обвязку помещения сеней, скорее должны были быть выделены резьбой венчающие его части и обрамления проемов. Можно предположить, что пояс пальметок на рисунке сеней — вольность, допущенная миниатюристом, однако нам представляется, что это была не вольность, а ошибка, которая произошла при копировании не очень тщательно исполненного рисунка.

Если представить себе сооружение, подобное этим сеням, с их высокими и не очень частыми столбами, в реальной действительности, то прежде всего возникает вопрос о том, как при такой конструкции здания могла быть обеспечена его жесткость. Как бы глубоко ни были вкопаны столбы и как бы тщательно ни были соединены с ними обвязки, для обеспечения длительной прочности при такой конструкции были совершенно необходимы какие-то раскосы или подкосы. Напомним здесь, что раскосы, связывающие столбы, изображены на рисунке терема княгини Ольги, находящемся в той же Радзивилловской летописи. Там они занимают все промежутки между столбами, начинаясь от земли и доходя до основания терема. Более удобным местом для них было бы именно основание самого помещения сеней, т. е. пояс

под его нижней обвязкой. Пояса крестообразных раскосов, придающие жесткость всей конструкции здания, — характерная принадлежность древнейших деревянных храмов Скандинавии — располагались именно на высоте, соответствующей основанию второго яруса постройки. Изображенный не совсем отчетливо или потерявший отчетливость рисунок этого пояса мог быть не понят художником, повторявшим его, и превращен в полурастительный-полугеометрический орнамент.

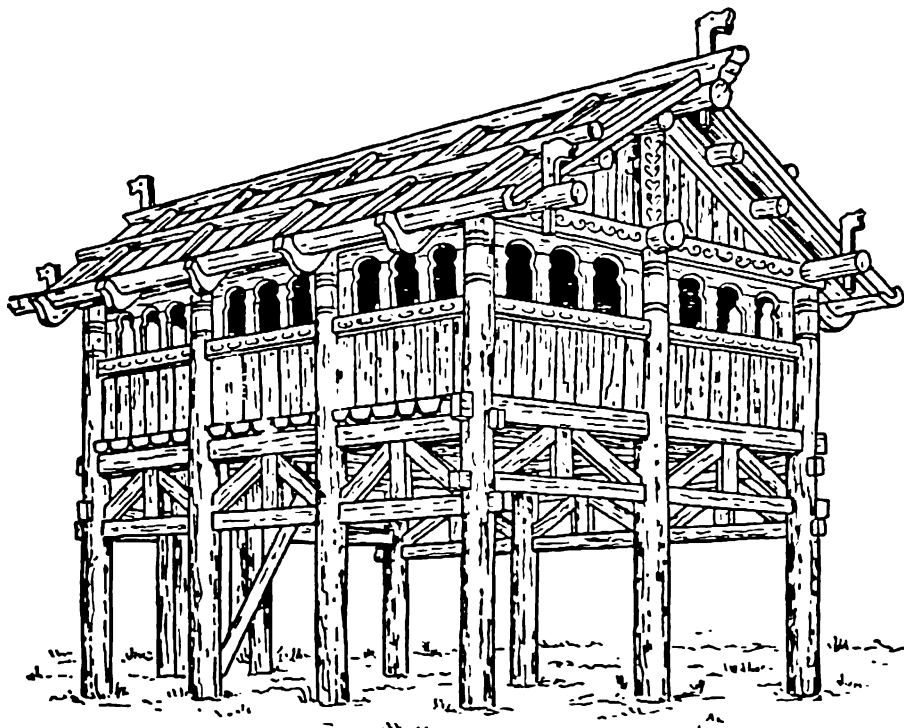

Рис. 107. Боярские сени X в. Гипотетическая реконструкция. Общий вид.

Крышу над сенями иллюстратор летописи изобразил весьма низкой; вероятно, места для изображения крыши ему все же не хватило. Но, как известно, такие отступления от реальности не беспокоили древних миниатюристов. На рис. 107 мы показали крышу сени простейшей — двускатной, хотя, возможно, сени могли получать и пирамидальные (шатровые) покрытия.

Упоминание летописцев о сенях, возвышавшихся на столбах, не дает еще права утверждать, что сени в домонгольской Руси всегда и везде устраивались только таким образом. В местах с суровой зимой и обильных лесным материалом сени могли и в X в. ставиться на нижний этаж, имевший ограждающие его стены. Наконец, с X по XIV в. сени могли, точнее, должны были претерпеть какие-то изменения в деталях и, возможно, даже в общем устройстве, тем более что в XI—XII вв. они стали строиться не только из дерева, но и из камня. Остатки каменного здания XI в., которые можно принять за сени, были открыты в Чернигове.

И тем не менее мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что сени не только в X—XI, но и в XII—XIV вв. продолжали оставаться обширными, сравнительно хорошо освещенными холодными помещениями, что стены и перекрытия деревянных сеней имели легкую конструкцию. Такой характер русские сени сохраняли и в XVI—XVII вв. Хотя сени XVII в. по их назначению коренным образом отличались уже от домонгольских, нужно учесть значение того факта, что они носили то же самое название, что и прежние сени. Это, разумеется, произошло не случайно. Перенос названия может происходить вследствие прямой преемственности либо в назначении помещений или строений (так, спальные помещения и в X, и в XVII в. назывались горницами, а приемные — повалушами, хотя между горницами и повалушами X и XVII вв. была значительная разница в устройстве), либо в способе постройки. Первая причина в данном случае не имела места, следовательно, остается вторая. Видимо, переименовав коренным образом свое назначение, сени и в XVI—XVII вв. остались, подобно сеням X—XI в., холодными постройками каркасной конструкции, хорошо освещенными сравнительно большим количеством окон.

Все изложенное здесь позволяет думать, что и в боярских хоромах XI—XIII вв. сени представляли собой обширное холодное и светлое помещение, предназначавшееся главным образом для приема гостей в торжественных случаях. Приведенный выше рассказ летописи об убийстве варягов дает некоторое основание предполагать, что сени дружинников и бояр в X в. бывали совсем отделены от прочих хоромин двора. Но если и существовал такой обычай, то, вероятно, только в начальном периоде древнерусской истории. Имеется свидетельство, показывающее, что позднее боярские сени вошли в общий строй хоромин, составлявших жилой комплекс, тесно примкнув к ним, а на постройку боярских сеней на отшибе даже стали смотреть как на очевидную нелепость. Этим свидетельством является изречение, зафиксированное в сборнике русских пословиц 1749 г.: «Не ставь боярские сени булдырем».¹¹ Булдырем (или болдырем) — значит в стороне, на отшибе (отсюда и другое, вероятно более позднее, значение этого слова — животное или человек, стоящий несколько в стороне от прочих, т. е. имеющий постороннее происхождение или примесь другой крови, иначе говоря, инородец или помесь). Древность этой пословицы ясна из ее содержания — в ней говорится не о сенях XVI—XVII вв., которых никто, разумеется, никак не мог бы построить в стороне от хором, а о сенях той поры, которой мы занимаемся в данной работе. Смысл этого изречения заключается в том, что оно указывает на неразумность и бессмысленность притязаний, не соответствующих реальному

¹¹ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1862, с. 753.

положению человека. Предостерегая от таких действий, поговорка приводит в подтверждение справедливости своей основной мысли конкретную иллюстрацию, которая, конечно, должна была быть для Руси того времени достаточно яркой и для всех понятной. Вполне очевидно, что когда сложилась эта поговорка, то строить сени боярских хором на отшибе было уже не принято. Однако назвать точное время ее возникновения мы не можем.

Обнаруженные в Неревском раскопе остатки боярских хором относятся к середине XI в. Судя по открытой части, для них характерно тесное примыкание срубов один к другому. Это связано и с вполне согласованной ориентацией всех срубов в одном направлении, т. е. со строгой параллельностью их стен. Такая упорядоченность и точность геометрического построения плана комплекса хором едва ли появилась с первых же шагов строительства жилищ феодалов. Вероятно, она выработалась в течение некоторого времени и последовала за более свободной расстановкой срубов. Но, однако, по раскопанным остаткам новгородских хором мы видим, что в XI в. эта особенность построек феодальной знати была уже вполне отчетливо выражена. Как прием, отличающий боярские хоромы от не совсем регулярно поставленных, а иногда и довольно случайно разбросанных построек дворов посадских людей, эта четкость композиции и тесное соединение срубов, как бы сливающихся между собой воедино, должны были распространиться на все составные части жилого комплекса боярского двора. Возможно, что сени уже в XI—XII вв. перестали ставиться «булдырем» и тоже вошли в строй прижатых друг к другу срубов жилого комплекса, а приведенная нами поговорка возникла уже тогда. Но это всего лишь предположение, которое требует еще основательной проверки, прежде всего подтверждения данными археологии.

Приведенная поговорка свидетельствует о том, что компоновка хором в виде единого блока тесно примыкающих друг к другу помещений, заключенных каждое в свой особый сруб, вместе с сенями, присоединенными к общему комплексу жилых помещений, была явлением распространенным, хорошо известным и устойчиво державшимся на протяжении очень долгого времени. Этот прием планировки жилого здания в виде, как мы думаем, довольно близком к первоначальному, повторялся иногда даже в XVII в., что можно подтвердить примером дома Шумиловой в Гороховце¹². Назначение сеней в этом доме совершенно не то, что в домонгольских хоромаш. Здесь это не парадный зал для приемов, а проходное помещение, через которое гости следовали в столовую палату, где пировали за столом, и в потешные палаты, где их развлекали. Однако в этом здании сени расположены совсем не так, как бывало

¹² Тип А. А. Каменные жилые дома XVII—начала XVIII века в Гороховце. В кн.: Памятники культуры, Исследование и реставрация, в. 4. М., 1963, с. 54.

в XVII в., т. е. не между палатами, а примыкают к торцу блока, образованного рядом приставленных одна к другой палат. Сени при этом сильно выступают из габаритов блока. С палатами их соединяет галерея, проходящая по всей длине ряда палат. Все в этой композиции указывает на ее очень давнее происхождение. Из предыдущих глав мы уже знаем, что прием соединения хоромин галереей весьма древен — с ним мы ознакомились уже по массовым жилым постройкам IX—XIII вв., по хоромам богатых посадских людей X—XIII вв. Кархаическим чертам этой постройки относится не только положение сеней сбоку ее, у торца построенных в ряд палат, но также и то, что сени сильно выступают в плане из общего их строя. Последнее было вполне естественно для домонгольских боярских хором с сенями, намного превышавшими обширностью любую из других хоромин, но совсем не логично для жилого здания XVII в., которому вовсе не требовались огромные сени. Вполне возможно, что здесь имело место повторение древней композиции жилого комплекса.

Известно, что в XVI—XVII вв. в боярских хоромаш уже не было сеней в том значении этого слова, которое оно имело в X—XII вв. Сени хором XVI—XVII вв. являлись проходным подсобным помещением, служившим для связи срубов хором. Их, разумеется, можно было использовать и как место для каких-либо домашних дел и увеселения гостей, но то были уже не основные их функции, а дополнительные, даже в какой-то мере случайные. Функцию бывших древних сеней в эти времена уже исполняли повалуши или столовая и потешная горницы. Основным смыслом этого изменения прежде всего в том, что повалуши, как и столовая и потешная хоромины, отличались от прежних сеней тем, что они были теплыми, отапливавшимися помещениями. Судя по тому, что повалуши выделились в отдельные срубы в составе богатых посадских хором уже во второй половине XIII в., а к XV в. появились в великокняжеских хоромаш, можно думать, что в хоромаш бояр они заменили прежние холодные сени только где-то между концом XIII и XV в., т. е. в то время, которое выходит за хронологические пределы данной работы.

Распространенное представление о древнерусском боярском жилище всегда связывает с этим жилищем терем. Однако не существует никаких серьезных оснований, позволяющих думать, что терема входили в состав древнерусских боярских хором.

Летописи упоминают о теремах как принадлежности хором князей под 945 и 980 гг.¹³ Как ни кратки эти упоминания, они позволяют сделать весьма существенные выводы о назначении и характере древнейших русских княжеских теремов. Из них прежде всего видно, что в те времена терем, когда он находился на дворе князя, составлял наиболее видную, можно даже сказать, самую

¹³ Лаврентьевская летопись 945 и 980 гг.

главную (по крайней мере хотя бы в архитектурном отношении) часть двора, так как и сам двор летописец называет теремным.¹⁴ Летописец не забыл упомянуть, что на одном таком дворе терем каменный, в то время как, очевидно, все остальные сооружения двора были деревянными.

Из этих же сообщений явствует, что терем представлял собой отдельное самостоятельное здание. Он, разумеется, мог быть связан с другими хороминами княжеского двора переходами; вероятно, так и было, но все же, вопреки мнению И. Е. Забелина и его последователей, он всегда представлял собой особое здание, а вовсе не часть какой-то иной постройки и уж никак не вышку или бельведер над хорами. Это ясно следует из всего материала о теремах, который мы находим в летописях. В упоминаемом летописью «дворе теремном» терем был единственным каменным сооружением, и уже одно это совершенно исключает мысль о том, что терем мог быть вышкой над хорами.

И. И. Срезневский, толковавший древнерусские термины в соответствии со смыслом подлинных текстов, а не исходя из принятых в его время представлений или из концепций историков архитектуры, считал, что в древности слово «терем» означало «дом». Мы убеждены, что в этом случае, так же как и при объяснении древнейшего значения слова «сени», И. И. Срезневский употребил слово «дом» в смысле отдельной постройки, но не в узком значении этого слова, т. е. не как жилой дом.

В наше время некоторые исследователи тоже считают, что терем был отдельной постройкой.¹⁵

Исходя из того, что терем бывал в те времена каменным, можно уверенно утверждать, что он служил не для жилья, а только как парадное помещение. Это вместе с тем следует и из той роли, которая отводилась ему в ансамбле княжеского двора, ибо трудно предполагать, что доминантой этого двора могла бы являться не парадная, а жилая его часть.

Нельзя не отметить в связи с этим, что с XI в., когда в летописях появились сообщения о сенях как о зданиях, предназначенных для особо важных парадных приемов, терем совершенно перестал упоминаться. Это можно признать в качестве прямого свидетельства того, что терем первоначально был местом официальных приемов и, быть может, подобно сеням, являлся своего рода тронным залом князя. Вспомним здесь, что княгиня Ольга, послав за древлянами, ожидала их появления сидя в тереме. Однако позднее, с расширением состава участников таких приемов, для этой цели, видимо, потребовались несколько иные и более обширные помещения, и ими явились сени. В какой-то мере это

¹⁴ Там же, 980 г.

¹⁵ Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. В кн.: Архитектурное наследство, в. 15. М., 1963, с. 1—17.

подтверждается имевшим место в древности смешением понятий «терем» и «сени», ясно выразившимся, в частности, в повести о Мамаевом побоище, где терем княгини называется также сенями. Сходство между сенями и теремами сказывалось и в назначении, и в том, что и те и другие были подняты на высоту, причем деревянные терема, судя по рисунку терема княгини Ольги в Радзивилловской летописи, подняты на столбах совершенно так же, как древнейшие сени.¹⁶ Изображение терема княгини Ольги несомненно передает, хотя только в основных чертах, характерные особенности этой постройки, так как оно резко отличается от обычных условных изображений зданий на иконах и миниатюрах, в том числе и на рисунках данной летописи. Видимо, это изображение повторило более старый рисунок, сделанный лицом, достаточно определенно представлявшим терема древнейшей поры. Ставились ли когда-либо на столбы терема каменные — мы решать не беремся, но думаем, что едва ли. Технически в то время это было вполне возможно. В X—XIII вв. строители, возводившие княжеские каменные постройки, обладали достаточным опытом в применении арочных и сводчатых перекрытий и умели погашать их распор связями, так что при желании они могли основать второй этаж на столбах, арках и сводах. Но мы думаем, что возможность получить в нижнем этаже каменную палату должна была в те времена в большей степени привлекать заказчика, чем хоть и эффектный, но бесполезный прием установки сооружения на столбах.

В подтверждение этого можно сослаться на остатки терема, раскопанные в черниговском Кремле, и на реконструкцию его, выполненную Н. В. Холостенко.¹⁷ Эту квадратную в плане постройку с одним помещением в нижнем этаже трудно принять за что-либо иное, кроме терема. В то же время при всей гипотетичности реконструкции этого здания, данной Н. В. Холостенко, все же вполне очевидно, что его верхние этажи опирались не на столбы, а на сплошные стены нижнего этажа. То же самое можно сказать и относительно второй постройки, основание которой было открыто там же, которую Н. В. Холостенко, как и первую, считает теремом. Это постройка, более обширная, несколько вытянутая в плане и внизу разделенная на два помещения, совершенно так же, как разделено подпоялушье каменной повалуши

¹⁶ Н. И. Воронин указывал на то, что порой термины «сени» и «терем» применялись в равнозначном смысле; так, теремами назывались башни у западных углов Успенского собора во Владимире, теремом — лестничная башня черниговского Спаса, а сенями — такая же башня боголюбовского комплекса (Воронин Н. И. Жилые, с. 223). Однако так стали называть входы башни только в сравнительно позднее время — XVI—XVIII вв., когда первоначальное значение слов «терем» и «сени» было забыто.

¹⁷ Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в., с. 1—17.

XV в. при хоромах Ашцифоровичей в Новгороде, видимо, представляла собой в верхнем этаже большой приемный зал. Поперечная средняя стена нижнего этажа говорит о том, что строители рассчитывали на очень тяжелую нагрузку пола зала, т. е. на скопление там множества людей. Отсюда можно заключить, что зал, вероятно, служил для торжественных официальных приемов. В X в. для этой цели, очевидно, предназначались терема, но в XI в. их роль, как мы предполагаем, перешла к сеням. Несколько отличная от первого здания компоновка и большая обширность позволяют думать, что это второе здание правильнее все же называть сенями. Быть может, это старейший пример русских каменных сеней. Но, как мы выше говорили, даже люди Древней Руси иногда смешивали понятия «терем» и «сени». Во всяком случае данный пример показывает, что каменные постройки такого назначения в XI в. возводились на нижнем этаже со стенами. Было ли это общим правилом или нет — сказать трудно.

Так или иначе, а древнейший терем был высоким сооружением, если точнее сказать, помещением, поднятым высоко — на второй или даже, как можно думать, иногда на третий этаж. Н. В. Холостенко на основании изучения сохранившихся остатков черниговского терема вывел заключение, что он был трехэтажным. Это вполне правдоподобно. Основная масса срубов, составлявших княжеские хоромы, имела два этажа. И надо думать, что терем — главная, доминирующая постройка двора — должен был возвышаться на этаж выше всех прочих сооружений. Вывод о большой высоте теремного здания можно сделать косвенно из указаний летописи о доминирующем значении терема в ансамбле княжеского двора и прямо из слов русского перевода хроники Георгия Амартола, относящегося к XIII в.: «Обрете дом, яко тером высок».¹⁸ Этот вывод вполне связывается и с тем, что именно терем бывал златоверхим. Украшать позолотой завершение крыши имело смысл именно для высокого сооружения, видимого издалека.

Мы уже упоминали о том, что с XI в., т. е. с того времени, когда, по нашему предположению, на княжеских дворах появились сени и в них стали происходить пиры и собрания избранной верхушки, сообщения о теремах надолго прекратились. С XIV в. они снова появились, но были чрезвычайно редкими, причем характерно, что эти сообщения уже не были связаны с рассказами о каких-либо торжественных собраниях или иных событиях, имевших официальный характер. Повесть о Мамаевом побоище говорит о «набережном тереме» княгини. Под 1487 г. летописи сообщают о постройке палаты «на великого князя дворе, где терем стоял». В 1580 г., по свидетельству Новгород-

¹⁸ Временник Георгия Амартола по списку библиотек гр. А. С. Уварова 1456 г., № 115. Цит. по: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912, с. 952.

ской летописи, в Новгороде на Ярославовом дворище сгорели «три терема». Вполне возможно, что эти последние терема стояли там еще с незапамятных времен, но все же, по-видимому, терема на Русь в XIV—XVII вв. не только продолжали существовать, но и строились, хотя и в редких случаях.

Существенно, что термин «терем» в это время получил довольно большое распространение и гораздо более широкий, чем раньше, смысл — им стали обозначать навесы для водосвятия, а с прибавкой уменьшительного окончания (теремец) — надпрестольные сени¹⁹ и, по всей видимости, другие подобные сооружения, декоративные части зданий, имевшие шатровые или же фигурные завершения, и даже кпотцы. Мы думаем, что «терем великий», который построили, по свидетельству Новгородской летописи, в 1341 г. в Новгороде, не был частью хоромного комплекса, а скорее всего представлял собой навес для торжественного богослужения на открытом воздухе или же другое подобное сооружение. Этому несколько не противоречит эпитет «великий», так как водосвятные теремцы потому и назывались теремцами, а не теремами, что были очень небольшими; постройка такого же назначения, но несколько более крупная по размеру, неизбежно должна была быть названа великой.

Из того немногого, что дают письменные источники XIV—XVII вв. для суждения о теремах указанного времени, мы можем сделать вывод, что назначение их продолжало в какой-то степени сохранять характер, полученный после введения в состав княжеских хором сеней. Терем не являлся помещением, где протекала наиболее интимная жизнь, но он при наличии сеней уже не был и местом официальных торжеств. Он был теперь, так сказать, парадным помещением домашней части хором. В нем князья и княгини сидели за трапезой, но трапезой ежедневной, обыденной, не носившей характера торжественного пира; в нем они проводили время днем, общаясь при этом со своими приближенными, но это было, так сказать, повседневное общение, а не официальные торжества. Повесть о Мамаевом побоище рассказывает, что весть о приближении Мамаея застала великого князя в его «набережном тереме», где он сидел за трапезой и пил чашу во здравие брата своего.²⁰ Она же повествует и о том, что после выступления князя в поход его княгиня «вниде в златоверхий терем в набережный, в свои сени, и сяде под стекольчатым окном». Здесь автор повести подчеркнул, что княгиня вошла «в свои сени», а не князя, а кроме того, называя это помещение теремом, а затем, как бы желая пояснить и уточнить это выражение, добавляет к нему «в свои сени». Отсюда мы можем видеть, что и в конце XVI в., как и 200 лет

¹⁹ Воронин Н. Н. Боголюбровский киворий. КСИИМК, в. XIII, 1946, с. 55—66.

²⁰ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. I. М., 1872, с. 24.

до того, понятия «терем» и «сени» были очень близкими и смешивались.

По-видимому, на женской половине терем и сени было труднее различить, чем на мужской, так как официальные приемы княгини, вероятно, не отличались такой многолюдностью, как у князя.

Наше предположение о назначении и характере использования терема может быть в какой-то мере подтверждено несравненно более полным и определенным материалом, относящимся к XVII в. Как видно из подробного описания, сделанного И. Е. Забелиным на основании изучения подлинных документов XVII в., наиболее торжественные действия и обряды происходили в Грановитой палате, за нею по значению шли средняя Золотая и меньшая Золотая парицыны палаты, затем столовая изба, палаты панихидная или сборная, ответная или посольская и только после них палаты Теремного дворца, где лишь во второй половине XVII в. стали происходить соборы и некоторые другие торжества.²¹ Тогда же в этих палатах стали иногда проводить встречи государя с выборными, послами, духовенством и боярами. Усложнение официальных приемов и увеличение пышности церемониалов царского двора приводили к тому, что все большая площадь царского жилища использовалась для торжественных или деловых собраний; это распространилось в конце концов и на палаты Теремного дворца, но, однако, так и не коснулось самого терема. Собственно терем, как было установлено еще А. А. Потаповым, и в самом конце XVII в. все еще служил «главным образом удобным местом прогулок и для игр царским детям».²² В описаниях, зачастую весьма подробных, богатых хором и дворов, в том числе и боярских, относящихся к XVI, а более — к XVII в., перечисляются самые разнообразные помещения — избы, горницы, клетки, комнаты, повалуши, сени, чердаки, вышки, смотрильные светлицы, гульбища, балконы, чуланы, крыльца и даже задцы и отхожие места, но ни разу не упоминается терем. Это позволяет уверенно говорить о том, что в XVI—XVII вв. терем составлял принадлежность лишь царского жилища, да и то не всякого. И. Е. Забелин в пояснении к плану дворца в с. Коломенском называл некоторые из помещений верхнего яруса теремами, но это явилось его собственным терминологическим домыслом, так как в подлинной описи дворца термин «терем» совершенно отсутствует, а названные И. Е. Забелиным теремами помещения значатся в этой описи как чердаки. То же можно сказать и о Измайловском дворце.²³

Что же дало повод И. Е. Забелину переименовать чердаки в терема? Без сомнения, основанием для этого послужило распро-

²¹ Там же, с. 240—251.

²² Потапов А. А. Очерк древней русской... с. 67.

²³ Забелин И. Е. Домашний быт... с. 17—68.

страненное в XIX в. обыкновение понимать слово «терем» как обозначение вышки дома, т. е. мансарды (или по терминологии XVII в. — чердака), а также светлицы и даже верхней горницы. Начало такому произвольному толкованию этого слова, по-видимому, положили старинные русские свадебные песни. В них с весьма далекого от нас времени самые обыкновенные посадские дворы назывались непременно «широкими», тыны у них «серебряные», подворотни — «резной дорог рыбий зуб», посадские люди, а то и крестьяне именовались «боярами» и «князьями» и в полном соответствии с этим горницы и чердаки, в которых жили посадские «боярыш» и «княгини», — «теремами красными, высокими».

Старинным свадебным песням на Руси свойственно было ярко выраженное стремление опозитизировать окружающую обстановку, возвысить быт простых людей. Мы должны учесть это, оценивая сообщаемые ими сведения, а как основу для суждения о теремах избрать другой источник — вполне достоверные данные подлинных документов.

Применение слова «терем» в старинных русских песнях, однако, не случайно — оно свидетельствует о том, что в глубокой древности княжеские терема производили на русских людей очень сильное впечатление. И это неудивительно, если принять во внимание, что уже при князе Игоре терема возвышались над постройками княжеских дворов, сверкая своими златоверхими покрытиями. Память о сильном впечатлении от таких теремов сохранилась поэтому в народе на весьма долгий срок. При этом представление о них, соответствующее былой реальности, неизбежно должно было искажаться, и с течением времени оно подменилось тем, которое распространяли всем известные, повторявшиеся в течение веков песенные тексты. Понятие о тереме как о месте, где живут боярыни и «девушки красные», перешло не только в былины, сказки, но и в обиходную речь и поговорки, из них и в словарь русского языка (начиная со словаря В. Даля), а потом и в специальные ученые труды. Из работ И. Е. Забелина этому попятно был открыт уже широкий путь во все книги, посвященные русской старине, и в обиходную речь. После этого уже чрезвычайно редко бывало, чтобы автор, писавший о древнерусской жизни или архитектуре, отказал себе в удовольствии упомянуть о боярском тереме.

Интересно, что перемены в понимании значения термина «терем» на этом не прекратились. К началу XX в. слово «терем» для многих стало синонимом слова «дом» в узком смысле — как жилого здания со сложным составом помещений. Иллюстрацией к этому могут послужить слова широко известной в самом начале XX в. псевдопародной песни: «Дивный терем стоит, и хором много в нем, но прекрасней из них в нем хором одна». Такое толкование, быть может, находится в связи с не совсем удачным выражением, примененным И. И. Срезневским при объяснении древнейшего

значения слова «терем» — «дом». Ведь под домом можно понимать не только любое здание, стоящее отдельно от прочих, но скорее именно здание жилое, в его современном нам смысле. В какой-то мере такое заблуждение относительно значения слова «терем» может поддерживаться и тем, что Теремной дворец в Москве состоит из многих помещений, часть которых считается постельными покоями. В действительности, однако, это вовсе не говорит в пользу того, что терем являлся жилым домом — ведь Теремной дворец все же никогда не именовался теремом, а назывался Теремным дворцом. Терем входил в состав его помещений, и он дал название всему дворцу, подобно тому как в более древние времена двор князя Игоря по его терему был назван Теремным двором.

В наши дни толкование слова «терем» в качестве жилого дома нашло место и в представлениях исследователей. Из него уже как из аксиомы исходил Н. В. Холостенко в работе, которая выше упоминалась. Это привело Н. В. Холостенко к признанию, что княжеские терема в основе своей компоновки были аналогичны избам массового типа и в то же время пятистенным домам богатых посадских людей и даже западноевропейским романским жилым домам. При таком толковании слова «терем» человеку, принявшему его, волей-неволей приходится признавать теремами почти все, без исключения, жилые постройки самых различных типов и назначений, что, разумеется, совершенно противоречит действительности.

Как следует из всего приведенного нами материала о теремах, эти постройки возводились только на княжеских, позднее на великокняжеских и царских дворах, и то не всегда, а в состав боярских хором не входили. О справедливости этого утверждения по отношению к XVI—XVII вв. твердо свидетельствуют документальные данные. Для более раннего времени это можно вывести прежде всего из полного отсутствия упоминаний достоверных источников о боярских теремах.

Может показаться странным, что признав обязательной принадлежностью боярских хором сени, мы пришли к мнению об отсутствии теремов при этих хоромах. Ведь, говоря о хоромах княжеских, мы считали сени постройкой более обширной, более вместительной, чем терем, и, казалось бы, поэтому наиболее свойственной богатому и обширному жилищу. Мы предполагали, что первоначально на княжеских дворах в качестве парадных приемных помещений для избранных лиц служили терема и лишь несколько позднее это назначение стали исполнять сени. Почему же тогда на дворах бояр и дружинников, менее богатых, чем княжеские, сени появились ранее, чем на княжеских? Ведь, разумеется, количество почетных гостей, собиравшихся у боярина, значительно уступало числу гостей княжеских. Но все это представляется странным лишь на первый взгляд.

Богатство строения и стоимость его постройки определяются не только его обширностью и вместительностью, а зависят еще и от типа, от способа постройки. Не очень обширные по площади и не слишком вместительные, но высокие и изукрашенные златоверхие терема уже в начальном периоде строились из камня, т. е. представляли собой постройки совершенно особого типа, в корне отличавшиеся от обычных. Судя по некоторым данным, весьма возможно восточное или, быть может, византийское происхождение этого рода построек.²⁴

Если это так, то отсюда, видимо, и следовала исключительная для ранних русских гражданских сооружений пышность в убранстве, применение материалов и способов их использования, необычных для северных стран. Что же касается древнейших сеней, то их мы представляем, как выше уже было сказано, в виде деревянного здания, хотя и обширного, но простой легкой каркасной конструкции. Такая конструкция в северных лесных странах применялась с отдаленнейших времен. Постройки данного типа должны были существовать на самых первых боярских дворах. Мы думаем, что сени строились уже тогда и для князей. На тех княжеских дворах, которые не должны были отличаться особенной пышностью, даже в самый древнейший период сени могли заменять терема. Весьма возможно, что в рассказе псковского летописца о санях княгини Ольги, которые «стоят в Плескове и до сего дне», слово «сани» появилось позднее в результате ошибки переписчика на месте слова «сени», так как для Руси того времени это предполагаемое хранение саней в качестве реликвии выглядит странно, в то время как сени княгини, разумеется, вполне могли просуществовать до времен летописца.

Если относительно существования сеней при боярских хоромах мы имеем прямые указания, причем относящиеся как к югу, так и к северу Руси, то никаких упоминаний о гридницах древнейших боярских хором письменные источники не довели до нас. Однако делать из этого вывод, что гридниц на боярских дворах не существовало, еще нельзя. Отсутствие упоминаний о них может объясняться особыми причинами.

Как известно, княжеские гридницы служили местом пиров и собраний для довольно широкого круга лиц. Представители феодальной знати могли, разумеется, участвовать в этих пирах и собраниях и участвовали в них, но лишь в зависимости от того, насколько это было для них необходимо или желательно. Особенно естественно было такое общение верхушки с массой

²⁴ См.: Иностранцев К. А. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве. ЗОРСА, т. IX, 1913. Г. А. Ильинский считал, что слово «терем» имело славянское происхождение (Ильинский Г. А. Заимствовано ли название терема в славянских языках. Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII, Харьков, 1908).

за пиршественным столом для времен военной демократии. Причем если князь часто восседал за столом гридницы, то логично, что у него было там постоянное место, выделенное особым княжеским сиденьем, т. е. в гриднице имелся княжеский трон. С этим могла быть связана возможность использовать гридницу в качестве тронного зала. Но даже в наиболее древние времена гридница не являлась все же специальным местом сбора только особо избранной верхушки. Если Ибн-Фадлан, рассказывая о тронном зале князя, имел в виду гридницу, то его рассказ говорит и о том, что гридница была местом собрания не только избранной верхушки. По словам Ибн-Фадлана, «под престолом князя в этом зале сидит 400 человек его сподвижников», которые «умирают при его смерти и подвергают себя смерти за него». Едва ли возможно, что эти сподвижники были представителями феодальной знати.

Местом собраний и пиров этой верхушки являлся сначала терем, потом сени. Сама архитектура гридницы и сеней, как видно, отражала коренную разницу в их назначении. Сени, как мы знаем, были высоко подняты на столбах или на нижнем этаже, а гридница стояла прямо на земле.²⁵ Это одно уже придавало сеням доминирующее значение в ансамбле княжеского двора, к чему, без сомнения, прибавлялась еще и большая изукрашенность сеней. Гридница в письменных источниках упоминается только лишь в связи с теми или иными событиями, но никогда как весьма заметная доминанта, как ориентир для определения места, подобно терему или сеням. Разумеется, это в еще большей степени могло относиться к гридницам боярских дворов, более скромных, чем княжеские, и, без сомнения, относилось. Особо важных событий, достойных внесения их в летописи, в боярских гридницах могло не происходить, ведь они должны были служить лишь для челяди. В то же время «гридни белодубовые» боярских дворов не так уж редко упоминаются былинами.²⁶ И совершенно ясно, что эти упоминания отражают реальность, относившуюся не к XVI—XVII вв., так как мы точно знаем, что в эти века никаких гриден в боярских дворах на Руси не существовало, а к X—XIII вв.²⁷

²⁵ Свидетельство Ибн-Фадлана о том, что князь въезжал в гридницу на коно (А. Я. Гаркавич. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах с половины VII в. до конца X в. по Р. Х. СПб., 1870, с. 101).

²⁶ Шамбинаго С. Древнерусское жилище по былинам. (К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса). Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900.

²⁷ С. Шамбинаго пришел к выводу, что в былинах отражено русское жилище в том виде, какой оно приняло в XVI—XVII вв. Однако такой вывод невозможно принять. В действительности в былинах сохранились как элементы описания очень древних жилищ и построек, относящиеся к X—XIII вв., так и поздние наслоения, появившиеся в XVI—XVII вв. При желании эти разновременные слои можно разделить.

Документы, относящиеся к Руси XVI—XVII вв., в том числе и весьма подробные описи, никогда не упоминают о гридницах во дворах частных лиц. В XVI в. гридницы были в Новгороде и Пскове, но только общественные, предназначавшиеся, по-видимому, для сходок и братии, устраивавшихся жителями концов и улиц. Весьма возможно, что некоторые из этих зданий сохранялись тогда в этих городах еще с XIV—XV вв. Однако в землях Древней Руси, отошедших к тому времени к Польше и Литве (на Украине, в Полоцкой и Виленской областях), где в архитектуре жилищ и в XVI—XVII вв. продолжали существовать пережитки глубокой старины, где были в ходу очень архаичные, забытые уже в Московской Руси строения и их названия, на помещичьих дворах строились отдельно стоящие одноэтажные постройки в виде обширных зал, которые служили местом сбора и трапезы челяди, и эти постройки назывались гриднями или гридницами.²⁸

Сказанное выше дает основание предполагать, что на дворах, принадлежавших феодальной знати, в X—XIII в. гридни должны были существовать. Но это строение, служившее для челяди, естественно, не входило в состав комплекса собственно жилых хором хозяина двора. Вероятно, в те времена, как и в XVI в., в сопредельных с Русью польско-литовских землях гридня двора феодала представляла собой одноэтажную постройку, ставившуюся отдельно, поближе к поварне, из которой в нее доставляли

²⁸ «Был там чолом наместник житомирский, пан Дмитр Александрович, и просил в нас места нашего в замку нашем Житомирском, на котором месту хоромы наши, гридница, а светлица с сенями стояла» (Акты литовской метрики. Собраны Ф. П. Леонтовичем. Т. I, в. 2. Варшава, 1896, с. 163 (№ 718, 1505 г.)). В описании двора Черсвяцкого сперва следуют дома, затем подсобные постройки, и в их числе «гридня». В другом дворе, «где наместник мешькает», упоминается «гридня з сенями чорная» (Полоцкая ревизия 1552 г. ЧОИДР, 1905, кн. 2, с. 63). Имение Заборольского, 1566 г. После описания дома следует: «С тех же сеней гридня, в ней стол дубовый, лав вколо чотыри, двери без завесов и без защепок». Перед этим упоминается о том, что перед гридней есть «сень»; на другой стороне двора, при другом доме — «после тое ж коморки гридня зь сенми». Далее описывается «дом великий», а при нем на дворе вблизи кухни «гридня немалая, в ней стол, лав вколо чотыри, сени. В тех же сенях в концу коморки две а дощчок» (Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов. Т. III. Отдел второй. Киев, 1852, с. 1—16). Двор Карасинский. В числе построек упоминаются «гридня и сени рубленые, драгницами покрыто» (там же, с. 44). Двор Поворский. После описания дома следует писание подсобных надворных строений, и в их число сразу же после упоминания кухни названа «гридня» (там же, с. 49). Двор Зубовский, XVI в. Сперва описывается дом со светлицами, затем «гридня великая и с сени, где тивои и рикуня (рикуня — дворовая прислуга, — Ю. С.) живут» (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. I. Вильна, 1867, с. 148). «Фольварок Косовский на Марачовщине», конец XVI в. Среди надворных подсобных построек упоминается «гридня великая с сенми» (там же, с. 207). Имени Войшнаршского, 1606 г.: «От того дому не блиско гридня для

еду для челяди, и входила в состав подсобных построек двора. В данной работе мы не ставили целью изучить постройки этого рода и более на них не будем задерживаться.

О компоновке и оборудовании боярских хором

Некоторую роль в уяснении устройства новгородского боярского жилища может сыграть сравнение его с наиболее богатыми из посадских хором. Мы выше отмечали уже, что посадские хоромы, состоявшие из срубов Б12Б, Б12В, Б12Г, Б12Д, Б12З, отличавшиеся особенной сложностью и обширностью, имели черты, необычные для жилых комплексов, принадлежавших посадским людям, и предполагали, что в этих чертах сказалось влияние приемов боярского строительства. Сравнивая теперь указанные постройки с комплексом, признанным нами боярским, мы можем отметить, что даже в этих посадских хоромых, наиболее близких к боярским, все же не наблюдается очень тесного смыкания отдельных срубов. Хоромы эти по сравнению с боярскими как бы растянулись и расплылись, строй их не особенно строг, одни срубы подались вперед, другие отступили, единой общей линии фасада нет. Ориентация их выдержана, но, однако, не столь строго, как в боярской постройке. В то же время нужно отметить, что повалуша примыкает к хоромам в торце их точно так же, как сени в гороховецких палатах XVII в., и мы думаем, что такое положение приемного помещения было характерным и для домонгольских боярских хором. Все отдельные строения комплекса построек Б12Б, Б12В, Б12Г, Б12Д, Б12З связывались, как мы выше доказывали, наружными галереями и переходами. С галереями, переходами и сенницами мы знакомы теперь уже и по массовым постройкам IX—XIII вв., и по постройкам богатых посадских людей X—XIII вв. Это дает нам достаточно твердую уверенность, что и срубы боярских хором связывались между собой наружными галереями. По богатым посадским постройкам мы можем убедиться уже с полной несомненностью, что боярские хоромы имели два этажа — вывод, который мы могли сделать и несколько выше,

челяди, старал соломою старую крыта, углы вжо погнили, з сенью старую; противно той гриднй пздобка для варива стара» (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. III. Вильна, 1867, с. 66).

Отметим характерные данные, относящиеся к этим гридням: расположение недалеко от кухни (где это отмечено), большие размеры, указание, что гридня служила «для челяди», оборудование гридей столами с лавками вокруг. Все это позволяет думать, что это была своего рода общая столовая для челяди. Случай, когда гридня служила жилищем типу и челяди, по всей вероятности, представлял собой исключение, вызванное какими-то особыми обстоятельствами. Как видно из замечания одной описи (гридня была «черной»), гриднй отапливался печами.

но не с такой уверенностью. Галереи, соединявшие помещения боярских хором, могли быть двухэтажными, как сами хоромы, а могли быть висячими, т. е. идти только по второму этажу на консолях, наконец, могли сочетать те и другие черты (мы это предполагали уже по отношению к комплексу Б12Б, Б12В, Б12Г, Б12Д, Б12З).

Вполне очевидно, что по благоустройству боярское жилище не уступало жилищу посадских людей. Если мы предполагали существование при посадских хоромных комплексах отхожих мест, связанных с галереями, то должны прийти к такому же предположению и относительно хором бояр. Сопоставляя данные о боярских хорах с тем, что было изложено выше о посадском богатом жилище и его эволюции, нельзя не прийти к определенному выводу и об устройстве отопления собственно жилых помещений хором бояр. Происходившее в XIII в. в посадском строительстве отделение спальных помещений, т. е. горниц, от повалуши, перенос их в отдельные самостоятельные срубы, мы связывали с тем, что горницы в богатых посадских жилищах в это время стали отапливаться печами с дымовыми трубами. Невозможно предполагать, будто спальни, обогревавшиеся до того горячей стенкой в верхней части повалуши и совершенно изолированные от копоти и дыма, стали в результате их усовершенствования отапливаться по-черному, а поэтому, считая, что в боярских хорах XI в. спальни располагались в отдельных самостоятельных срубах, мы думаем, что они не могли отапливаться по-черному. Ведь еще в X в. посадские люди не хотели спать в закопченных помещениях и нашли способ избавиться от черной топки в своих спальнях. Хотим мы этого или нет, но неизбежно приходим к заключению, что в X—XI вв. боярские ложницы обогревались печами, имевшими дымовые трубы. Такое признание можно подкрепить и археологическим материалом, относящимся к хоромам феодалов, несмотря на его крайнюю скудность и неполноту. Раскопками Б. А. Рыбакова во Вщиже были раскрыты развалы кирпичных дымовых труб XII в. В обнаруженных Новгородской экспедицией остатках боярских хором не оказалось оснований отдельно стоявших труб (стояков), и из этого можно заключить, что дымовые трубы основывались там на самих печах, составляли их продолжение. Так как в спальнях печи располагались, по всей вероятности, в углу, а не посередине, а временная нагрузка на пол была совсем небольшой, то печь могла ставиться на пол без каких-либо дополнительных балок или стоек, подпирающих его.

Сени боярских хором, как выше говорилось, не отапливались. В то же время в жилищах посадских людей помещение для приема гостей было хотя и закопченным в верхней части, но все же обогреваемым. Однако это еще не позволяет считать хоромы боярина менее благоустроенными, чем дом посадского человека. Такой вывод был бы слишком поспешным. Нужно учесть, что пова-

луша, в которой посадский человек принимал гостей, не являлась помещением, устроенным только для этих приемов. Это было общее жилое помещение семьи, где совершались разного рода домашние дела и где при необходимости собиралась вся семья. В этом отношении к повалуше ближе всего стояла простая мас-совая изба, которая тоже могла служить и местом для стряпни, и мастерской, и местом для приема гостей. А в состав боярских хором, по всей вероятности, входили не только спальни и сени, но и теплые отапливавшиеся помещения, в которых все члены семьи боярина и даже часть челяди могли собираться зимой для домашней трапезы и других дел. Такие общие помещения в боярских хоромаш, надо полагать, назывались просто избами.

Таким образом, если наше последнее предположение справедливо, разница заключалась в том, что у посадского человека его отапливаемое помещение служило на все случаи жизни, было универсальным, а боярин строил, кроме домашнего теплого общего помещения, еще и особый зал, предназначенный только для приемов гостей и отличавшийся особой обширностью, — сени.

Мы предполагали, что повалуша, т. е. отапливаемое помещение для приема гостей, в боярских хоромаш появилась между концом XIII и XV в. Таким образом, получается все же, что в X—XIII вв. гости, пировавшие зимой в посадской повалуше, были на взгляд современного нам человека в лучшем положении, нежели гости боярина в его обширных сенях, защищавших их главным образом от ветра, а не от мороза.

Чтобы правильно судить об этом, необходимо принять во внимание ряд обстоятельств, и прежде всего учесть свойственные тому времени привычки и взгляды на комфорт. Исследователям древнерусской архитектуры хорошо известно, что до XVIII в. отапливавшиеся церкви были на Руси большой редкостью; обычно если печи в них и бывали, то только в трапезных, в тех случаях, когда таковые имелись, да и то в сравнительно позднее время. Мы отмечали здесь уже, что до самого XVIII в. в весьма богатых и удобных каменных палатах, как и в деревянных хоромаш, сени все же всегда бывали холодными, не отапливаемыми, с весьма неплотно притворяющимися дверными полотнищами, пропускавшими мороз и ветер. Материальные возможности людей, по заказу которых строили эти палаты, позволяли им поставить сколько угодно печей в сенях и отапливать их, а также снабдить двери и окна сеней любыми окончинами и затворами, которые не пропускали бы холод. Однако они ничего этого не делали, очевидно, потому, что не чувствовали никакой потребности в этом. Русская знать домонгольской эпохи не то чтобы мирилась с тем, что в ее обширных общих приемных помещениях иногда стоял мороз, а просто не видела в этом какого-либо неудобства для себя, так как это была не баня, где нужно раздеваться донага, и даже не спальня. Заметим здесь, кстати, что в X—XII вв.

и в Западной Европе залы для приемов даже в богатейших из рыцарских замков были в сущности тоже лишены отопления.

Здесь уместно будет вспомнить об обыкновении, существовавшем у богатых и знатных русских людей до XVIII в., — восседать за пировыми столами в верхней одежде, зимой — в шубах и в шапках. И если в XVI—XVII вв. это был уже несколько странный пережиток, то весьма вероятно, что в X—XIII вв. такой обычай имел под собой вполне разумное основание.

И все же, однако, каким бы малосущественным ни казалось русским людям домонгольской поры, что в их пировой хранице стояла почти та же температура, что и на улице, остается тот факт, что помещения, в которых принимали гостей посадские люди, были в некоторых отношениях более комфортабельными, чем сени, в которых пировали гости бояр, и это обстоятельство требует объяснения.

Если придерживаться господствующей в настоящее время точки зрения, согласно которой в основе приемов устройства жилища русских богатых людей — и посадских богачей, и феодальной знати — лежали якобы приемы, выработанные в предшествовавшей народной архитектуре, то подыскать объяснение указанному несоответствию в благоустройстве посадской повалуши и боярских сеней невозможно. Ведь если считать, что русское жилище эволюционировало от простой избы до княжеских хором путем постепенного совершенствования и усложнения прототипа, то приходится признать сени феодалов следующей ступенью развития повалуши богатого посадского жилища, ступенью, более высокой, более усовершенствованной и более поздней.

Однако в действительности, как мы видим, дело обстоит совершенно иначе. Прием устройства помещения для пиров и собраний, высоко поднятого над землей на столбах, не имеет отношения к традициям древнейшего восточнославянского домостроения. Русское народное зодчество не знало построек, подобных сеням и теремам княжеских хором, ни в феодальное, ни в дофеодальное время. Зато, с другой стороны, сооружения, хотя и не полностью аналогичные древнорусским сеням и теремам, но весьма близкие к ним, особенно по общей композиции, встречались и в соседних с Русью, и даже в довольно далеких от нее странах, но составляли там, как, видимо, и на Руси, принадлежность не народной архитектуры, а архитектуры, обслуживавшей феодалов. Терем, по всей вероятности, пришел к нам с востока, что же касается построек типа гридниц и сеней, то они, по крайней мере деревянные, были распространены на западе. Среди вышивок знаменитого ковра из Байо, в общем весьма реалистических, имеется изображение пира у Гаральда, происходящего в сооружении, высоко поднятом на столбах, с ведущей наверх лестницей и шатровой крышей, покрытой чешуйчатой кровлей. Архитектурная идея этого сооружения чрезвычайно близка идее

древнерусских княжеских сеней. Весьма похожее по замыслу сооружение парисовано в византийской рукописи Иоанна Скилицы. Там византийский император тоже пирует в помещении, высоко поднятом на столбах, а слуги приносят угощение, поднимаясь по наружному крыльцу. Эти византийские «сени» в отличие от «сеней» англосаксов построены из камня.

Жилища феодалов на Руси уже в рассматриваемое нами время, по-видимому, резко отличались от народных жилищ не только более богатой обработкой, большей сложностью форм и композиционных приемов, но и происхождением некоторых из приемов устройства.

Совершенно иным было происхождение приемов компоновки богатого посадского жилища. Хотя мы и подчеркивали неоднократно большую разницу между богатым посадским жилищем и избой массового типа, тем не менее не могли не заметить в посадском доме-пятистенке черт, показывающих, что по сути дела этот дом представлял собой результат усовершенствования обычной массовой избы (типа I по нашей классификации).

Упрощая для краткости изложения этот вопрос, скажем, что горницы богатого пятистенного дома — это в конце концов видоизмененные полати простой избы, изолированные от дыма и копоти и комфортабельно оборудованные. Рассуждая теоретически, нетрудно было бы представить переходные стадии от обычной избы с полами к пятистенному дому; например, избу с полами, расположенными не над самой печью, а за нею, в специальном отделении избы, избу с полами такого же вида, опирающимися на столб, отделяющий отсек за печью, наконец, избу с полами, отделенными от избы стенкой. Но мы думаем, что едва ли в реальной действительности имели место постепенные переходы по этим теоретически мыслимым ступеням. Усовершенствованное решение было найдено, вероятно, сразу же, как только в нем возникла необходимость. Однако в основе его бесспорно лежало развитие простой избы.

Материалы раскопок свидетельствуют, что богатые посадские дома-пятистенки существовали на Руси уже в X в. В то же время анализ компоновки комплексов богатых посадских домов, проведенный в разделе, посвященном эволюции жилищ этого типа, показал, что в X в. в Новгороде приемы компоновки домов-пятистенок находились еще только в начальной стадии, довольно примитивной, и лишь в XI—XII вв. они стали более совершенными как с функциональной, так и с художественной стороны. Этот факт говорит, что появление пятистенных домов, т. е. богатого посадского жилища, можно относить только лишь к X в. или самое дальнее — к концу IX в. Происхождение же сеней, как мы предполагаем, уходит в гораздо более древние времена, и этим можно объяснить сравнительную архаичность домопольских деревянных сеней, выразившуюся, в частности, в том, что

они были холодными. Так как в Древней Руси вообще привыкли к тому, что помещения и здания для собраний и пиров не отапливались, не видели в этом неудобства, то прошло немало времени, прежде чем эти холодные залы сменились теплыми помещениями вначале в жилищах великих князей, потом в жилищах менее высокопоставленных феодалов.

Все изложенные здесь выводы о составных частях боярских хором, компоновке их комплексов и благоустройстве мы не можем считать полными и окончательными, ибо они построены на недостаточном археологическом материале.

Г. Гипотетическая реконструкция боярских хором, обнаруженных в Неревском конце

Найденные в Новгороде остатки боярских хором оказались раскрытыми не полностью. Поэтому пока нельзя дать вполне определенную графическую реконструкцию их. Однако сведения, относящиеся вообще к боярским хоромам домонгольского вре-

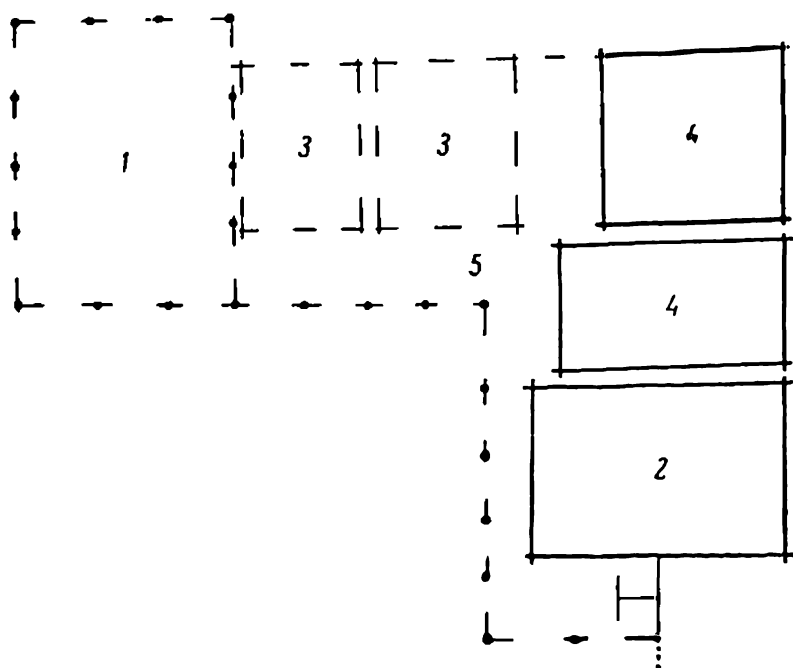

Рис. 108. Хоромы в ярусе 23. Гипотетическая предварительная реконструкция. Предполагаемая схема плана.

1 — сени; 2 — изба; 3 — зимняя ложница; 4 — летняя ложница; 5 — галерея.

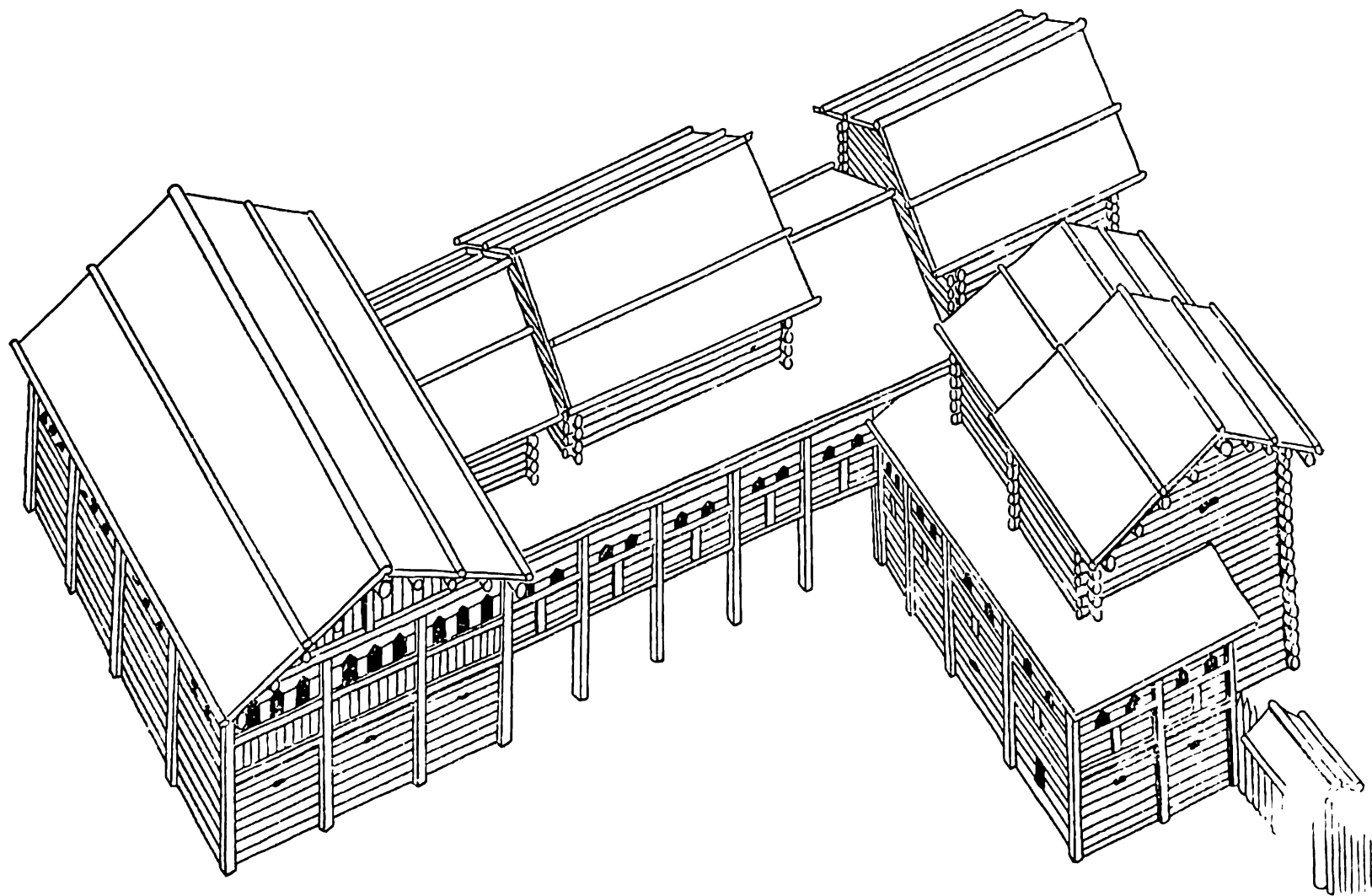

Рис. 109. Хоромы в ярусе 23. Гипотетическая реконструкция. Общий вид (схема).

мени, изложенные нами выше, дали возможность выполнить эскизную предварительную гипотетическую реконструкцию хором из Неревского раскопа, в которой недостающая часть их дополнена на основании общих соображений (рис. 108 и 109). Разумеется, эта реконструкция может быть только схематической, так же как приведенные ранее реконструкции посадских хором.

Такая предварительная реконструкция дает представление о наиболее общих, но все же весьма существенных особенностях здания. Показать ее необходимо потому, что эти черты довольно ощутимо расходятся со сложившимися уже представлениями. Нам всем, привыкшим представлять боярские хоромы в виде сложного конгломерата причудливо разбросанных хоромин (по И. Е. Забелину), связанных между собой длинными переходами, с постепенно возникавшими пристройками и надстройками, реконструкция хором в виде весьма компактной, одновременно созданной группы слитых в единый объем строений кажется неожиданной и даже странной. Но, однако, эта реконструкция не является результатом теоретических построений или же перенесения в глубь веков данных, относящихся к более поздним временам. В главных чертах она основана все же на том же фундаменте, на котором мы строили всю свою работу, — на материале археологических раскопок, интерпретируемых с помощью первоисточников. В этих данных не оказалось ничего, что могло бы подтвердить мысль о сложности построения плана и раздробленности объемов боярских хором X—XIII вв.

В той части нашей работы, которая была посвящена богатому посадскому жилищу, мы показали, что развитие компоновки комплексов хором и дворцов посадских богачей шло по пути поисков все большей живописности. Это достигалось усложнением распределения света и тени, в частности все более живописной расстановкой зданий. Можно заключить из этого, что в русской гражданской архитектуре X—XIII вв. живописность компоновки, сочетание разнообразных объемов, сложный силуэт, контраст светотени, цвета и фактуры играли важнейшую роль и все более развивались из века в век. Может показаться, на первый взгляд, что наша реконструкция боярских хором XI в. как единого, довольно компактного комплекса противоречит этому выводу, имеющему, очевидно, отношение к архитектуре не только посадских жилищ. Однако это вовсе не так. Группе хоромных строений боярского жилища, хотя и очень тесно сжатых, могли придавать живописность крыши отдельных ее частей, расположенные на разной высоте, дающие богатую светотень и усложняющие силуэт, галереи разного устройства, т. е. двухэтажные и висячие, на столбах и на консолях, разная фактура стен — сопоставление стен рубленых и каркасных, забранных тесом тем или иным способом, наконец, декоративная обработка. Вспомним здесь о резном столбе галереи богатого посадского

жилища с позолоченными деталями и высказанное нами предположение о применении росписи в наружном декоре хором. При этом пужно учитывать также то весьма важное обстоятельство, что это далеко не все, в чем строитель боярского двора мог проявить свои способности к живописной компоновке. Ведь жилые хозяйские хоромы были не единовременным зданием, стоявшим на дворе.

Несмотря на то что нижние этажи боярских хором имели ряд помещений, использовавшихся, вероятно, как клетки и иного рода хранилища, все же на дворе боярина должно было быть немало и отдельно стоявших подсобных строений, во всяком случае гораздо больше, чем у самого богатого посадского человека. Поварни, пивоварни, баня, амбары, сушила, погреба и ледники, избы челяди и другие дворовые строения, скомпонованные на площади боярского двора, могли придать ему живописность во всей той мере, в какой это считалось тогда нужным. И важно при этом не забыть о том, что во всем обширном и, быть может, в целом даже сложном скоплении строений, образующих двор боярина, его собственное жилище непременно должно было занимать достаточно ярко выраженное место доминанты, а именно это и достигалось компактностью его компоновки, благодаря которой оно получало вид как бы единого здания, несравненно более крупного, чем все остальные.

Таково то представление о боярских хорамах XI в., которое сложилось у нас на основании осмысления остатков, обнаруженных в Новгороде. Оно настолько общее, что его можно отнести не только к Новгороду, но и ко всей Древней Руси. В то же время мы не сомневаемся, что в разных землях Руси и даже в разных городах ее северо-западной части в архитектуре боярских жилищ существовали местные особенности. Они могли относиться к способам декорировки зданий и даже в какой-то мере к приемам их компоновки. Мы должны здесь указать также и на то, что в течение X—XIII вв. приемы устройства этих жилищ не могли оставаться неизменными.

Получить конкретные данные обо всем этом суждено не нам, а будущим исследователям, в распоряжении которых окажутся несравненно более обширные архитектурно-археологические материалы.

Замечания о находках, имеющих отношение к вопросу о княжеском жилище

О древнерусском княжеском жилище пока что мы вынуждены судить главным образом по письменным источникам и в гораздо меньшей степени по археологическим данным. Произведения древнерусской литературы, в частности летописи, дающие вполне

достоверный и точный материал, содержат такие сведения о составе построек княжеских дворов, которые хотя и не являются исчерпывающими для всего комплекса, но, по-видимому, полны или почти полны по отношению к его главным частям — приемным парадным строениям и отчасти собственно жилым.

В русских летописях упоминаются терема,²⁹ гридницы,³⁰ сени,³¹ ложницы,³² истобки³³ и даже медужи,³⁴ скотницы (кладовые для ценностей)³⁵ и бани.³⁶ Не обойдено молчаньем и существование «столпов восходных»³⁷ и переходов.³⁸

Письменные источники в совокупности с теми крайне скудными указаниями, которые можно извлечь из древнейшей основы, сохранившейся в русских былинах, могут помочь представить некоторые особенности устройства и отделки таких построек княжеского двора, как терема, гридницы и сени, однако полного представления ни об одной из них они не дают. В этих источниках содержатся и некоторые намеки на приемы компоновки комплексов княжеских дворов и хором, но они либо касаются отдельных частных случаев (например, упоминания о переходах), либо содержат обобщенные описания целого, из которых можно извлечь лишь суммарную характеристику основных архитектурно-художественных принципов их композиции.

Порой это очень выразительные описания того впечатления, которое производили княжеские дворы, но в них нет конкретных данных о составе и взаимном расположении построек и о их деталях. Из них можно извлечь только то, что комплекс двора был сложным, состоял из многих зданий, расположенных в разных его сторонах, разнообразных и живописно скомпонованных.³⁹

Таким образом, хотя письменные источники дают чрезвычайно важные сведения, необходимые для исследователя древнерусского княжеского жилища, все же сами по себе, без архитектурно-археологического материала, они не позволяют вполне ясно и с до-

²⁹ Лаврентьевская летопись 945 и 980 гг.

³⁰ Там же. 968 г.; Ипатьевская летопись 1097 г.

³¹ Ипатьевская летопись 1150 г. (как помещение для пиров); 1145 г. (как место обещания князей).

³² Там же. 1174 г.

³³ Там же. 1097 и 1102 гг.

³⁴ Там же. 997 и 1074 гг.

³⁵ Там же. 968 г.

³⁶ Лаврентьевская летопись 945 г.

³⁷ Ипатьевская летопись 1074 г.

³⁸ Лаврентьевская летопись 1015 г.

³⁹ Приведем здесь одно из таких описаний, содержащееся в литературном памятнике XIII в.: «Яко же смърд и нищ человек и странен пришед издалеча к прыворам княжа двора и. видев я, дивится, и, приступив к вратам, чухнется, выпрашая и, внутрь вшед, видить на обе стране храмы стояща украшени каменнем и древом испсаны» (Калайдович К. Имен Якуба Болгарский. М., 1824; Porre A. Materialy do słownika terminów budownictwa staroruskiego X—XV w. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1952, p. 66).

статочной полнотой описать комплекс княжеского двора в целом и его отдельные части.

В то же время и архитектурно-археологический материал, относящийся к этим комплексам, пока что недостаточен для того, чтобы с его помощью можно было составить вполне отчетливое представление об этих дворах и заполнявших их постройках. К такому материалу можно отнести те остатки оснований нецерковных каменных зданий, которые были открыты в разное время в Киеве и которые позволяют высказывать некоторые предположения и догадки о характере парадных приемных помещений, принадлежавших киевским князьям;⁴⁰ «всходной столп» и части оснований переходов и сеней княжеского двора в Боголюбове;⁴¹ основания каменных приемных сооружений княжеского двора в Чернигове;⁴² быть может, те несколько загадочные для нас пока остатки обширной постройки, которые были открыты раскопками Б. А. Рыбакова во Вщиже.⁴³

На территории Северо-Западной Руси остатки построек княжеского двора домонгольской эпохи были найдены только лишь в Новгороде, на Ярославовом дворце, при раскопках 1948 г.⁴⁴ Вот как пишет об этой чрезвычайно интересной находке А. В. Арциховский: «В четвертом слое в северо-восточной части раскопа вскрылась стена большого деревянного сооружения, значительно превышавшего размеры всех открытых в Новгороде срубов. Стена вошла в раскоп не целиком; длина вскрытой части 17 м. Сооружение это делится в пределах раскопа на три прирубленных один к другому сруба. От стены сохранилось местами до четырех венцов. Судя по стратиграфии и местоположению, это деревянная часть двора, построенного Ярославом Мудрым и упоминаемого в летописи (XI в.)».⁴⁵ К этому нужно добавить, что данная постройка находилась на вершине холма, в то время как в низине были следы многих мелких срубов XI в. и более древних.

В более ранней статье А. В. Арциховский высказывал предположение, что это были остатки зданий, где помещались «канцелярские правительственные учреждения».⁴⁶ Однако он в скором времени отказался от этой мысли, так как она явно неубедительна.

⁴⁰ Сводку данных об этих остатках см.: Каргер М. К. Древний Киев, с. 59—77.

⁴¹ Наиболее полные последние данные: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. I. М., 1961, с. 229—251.

⁴² Холостенко И. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. В кн.: Архитектурное наследство, в. 15. М., 1963, с. 1—17.

⁴³ Рыбаков Б. А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953.

⁴⁴ Арциховский А. В. 1) Новгородская экспедиция. КСИИМК, в. XXVII, 1949; 2) Раскопки в Новгороде. КСИИМК, в. XXXIII, 1950, с. 3—16.

⁴⁵ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде, с. 7.

⁴⁶ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция, с. 113.

Замечание А. В. Ардиховского, что данную постройку нельзя считать жилой, очевидно, подсказано тем, что в открытых ее основаниях не оказалось следов печей. Но из этого следует сделать несколько иной, более ограниченный вывод — нижний этаж не отапливался, верхний же, возможно, отапливался и имел печи, но при разборке остатки печей могли быть выброшены или вынесены за пределы стен постройки. Отсутствие следов печей в остатках нижнего этажа говорит о том, что он был подклетным этажом, а остальные помещения находились над ним.

Можно ли предполагать, что это были парадные приемные помещения? Мы считаем, что нельзя. Во-первых, размеры отдельных срубов, сблокированных в этом сооружении, недостаточны для того, чтобы в них могли размещаться терема или сени; во-вторых, письменный материал, относящийся к княжеским дворам (отчасти он использован нами в предыдущем разделе), свидетельствует о том, что такие здания, как терема и сени, возводились конструктивно независимыми от прочих построек двора, не приставлялись к ним или друг к другу вплотную и тем более не ставились на единое основание, как то было в данном случае. Они соединялись между собой, как и с церковью, с одной стороны, и с покоевыми помещениями — с другой, переходами, которые, судя по известному нам летописному и археологическому материалу, при деревянном строении бывали висячими, а при каменном — поднятыми на своды.

Можно отметить еще, что, как выше мы заключили, сени были постройкой каркасной, а не рубленой из горизонтальных бревенчатых венцов, а, судя по изображению терема княгини Ольги в Кенигсбергской летописи, такими же были и деревянные терема.

У нас есть гораздо более основательные причины (особенно после того, как мы ознакомились с компоновкой новгородских боярских хором XI в.) предполагать, что сооружение XI в., остатки которого были вскрыты на Ярославовом дворище, представляло собой группу (точнее говоря — часть группы) покоевых помещений княжеских хором. Такую компоновку этой части построек княжеского двора нельзя не признать вполне естественной. Прежде всего она вызывалась практическими, бытовыми соображениями. Объединение покоевых помещений в одну группу создавало удобства, которые настолько ясны, что не требуют их перечисления и оценок. С другой стороны, оно отвечало и требованиям архитектурно-художественным. Хотя покоевая часть несомненно не представляла собой главной доминанты двора — в этом отношении она должна была уступить первенство зданиям, предназначенным для пиров, приемов и официальных церемоний, все же среди остальных строений двора ее нужно было поставить на достойное место. Этого можно было достичь, только соединив покоевые помещения в единую группу. Просторные и, видимо, довольно многочисленные летние и зимние ложницы и соединяю-

щие их переходы и галереи, будучи скомпонованными воедино, могли занять видное место даже рядом с самыми крупными и импозантными парадными строениями. К сожалению, эта часть в раскопках Ярославова дворища не была раскрыта полностью, и поэтому мы лишены возможности представить ее даже приблизительно и дать ее реконструкцию. Тем не менее, рассматривая обнаруженную часть покоевых хором, можно сделать некоторые выводы, относящиеся к характеру ее компоновки. Срубы ее примыкают один к другому, располагаясь в один ряд по пря-

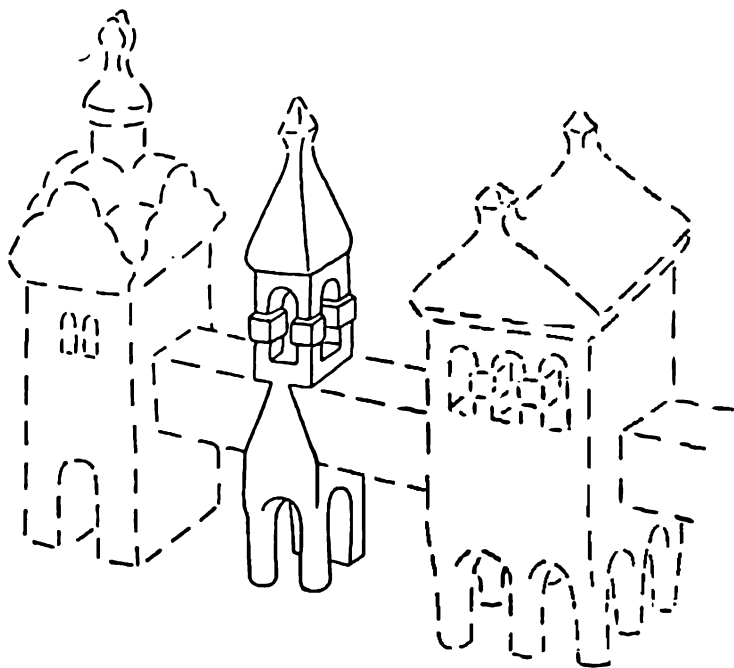

Рис. 110. Предполагаемое первоначальное положение модели здания (рубеж X—XI вв.).

мой линии, и даже связаны единым основанием, т. е. образуют в общем единый параллелепипед. Можно допустить предположение, что если этих срубов было много, то их линия могла в углу двора (как у боярских хором, описанных в предыдущем разделе) быть согнута под углом. Однако такое предположение имеет весьма малую степень вероятности, так как при обширности княжеских дворов необходимость сокращать протяженность блока покоевых помещений, ломая их линию под углом, могла возникать гораздо реже, чем в несравненно менее обширных городских дворах бояр.

Очень существенно, что, судя по открытой части покоевого комплекса, срубы его, вытягиваясь в один ряд, по всей видимости, нигде не компоновались в более сложные сочетания, не располагались группами, имевшими не только протяженность, но и глубину. В этом коренное отличие компоновки этих хором от богатых хором XVII в., таких, например, как Коломенский дворец. По-

следний если и сохранил в приемах компоновки какие-то черты домонгольских княжеских дворцов, то, как видно, в то же время во многом весьма существенно отличался от своих древних предшественников. Одним из таких отличий была значительно более компактная компоновка групп его построек, в которых срубы располагались часто в несколько рядов, один за другим, иногда в довольно сложной расстановке.

Интересной находкой, имеющей косвенное отношение к вопросу о княжеском жилище, является модель здания, обнаруженная в слоях, которые позволяют датировать этот предмет рубежом X—XI вв. (рис. 110). Иногда ее называют моделью терема. Эта модель, несомненно отражающая нечто реально существовавшее в те времена в Новгороде или же в ином городе Руси, имеет, однако, одну особенность, которая определенно не относится к постройке, представленной моделью, и требует особого объяснения. Мы говорим о боковых вырезах, сделанных на модели между изображениями первого и второго этажей. Совершенно невероятно, чтобы эти углубления воспроизводили реальную черту сооружения. Такой перехват между первым и вторым этажами был бы ничем не оправданной бессмыслицей даже в том случае, если бы его (в деревянной конструкции) и удалось осуществить, применив для этого большие усилия и ухищрения. Объяснить эти вырезы можно лишь тем, что найденный предмет есть часть модели, изображавшей комплекс зданий, связанных между собой переходами. В таком случае вырезы могли служить для соединения между собой ее частей, т. е. в них могли вставляться и укрепляться (например, при помощи клея) изображения переходов, располагавшихся между изображениями отдельных зданий. Последние при этом могли вставляться в доску, служившую общим основанием для всей модели в целом. Если рассматривать эту находку таким образом, то ее можно признать только лишь частью модели княжеского двора. Какое же из зданий она передает? По нашему мнению, это изображение не терема, не сеней и, конечно, не какого-либо из покоевых помещений, а «всходного столпа», подобного по замыслу лестничной башне княжеского двора в Боголюбове, и притом, по всей вероятности, не каменного, а деревянного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всей нашей работы видно, как много еще нужно сделать для того, чтобы получить о жилищах Северо-Западной Руси X—XIII вв. сколько-нибудь законченное и вместе с тем отвечающее реальной действительности представление. Внимательный читатель должен был заметить, какое множество вопросов не разрешено нами даже в отношении рядового массового и богатого посадского новгородского жилища, хотя по этим типам жилищ мы располагаем наиболее обильным архитектурно-археологическим материалом. Еще более смутно вырисовывается перед нами боярское и княжеское жилище. Наше исследование коснулось в сущности лишь некоторых пунктов на избранной нами обширной территории, причем вопрос об областных особенностях жилищ остался не только не разрешенным, но почти незатронутым. Если учесть, что мы пытались подойти только к вопросам реконструкции жилищ, т. е. приблизиться лишь к представлению о том, как выглядели эти жилища, совершенно не вдаваясь в исследование истоков происхождения различных приемов их устройств, станет ясно, какие обширные и трудные задачи стоят еще перед исследователями домонгольского жилища северо-запада Руси (как и всей Руси в целом).

Еще не скоро и только лишь шаг за шагом будут проясняться неразгаданные вопросы, касающиеся этой темы. На пути к будущему сводному монументальному труду, который широко охватит историю древнерусского жилища и осветит должным образом ее наиболее важные частности, еще должна быть проделана огромная и многосторонняя работа. Наилучшим началом ее была бы серия углубленных исследований регионального характера, т. е. посвященных жилищам отдельных земель и районов Руси.

Ведущая роль в этой будущей работе должна принадлежать накоплению археологических данных. Только археология может внести в науку новый материал, необходимый исследователям древнерусского жилища. Для этого имеются весьма значительные неиспользованные возможности в виде мало затронутых, а местами еще и совсем не потревоженных многовековых напластований, отложившихся на местах древнерусских поселений, больших и малых.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЗОРСА -- Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
- ЗРАО -- Записки Русского археологического общества. СПб.
- ИКДР -- История культуры Древней Руси. М.—Л.
- МАМЮ -- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.
- МИА -- Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
- ПСРЛ -- Полное собрание русских летописей.
- РИБ -- Русская историческая библиотека.
- СА -- Советская археология. М.
- ТИИЕТ -- Труды Института истории естествознания и техники Академии наук СССР. М.
- ТИЭ -- Труды Института этнографии Академии наук СССР. М.—Л.
- ТМАО -- Труды Московского археологического общества. М.
- ТПАО -- Труды Исковского археологического общества.
- ЧОИДР -- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
- ЦГВИА -- Центральный государственный военно-исторический архив.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	3
От автора	5
Массовое жилище IX—XIII вв. (по данным раскопок на территории северо-запада Руси)	18
Жилища Ладоги VIII—IX вв.	18
Массовые жилища Ладоги X в.	33
Массовые посадские жилища Новгорода XI—XIII вв. (по материалам Неревского раскопа)	61
Некоторые данные о жилищах Торонца XII—XIII вв.	90
Богатое посадское жилище X—XIII вв. (по материалам раскопок Неревского конца древнего Новгорода)	95
Общая компоновка и названия помещений	96
Внутреннее оборудование и убранство	136
Наружные дополнительные части	159
Эволюция	182
Некоторые замечания о постройках промежуточного характера	229
Боярское и княжеское жилище (по данным новгородских раскопок)	231
Общие данные об остатках боярских хором XI в., открытых в Неревском раскопе	231
О составе и названиях помещений боярских хором X—XIII вв.	235
О компоновке и оборудовании боярских хором	259
Гипотетическая реконструкция боярских хором, обнаруженных в Неревском конце	264
Замечания о находках, имеющих отношение к вопросу о княжеском жилище	267
Заключение	273
Список сокращений	274

Юрий Павлович Снегальский

**ЖИЛИЩЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ
IX — XIII вв.**

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *М. И. Разудевич*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Ж. Д. Андропова,*
В. В. Аствацатурова и Э. В. Новаленко

Сдано в набор 4/VI 1972 г. Подписано к печати 26/IX 1972 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 17¹/₄=17.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.05.
Изд. № 4921. Тип. зак. № 1147. М-51039. Бумага № 2. Тираж 1500. Цена 1 р. 32 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

17.327.